

ՄԵՐՁԱՎՈՐԵՎ ՄԻՋԻՆ
ԱՐԵՎԵԼԻՔԻ
ԵՐԿՐՆԵՐ
ԵՎ
ԺՈՂՈՎՈՐԴՆԵՐ

XII

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СТРАНЫ и НАРОДЫ
БЛИЖНЕГО
и
СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

XII

ТУРЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1985

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՑ

ՄԵՐՁԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ
ԱՐԵՎԵԼԷՔԻ
ԵՐԿՐՆԵՐ
ԵՎ
ԺՈՂՈՎՈՒՐՂՆԵՐ

XII

ԹՈՒՐԺԻԱ

Խ Մ Ր ա գ ր ա կ ա ն կ ա լ ի գ ի տ

Գ. Խ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ (նախագահ), Լ. Գ. ԻՆՃԻԿՅԱՆ (նախագահի տեղակալ)
Ե. Կ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ, Ն. Լ. ԼՈՎԶՆԱԻՍՅԱՆ, Լ. Մ. ՆՊԱՆՅԱՆ, Ե. Խ. ՄԷՈՏԻ,
Թ. Գ. ՍԱԼՅԱՅԱՆ

Հասարակական գիտությունների
Ե. Կ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

Գրքի հրատարակության են հրաշխավորել փոփոխներ՝ պատմական գիտ. դպրատան
Ն. Լ. ԼՈՎԶՆԱԻՍՅԱՆԸ, պատմական գիտ. թիվերում՝ Լ. Խ. ՔՈՓՈՒՅՅԱՆԸ

Редакционная коллегия:

Г. Х. САРКИСЯН (председатель), О. Г. ИНДЖИКЯН (зам. председателя)
Е. К. САРКИСЯН, Н. О. ОГАНЕСЯН, Г. М. ЕГАНЫН, Ш. Х. МГОМ,
Р. Г. СААКЯН

Ответственный редактор тома
Е. К. САРКИСЯН

THE COUNTRIES AND PEOPLES OF THE NEAR AND MIDDLE EAST
XII
TURKEY

Publishing House of the Academy of Sciences
of the Armenian SSR
Yerevan—1985

Մ 0564000000
703(02)—85 30—82

© Հայկական ՄԱԸ ԳԱ հրատարակչություն, 1985

говора. Так, во время встречи министров иностранных дел трех стран в Кэ д'Орсэ 22 марта 1922 г. Пуанкаре указывал на «большие затруднения», которые могли бы возникнуть: «Было бы настоящей катастрофой для каждой из трех держав с такими обширными мусульманскими интересами, если бы им не удалось привести турок к заключению мира»³.

Вместе с тем Франция пыталась разыграть и антисоветскую карту. Выступив вторично на упомянутой встрече, Пуанкаре «напомнил», что «при всех случаях, в наших общих интересах сохранить спокойствие и порядок во всем исламском мире, который большевики пытаются растрезвожить»⁴. В то же время французы стремились оказать помощь анкарскому правительству путем тайной передачи ему военного снаряжения. В связи с такой «недружелюбной» акцией своей союзницы, Керзон послал Гардингу копию телеграммы британского верховного комиссара в Багдаде государственному секретарю по делам колоний, в которой, в частности, говорилось: «Такая акция была бы не только прямым нарушением политики нейтралитета главных союзников по отношению к греко-кемалистскому конфликту, но она была бы также несовместима с видимостью союзнического сотрудничества и взаимопонимания между Францией и Великобританией на Ближнем Востоке»⁵.

Пуанкаре начисто отверг эти слухи, заявив, что они «абсолютно необоснованны». Более того, он указал английскому послу, что подобный шаг «был бы самоубийственным для их же собственных интересов, так как очевидно, что любое оружие, использованное против англичан в Месопотамии, может быть в конце концов использовано против самих французов в Сирии»⁶.

После взятия Измира, 20 сентября было созвано совещание в Кэ д'Орсэ между председателем совета министров Пуанкаре и британским государственным секретарем по иностранным делам Керзоном, на котором присутствовали также Лярош и Массигли (Франция), Гардинг и Форбс Адам (Великобритания)⁷. Пуанкаре зачитал телеграмму, полученную от генерала Пелле из Смирны, в которой последний сообщал о своей беседе с Кемалем. Пелле «побуждал Кемалья не злоупотреблять своей победой (над греками.—Р. С.) и показать Европе, что турецкое государство, во главе которого он находится, является современным цивилизованным организмом». А Мустафа Кемаль, уверяя Францию в своей дружбе и своем желании избежать конфликта с союзниками (т. е. с державами Антанты.—Р. С.), в то же время заявил, что он «сейчас не может удержать свои войска от оккупации всех территорий, охваченных в Национальном обете»⁸. Исходя из этого, Пуанкаре внушал необходимость скорейшего созыва мирной конференции. Он не забыл еще раз напомнить о том, что «Франция—мусульман-

ская держава и не может пренебречь той серьезной обстановкой, которая создалась во всех ее мусульманских колониях». При этом Пуанкаре сослался на телеграмму из Туниса, в которой сообщалось, что в связи с победой турок М. Кемалю было направлено множество поздравительных телеграмм⁹.

В эти же дни чрезвычайно активную деятельность развернул подписавший Анкарский договор 1921 г. Анри Франклен-Буйон, который из Парижа отправил телеграмму М. Кемалю, советуя ему ничего не предпринимать до его приезда в Измир¹⁰. В то же время французское правительство заверяло, что Франклен-Буйон не уполномочен предлагать какие-либо дополнительные условия¹¹.

О содержании бесед Франклен-Буйона с Кемалем мы узнаем из донесения, в котором Рембольд, ссылаясь на генерала Гаррингтона, сообщал Керзону, что «он (Франклен-Буйон.—Р. Г.) представил позицию союзных правительств с такой стороны, что поощрил националистов с их претензиями». А еще до этого Рембольд отмечал: «Из одного хорошо информированного источника я узнал, что он (Франклен-Буйон.—Р. С.) обязался, что Франция окажет на конференции поддержку в деле полной реализации Национального пакта, включая полную отмену капитуляций, которые задевают здесь французские интересы, принимая во внимание большие суммы вложенного капитала, точно так же, как и британские»¹². И не случайно, что во время переговоров в Мудании, которые начались 3 октября 1922 г., турецкие представители, «втайне поддерживаемые французами»¹³, заняли очень твердую и неуступчивую позицию и отвергли крайне требования английских делегатов.

Новую активность проявила французская дипломатия и после подписания 11 октября Муданийского перемирия. Не случайно, что турки приняли приглашение направить своих представителей на мирную конференцию «после того, как Франклен-Буйон заверил их, что мирные переговоры начнутся немедленно»¹⁴. Французские дипломаты продолжали поддерживать свои особые, «внесоюзнические» контакты с турецкими коллегами. Франклен-Буйон даже обещал туркам, что именно он будет представлять Францию на предстоящей конференции. Узнав об этом, и хорошо зная о явных туркофильских настроениях Франклен-Буйона, Керзон сделал все возможное, чтобы последний не поехал в Лозанну¹⁵.

Вместе с тем до открытия конференции Франция демонстрировала свою солидарность и единство с ближайшей союзницей—Англией. «Абсолютно важно,—говорил Пуанкаре,—чтобы правительство Его Величества и французское правительство сохранили единый фронт во всех вопросах перед лицом невыносимых требований турок»¹⁶. В то же время Пуанкаре торопил англичан с открытием конференции, предупреждая, что «всякая отсрочка может вызвать катастрофу»¹⁷.

Профессор Соннел признает, что турки знали, что они «могут полагаться на помощь России и мусульманских стран на Востоке и на помощь Франции, а возможно и Италии—на Западе»¹⁸.

После достижения договоренности о созыве конференции в Лозанне, Пуанкаре пригласил в Париж в качестве своего гостя Исмет, находившегося перед отъездом в Лозанну в Стамбуле, с целью прощупать настроения и намерения турок, однако он своего не добился. Правда, Исмет принял это приглашение и прибыл в Париж 13 ноября 1922 г., но в беседах с ним Пуанкаре не удалось узнать ничего нового. «Оба они стремились определить силу друг друга, подобно двум борцам перед выходом на ковер»¹⁹. Тогда Пуанкаре попытался выжнить турецкую позицию через Франклен-Буйона, но Исмет «ничего не разгласил»²⁰.

В день открытия Лозаннской конференции, 20 ноября 1922 г., Керзон сообщал Кроуву, что французы и турки остановились в одной и той же гостинице, и что «контакт между ними постоянный и тесный»²¹.

Первая деловая встреча делегаций состоялась 21 ноября. Были созданы три основные комиссии: по территориальным и военным вопросам—председатель лорд Керзон; режиму иностранцев и меньшинства в Турции—председатель маркиз Гаррони; финансовым и экономическим вопросам—председатель Камилл Баррер²².

Территориально-военная комиссия начала свою работу с обсуждения вопроса о границах Турции в Европе. Дискуссии по этому вопросу начались на заседаниях 23 ноября. Турецкая делегация потребовала восстановления довоенной границы Турции в Европе (во Фракии) от Черного моря до долины реки Марицы, а также проведения плебисцита в Западной Фракии. Франция вместе с Италией поддержала позицию Керзона, который вотрез отказался от проведения плебисцита в Западной Фракии, считая, что у турок нет никаких прав на этот район²³.

Упомянутая комиссия перешла затем к обсуждению вопроса о Мосуле, который непосредственно интересовал лишь две страны—Англию и Турцию. По этому вопросу Исмет еще 26 ноября имел частную беседу с Керзоном, сообщив ему о том, что он намерен потребовать возвращения Мосула Турции²⁴. На первых встречах турки и слышать не хотели о другом варианте решения Мосульского вопроса. Исмет заявил Керзону, что «он никак не может вернуться обратно в Ангору без Мосула»²⁵. Из опубликованных новых документов Форин-оффиса стало известно, что Турция готова была «даже порвать с Советами», если бы Англия согласилась на передачу ей Мосульского вилайета²⁶.

Основной же заботой Керзона было окончательное решение вопроса о Мосуле, т. е. безоговорочное сохранение Мосула в составе подмандатного Ирака. Турки прилагали максимальные ус-

для для урегулирования конфликта в свою пользу. Когда в январе 1923 г. переговоры по этому вопросу зашли в тупик, Анкара попыталась сблизиться с французским правительством для получения поддержки, но безуспешно²⁷. «Франция и Италия,— писал Г. В. Чичерин,— отошли в сторону и предоставили Англии одной торговаться в этом вопросе»²⁸.

И все же французская дипломатия, несмотря на свои вынужденные тактические уступки Англии, вызванные осложнениями в Руре и необходимостью получения английской поддержки, в целом продолжала линию поиска договоренности с турками, исходя из своих интересов в Турции. 4 января Керзон сообщал Кроузу, что, по-видимому, Франция получила определенные заверения в признании и сохранении за ней довоенных концессий²⁹. А 1 февраля Керзон с возмущением писал Линдсею о том, что Пуанкаре, не поставив в известность ни английское правительство, ни делегации союзных держав, направил 30 января М. Кемалю телеграмму, в которой давал знать, что Франция намерена вести отдельные переговоры с Турцией в случае, если союзники будут неспособны подписать всеобщий мир³⁰. Далее говорилось, что своей позицией Франция ободряет турок и оказывает им потенциальную поддержку³¹.

По предложению Керзона британское правительство направило Франции 3 февраля ноту протеста, в которой, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества не находит возможным обойти молчанием акцию французского правительства, которую оно рассматривает не иначе, как шаг, подрывающий совместные усилия союзников и подвергающий опасности перспективы мира, выработанные в течение прошедших месяцев в Лозанне»³². «Ответственность за подобную катастрофу и ее неизбежные последствия для отношений между Францией и Великобританией полностью будет ложиться на французское правительство»,—говорилось далее³³. Однако эта угроза Керзона не имела должного воздействия на Францию, которая добивалась соглашения любой ценой. Французский дипломат Жорж Бонне, долгие годы проработавший вместе с Пуанкаре, также указывает на отдельные шаги и советы, которые последний давал туркам. Когда Керзон представил Исмету условия мира и потребовал в течение 4 дней сообщить о своем согласии подписать договор, Пуанкаре дал понять ему, что «мирный договор—это не ультиматум, и что у него полная возможность не соглашаться с этим»³⁴. Тогда Керзон напомнил Пуанкаре, что еще 5 сентября 1914 г. союзники взяли на себя обязательство не заключать отдельного мира, на что последний ответил, что эта договоренность была в силе только в период войны, и что Франции воля действовать так, как ей заблагорассудится³⁵.

И все же Франция, будучи сильно зависимой от Англии в европейских делах, не могла идти наперекор акциям своей бывшей союзницы, особенно в тех вопросах, которые имели антисоветский аспект. Так, при обсуждении вопроса о проливах, представляющего жизненный интерес для советских республик (России, Украины, Грузии), французский делегат Баррер поддержал английскую позицию, которая заключалась в требовании полной свободы прохода через проливы военных кораблей, а также вооруженных судов и военной аннации, в ущерб безопасности черноморских государств.

В то же время, добиваясь соглашения с турками любой ценой, французы предлагали Керзону направить в Анкару генерала Пелле «для консультаций»³⁶. Они внушали Керзону, что так как турки не подписывают договор, то союзники должны предложить им другой, более приемлемый проект³⁷.

Протурецкая линия поведения французских дипломатов проявилась и в вопросе национальных меньшинств, который дискутировался на ряде заседаний территориально-военной комиссии в течение декабря 1922—января 1923 гг. Следует отметить, что к этому времени французское общественное мнение высказало свое отклонение к так называемому армянскому национальному очагу, на уровень которого был выведен вопрос о судьбах Западной Армении и сотен тысяч беженцев, рассеянных по всему миру в результате политики геноцида. По инициативе известного ученого, профессора Коллеж де Франс Антуана Мейе 8 декабря в адрес Лозаннской конференции было направлено воззвание, которое приводим полностью: «Ужасающее положение, в котором в настоящее время находится армянское население Турции, является позором для цивилизованного мира.

Со времени Берлинского конгресса, на котором турецкое правительство обещало ввести реформы в дело управления армянскими провинциями Империи и где шесть европейских держав обязались проследить за их выполнением, это несчастное население, кроме резни, ничего не получило.

В период войны союзники торжественно заявили, что освобождение Турецкой Армении является одной из целей борьбы, которую они вели. Статья 22 пакта Лиги наций и решения, принятые союзными правительствами после победы, закрепили это обещание; Лига наций своими многочисленными резолюциями, принятыми единогласно, подтвердила необходимость сохранения будущего армянской нации путем создания национального очага, который был ей обещан. Эти обещания, однако, еще не выполнены, и армянский народ испытал бедствия гораздо более тяжкие, чем те, которые обрушились на него перед войной. В результате преданности

делу союзников в течение восьми лет погибло более одного миллиона двухсот тысяч армян, став жертвой избиений, депортаций, эпидемий и голода. Оставшиеся в живых вынуждены были покинуть родную землю и бежать в разные страны; более 600 тысяч несчастных находится без крыши над головой, под тентами, в барачных лагерях, лишённые поддержки в результате того, что все трудоспособные мужчины были задержаны и сосланы вглубь страны. Гуманность и справедливость, честь союзников и интересы самих турок требуют положить конец этим мукам Армении и создать безотлагательно национальный очаг с тем, чтобы толпы беженцев смогли там собраться и жить в безопасности.

Интеллектуальная элита Франции всегда поддерживала дело этого древнего, трудолюбивого и миролюбивого народа, друга литературы и искусства, народа, который на протяжении веков оказал так много услуг цивилизации. Поэтому одной из главных задач Лозаннской конференции должно быть принятие необходимых мер для обеспечения его существования и для сохранения его национальной культуры. Мы твердо надеемся, что представители Франции и других стран, принимающих участие в конференции, дадут этому вопросу столь высокой моральной значимости, что справедливое решение, которого требует совесть человечества. Париж, 8 декабря 1922 г.³⁸

Под этим воззванием поставили свои подписи 75 представителей французской общественности во главе с Анатолем Франсом, в том числе 16 академиков, 15 сенаторов и членов Палаты депутатов Франции, редакторы ряда газет и журналов, известные писатели—члены Гонкуровской академии и др.³⁹

12 декабря состоялось заседание упомянутой выше комиссии, посвященное правам национальных меньшинств. Открывая заседание, Керзон напомнил о принципиальном согласии Турции на гарантию прав национальных меньшинств и, указав на заинтересованность союзных держав в их судьбе, призвал турецкую делегацию «серьезно обдумать проблему меньшинств»⁴⁰. Перейдя затем к армянам, он отметил, что «армянское население Карса, Ардагана, Вана, Битлиса и Эрзерума фактически исчезло» и «остается лишь около 130.000 армян в Турецкой Армении, из населения, ранее насчитывавшего около 3.000.000 человек». «Поэтому-то и просят, что уже многократно делалось,—лицемерно восклицал английский дипломат,—чтобы Турция нашла для армян в какой-либо части своей азиатской территории, в северо-восточных провинциях, либо на юго-восточных границах Киликии и Сирии, центр желаемой ими группировки»⁴¹.

Еще более «показательной» была речь, которую произнес на заседании председатель французской делегации Баррер. «Фран-

ции,—похвастался он,—всегда удавалось сочетать усилия, прилагавшиеся ею в течение веков в целях улучшения положения всех народов Востока с дружеским отношением к Оттоманскому правительству». Призывая затем Турцию оценить должным образом значение национальных меньшинств для экономической жизни страны, Баррер демагогически выдвинул ничего не значащую просьбу, а именно: чтобы «оттоманские подданные армяне, потерпевшие во время войны столь сильный урон и подвергшиеся столь тяжким страданиям, заняли значительное место в наших заботах о справедливом отношении ко всем без различия меньшинствам»⁴² (подчеркнуто мною.—Р. С.). Это и подобные словесные заявления западных дипломатов не могли, конечно, иметь какое-либо воздействие на представителей анкарского правительства. В своем пространном ответном слове Исмет категорически отверг просьбу о предоставлении армянам, насильственно выселенным из родных мест, какого бы то ни было «национального ордата», аргументируя свой отказ тем, что это «повлечет за собой расчленение Турции, и что это несовместимо с национальным суверенитетом»⁴³. Более того, он не постеснялся заявить, что «до половины XIX в. армяне жили в Турции мирно и свободно»⁴⁴, и лишь после того, как «Россия... через Эчмядзинского католика подстрекнула армянских интеллигентов России создать противотурецкое движение между их русскими и оттоманскими единоверцами», положение ухудшилось⁴⁵. Кончил Исмет свою по сути дела обвинительную речь изложением официальной турецкой версии: «Ответственность за все бедствия, которым подвергался армянский элемент в Оттоманской империи, падает, таким образом, на него самого, так как правительство и турецкий народ только прибегали, во всех без исключения случаях, к репрессивным мерам или к репрессалиям лишь тогда, когда их терпение истощалось»⁴⁶. И хотя Керзон высмеял аргументацию турецкого делегата, спросив, «как случилось, что три миллиона армян, живших в Малой Азии, уменьшились до 130.000? Покончили ли они самоубийством или добровольно исчезли?», дело дальше этого вопроса не пошло. Правда, в опубликованных за последнее десятилетие новых томах «Документов внешней политики Великобритании» помещена дипломатическая переписка, могущая ввести в заблуждение неискущенного читателя показом «последовательности» Керзона в отстаивании интересов бездомных армян, но все это делалось «для истории», для оправдания себя в глазах будущих поколений⁴⁷. С другой стороны, эти документы вновь выявляют те острые противоречия, которые имелись между двумя бывшими союзницами в их ближневосточной политике. Так, в 18-м томе приводится ответ Керзона на письмо Исмета-паши от 25 декабря 1922 г., которое не публикуется в документе. В

своем ответе Керзон указывает, что он отвечает Исмету не только от своего, но и от имени своих коллег—Баррера и Гаррони, которые отсутствуют. В этом ответе Керзон «обосновывал» необходимость выслушать представителей болгарского правительства и армянской общины, ссылаясь на решение подкомиссии по вопросу меньшинств⁴⁸. В то же время он отмечал, что турецкие представители отказались, не представив никаких доводов.

В своем письме Керзону его заместитель Кроуз отмечал в этой связи, что «турецкое упрямство», возможно, является результатом изменения французской позиции и поэтому предлагал поставить перед Францией определенный вопрос: «Приносите ли Вы к нам, чтобы воспрепятствовать силой турецкому продвижению?». «Если они ответят отрицательно,—продолжал Кроуз,—тогда мы должны заявить, что не будем воевать одни и целиком выведем свои войска, даже из района Галиполи»⁴⁹.

Никакие угрозы, однако, не были предъявлены французам, да они и не могли повлиять на позицию турок, весьма ловко и гибко играющих на англо-французских противоречиях.

9 января 1923 г. Керзон сообщал Кроузу, что в ответ на его постановку вопроса об армянских, ассирийско-халдейских и болгарских беженцах «Исмет-паша снова категорически отказался даже обсудить идею о национальном очаге для армян или любых других меньшинств...»⁵⁰.

Единственной державой, которая могла выступить с защитой прав национальных меньшинств, была страна Советов, однако западные империалистические державы не допустили ее к участию в обсуждении этого вопроса. В связи с этим, народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил председателю международной филармянской лиги Эдуарду Невиллю письмо, датированное 26 января 1923 г., в котором говорилось, что на Лозаннской конференции Россия, Украина и Грузия были устранены от обсуждения армянского вопроса, «несмотря на то, что лишь их участие могло действительно образом содействовать благоприятному решению этого вопроса»⁵¹.

А на следующий день, 27 января 1923 г., делегаты трех советских республик направили председателям Лозаннской конференции ноту следующего содержания: «Российско-Украинско-Грузинская делегация, несмотря на то что она была произвольно устранена от обсуждения почти всех вопросов, рассматривавшихся на конференции, всегда тем не менее полагала, что представляемые ею страны по существу дела могут содействовать действительным образом разрешению этих вопросов. Среди проблем, которые не могли получить разрешения в Лозанне вследствие исключения России и ее союзников, может быть упомянут вопрос о судьбе армянского населения.

Российско-Украинско-Грузинская делегация, несмотря на ве­ годование, вызванное в странах, которые она представляет, вслед­ ствие ненормального положения, в которое ее поставили в Лозанне, считает необходимым довести до сведения гг. Председателей кон­ ференции, что Правительство России и Украины имеют в виду расселить на своих территориях значительное число армянских беженцев, количество коих должно быть еще определено. Подроб­ ности этого вопроса должны быть обсуждены между этими Прави­ тельствами, с одной стороны, и ответственными представителями армян—с другой.

Российско-Украинско-Грузинская делегация считает долгом добавить, что она уведомила о вышесказанном американскую миссию на Лозаннской конференции и другие заинтересованные круги»⁵².

В день временного разрыва переговоров—4 февраля 1923 г.— делегация Великого национального собрания Турции вручила пред­ седателям британской, французской и итальянской делегаций на Лозаннской мирной конференции письмо, в котором, в частности, говорилось: «Вопрос о национальных меньшинствах, который яв­ ляется очень важным, особенно для Турции, был решен согласно желанию союзных держав в результате дискуссий, где мы всегда были расположены примирительно»⁵³.

По возобновлении же конференции 23 апреля 1923 г. вопрос о меньшинствах и главным образом о правах изгнанных из своих родных мест армян, дважды поднимался на заседаниях террито­ риально-военной комиссии. 4 июня, при обсуждении параграфа, касающегося возвращения беженцев-армян, вынужденных массами покинуть Турцию в течение 1921—1922 гг., французский делегат генерал Пелле высказался за распространение на них амнистии, указав, в частности, что Сирия дала убежище около 100.000 армян. В ответ на это Исмет повторил турецкую версию о том, что отдель­ ные армяне могут вернуться в Турцию, но «просьба о допущении к возвращению 100.000 армян совершенно меняет вопрос; она имеет прямое отношение к безопасности государства»⁵⁴ (подчеркнуто мною.—Р. С.). На заседании же 17 июля Пелле присоединился к пустому предупреждению своего английского коллеги Горация Рембольда, что в случае отказа Турции принять на своей террито­ рии сотни тысяч изгнанных собственных подданных, «на нее обрушится критика всего цивилизованного мира»⁵⁵. При этом он напомнил, что, начиная с 4 июня, он обращал внима­ ние турецкой делегации на положение многочисленных турецких подданных, особенно армян, покинувших свои очаги после вывода из Киликии французских войск⁵⁶. Однако тур­ ки, правильно оценив истинный вес словесных упражнений пред­ ставителей трех союзных держав, заявили устами Исмета-паши,

что «турецкая делегация изложила во время предыдущих собраний свою точку зрения по поводу армянских эмигрантов (подчеркнуто мною.—Р. С.). Она полагает, что не представляет интереса вновь возвращаться к этому вопросу»⁸⁷.

Таким образом, рассмотрение вопроса о национальных меньшинствах и, в частности, армянского вопроса, на конференции в Лозанне лишний раз выявило двурушническую и вероломную по отношению к угнетенным народам бывшей Османской империи политику западных империалистических держав, преследовавших в этом торге свои конкретные цели. С другой стороны, именно в Лозанне наиболее ярко проявилась шовинистическая политика Турции по отношению к армянам, грекам, курдам, ассирийцам и другим нетурецким народам, хотя ее представители фарисейски заявляли, что они признают «право на самоопределение всех народов, проживающих на земном шаре»⁸⁸ (подчеркнуто мною.—Р. С.).

Говоря о Лозаннской конференции, французский исследователь истории геноцида армян Жан-Мари Карзу совершенно справедливо замечает, что «в Лозанне, и это находится в соответствии с устремлениями Национального пакта января 1920 г., нет ничего для Турецкой Армении. Ничего! Ни независимости, ни мандата, ни национального очага, ни специфического статута, ни автономии; Ничего! Нет даже добрых старых реформ 1914 г. И этот последний международный договор по этому вопросу был составлен точно таким образом, как будто никогда не существовало ни армян, ни Армении к западу от Арарата»⁸⁹.

Турецкая дипломатия взяла верх и при определении прав иностранцев в Турции. Исмет заявил, что «правительство Великого национального собрания Турции в состоянии обеспечить иностранцам все гарантии справедливого правосудия и следить за их претворением в жизнь при полном отпадении своего суверенитета и без всякого иностранного вмешательства. Оно равным образом расположено к тому, чтобы приступить к изучению вопроса для внедрения тех из реформ, которые оправдали бы прогресс нравов и цивилизации»⁹⁰.

В напряженной обстановке, очень остро проходили в Лозанне заседания, где обсуждались вопросы о капитуляциях, Османском долге, финансово-экономические статьи проекта договора. Наиболее заинтересованной из западных стран здесь была Франция, которая насколько легко отказалась от своих обязательств по отношению к христианским народам Турции и, в частности, Киликии, настолько же упорно отстаивала свои привилегии, полученные ею в Османской империи. При этом французское правительство надеялось на частное рассмотрение этих вопросов с турками. Была даже идея отправки в Анкару генерала Пелле в сопровождении одного из финансовых экспертов в Лозанне. Керзон узнал и воспро-

тивился подобному сепаратному шагу французов. Несмотря на это, Бомпар стал добиваться секретных встреч с турками. Однако, как замечает Соннел, «его усилия послужили лишь тому, что они ободрили турок, которые рассчитывали на американскую поддержку в обмен на нефтяные концессии»⁶¹. При обсуждении вопроса о капитуляциях на заседании 2 декабря 1922 г., французский делегат Баррер поддержал предложение Гаррони о замене режима капитуляций системой гарантий, пытаясь обосновать такое «компромиссное» решение вопроса «выгодностью» привлечения иностранного капитала в Турцию⁶².

В вопросе о капитуляциях турки остались непреклонны, т. е. отказались признать капитуляции в какой бы то ни было форме, а в турецкой прессе началась кампания, направленная против Франции. «Ниме Париж, а не Лондон, является препятствием к миру», — писала «Илери»⁶³.

Особенно сильное противодействие турок вызывали попытки сохранить юридические капитуляции. 16 января Исмет написал Керзону и прибывшему в Лозанну американскому послу в Риме Чайльду, что «Турция никогда не сможет согласиться с юридической системой, отличной от тех, которые находятся в силе в других странах»⁶⁴. В такой же категорической форме ответил полковнику Мужену в Анкаре председатель совета министров Хусейн Рауфбей, который добавил, что «Великое национальное собрание не имеет никакой власти признать юридические капитуляции»⁶⁵.

Сам Кемаль заявил журналистам в Измире, что французские и итальянские делегаты, создавая затруднения в юридических и финансовых капитуляциях, состязаются с британской делегацией в действиях, направленных против турецких интересов⁶⁶. Он пригрозил французам турецкой интервенцией в Александrette и стал подстрекать Сирию на борьбу за определение своей собственной судьбы⁶⁷. В период же между возобновлением работы конференции анкарское правительство предприняло ловкий дипломатический ход для «устрашения» французов. 9 апреля 1923 г. Великое национальное собрание Турции приняло решение о предоставлении концессий на строительство железных дорог, портов и на эксплуатацию недр двум заокеанским бизнесменам — американцу Артуру Честеру и канадскому полковнику Клейтону Кеннеди. Этот шаг, явно затрагивавший интересы французских капиталистов в Турции, вызвал страшное недовольство и протесты во Франции. Газета «Матэн» устами известного журналиста Пертинакса выступила с требованием «показать Ангоре, что Франция не боится конфликта и готова принять вызов»⁶⁸. Генерал Пелле заявил, что этим актом прямо нарушаются французские права, завоеванные до войны, но это заявление не произвело никакого эффекта на турок. Последние стали оправдывать свою акцию тем аргументом, что «пред-

оставленные французам концессии не имеют законной силы, так как их условия не были обсуждены с Великим национальным собранием Турции»⁶⁹.

Очень острые споры возникли и при обсуждении вопроса оплаты довоенных долгов и в первую очередь Османского долга. Во всех финансовых статьях договора больше всех была заинтересована Франция, как крупнейшая из всех турецких кредиторов. Финансовая задолженность ей со стороны турецкого правительства в начале 1914 г. составляла 940 млн. золотых франков⁷⁰. При этом французы требовали, чтобы ежегодное погашение производилось не по курсу бумажного франка, а в золотых франках⁷¹. Исмет-паша спросил французов: а вы платите золотом проценты по своим долгам? На это последовал ответ, что право Франции вытекает из ее победы; оно не может быть сопоставляемо с положением побежденной Турции⁷². Этот ответ не имел, однако, никакого воздействия на турок. Исмет-паша руководствовался строгими инструкциями из Анкары не соглашаться платить золотом⁷³. «Если бы Турция, — заявил он, — приняла экономические положения договора, как они ныне предложены союзниками, то она была бы поставлена в положение экономического рабства»⁷⁴.

Переговоры зашли в тупик. Французское правительство потребовало от своих представителей убедить делегатов союзных держав представить туркам что-то вроде ультиматума, однако англичане на это не пошли⁷⁵. В конечном счете французы вынуждены были шаг за шагом отступать от своих позиций. «Франция никогда не представляла себе, — писал один из французских журналистов, ранее поддерживающих турок против англичан, — что этот мир может быть заключен за ее счет»⁷⁶.

11 июня Рембольд сообщил Керзону, что его французский коллега передал ему телеграмму своего правительства относительно вопросов, оставшихся еще неразрешенными: французское правительство соглашается сразу же после ратификации Турцией мирного договора начать эвакуацию своих войск, которая завершится в течение двух месяцев. Французы возражают против возвращения «Гёбена» туркам, считая, что такая уступка могла нарушить морской баланс в бассейне Восточного Средиземноморья. Однако если британская делегация готова передать крейсер туркам, они не будут чинить препятствий этому⁷⁷.

При определении границ Сирии с Турцией турецкая делегация согласилась отказаться от своего требования подтвердить в Лозаннском мирном договоре Анкарское соглашение 1921 г. при условии, что французская сторона соответствующей декларацией и сопроводительным письмом подтвердит действительность этого соглашения⁷⁸. Дав согласие на это, Исмет потребовал, чтобы сирийская граница определялась в соответствии с первоначальным

текстом союзных держав. Генерал Пелле, возглавлявший французскую делегацию на заключительной стадии второго этапа переговоров в Лозанне, заявил, что, не желая вызвать раздражения турок, французская делегация предлагает отредактировать параграф, касающийся Антиохии и Александретты следующим образом: «Положения настоящей статьи (16-й.—Р. С.) не носят в себе посягательства на те частные оговорки, которые внесены и могут быть внесены Турцией и пограничными странами в виду их соседства»⁷³. Турецкая делегация дала согласие на такую формулировку.

Таким образом, при критическом рассмотрении истории франко-турецких дипломатических контактов и конкретных действий этих стран накануне и в ходе Лозаннской мирной конференции 1922—1923 гг. в свете новых документов и фактов, можно сделать некоторые выводы и обобщения.

1. Политика Франции в Лозанне была подчинена по крайней мере двум факторам: 1) ее европейской политике, в аспекте зависимости от своей ближневосточной соперницы Англии в вопросах, касающихся ее взаимоотношений с побежденной, но не сломленной Германией; 2) ее задаче максимального сохранения своих прав и привилегий в рухнувшей Османской империи, восстановления своих экономических и финансовых позиций в этой стране и получения своих долгов.

2. Зависимость Франции от Англии в период Лозаннской конференции настолько возросла в связи с осложнениями, вызванными вводом французских войск в Рурскую область, что французская дипломатия, несмотря на ряд попыток сепаратного сговора с Турцией, в целом потерпела поражение в своем соперничестве с английской дипломатией: поддержав Англию в главных для последней вопросах—Мосульском и Проливов, Франция взамен ничего не получила.

3. Французская дипломатия проиграла и турецкой дипломатии: поддержав тайно и явно Анкару в греко-турецкой войне в надежде на сохранение капитуляций, своих исключительных привилегий и на достижение новых выгодных позиций в послевоенном турецком хозяйстве, Франция «специально» ничего не получила, а потеряла очень много по сравнению с тем, что она имела в Турции до войны.

4. Руководствуясь устремлениями капиталистических монополий, правящие круги Франции, в погоне за компромиссными соглашениями с анкарским правительством, легко и откровенно принесли в жертву этой своей политике интересы угнетенных народов Османской Турции. В Лозанне они окончательно отказались от тех своих письменных обязательств и заверений по отношению к правам национальных меньшинств, которыми они долгие годы обманывали угнетенные народы Империи.

5. Особенно остроумно сказались эта политика Франции на судьбе армянского населения Турции, пережившего страшный голод 1915 г., в результате которого только в 1915—1922 гг. погибло около 1,5 млн. армян. Надежды оставшихся в живых и вернувшихся в Киликию и другие родные им места армяны рухнули в первую очередь из-за коварной политики тогдашних правителей Франции, способствовавшей продолжению кемалистами шовинистической политики младотурок в национальном вопросе. В этой связи профессор А. Н. Мандельштам метко замечает, что одним из пороков Лозаннского договора явилось «отсутствие в нем всяких санкций за акты, направленные против прав человека, совершенные турками в период мировой войны, равно как и отсутствие каких-либо оговорок о восстановлении в правах лиц и о возврате имущества»⁶⁰.

6. При оценке французской политики в Лозанне следует неизменно учитывать ее антисоветский аспект. Наиболее враждебной линией по отношению к Стране Советов в этот период придерживалась именно Франция, которая всячески старалась помешать советско-турецкому сближению. Опасением такого сближения отчасти объясняются те шаги французской дипломатии, которые преследовали цель использовать проимпериалистически настроенные круги турецкой буржуазии для ухудшения советско-турецких отношений.

7. Турецкая дипломатия сумела воспользоваться в своих интересах англо-французскими острыми противоречиями, в частности зависимостью Франции от своей сильной соперницы—Англии, и разрешить в свою пользу наиболее важные вопросы, добившись полной отмены режима капитуляций во всех его проявлениях, отмены финансового и всякого другого контроля со стороны империалистических держав, сохранения государственного суверенитета и фактической целостности территории потерпевшей крах Османской империи, за исключением тех ее частей, которые кемалистская Турция никак не могла отстоять.

8. В Лозаннском договоре нашел свое отражение и успех кемалистской Турции в вопросе определения дальнейшей судьбы угнетенных народов Османской империи. Турция добилась своей заранее поставленной цели—помешать возвращению в страну законных граждан, насильственно изгнанных из своих родных мест, либо вынужденных временно покинуть страну под страхом физического истребления.

9. Несмотря на уступки Турции империалистическим державам в ряде вопросов, в частности в вопросе Проливов, в ущерб интересам черноморских государств, в целом турецкая дипломатия добилась очень крупного успеха в Лозанне. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что Турция вела на Лозаннской конференции ошибочную политику уступок и угодничества перед Англией и Францией.

ՅՐԱՆՍԻԱՆ ՈՒ ՔՈՒՐՔԻԱՆ (ՈՋԱՆՈՒՄ

(գիվանագիտական պատմության շուրջը)

Ա մ փ ո ֆ ու մ

1922—23 թթ. կայացած Լոզանի կոնֆերանսի մասին ստեղծվել է զգալի գրականություն ուսուերեն, թուրքերեն և արևմտաեվրոպական լեզուներով: Սակայն անսովորական ուսումնասիրության առարկա չի գարծել մասնավորապես Ցրանսիայի քաղաքականությունը: Դա բացատրվում է թերևս սկզբնազրյուրենների պակասով: Միայն վերջին տասնամյակում որոշ պատմաբանների հաշտովեց թափանցել թուրքական ու անգլիական արխիվները և հետաքրքիր փաստաթղթեր հրատարակել: Մյուս կողմից, միայն 70-ական թվականներին հրատարակվեցին ռեժե Բրիտանիայի արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերը մատենաշարի այն հատորները, որոնք վերաբերում են ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանին: Այդ փաստաթղթերի արժեքն ավելի կարևոր է դառնում, եթե նկատի ունենանք, որ ց'այսօր Ցրանսիական և թուրքական գիվանագիտական փաստաթղթերը հրատարակված չեն: Սույն հոդվածում վերլուծելով ու քննադատորեն օգտագործելով վերահիշյալ անգլիական փաստաթղթերը, ինչպես նաև արխիվային նյութեր ու օտարալեզու գրականություն, հեղինակը հանգում է այն եզրակացության, որ Լոզանի կոնֆերանսում Ցրանսիան, ձգտելով առավելագույն չափով պահպանել իր առանձնահատուկ դիրքն ու շահերը թուրքիայում, այդ նպատակին զոհարեց օսմանյան լծի տակ ընկած ժողովուրդների՝ հայերի, հույների, քրդերի, ասորիների և մյուսների արգարացի պահանջները, թեև փոխարենը շատ բան շտացավ: Թուրքական գիվանագիտությունը, հատորն օգտագործելով անգլո-թրանսիական սուր հակասությունները, իր օգտին լուծեց ոչ միայն ազգային, այլև մի շարք կարևոր այլ հարցեր. կապիտալացիաների լիակատար վերացում, փլուզված Օսմանյան կայսրության տարածքի առավելագույն պահպանում, սուլթանական պարտքերի վճարման հետաձգում և այլն: Այսպիսով, Լոզանի կոնֆերանսում և նրա ելուսակը հանգիստացող հաշտության պայմանագրում ու գիվանագիտական այլ փաստաթղթերում իր արտացոլումը գտավ արևմտյան իմպերիալիստական սերությունների, առաջին հերթին Անգլիայի ու Ցրանսիայի խարզախ և քնմալական թուրքիայի տզգալիամուլ, այլազգի ժողովուրդների նկատմամբ թշնամական քաղաքականությունը:

- 1 См., например: *A. N. Karacan, Lozan, Istanbul, 1971, S. R. Sönyel, Lozanda Türk diplomasisi, "Belleten", ocak 1974, cilt 38, № 149; S. R. Sönyel, Turkish Diplomacy 1918—1923. SAGE Publications Ltd. London-Beverly Hills, 1975.*
- 2 Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (в дальнейшем—DBFP). Edited by W. M. Medlicott, Douglas Dakin and M. E. Lambert. First Series, volumes XVII—XVIII. London, 1970—1972.
- 3 DBFP, vol. XVII, № 561, p. 650.
- 4 Там же, с. 651.
- 5 DBFP, vol. XVII, № 46, p. 937—938 (Керзон—Гардингу, 29 августа 1922 г.).
- 6 DBFP, vol. XVII, № 750, с. 942—943 (Гардинг—Керзону, 30 августа 1922 г.).
- 7 DBFP, vol. XVIII, № 41, p. 38 (Заметки британского секретаря о совещании между французским председателем совета министров и британским государственным секретарём по иностранным делам в Кэ д' Орсе, 20 сент. 1922 г.).
- 8 Там же, с. 43.
- 9 Там же, с. 43—44.
- 10 DBFP, vol. XVIII, № 64, p. 105 (Рембольд—Керзону, 27 сентября 1922 г.).
- 11 См. там же, с. 106.
- 12 DBFP, vol. XVIII, № 91, p. 140 (Рембольд—Керзону, 5 октября 1922 г.).
- 13 «История дипломатии», т. III, М., 1965, с. 307.
- 14 *S. R. Sönyel, p. 185.*
- 15 Там же, с. 185—186.
- 16 DBFP, vol. XVIII, № 160, p. 236 (Керзон—Гардингу и Грехаму, 7 ноября 1922 г.).
- 17 Там же, № 162, с. 238 (Гардинг—Керзону, 7 ноября 1922 г.).
- 18 *S. R. Sönyel, p. 190.*
- 19 Там же, с. 189.
- 20 Там же.
- 21 DBFP, vol. XVIII, № 209, p. 320, (Керзон—Кроузу, 20 ноября 1922 г.).
- 22 Там же, № 210, с. 322.
- 23 DBFP, vol. XVIII, № 215, p. 325—326 (Керзон—Кроузу, 23 ноября 1922 г.).
- 24 *Sönyel, p. 195.*
- 25 DBFP, vol. XVII, № 273, p. 386 (Керзон—Кроузу, 12 декабря 1922 г.).
- 26 DBFP, vol. XVIII № 257, p. 370—371 (Керзон—Кроузу, 6 декабря 1922 г.).
- 27 *S. R. Sönyel, p. 195.*
- 28 *Г. В. Чичерин, Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961, с. 247.*
- 29 DBFP, vol. XVIII, № 306, p. 127.
- 30 DBFP, vol. XVIII, № 358, p. 488—489 (Керзон—Линдсею, 1 февраля 1923 г.).

- 31 Там же, с. 489.
- 32 DBFP, vol. XVIII, № 368, p. 501—502.
- 33 Там же.
- 34 *Georges Bonnet, Ambassadeur de France. Le Quai d'Orsay sous trois Républiques.* Paris, 1961, p. 69.
- 35 Там же.
- 36 S. R. Soryel, p. 205.
- 37 Там же.
- 38 ЦГИА Арм. ССР, ф. 430, оп. 1, д. 1195, лл. 1—2 (машинный, на франц. яз.).
- 39 Полный список см. там же, лл. 2—5.
- 40 Армянский вопрос на Лозаннской конференции. Извлечения из протоколов. Пер. М. Т. с пред. П. Макишиана. Тифлис, 1925, с. 5.
- 41 Там же, с. 5.
- 42 Там же, с. 7.
- 43 DBFP, v. XVIII, № 275, p. 388 (Керзон—Кроузу, 13 декабря 1922 г.).
- 44 Армянский вопрос..., с. 7.
- 45 Там же, с. 8—9.
- 46 Там же, с. 13. Полную речь см. Lausanne Conference on Eastern Affairs, 1922—1923. Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London, 1923, p. 191—201.
- 47 См. DBFP, vol. XVIII, № № 274—275.
- 48 DBFP, vol. XVIII, № 294, p. 416—417 (Керзон—Исмету-паше, 26 декабря 1922 г.).
- 49 DBFP, vol. XVIII, № 295, p. 417 (Кроуз—Керзону, 27 декабря 1922 г.).
- 50 DBFP, vol. XVIII, № 315, p. 435.
- 51 Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 165—166.
- 52 Там же, с. 165—167 (копия письма Г. В. Чичерина Эдуарду Невиллю и ноту советских республик на франц. яз. см.: ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 578, л. 3—4).
- 53 Conférence de Lausanne ("Livre jaune"). France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Tome II, p. 17. Paris, 1923.
- 54 Армянский вопрос..., с. 31.
- 55 Там же, с. 33—34.
- 56 Там же, с. 34.
- 57 Там же, с. 35.
- 58 Atatürk'ün söylene ve demaçleri, Cilt 1, T. B. M. Meclisinde ve C. H. P. Kaulaylarında (1919—1938). Istanbul, 1945, s. 229.
- 59 *Jean-Marie Carrou. Un Génocide exemplaire. Arménie 1915.* Paris, Flammarion 1975, p. 164.
- 60 DBFP, vol. XVII, № 397, p. 644 (Грехэм—Керзону, 14 февр. 1923 г.).
- 61 S. R. Soryel, p. 201—202.
- 62 „Conférence de Lausanne...“, t. I, I, p. 442—444.
- 63 S. R. Soryel, p. 209.
- 64 Там же, с. 203.

- 65 Там же, с. 203—204.
- 66 Atatürk'ün söylev ve demeçleri, II, (1906—1936). İkinci baskı. Türk Tarih kurumu bastırmış, Ankara, 1969, s. 81—82.
- 67 S. R. Soneyel, p. 213.
- 68 „Le Matin“, 4. 05. 1923.
- 69 S. R. Soneyel, p. 215.
- 70 Старский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Поли. пер. с франц. текста под ред. проф. Ю. В. Ключникова и проф. А. В. Сабанниа. М., 1927, с. XLIV.
- 71 Разница в оплате тем или иным курсом была существенной. Турция ежегодно выплачивала по процентам около 9,5 млн. лир. По бумажному курсу франка эта сумма составляла около 100 млн. франков (в 1922 г. одна бумажная лира равнялась 10,5 бумажных франка), по золотому же курсу франка эта сумма составила бы 220 млн. франков (одна золотая лира равнялась 23 золотым франкам). См. А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923 гг., М., 1966, с. 317.
- 72 История дипломатии, т. III, с. 317.
- 73 S. R. Soneyel, p. 219.
- 74 Севрский мирный договор..., с. XLVII.
- 75 S. R. Soneyel, p. 220.
- 76 Цит. по: А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, М.—Л., 1949, с. 141.
- 77 DBFP, vol. XVIII, № 600, p. 851 (Рембольд—Кероу, 11 июня 1923 г.).
- 78 DBFP, vol. XVIII, № 635, p. 898—899, (Рембольд—Кероу, 28 июня 1923 г.).
- 79 Там же, с. 899.
- 80 André Mandelstam. La Société des Nations et les Puissances devant le problème Arménien. Deuxième édition. Préface de Edmond Wadîh Nadim. Beyrouth, 1970, p. 298.

Р. С. ДАНИЕЛЯН

МЕСТО РЕЛИГИИ В ПОЛИТИКЕ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ТУРЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (1923—1965 гг.)

Османская империя была феодально-теократическим государством. Главой его был султан-халиф—носитель неограниченной светской и духовной власти. На протяжении многих столетий ислам, будучи государственной религией, играл решающую роль в общественно-политической жизни Турции. Господствующее положение религия занимала вплоть до окончания национальной войны 1918—1923 гг.

В статье делается попытка раскрыть роль религии в политике правящих кругов Турции в области просвещения в период правления Народно-республиканской партии (1923—1950 гг.) и Демократической партии (1950—1960 гг.). С целью показать преемственность политики сменявших друг друга правительств рассматривается и политика Комитета национального единства (КНЕ) и коалиционных правительств, пришедших к власти после военного переворота (1960—1965 гг.). В последующие годы влияние религии продолжало возрастать. Об этом свидетельствует тот факт, что в 70-х годах была основана партия открыто объявившая своей идеологической платформой ислам—Партия национального порядка. Она открыто выступала за восстановление халифата и шарната, за возврат к исламскому государству. Этот период требует особого исследования.

Придя к власти, национальная буржуазия, с целью закрепления завоеванных позиций, провела ряд преобразований в экономической и политической жизни страны. Реформы, проводимые кемалистским правительством, неизбежно влекли за собой перестройку культуры страны и в первую очередь—просвещения. Необходимо было ликвидировать старую феодально-религиозную систему образования и создать новую, единую государственную светскую систему, отвечающую требованиям капиталистического развития страны. Важное практическое значение в этой области имели законы от 3 марта 1924 г., по которому последовало

упразднение халифата, а также министерства по делам религии и вакуфов. Этими актами был нанесен удар по засилью религии в экономической и политической жизни страны. Тогда же был принят закон о единой светской системе народного образования. По этому закону все школы передавались под контроль министерства просвещения, закрывались духовные школы—мектебы и духовные семинарии—медресе. Таким образом, духовенство отстранялось от руководства обучением, и школы переходили в руки государства. Были изъяты из программ светских школ религиозные предметы, а также изучение арабского и персидского языков, вводились новые предметы, новые методы обучения, тем самым создавались благоприятные условия для латинизации образования в Турции.

Несмотря на принятые мероприятия кемалистов, духовенство, позиции которого были значительно ослаблены, продолжало все еще оказывать сопротивление нововведениям правительства. Турецкое правительство вынуждено было пойти на ликвидацию последних остатков религиозных учреждений. В 1925 г. был издан декрет о ликвидации дервишеских орденов, закрытии текке и завие (обители дервишей). Кроме того, запрещалось употребление духовных званий и ношение духовной одежды тем лицам, которые не являлись официальными служителями культа¹.

Таким образом, шейхи и дервиши теряли свое привилегированное положение, лишались возможности оказывать влияние на массы.

Ослабляя позиции клерикального духовенства в общественной жизни страны, кемалистское правительство параллельно продолжало модернизацию системы светского образования.

Важным шагом в этом направлении явилась реформа алфавита. В ноябре 1928 г. арабский алфавит был заменен латинским². Этому акту предшествовал долгий период упорной борьбы между сторонниками латинского алфавита с мусульманским духовенством и частью интеллигенции. Принятию латинского алфавита в Турции во многом способствовала латинизация арабского алфавита в Советском Азербайджане и республиках Средней Азии. Решающее значение для принятия латинского алфавита имело выступление президента республики М. Кемаля 9 августа 1928 г. «Граждане,—сказал он,—мы должны принять новые буквы для нашего прекрасного, богатого языка. Мы должны освободиться от непонятных знаков, в железных тисках которых томился наш мозг в течение веков... Граждане, немедленно приступайте к изучению новых турецких букв. Обучайте им весь народ, крестьян, пастухов, грузчиков, лоточников. Рассмотрите это как патриотический и национальный долг»³.

Началась кампания по изучению и распространению нового алфавита. Повсеместно стали открываться краткосрочные курсы,

на которых первоначально преподавали государственные деятели, профессора и некоторые учителя, обученные новому алфавиту. Сам Кемаль с 22 августа разъезжал по стране и лично обучал чиновников и служащих новому алфавиту.

Принятие латинского алфавита способствовало ликвидации неграмотности среди населения. Министерство просвещения 20 ноября 1928 г. разработало программу открытия по всей стране так называемых «национальных школ». Уже в 1928/29 уч. году действовало более 20 тыс. курсов, которые посещало свыше 1 млн. человек⁴. «Национальные школы» были разделены на два курса «А» и «Б». Курсы «А» предназначались для неграмотных лиц, курсы «Б» — для слушателей, знавших арабский алфавит. Помимо ознакомления с новым алфавитом, на курсах «Б» проходили дополнительно арифметику, историю, географию. Курс обучения продолжался от 2 до 4 месяцев. Число учащихся в этих классах доходило от 15 до 40 человек⁵. Кампания по ликвидации неграмотности шла сравнительно быстрыми темпами. Так, в период 1928—1929 гг. получили свидетельства о прохождении курсов 500 тыс. человек, а с 1929 по 1937 гг. эти курсы прошли еще 2.520.779 человек⁷.

«Национальные школы» намного ускорили процесс ликвидации неграмотности среди населения, что в известной степени способствовало поднятию уровня грамотности в стране. Если в 1927 г. грамотность населения составляла 10,6 %, то в 1940 г., благодаря принятым мерам, достигла 22,4 %⁸. Повышение уровня грамотности населения явилось огромным достижением Турции в деле народного образования. Мероприятия правящих кругов Турции в этом направлении имели прогрессивное значение, поскольку подрывали авторитет духовенства, лишали их важного орудия — монопольного знания арабского языка.

Важное значение для культурного развития Турции имели меры правительства по эмансипации женщин. Значительным шагом в этом направлении явилось принятие гражданского кодекса в 1926 г., согласно которому запрещалось многоженство, женщина получила равные права с мужчиной в вопросах развития и наследования имущества, предоставлялось им право занимать государственные должности. Но действительного распределения турчанка не получила. Она не пользовалась политическими правами⁹. Только спустя четыре года женщина получила право выбора в муниципалитет¹⁰, а в 1934 г. — в меджлис. Получив политические права, женщина могла наравне с мужчинами принимать участие в социальной и культурной жизни страны. Открывались большие возможности для развития женского образования, появились женщины — юристы, адвокаты, врачи и т. д.¹¹

Среди ланцистских реформ в области просвещения большое

значение имело введение в 1927 г. совместного обучения мальчиков и девочек в школах всех ступеней. Правда, сначала этот принцип осуществился не во всех звеньях, так как постановление правительства встретило сопротивление клерикальных кругов, а также части родителей, не желающих отдавать своих дочерей в смешанные школы. Поэтому первоначально совместное обучение вводилось только в начальных школах, в средних же школах сохранялось преимущественно раздельное обучение. Тем не менее это мероприятие имело большое значение для развития женского образования.

В высших учебных заведениях женщин можно было встретить в основном на гуманитарных факультетах. И то не всегда. Достаточно указать, что в 1923/24 уч. году на историко-филологическом факультете Стамбульского университета не числилось ни одной студентки, а в 1933/34—обучалось 167 женщин, что составляло 57,8 % общего числа учащихся. На медицинском факультете в 1923/24 уч. году обучалось 23 студентки, а в 1933/34—535, что составляло 4,0 % общего числа студентов¹². Всего в высших учебных заведениях Турции в 1933/34 уч. году обучалось 933 студентки. Число женщин, занимавшихся в высших школах, было невелико, однако, учитывая, что в Османской империи женщина не могла даже мечтать об образовании, достигнутое следует считать огромным успехом республиканской Турции.

Меры правительства по совместному обучению осуществлялись медленно, тем не менее они имели большое прогрессивное значение для развития женского образования. Значение этого мероприятия заключалось и в том, что оно наносило сильный удар по мусульманским предрассудкам, веками сковывавшим турчанку.

Для ликвидации просвещения имело важное значение постановление правительства от 22 марта 1926 г., по которому право преподавать в школах предоставлялось лицам с дипломом учителя¹³. Кемалистское правительство тем самым стремилось расшатать устои духовенства в деревне, где из-за нехватки педагогов в школах все еще преподавали муллы и ходжи, продолжая отравлять сознание учащихся религиозным фанатизмом. В 1923—1924 гг. в Турции насчитывалось 12350 учителей¹⁴, из них только 2846 были дипломированными. Сложившееся положение открывало широкое поле деятельности, особенно в сельских местностях, для случайных невежественных лиц. Известный турецкий писатель Факри Эрдич в своей книге «Горький ломоть», героем которой является он сам, рассказывает о борьбе, которую вели между собой учитель и сельский мулла. «В знаменитую деревню едешь,—предупреждали меня.—Чем знаменита? Муллой. Ни один учитель не выдерживает. Дунет—поминай как звали. Дыхание у него ядовитое»¹⁵.

Борьба с засильем мулл в деревне затруднялась еще и потому, что в стране не хватало квалифицированных учителей. Республиканское правительство для устранения этих трудностей отарыло ряд педагогических школ, улучшило условия труда учителей, увеличило их заработную плату с тем, чтобы сделать профессию педагога популярной.

Тем не менее в 1928 г. в педагогических школах страны обучалось 5151 человек, из них получили дипломы 4851¹⁸. В Турции по-прежнему ощущалась нехватка в педагогических кадрах, во многих сельских местностях вообще не было начальных школ. Достаточно отметить, что в 1929 г. в Турции из 40 тыс. деревень только 2,5 тыс. имели школы¹⁷.

Одним из последних мероприятий кемалистов по лаяцизации государства явилось постановление Великого национального собрания от 10 апреля 1928 г. об упразднении пункта конституции, который гласил: «Государственной религией Турции является ислам»¹⁸. Этим актом турецкое правительство отделило церковь от государства. Вместе с тем религиозная формула присяги президента и депутатов была заменена гражданской присягой. Тем самым кемалисты окончательно подорвали влияние религии на государственную жизнь страны.

«Что же следует понимать под лаяцизмом,—пишет турецкий историк Бекир Юсуф.—Является ли он отказом от религии вообще? Нет. Кемаль и его сторонники боролись с религией там, где она являлась союзницей феодализма, стремились разорвать лишь те религиозные узы, которые, по их мнению, мешали прогрессу. На практике принцип лаяцизма выразился в постановке религии под контроль государства»¹⁹.

Итак, борясь против влияния духовенства, турецкое правительство не выступало против самой религии. Кемалисты не раз подчеркивали эту разницу. На страницах газеты «Икдам», в заявлении по поводу отделения церкви от государства, писалось: «Из того факта, что турецкая революция хочет отделить религию от государства, нельзя заключить об ее атеизме»²⁰.

Об этом свидетельствует также тот факт, что процесс лаяцизации происходил крайне медленно. Кемалисты не проявляли поспешности в решении вопросов, связанных с религией, так как понимали, насколько прочно укоренились в народе мусульманские традиции и как сильно влияние духовенства на массы. Учитывая это обстоятельство, турецкое правительство, хотя и изыло из школьных программ религиозные дисциплины, но все еще допускало преподавание религии в сельских начальных школах. Более того, министерство просвещения предлагало издавать учебники по религии для учащихся этих школ. Идя на уступки духовенству, турецкие правящие круги обнародовали указ о создании вместо

министерства по делам религии и вакуфов Управления по религиозным делам. Последнему предоставлялось право на открытие духовных школ для подготовки имамов и других служителей культа.

Итак, с одной стороны, были ликвидированы старые духовные школы, с другой—создавались школы для подготовки имамов. Хотя эти школы считались светскими и подчинялись министерству просвещения, между тем, судя по программе обучения, они далеко не соответствовали учебному плану светской средней школы, к которой они приравнивались. В школе по подготовке имамов большое место уделялось религиозным дисциплинам: Корану, комментариям к нему, преданиям и т. д. Меньшее количество часов отводилось общеобразовательным предметам. В 1924 г. насчитывалось 29 школ имамов, в которых обучались 1045 учащихся. В последующие годы число школ резко сократилось, а начиная с 1927 г. функционировало всего две школы, которые были ликвидированы в 1930 г.²¹ Но уже в 1932/33 уч. году стали функционировать 9 краткосрочных курсов, на которых обучали чтению Корана, переведенного на турецкий язык. В 1941/42 уч. году в стране действовало 65 курсов с 68 преподавателями и 1369 учащимися²². Наконец, до 1933 г. в Стамбульском университете имелся богословский факультет.

Таким образом, все мероприятия, проводимые турецким правительством по ланцизации в области просвещения, говорили о том, что они были направлены не на ликвидацию религии, а к подчинению ее интересам национальной буржуазии, и только.

Нет сомнений, что политика ланцизации, проводимая национальной буржуазией в области государственной и общественной жизни, имела прогрессивное значение, ибо способствовала укреплению капиталистических отношений в стране, развитию национальной культуры и науки.

Однако как все реформы, проводимые республиканским правительством, так и ланцизация в области просвещения носила ограниченный характер. Турецкая буржуазия не заботилась о действительном повышении культурного и политического уровня народных масс. Буржуазия, как известно, в определенные периоды вынуждена давать образование трудящимся, но «лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам»²³, поскольку этого требует буржуазно-капиталистическое развитие страны. Буржуазия боится просвещения народных масс, роста их классового самосознания. Отсюда и ограниченность буржуазных реформ. Этим обстоятельством воспользовались реакционные силы в стране.

Накануне и в период второй мировой войны активизировало свою деятельность духовенство, требовавшее возврата к религии, чтения молитв на арабском языке, введения в школах преподавания религии.

В послевоенный период правящая НРП стала отходить от принципов кемализма, пошла на более тесный союз с религией—с тем, чтобы использовать ее против демократических сил страны, а также использовать ее как средство политической борьбы против оппозиционных буржуазных партий—Демократической и Национальной.

В 1947 г. в НРП сложилась группировка, выступившая с исламскими лозунгами, за неограниченную свободу религиозного вероисповедания. Лидеры НРП пошли на серьезные уступки духовенству. В 1949 г., за год до прихода к власти ДП, было введено преподавание религии в начальной школе. Вначале религию изучали в двух последних классах и то по желанию родителей, т. е. вводилось факультативное обучение религии. Что касается сельских школ, то здесь практически изучали религию все учащиеся. Поощрение религии в верхах открыло широкое поприще для активизации деятельности духовенства, особенно в сельских местностях. Вновь подняли голос безграмотные ходжи, которые быстро стали вытеснять из деревень учителей. Повсеместно стали открываться школы по подготовке имамов. По инициативе министерства просвещения в Анкаре, Стамбуле, Кайсерн, Трабзоне и в других городах были организованы курсы по подготовке преподавателей религиозных дисциплин.

Реакционное духовенство повело борьбу против эмансипации женщины. Началась кампания за ограничение прав женщин, за введение многоженства, ношение чадры. Все чаще раздавались требования прекращения совместного обучения в школе.

Проникновению религии в систему светского образования, общее усиление религиозной пропаганды свидетельствуют о том, что религия продолжала оставаться важным фактором общественной жизни страны. В восстановлении духовного обучения в школах реакционные элементы видели средство борьбы с распространением прогрессивных взглядов среди подрастающего поколения, средство воспитания ее в духе покорности и подчинения. Введение в программу начальных школ религиозных дисциплин, усиление позиций духовенства в различных сферах общественной жизни вызывали беспокойство у передовой интеллигенции, воспитанной на традициях кемализма. Они выступали против религиозного образования, видя в этом реальную угрозу возрождения духовной системы просвещения.

В мае 1950 г. в Турции к власти пришло правительство Демократической партии во главе с Баяром-Мендересом. ДП, прикрываясь лозунгом о свободе мысли и вероисповедания, открыто поощряла реакционную деятельность духовенства, содействовала активизации его роли в политической жизни страны.

Правящие круги Турции стали на путь отказа от светских реформ. Вскоре после прихода к власти ДП разрешила чтение эзана на арабском языке, а также передачу по радио Корана.

В 1951 г. был принят закон, который вводил обязательное обучение религии в начальных школах²¹, с экзаменом при переходе в следующий класс. Однако экзамены по религиозным дисциплинам были введены позже. Первоначально было принято решение выставлять оценки по этим предметам, но не учитывать их при переходе в следующий класс²². Сам факт принятия этих законов говорит о том, что правящие круги Турции и в области просвещения стали на путь отказа от принципа лаяцизма. Попирая эти принципы в угоду духовенству, турецкие правящие круги открыли ряд духовных школ имамов и хативов. В 1951 г. функционировало 7 таких школ, а в 1959 г.—уже 19. Число учащихся в них достигало 4233²³. Увеличилось и число преподавателей по Корану. За эти годы их число возросло от 131 до 702, одновременно было подготовлено 1500 инструкторов, 2055 хафизов (проповедников, знающих наизусть весь Коран) и 30 тыс. других служителей культа²⁷. Кроме этих школ в 1951 г. стали действовать и курсы по подготовке преподавателей религиозных дисциплин. Правительство Мендереса уделяло большое внимание подготовке педагогических кадров по духовным дисциплинам, в то время как в стране ощущалась острая нехватка учителей для всех ступеней школ.

Турецкие газеты, сообщая об этом, с тревогой отмечали, что если в ближайшем будущем не будут предприняты решительные меры в области подготовки учителей, то «потребности страны в учителях будут удовлетворены только через 30 лет»²⁸. Особенно остро чувствовалась потребность в учителях в сельских местностях. Так, даже в тех селах, где имелись школы, не хватало 5 тыс. педагогов²⁹. Воспользовавшись благоприятными условиями, турецкие деревни наводнили неграмотные ходжи, а порой совершенно случайные люди, которые обучали детей арабскому алфавиту и Корану³⁰. Газета «Улус» в этой связи писала, что «в селах Измитского вилайета появились, как и повсюду, неизвестные лица, которые выдают себя за преподавателей религии»³¹. Сообщалось, что «в деревне Искендер (вилайет Чанакале) некий ходжа по имени Нури самовольно открыл духовную школу и начал обучать детей арабскому алфавиту и Корану»³². Пользуясь поддержкой местных властей, ходжи насаждали в школе схоластические методы обучения, требовали, чтобы девочки сняли школьные формы и приходили на занятия с покрытой головой. Более того, ходжи выступали против изучения таких предметов, как география, история, математика и призывали обучать детей только религии. «Дети,—говорили они,—нуждаются только в аллахе»³³.

Сторонники духовного обучения, с целью повышения уровня преподавания религиозных дисциплин, включили религию в программу педагогических школ. Одновременно из программы этих школ было изъято преподавание педагогики³⁴. В 1956 г. преподавание религии стало обязательным и в средней школе.

Большое значение правительство ДП придавало подготовке богословов с высшим образованием. С этой целью в 1950 г. в Анкарском университете был создан теологический факультет. В 1950/51 уч. году на нем обучалось 60 студентов³⁵. В следующем году их число увеличилось до 100³⁶. В программу обучения входили в основном религиозные предметы—Коран, основы исламской религии, комментарии к Корану, хадис, наука о законах шариа, история исламской религии, философия ислама, социология религии. Одновременно, как отмечал декан богословского факультета Кемаль Еткин, кроме этих предметов изучали и такие дисциплины, как искусство и право ислама, классическую турецкую религию, этику и мораль, арабскую философию, персидский и арабский языки, а также один из европейских языков³⁷.

Кроме теологического факультета правящие круги Турции открыли в 1956 г. в Анкаре Институт исследования ислама. Спустя три года стал функционировать в Стамбуле Институт ислама.

Как и следовало ожидать, турецкое духовенство еще более активизировало свою деятельность. Опираясь на поддержку правящих кругов, духовенство силами религиозных институтов стало издавать учебники, книги религиозного характера. Вместе с тем выходили в свет и такие реакционные газеты, как «Бююк Догу».

Следует отметить, что правительство ДП не только поощряло издание религиозных книг, но из государственного бюджета выделяло на эти цели огромные суммы. Идя по пути поощрения религии, правительство ежегодно увеличивало ассигнования на ее нужды. Если в 1955 г. на религию было выделено 4 млн. лир, то в 1956 г.—17 млн. лир³⁸. Показателен тот факт, что за 10 лет пребывания у власти ДП было построено 5 тыс. мечетей, а то время как в 1957 г. в деревнях школ насчитывалось 17 341³⁹.

Видя поддержку правительства, турецкое духовенство и правые элементы все чаще стали выступать с требованиями восстановления шариа, ношения чадры, введения многоженства. Более того, на страницах печати все громче раздавались голоса за восстановление в стране халифата и провозглашения ислама государственной религией Турции. Активизируя свою деятельность, турецкое духовенство стремилось укрепить свои позиции путем насаждения религии во всех сферах общественной жизни страны. В результате в сельских местностях духовенство вернулось к пре-

гидаванию арабского алфавита. Вновь начали издавать Коран на арабском языке. Женщины стали носить чадру не только в деревне, но и в городах⁴⁰, участились случаи многоженства. В стране, особенно в деревнях, активизировали свою деятельность религиозные секты — бекташи, мевлеви, нуриджи и др., которые разжигали среди населения, а том числе и среди детей, религиозный фанатизм. Таким образом, учащиеся подвергались духовному воспитанию и вне школы.

Глава правительства Мендерес придавал большое значение роли религии и духовенства в воспитании молодого поколения в религиозном духе. Мендерес заявлял: «Мы спасли нашу религию от гонений. Не обращая внимания на революционных фанатиков, мы вновь ввели чтение эзана на арабском языке. В школах идут уроки религии, по радио транслируется Коран. Турецкое государство было мусульманским и останется мусульманским. Заповеди Корана будут исполнены»⁴¹. Так сам Мендерес подвел итог своей деятельности. Как видно, неспроста его называли «первым мусульманским премьер-министром»⁴².

Дальнейшее развитие лаицизма в Турции еще раз свидетельствует о преемственности политики сменявших друг друга правительств.

27 мая 1960 г. правительство Мендереса было свергнуто, в стране установилась военная диктатура. Временное правительство Турции — Комитет национального единства (КНЕ) — провело некоторые мероприятия по ограничению свободы действий реакционных кругов. Был принят закон, запрещающий партиям использовать религию в политических целях. Кроме того, запрещалось духовенству проводить религиозную пропаганду.

Конституция 1961 г. провозгласила Турцию светским государством. Вместе с тем эта конституция пошла на серьезные уступки духовенству: признала свободу религии, разрешила духовное обучение. Такая политика КНЕ создавала благоприятные условия для активизации деятельности религиозных фанатиков.

Одной из главных сил на политической арене являлась Партия справедливости, в рядах которой сгруппировались бывшие члены ДП. Поэтому неудивительно, что в вопросе религии они проводили политику уступок мусульманскому духовенству и использовали религию в своих политических целях. В области просвещения ПС проводила политику увеличения часов религии в школе. Что касается НРП, то она, хотя и не отошла от принципов лаицизма, все еще продолжала делать уступки духовенству. Так, она согласилась с предложением ПС об увеличении часов религии в школах. Министр просвещения Ибрагим Октем (НРП), выступая в 1963 г. на заседании Федерации обществ сельских учителей Турции в Из-

мире, сказал, что необходимо реформировать старые школы имамов и хатибов с тем, чтобы подготовить по-настоящему образованных религиозных служителей. Ибрагим Октем отметил также, что предусматривается открытие, кроме богословских институтов в Стамбуле и Конье, еще третьего — в Кайсери. В связи с заявлением Ибрагима Октема, в турецкой печати появились статьи «Грязная игра», «Торговцы религией», в которых отмечалось, что за заявлением министра просвещения скрывается желание дать новое направление школам имамов, с тем, чтобы подготовить образованных духовных лиц «для лучшего обмана народных масс»⁴⁵. О том, какое место НРП отводила религиозному обучению, можно судить по заявлениям главы коалиционного правительства Исмета Иненю. Выступая в защиту проведения реформ в области духовного образования, Иненю отметил, что хотя «НРП придерживается принципа панлаицизма, поэтому их считают противниками религии, но они в этой области сделали больше, чем другие партии»⁴⁶. Министерство просвещения создало специальную комиссию для проверки и назначения на должности муфтия и проповедников лиц с высшим образованием. Вскоре последовало решение министерства просвещения о том, что все духовные лица должны иметь образование⁴⁷.

Повсеместно стали организовываться курсы для переподготовки духовных лиц. С 1961 по 1964 гг. эти курсы прошли 14321 имамов, проповедников и других духовных служителей⁴⁸. Одновременно имелось 643 курса по изучению Корана⁴⁹. Для сравнения отметим, что их число в 1950 г. равнялось 122. Для централизации управления религиозными школами при министерстве просвещения действовала Дирекция по религиозному обучению⁵⁰. Если до военного переворота духовные школы находились под покровительством различных благотворительных обществ, то теперь они всецело перешли под контроль министерства просвещения. Из государственного бюджета на эти цели выделялась определенная сумма. Так, если в 1961—1964 гг. было выделено для школ имамов и институтов ислама 18.009.075 турецких лир, то только в 1965 г. для этой цели предусматривалось уже 16.674.500 лир⁵¹. После переворота проявлялась особая забота по строительству новых модернизированных зданий для школ имамов и хатибов. В результате, если в 1961/62 уч. году действовало 18 таких школ, то в 1964/65 — уже 26. Соответственно увеличилось и число обучающихся — с 5750 до 11850⁵².

Правящие круги Турции проявляли повышенную заботу о духовном образовании, в то время как для осуществления закона о всеобщем начальном обучении не хватало 36 тыс. учителей, а 16 тыс. деревень вообще не имели школ⁵³. В средней школе в 1963/1964 уч. году вместо 18 тыс. работало 6900 учителей, в ли-

неях—2200 вместо 7800⁵². В 1964/1965 уч. году функционировали всего 762 средние школы; 95 % нахле (волость) и 25 % каза (уезд) не имели их вообще. Из-за нехватки школьных зданий многие дети с 13—15 лет оставались за порогом школы. В стране насчитывалось 155 государственных лицеев, расположенных в основном в крупных городах. В то же время 507 районных центров не имели подобных учебных заведений⁵³.

Как видно из приведенных фактов, в области просвещения оставалось много проблем, требующих коренного разрешения. Между тем правящие круги Турции, поощряя религию, дошли до того, что разрешили в Стамбуле, в районе Карагюмрюк, открыть медресе, где обучались в основном сельские дети в возрасте от 13 до 20 лет. Срок обучения в медресе был 4 года. Программа обучения в основном включала религиозные дисциплины. Газета «Джумхуриет», сообщая об этом, отмечала, что «те, кто финансируют это медресе, отдают своих детей в иностранные колледжи»⁵⁴. Одновременно в Стамбуле в районе Чаршамба в 1964 г. был открыт исламский колледж⁵⁵. Итак, опасность восстановления религиозных школ—медресе—превратилась в реальность.

Пользуясь поддержкой властей, духовенство еще более активизировало свою деятельность, увеличилось число религиозных сект, значительно возросло число обществ по содействию религии. Их силами открывались духовные школы, курсы по изучению Корана, строились мечети. Особенно свирепствовали реакционные элементы в глухих деревушках, где все еще хозяйничали шейхи и ага. Тяжело приходилось учителям, работающим в таких местностях. Здесь они по-прежнему подвергались притеснениям и избиениям. Примером может служить событие в деревне Каракурт близ Кыркагача, где группа реакционеров напала на учителя. Выступая в связи с этим событием, председатель Федерации учителей Шюрю Коч отметил, что «это не первый случай, что почти ежедневно поступают в Федерацию сообщения о действиях реакционных элементов»⁵⁶. Премьер-министр Исмет Иненю, касаясь этого события, сказал, что «этот инцидент является конфликтом между преподавателем и учащимися государственной школы, с одной стороны, и имамом и учащимися религиозной школы—с другой»⁵⁷.

О том, насколько сильно было наступление реакции в сельских местностях, свидетельствует выступление Дурсун Акчама, делегата конгресса Федерации учителей в Турции в Эскишехире. Говоря о плачевном состоянии просвещения, он отметил, что «за 41 год мы не смогли научить жителей Анатолии даже алфавиту. Нам противостоят черные силы»⁵⁸.

Таким образом, истекшие годы после военного переворота 1960 г. ясно показывают, что правительства, сменявшие друг друга, как и правительство Мендереса, шли на более тесный союз с ду-

ховенством, способствовали дальнейшему развитию религиозного образования. Создалась реальная угроза возрождения духовных школ. Такая политика правящих кругов Турции явилась прямым следствием, составной частью их реакционной внутренней политики. Восстановление духовного обучения свидетельствует о заинтересованности правящих верхов отвлечь подрастающее поколение от прогрессивных идей и воспитать их в духе покорности и подчинения.

В свое время В. И. Ленин дал глубокий анализ этому процессу, отмечая, что «буржуазная демократия не довела до конца отделение школы от церкви, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой»⁵⁹. Став на путь тесного сближения с церковью, реакционная часть турецкой буржуазии использовала религию и в качестве идеологического оружия. В связи с введением предмета религии в турецких учебных заведениях журнал „The Islamic Review“ писал, что религия является лучшим средством для борьбы с проникновением коммунистических идей в Турецкую Республику»⁶⁰.

Правящие круги Турции на словах заявляют о том, что воспитание подрастающего поколения должно быть вне политики, вне всяких идеологических влияний. В действительности же, как отмечал В. И. Ленин, всякая «школа вне жизни, вне политики—это ложь и лицемерие»⁶¹. Эта ленинская идея полностью подтверждается на примере Турции. Прикрываясь буржуазной теорией «аполитичности» образования, руководящие круги страны большое место в учебном процессе отводили идеологическому воспитанию, религии.

Ռ. Ս. ԿԱՆԻՅԱՆ

ԿՐՈՆԻ ԴԵՐԸ ԹՈՒՐԳԻԱՅԻ ԿԱՌԱՎԱՐՈՂ ՇՐՋԱՆՆԵՐԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ ԼՈՒՍԱՎՈՐՈՒԹՅԱՆ ԲԱԳԱՎԱՌՈՒՄ (1923—1965 թթ.)

Ա մ ֆ ո ֆ ու մ

Հողովաժում քննվում են քննականների միջոցառումները կրթության կրոնաավատական համակարգի վերացման և նոր՝ աշխարհիկ համակարգի ստեղծման ուղղությամբ՝ Բեղված փոստերի հիման վրա ցույց է արվում, որ լուսավորության բնագավառում լաիցիզմի (աշխարհիկ) քաղաքականությունն ուղղված էր ոչ թե կրոնի վերացմանը, այլ այն ազգային բուրժուազիայի շահերին ծառայեցնելուն: Այդ են վկայում նա-

պատերազմյան շրջանում կրոնի ակտիվացումը, մասնավորապես՝ զեմակրատական կուսակցության իշխանության գլուխ անցնելու հետո: Այդ կուսակցությունը բացահայտորեն կանգնեց լաիկիզմի սկզբունքներից հրամարմելու ուղու վրա, կրոնը մացրեց հանրակրթական դպրոցների, ինչպես նաև բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների ծրագրերի մեջ: Բացվեց երկու իսլամական ինստիտուտ, իսկ Անկարայի համալսարանում՝ աստվածաբանական ֆակուլտետ: Բացի այդ գործում էին հոգևոր դպրոցներ: Ծգովելով իշխանությունների հովանավորությունից, հետադիմական հոգևորականությունը ուժեղացրեց իր դիրքերը երկրի հասարակական-քաղաքական կյանքում:

Հողվածում ընդգծվում է, որ միմյանց հաշորդող կառավարությունները սերտորեն համագործակցում էին հոգևորականության հետ՝ անող սերնդի դաստիարակության հարցերում, աստիճանաբար ավելի մեծ տեղ հատկացնելով կրոնական ուսուցմանը:

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЦГАОР СССР, ф. 5283, 1934, он. № 4, л. 112, а. 4.
- 2 O. Duhamel, Yeni Türkiye bir garp devleti, Ankara, 1956, s. 15—16; G. L. Lewis, Turkey, New York, 1955, p. 95—97; Düstur, cilt 10, Ankara, 1929, s. 3.
- 3 Tarih, c. IV, İstanbul, 1934, s. 255.
- 4 T. Oguzkan, Adult education in Turkey, Paris, 1955, p. 18; D. E. Webster, The Turkey of Atatürk, Philadelphia, 1939, p. 131.
- 5 T. Oguzkan, указ. раб., с. 18.
- 6 Türkiye İstatistik umum müdürlüğü, İstatistik yılığı, 1952, s. 212.
- 7 „La Turquie Kemaliste“, 1941, № 43, p. 5.
- 8 H. K. Abul Sassani, Education in Turkey, Washington, 1952, p. 17; „Ulus“, 26. III. 1958, 10.XI.1962; „Vatan“, 6.XII.1959.
- 9 «Գործարար», 22.11.1926.
- 10 „Hakimlet Milliyet“, 26. III. 1930; См. Mükerrer Kamil Su, Türkiye Cumhuriyet tarihi, İstanbul 1957, s. 148.
- 11 The introduction of the Civil in 1926 and after, p. 25—26: „In Islamic Review“, 1952, aug., vol. 40, № 8, p. 24—27.
- 12 «Высшая школа», 1937, № 4, с. 107—108.
- 13 O. Ergin, Türkiye maarif tarihi, İstanbul, cilt 5, s. 1482.
- 14 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, он. 2, ед. хр. 277, л. 236.
- 15 Фахри Эрдоган, Горький ломотъ, М., 1964, с. 191.
- 16 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, он. 2, ед. хр. 277, л. 236.
- 17 O. Ergin, указ. раб., с. 1371.

- 18 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, от. 2, ед. хр. 234, л. 10.
- 19 Цит. по кн. Д. Е. Еремеев. На стыке Азии и Европы, М., 1980, с. 160.
- 20 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, от. 2, ед. хр. 234, л. 10.
- 21 О. Ergin, указ. раб., с. 1774—1775.
- 22 İstatistik yillığı, 1932—1942, s. 417.
- 23 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, изд. 2, с. 343.
- 24 Abul H. K. Sessani, указ. раб., с. 17.
- 25 „Ulus“, 12, 20.11.1953.
- 26 „The Islamic Review“, 1957, september, p. 15.
- 27 „The muslim world“, 1961, vol. L.I, № 2, apr., p. 109.
- 28 „Hürriyet“, 11.1.1957; „Cumhuriyet“, 28.VIII.1959.
- 29 „Forum“, 1960, № 149, 1 nisan, s. 6.
- 30 „Ulus“, 4.X.1952.
- 31 Там же, 4. XI. 1952.
- 32 Там же, 13.XI. 1952.
- 33 Там же, 18.1.1953.
- 34 Там же, 18.11.1953.
- 35 G. Dahamel, указ. раб., с. 27.
- 36 „Ulus“, 2.X.1952.
- 37 Там же.
- 38 „The Islamic Review“, 1960, № 11, p. 38.
- 39 Hasan Ali Yücel, Yeni Türkiye dördüncü kitap Türkiye maarifi, İstanbul, 1959 s. 324.
- 40 „Akşam“, 27.X.1960.
- 41 Д. Е. Еремеев, указ. раб. с. 164.
- 42 „Ulus“, 24. 11. 1952, 25. XI. 1952, 28. XII. 1952.
- 43 „Yeni İstanbul“, 6, 8.IX.1963; „Cumhuriyet“, 26.VIII.1963, „Vatan“, 10.IX.1963.
- 44 „Ulus“, 21.IX.1965.
- 45 „Cumhuriyet“, 24.III.1964.
- 46 „Ulus“, 21.IX.1965.
- 47 „İstatistik yillığı“, 1960—1962, s. 172.
- 48 „Cumhuriyet“, 10.VI.1964.
- 49 „Ulus“, 20, 21, IX. 1965.
- 50 Там же.
- 51 „Yeni sabah“, 22.X.1963; „Zafer“, 1.III.1960.
- 52 „Ulus“, 3.X.1963; Türkiye yillığı, 1954, s. 334.
- 53 „Cumhuriyet“, 10.VII.1965.
- 54 Там же, 18.IV.1964; „Kim“, 21 nisan, 1964, s. 18.
- 55 „Kim“, 21 nisan, 1964, s. 19.
- 56 „Ulus“, 19.1. 1965.
- 57 „Cumhuriyet“, 20.1. 1965.
- 58 Там же, 16.VII. 1964.
- 59 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 77.
- 60 „The Islamic Review“, 1957, № 9.
- 61 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 77.

М. Т. БОДЖОЛЯН

РЕФОРМЫ ТАНЗИМАТА В ОСВЕЩЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Период, охватывающий почти четыре десятилетия истории Османской империи XIX в. известен в историографии как период танзиматских реформ. Хронологически он делится на два этапа, включающих 1839—1856 и 1856—1876 гг. На первом этапе инициатива проведения реформ исходила от феодальной верхушки турецкого правительства, пытавшейся остановить процесс распада империи при помощи частичных изменений в государственно-административной структуре и правовой системе империи. На втором этапе, наступившем после Крымской войны 1853—1856 гг. и продолжавшемся до принятия первой турецкой конституции 1876 г., инициатива проведения реформ полностью находилась в руках великих европейских держав, которые использовали политику реформ для укрепления своих позиций в Османской империи.

Поскольку процесс превращения Турции в полуколонию европейских держав начался именно в разгар проведения танзиматских реформ, этот период стал объектом пристального внимания турецких исследователей, искавших причины социально-экономической отсталости Османской империи. Одним из первых критиков этого периода стал автор 12-томной истории Турции Ахмед Джеддет, принимавший активное участие в танзиматском движении. Сам он был представителем клерикальных кругов и отличался довольно консервативными взглядами и, в целом, положительно отзывался о танзимате. Вместе с тем, как зоркий наблюдатель, он не мог не заметить отрицательные последствия недалековидной экономической политики лидеров танзиматского движения. Касаясь этой темы, он с горестью писал, что попытки «модернизации империи не увенчались успехом по той причине, что большинство государственных деятелей были безнравственными невеждами и, слепо подражая всему европейскому, они волей-неволей превратились в послушных слуг Запада»¹.

К оценке реформ этого периода более трезво подходил Хайреддин-паша, занявший впоследствии пост садразма. Сетуня на

отрицательные последствия танзимата, он писал: «Сегодня наша страна превращена в сырьевой придаток Европы. Наши хлопководы, животноводы, шелкопряды и пр. в поте лица круглый год трудятся, чтобы затем продавать свою продукцию европейцам за гроши. Те же, благодаря своей развитой промышленности, перерабатывают это сырье и продают нам уже готовые фабричные изделия в десять раз дороже. Это показывает уровень отсталости экономики нашей страны, которая ввозит почти все предметы широкого потребления из-за рубежа»².

Экономическую политику танзиматских деятелей критиковал также Мехмед Шериф. В своей статье, опубликованной в газете «Терджуман-ы ахвал», он писал: «Кое-кто из наших «патриотов», как и их иностранные благодетели, считает, что наша национальная промышленность и торговля безнадежно отстали от европейских, поэтому для обеих сторон было бы выгоднее, если бы мы отказались от попыток создания собственной промышленности и занимались бы исключительно выращиванием злаков, хлопка, шелка и пр. культур. Продав это все Европе, считают они, мы могли бы приобрести золото и готовые фабричные изделия»³.

Все указанные авторы были современниками танзимата и вочью убедились в бесплодности попыток спасения Османской империи при помощи верхушечных реформ, преследовавших цель «европеизации Турции», тем более, что эта «европеизация» лишь ускорила процесс окончательного распада империи.

До провозглашения Турецкой Республики танзимат в стране считался положительным явлением и никто не осмеливался критиковать его отрицательные последствия публично. Впервые это сделал Кемаль Ататюрк. Выступая 1 марта 1922 г. на заседании ВНСТ, он подверг резкой критике политику «открытых дверей», навязанную османскому правительству англо-турецким торговым договором 1838 г. «Политика «свободной торговли», — говорил он, — подаренная нам танзиматом, нанесла непоправимый удар по нашей экономике, которая и без того не выдерживала конкуренцию Европы. Намного опередившие нас в экономическом развитии страны и добавок получили такие гарантии, что освобождали их от уплаты многих налогов и позволяли им ввозить в нашу страну любой товар в любое время. Таким образом, европейцы стали абсолютными хозяевами нашей экономики»⁴. По мнению Ататюрка, танзимат был провозглашен «с целью умиротворения немусульманских элементов, бесконечно восстававших против Порты и для успокоения их европейских покровителей»⁵.

Выступление Ататюрка как бы послужило сигналом для нападков на танзиматские реформы и на их инициаторов. В 1924 г. историк Ю. Акчуря в книге «Политика и экономика» обращался к

своим коллегам: «Господа, до недавнего времени о танзиматских реформах отзывались не иначе как о «благотельных» (танзимат-ы хайрие). Танзимат считался священным и выступление против его принципов считалось святотатством. Думаю, что настало время назвать вещи своими именами. Мы должны выявить экономические причины, толкнувшие османское правительство к политике реформ и дать объективную оценку реформам этого периода»⁶. Далее Акчура выражал уверенность, что «через несколько лет в Турции все узнают, что никакой пользы наш народ от танзиматских реформ не получил»⁷.

Окрыленные заявлениями Ататюрка и Акчуры, турецкие исследователи приступили к изучению различных аспектов танзиматских реформ. Все их труды были обобщены в сборнике, выпущенном в 1940 г. по случаю 100-летнего юбилея танзимата. Представленные в нем статьи посвящены узкоспециальным вопросам и в настоящей статье мы ограничимся лишь анализом взглядов турецких ученых на танзиматские реформы в целом.

В статье «Экономическая жизнь в годы танзимата» З. Ф. Фындыкоглу пытается дать обоснование выбору слова «танзимат». Если внимательно рассматривать документы тех лет, говорит он, то увидим, что вместо юридического понятия «канун» (закон) почти везде употребляется слово «низам» (порядок) или «танзим» (упорядочение, урегулирование). Чем же это объясняется? Тем, отвечает Фындыкоглу, что танзимат на самом деле является лишь дальнейшим усовершенствованием мусульманского права и философии, а не простым внедрением европейских нравов и институтов. Всюду преобладает мысль о том, что настоящим законом является лишь закон религиозный, а согласно шариату, установленные свыше порядки нельзя изменять, их можно только усовершенствовать. Поэтому и авторы реформ предпочли вместо юридических терминов употреблять термин религиозный — «танзимат»⁸. Возможно, Фындыкоглу прав, когда объясняет, почему этот период получил название «танзимат». Хотелось бы лишь напомнить, что «юридический термин» «закон» довольно часто употреблялся как на первом, так и на втором этапе. Тому примером могут послужить названия уголовного закона о государственных чиновниках (Memureyne dair ceza kanunu), о духовном сословии (Ulema hakkinda ceza kanunu), закона 1863 г. о вилайетах и т. д.⁹ Далее он характеризует этот период следующим образом: «Танзимат — это просто термин, принятый для обозначения событий того периода, когда резко обострились классовые противоречия в экономической жизни Османской империи. Провозглашение Гюльханейского рескрипта 1839 г., затем хатт-ы хумаюна 1856 г., принятие закона о вилайетах... — все это, можно предположить, было

ответом на выдвинутые империалистическими странами требования о проведении административных реформ»¹⁰. Как видно, он придерживается версии о навязывании политики реформ Порте извне. На самом же деле эти реформы были вызваны к жизни как результат внутреннего развития османского общества и, вплоть до 1856 г., проводились по собственной инициативе самих турецких руководителей, а европейские державы лишь пытались извлечь для себя выгоду из них. Лишь после этой даты реформы проводились под диктовкой и контролем европейских держав, и то Порта во многих случаях сохраняла известную самостоятельность.

Довольно содержательна статья А. Х. Онгунсу «Общий обзор танзиматских реформ и их причин». Танзимат, согласно Онгунсу, явился закономерным следствием реформаторского движения, начатого еще в начале XVIII в.¹¹ Причины зарождения этого движения он делит на «исторически обусловленные» и «непосредственные». К числу «исторически обусловленных» он относит: а) разложение тимариотской системы, являвшейся главной опорой государства; б) устаревание существовавшей в империи административно-правовой системы; в) утрата авторитета и влияния султанов среди подданных; г) усиление сепаратистских устремлений; д) отсутствие учреждений, которые могли бы эффективно заниматься финансовыми вопросами. Короче говоря, основными историческими причинами проведения политики реформ были ослабление централизованной государственной власти и потеря обороноспособности страны.

Непосредственным поводом для перехода к этой политике, как он считает, были успехи, достигнутые египетским пашой Мухаммедом Али в области военной, административной и финансовой¹². Период танзимата надо рассматривать как новое звено в цепи реформаторского движения, как попытку «омоложения» государства путем проведения преобразований. Это звено было более содержательным; оно охватило политику, администрацию, право, финансы, армию и т. д. Тем не менее реформы этого периода, за редкими исключениями, были поверхностными¹³. Они проводились непоследовательно. Скачки чередовались с остановками и отступлениями. Нередко реакционерам удавалось остудить пыл реформаторов. Поэтому нельзя считать танзимат фундаментальным мероприятием, тем более называть его революцией¹⁴.

Далее Онгунсу дает характеристику этого периода в следующих пунктах: 1) по сравнению с предыдущими эпохами танзимат явился крупным шагом вперед; 2) он стал переходным между абсолютной монархией и народовластьем (республикой); 3) это было одной из попыток мирного разрешения Восточного вопроса. Ценой частичной потери своей независимости османское правительство

добивалось получения коллективной гарантии европейских держав; 4) танзимат положил начало внедрению западной культуры в Османской империи¹⁵.

Все основные документы этого периода, будь то Гюльханейский хатт-ы шериф 1839 г., хатт-ы хумаюн 1856 г. и первая конституция 1876 г., были приняты под давлением внутренних и внешних факторов. Как только давление этих факторов ослабевало, они предавались забвению¹⁶.

В заключение Онгунсу высказывает предположение, что период танзимата продолжался вплоть до 1908 г., когда была провозглашена вторая конституция¹⁷.

Идею о том, что танзимат является лишь звеном в цепи реформаторского движения, или «вестернизации» («гарпылышма») защищает также Э. З. Карал в статье «Вестернизация в дотанзиматскую эпоху». Начало этого движения Карал сводит к началу XVIII в. а конец — к провозглашению республиканского строя. Первый этап вестернизации начинается в период правления дамата Ибрагим-паши, известного в истории Турции как период тюльпанов (Ляле деври). Поскольку в эти годы сношения турок с европейцами стали весьма интенсивными, считает Карал, то последние должны были повлиять на образ мышления турок¹⁸. «В эпоху тюльпанов процветают науки, развивается промышленность, основывается первая типография, появляется много переводной литературы..., начинается всеобщий прогресс аналогично европейскому. Однако этот прогресс (по наименьшему мнению Карала) был приостановлен восстанием Патроны Халила»¹⁹. В этот период, продолжает он, еще отсутствуют идейные основы европеизации. Еще не написано книг, посвященных причинам упадка империи и указывающих на пути преодоления всеобщего кризиса. Духовенство постоянно проклиняет европейцев с их новшествами, а народ, во всем покорный религии, не осознает всей серьезности создавшегося положения. Естественно, что в подобной атмосфере народ не мог требовать каких-либо реформ. Реформы в Османской империи могли быть проведены лишь сверху, как на самом деле и случилось. Они исходили либо от прогрессивно мыслящих султанов, либо от великих везиров, пользовавшихся покровительством монархов²⁰.

Действительно, танзиматские реформы не выросли на пустой почве, а явились закономерным продолжением политики преобразований, осуществлявшейся правящими кругами в предшествующую эпоху. Вместе с тем будет неправильным сводить начало этой политики к эпохе тюльпанов, предполагая, что интенсивные сношения с европейцами могли способствовать изменению традиционного образа мышления турок. Впервые серьезные попытки реорганизации армии и некоторых феодальных институтов были предприня-

ты при султанах Селиме III в конце XVIII—начале XIX вв. Основы же самих танзиматских реформ были заложены уже в годы правления Махмуда II (1808—1839 гг.), когда «европеизация» была возведена до ранга государственной политики.

Забегая вперед скажем, что взгляды Карала в целом разделяет З. А. Полар в своей монографии «Причины гибели Османской империи». «Желание османского правительства проводить реформы,—говорит Полар,—совсем не отражает стремления народных масс. Порта собственноручно отказывается от своих привилегий во имя прогресса. Оно стремится обновлять государственную структуру, а народ сопротивляется этой политике. Почему? Потому, что народ был невежественным и находился под влиянием духовенства, которое видело в реформах прямую угрозу своим привилегиям. Религиозные деятели внушали народу, что изменение существующих порядков несовместимо с духом шариата²¹.

Бесспорно, что позиция духовенства по отношению к политике реформ, не всегда была позитивной. Учитывая возможную реакцию со стороны духовенства, правительство всячески уверяло его, что основные положения танзиматских реформ не затрагивают интересы религии, и доказывало это на практике. Наглядным примером этому является тот факт, что реформы не распространялись на церковные накфы, где положение вещей оставалось прежним. Не будь поддержки духовенства, вряд ли султан и реформаторы могли бы провозглашать и проводить в жизнь реформы.

С критикой танзимата выступает также автор статьи «Внешние займы в период танзимата» Р. Ш. Сувла. Согласно его мнению, это движение, состоявшее из поверхностных и непоследовательных мероприятий, не оправдало возложенные на него правительством надежды, а превратило страну в «должника» великих держав. Катастрофическое положение, в котором очутилась страна по вине танзиматских лидеров, привело империю к финансовому банкротству. Исходя из этого можно сказать, что танзимат 1839 г. совсем не оправдывает своего названия. Действительный танзимат в Турции начинается лишь в республиканский период, когда были осуществлены реформы Ататюрка²².

Как буржуазный историк, Сувла ищет причины явлений в их внешних проявлениях. Прежде чем изложить свои доводы, он должен был обратить внимание на следующее: ухудшение финансового состояния Османской империи было обусловлено не с несостоятельностью танзиматских реформ, а с тем, что обещанные реформы большей частью остались на бумаге, и феодальные отношения, мешавшие экономическому прогрессу, сохранились; образование внешнего долга Османской империи связано с наступлением первой стадии империализма, когда вывоз капитала начинает приобретать

важное значение. В этом отношении Турция стала одной из первых, но далеко не единственной страной, превратившейся в «должника» промышленно развитых капиталистических держав; что касается «действительного танзимата республиканского периода», если танзимат определяется отсутствием финансовой зависимости, то известно, что внешняя задолженность республиканской Турции имеет все нарастающую тенденцию, что объясняется не внешними факторами, а социально-экономическим строем, господствующим в этой стране.

Статья крупнейшего турецкого историка *О. Л. Баркана* «Танзимат в истории земельного права Турции и аграрный закон 1274 (1858) г. в целом посвящена анализу исторических форм землевладения в Османской империи и призвана доказать отсутствие феодальных отношений в истории Турции. Однако, подчиняясь велениям времени, Баркан тоже пытается внести свою лепту в кампанию критики танзиматских реформ. «Естественно,—пишет он,—что государство вправе было взимать ашар (поземельный налог) с крестьян в зависимости от урожайности земли. Но танзиматские руководители, одержимые идеями установления полного равноправия во всем, решили взимать ашар со всех подданных в размере 1/10 части урожая, не считаясь с качеством земли, что привело к резкому уменьшению государственных доходов»²².

Как известно, «ашар» — основной поземельный налог. В различных районах империи он взимался в разных размерах и колебался в пределах от 10 до 50 % урожая, в зависимости от произвола властей (хотя Баркан это связывает с урожайностью земли). Такие колебания размеров ашара позволяла султанским агентам отнести крестьянские земли к той или иной категории произвольно и взимать налоги в двойном, тройном, а нередко и пятикратном размерах. Поэтому упорядочение сбора налогов и установление твердых размеров налогов, если бы они осуществились на самом деле, намного облегчило бы участь земледельцев и стимулировало бы развитие сельского хозяйства.

В статье «Теократическое государство и ланцистское государство» *С. М. Арсал* сетует на несвоевременность проведения реформ. «Люди,—пишет он,—уполномоченные реализовать политику реформ, не имели четкого представления о том, что им предстояло сделать. А те, кто приблизительно знал, какие реформы требуются стране, не имели ни власти и ни смелости для их проведения. Тем более, что и народные массы не были подготовлены к этому»²³. Арсал одним из первых турецких исследователей выдвинул предположение, получившее впоследствии широкую популярность среди его коллег. Сущность его версии состоит в том, что якобы танзиматские реформы способствовали социально-экономическому прог-

рессу христианских подданных, тогда как самах турок они почти не коснулись. «Основные принципы танзиматских хаттов (указы).— жаловался он,—касались, как правило, не мусульманских, а в первую очередь—христианских подданных султана. Мусульмане могли бы извлечь пользу лишь из некоторых реформ, касающихся законодательства и налогообложения. Турки и мусульмане в целом не приобрели ни свободы совести, ни свободы вероисповедания, так как они ими уже пользовались»²⁶.

Среди авторов сборника—С. Дж. Антел. Рассматривая те положительные сдвиги, которые произошли в Турции в середине XIX века в области просвещения, он в статье «Просвещение в эпоху танзимата» приходит к следующему заключению: «В целом танзимат стал весомым шагом по пути распространения западной цивилизации, серьезной попыткой внедрения европейских наук, попыткой освобождения государственного аппарата от влияния духовенства и создания государства европейского образца»²⁶. Однако, как бы испугавшись решительности своего заявления, Антел тут же отступает и утверждает, что «государственные деятели эпохи танзимата не смогли осуществить фундаментальных перемен в государственной структуре и правительственном механизме. Им не удалось уничтожить старые государственные институты, они осуществили лишь некоторые поверхностные преобразования»²⁷.

Я. Абадан в своей статье «Анализ танзиматского рескрипта» считает, что реформы рассматриваемого периода были вызваны к жизни необходимостью обновления и укрепления политического строя и единства; оздоровления и упрочения государственной машины, которая сотрясалась под ударами внутренних противоречий. Гюльханейский хатт-ы шериф отражает взаимоотношения между отдельной личностью (индивидуумом) и обществом и, с этой точки зрения, является документом, «содержащим юридические свободы и гарантии, предоставленные «османскому народу», нными словами, он является «настоящей конституционной хартией»²⁸. Монарх, по собственному желанию, ограничивает свои полномочия, чертит тот «волшебный круг», границы которого он не вправе переступить²⁹. Далее Абадан пишет, что в момент провозглашения танзиматского рескрипта буржуазные и либеральные взгляды в Османской империи были распространены довольно слабо, поэтому в документе не нашли места такие понятия, как свобода слова, печати, другие социальные свободы и т. д.³⁰

О причинах неудач танзиматских реформ Абадан пишет: «Любое движение, лишенное поддержки широких слоев народа, не имеет шансов на успех. Конечные цели танзиматского движения были поняты не массами, которые должны были пожинать его

плоды, а лишь теми, чьи интересы оказывались под угрозой, поэтому как первые, так и вторые встретили реформы враждебно»³¹.

Критике экономических последствий танзимата посвящена также статья О. Дж. Сарча «Танзимат и наша промышленность». Политика открытых дверей, провозглашенная англо-турецким торговым договором 1838 г., по мнению Сарча, заранее предопределила судьбу турецкой экономики. От конкуренции европейских фабричных изделий в первую очередь, пострадала текстильная промышленность страны. В 1845—1855 гг. количество ткацких станков в таких городах, как Дамаск, Алеппо, Амасья, Диварбакыр и Бурса, сильно уменьшилось. Если до 1847 г. в Бурсе действовало более тысячи шелкопрядающих станков, то в дальнейшем их осталось не более 70³². Экономический кризис, вызванный экспансией европейского капитализма в Турцию в первые годы танзимата, постепенно охватил все сферы промышленности и завершился во второй половине XIX в. полным расстройством турецкой экономики. Таков был плачевный итог внедрения западной цивилизации³³. Эту точку зрения разделяет также Ю. К. Тенгиршеян в статье «Внешнеторговая политика». «Само собой разумеется,— пишет он,—Муштафа Решид-паша и его сподвижники не могли предвидеть, что этот договор (торговый договор 1833 г.) в будущем полностью парализует экономику страны»³⁴.

Турецкие исследователи и позже неоднократно возвращались к проблематике танзиматских реформ. Однако они в основном повторяли выводы авторов статей, представленных в сборнике 1840 г. Следует отметить, что до военного переворота 1960 г., когда западная ориентация (особенно в годы правления Демократической партии) была возведена до ранга государственной политики, турецкая историография отличалась крайним консерватизмом и отсутствием научных методов при изучении истории собственной страны. После принятия конституции 1961 г. в Турции были созданы благоприятные условия для распространения прогрессивных идей среди интеллигенции и учащейся молодежи. В этой связи резко увеличился интерес к трудам классиков марксизма-ленинизма, часть которых была переведена на турецкий язык. Повышение политической активности масс заставило также турецких историков по-иному подойти к решению исторических вопросов. В 60—70 гг. их в основном занимали такие задачи, как определение места Турции в мировой истории, выявление причин ее вековой отсталости и поиски путей для ее преодоления. В связи с этим резко возрос интерес к социально-политической истории Турции, в частности к периоду танзимата, который был охарактеризован довоенной турецкой историографией как период превращения Османской империи в полуколонию империалистических держав.

Однако исследователи 60—70-х гг. не ограничивались одной лишь характеристикой танзиматских реформ: они прежде всего хотели определить социальную структуру османского общества, чтобы отнести его к той или иной формации, и показать основные линии ее экономического развития до превращения в сырьевой придаток развитых капиталистических стран.

Появление новых тенденций в турецкой историографии метко определял М. Сайджер в своей книге «Общественная структура Османской империи». «В сегодняшней Турции,—пишет он в предисловии к своей работе,—самым полемичным и самым болезненным является вопрос об общественной структуре турецкого общества. Общественное мнение страны жаждет знать: какие производственные отношения господствуют в нашей стране. А ответить на этот вопрос можно лишь тогда, когда мы будем знать общественную структуру османского общества. Иными словами, чтобы познать наше настоящее, мы должны изучать наше прошлое»⁸⁵.

Причины социально-экономической отсталости Турции одним из первых попыталась научно обосновать лидер Турецкой рабочей партии (ТРП) Бехидже Боран. В своей книге «Вопросы социализма в Турции» она выделяет две основные причины, которые помешали Турции идти нога в ногу с западной цивилизацией: а) в то время, когда на Западе происходили социальные перемены, готовившие почву для развития капиталистических отношений, в османском обществе велась интенсивная борьба за создание централизованной феодальной государственности. Следовательно, Османская империя вступила в эпоху развитого феодализма значительно позже, чем страны Запада; б) основанная на перекрестке основных торговых линий, связывавших Запад с Востоком, Османская империя могла бы идти по иному пути развития, если бы не великие географические открытия позднего средневековья. В результате этих открытий присредиземноморские страны потеряли значение в международной торговле. Пришли в упадок также крупные торговые центры Анатолии»⁸⁶.

Таким образом, в XVIII в. в противовес стремлениям капиталистического Запада превратить Османскую империю в сырьевой придаток и рынок сбыта, в стране зародилось движение за европеизацию. Вместе с тем западный капитализм, волей-неволей, способствовал зарождению капиталистических отношений и в самой Турции⁸⁷. Колониальная политика империалистических держав помешала туркам создать собственную индустрию. Эволюционировали лишь аграрные отношения, что выразилось в распространении крупного частнособственнического землевладения. После узаконения частнособственнических прав на землю в 1858 г. крупные землевладельцы превратились в самый влиятельный класс осман-

ского общества. Благодаря танзиматским реформам феодальные отношения между государством и феодалами были ликвидированы, зато они в полной мере сохранились во взаимоотношениях феодалов-помещиков с крестьянством. В итоге господствующим классом в Турции стала не промышленная буржуазия, а крупные помещики. Это положение сохранилось и в республиканской Турции³⁸.

Вышеприведенные Б. Боран причины отсталости Турции, на наш взгляд, неточны. Истории известны примеры, когда страны, где еще в середине прошлого столетия господствовали феодальные отношения (Германия, Япония), в последней четверти века догнали и обошли в экономическом развитии передовые капиталистические страны того времени. Что касается роли географических открытий, то это является лишь внешним фактором, способным в той или иной мере повлиять на ход развития, но не определять судьбу экономического развития в целом. Становление любого способа производства прежде всего обуславливается обострением внутренних противоречий общества и их разрешением на определенном этапе развития. Географические открытия были не причиной экономического прогресса Запада, а исторической необходимостью, вызванной к жизни новыми, капиталистическими отношениями. Что касается утверждения Боран о том, что капиталистические отношения в Турции начали складываться под воздействием иностранного вмешательства, было бы уместно вспомнить, что еще до начала танзиматских реформ в Турции был накоплен солидный купеческий капитал, который при условии определенного развития производительных сил мог бы перерасти в производственный капитал, т. е. привел бы к установлению буржуазных отношений. Этому помешали, во-первых, отсутствие безопасности личности и имущества; во-вторых, национальная политика турецких правителей; в-третьих, иностранное вмешательство. Большую роль в «отставании» Турции сыграли также представители феодально-помещичьей верхушки, поощряемые Западом, и политика правительства по отношению к национальной буржуазии, от предприимчивости которой во многом зависела судьба экономики страны.

К освещению танзиматских реформ посвящена глава «Танзиматская эпоха» в уже упомянутой нами книге М. Сенджера³⁹. Рассказывая о принципе равенства, провозглашенном танзиматскими лидерами, Сенджер указывает, что реформы не касались вакуфных земель, и что духовенство, по-прежнему, могло эксплуатировать население этих земель по собственному усмотрению⁴⁰. Земельная реформа 1858 г., превратившая государственные земли «мири» в частнособственнические, была проведена под давлением иностранных держав, которых не устраивали многочисленные табу, сопровождавшие государственную форму землевладения⁴¹. Это утвер-

ждение Сенджера справедливо лишь отчасти. Известно, что крупное частное землевладение было довольно широко распространено в Османской империи еще в начале XIX века. Ликвидация тимариотской (военно-ленной) системы в годы правления Махмуда II неизменно должна была привести к юридическому обоснованию прав частных землевладельцев, которые пользовались ими фактически. Султанское правительство указом 1858 г. лишь узаконила уже сложившиеся земельные отношения. Далее, основываясь на фактах, он показывает процесс превращения империи в сырьевой придаток Запада⁴². В результате недалековидной политики правительства возникли крупные сельскохозяйственные фермы—«чифтлики», продукция которых преимущественно предназначалась для экспорта⁴³.

Отсутствие государственных кредитов, которые могли бы финансировать крестьян, привело к накоплению земельных богатств в руках армянских и греческих купцов и саррафов (менял), спекулировавших землей и превращавших крестьян в своих батраков⁴⁴.

В заключение Сенджер приходит к следующим выводам: а) государственная форма землевладения, установленная где-то в середине 16 века, в период танзимата вновь уступила свое место частнособственнической форме землевладения. Этот переход был окончательно завершён в республиканский период; б) замена одной формы землевладения другой вызвала коренные изменения в общественной структуре империи; в) укоренение капиталистических отношений в сельском хозяйстве не сопровождалось установлением буржуазных отношений в городе; г) медленные темпы складывания буржуазных отношений не позволили Османской империи идти по капиталистическому пути развития.

Все это, по заявлению Сенджера, составило историческую основу отсталости современной Турции⁴⁵.

Танзиматским реформам большое внимание уделяет также Д. Авджюглу в своей книге «Государственный строй Турции. Вчера, сегодня, завтра». В отличие от Сенджера, причины отсталости Турции Авджюглу пытается выявить путем сравнительного анализа, выбрав для сравнения пример скачкообразного развития капитализма в Японии.

Реформы танзимата, согласно Авджюглу, как и торговый договор 1838 г., были задуманы Англией. Хотя сама Турция давно нуждалась в преобразованиях, которые обеспечили бы безопасность жизни и имущества, наводили бы порядок в административном управлении, торговле и т. п., но в условиях политики открытых дверей эти реформы послужили лишь интересам западного капитала и способствовали колониальному порабощению Турции. «Сторонники западной ориентации,—жалуется он,—и по сей день пре-

подносят танзимат как процесс «вестернизации» и называют главного архитектора этого периода Мустафу Решид-пашу «великим человеком». Однако подобная вестернизация наблюдается во всех неевропейских странах, ставших впоследствии колониями и полуколониями развитых капиталистических держав. Решид-паша был государственным деятелем нового образца, который сделал свою карьеру не благодаря покровительству придворных сановников, а при поддержке представителя иностранной державы—английского посла лорда Каннинга—настоящего автора танзиматских реформ⁴⁵. Для подтверждения своего заявления Авджюглу приводит отрывок из заключительной части Гюльханейского хатт-ы шерифа 1839 г., где говорится, что «дипломатические представители дружественных держав уведомляются о провозглашении танзимата». По мнению Авджюглу, это предложение дало повод европейцам для вмешательства во внутренние дела Османской империи. Ради достижения своих корыстных целей европейцы преподнесли Турции две «конфеты»: 1) гарантию территориальной целостности и независимости империи; 2) принятие Турции в сообщество европейских стран на равноправных началах. К сожалению, продолжает он, через некоторое время принцип территориальной целостности был нарушен и империя была разделена. Что касается равноправного членства Турции, то это было всего лишь пустым звуком, поскольку режим капитуляций не позволял ей защищать свои интересы на международной арене⁴⁷. Следовательно, танзиматское движение, с юридической точки зрения, было не процессом «вестернизации», а превращением в полуколонию Запада⁴⁸. Единственно, кто извлек пользу от этих реформ, это греческие и армянские компрадоры, являвшиеся слугами западного капитала⁴⁹.

Подытоживая свое отношение к танзиматским реформам, Авджюглу приходит к следующему заключению: турецкая экономика, лишенная возможности самостоятельного развития, не только не создала современной промышленности, но и лишилась своих традиционных отраслей; заняв ключевые позиции в турецкой экономике, западный капитал препятствовал ее прогрессу; в итоге не была обеспечена безопасность жизни и имущества—одни из важных факторов прогресса; не была создана административно-налоговая система, которая могла бы поощрять рост производительных сил; в конечном счете в Турции был установлен такой общественный строй, который можно характеризовать как капитализм колониального типа с преобладанием аграрной продукции⁵⁰.

К изучению истории реформ в Турции посвящена также книга Н. Беркеса «Модернизация в Турции», вышедшая на английском, затем и на турецком языках. Это книга охватывает историю реформ, начиная с XVIII в. и кончая реформами республиканского

периода. В ней большое место уделено периоду танзимата, как качественно новому периоду в истории Османской империи.

Танзиматский хатт-ы шериф 1839 г., согласно Беркесу, не является ни конституцией, ни сводом законов. Это скорее всего — хартия, аналогичная тем, что провозглашались европейскими монархами. Но, в отличие от европейских, турецкая хартия ограничивает абсолютную власть монарха лишь в его взаимоотношениях с правительством, а не народом⁶¹. Многие пункты рескрипта были сформулированы довольно туманно, что позволяло представителям великих держав внести в них свои коррективы. Вследствие этого в 1856 г. была провозглашена вторая программа реформ, так называемый хатт-ы хумаюн 1856 г., который состоял из конкретных реформ, которые Порты обязалась проводить⁶². Если рескрипт 1839 г. в принципе отражал стремления мусульман, то хатт-ы хумаюн 1856 г. отвечал интересам лишь христианских подданных, по этой причине был встречен в штыки многими государственными деятелями и духовенством. Этот документ стал манифестом национальной независимости христианских народов империи⁶³.

Одним из танзиматских новшеств было отделение гражданского судопроизводства от религиозной, т. е. создание судов «низамийе» (в отличие от религиозных — «шерийе»), которые подчинились вновь созданному министерству юстиции, тогда как шариятские суды оставались в подчинении шейх-уль-ислама. Подобный дуализм в судопроизводстве привел к обострению противоречий в правовой системе Турции и нередко вызывал конфликты между сторонниками «лаицизма» и «шарията»⁶⁴.

Указ 1856 г. сыграл важную роль в жизни христианских подданных. Были созданы благоприятные условия для образования их национального единства. С другой стороны, в состав вновь созданных национальных советов, так называемых меджлисов, вошли не клерикалы, а гражданские лица. В итоге танзимат способствовал становлению христианских наций, управление которых с самого начала было доверено гражданским чиновникам. Они получали стимул к созданию национальных лаицистских государств. В этой области, пишет Беркес, особых успехов добились армяне, которые провозгласили свою национальную конституцию, утвержденную в 1863 г. турецким правительством. Думается, что танзиматские лидеры при составлении текста первой турецкой конституции (1876 г.) многое переняли от конституции армян⁶⁵.

Что касается мусульман, то религиозные правила мешали им объединиться вокруг одной нации. А насчет лаицизации государства не могло быть и речи. В Османской империи нельзя было допустить возможности существования независимой от государства религиозной организации. Столкновение религиозных догм с пе-

рениями у Запада институтами постепенно привело к тому, что государство лишилось своих юридических основ, и вместе с тем оно не смогло стать представителем подданных всех национальностей. В результате возникло конституционное движение турок, основанное на принципах национализма⁵⁶.

Большой ошибкой танзиматских лидеров было их пренебрежительное отношение к экономическим предприятиям. В то время как у христиан (преимущественно у армян и греков) развивалась национальная буржуазия, не были созданы условия для образования собственно-турецкой буржуазии, которая могла бы стать носителем общенационального прогресса⁵⁷.

Неустойчивая внутренняя политика правительства способствовала возникновению разных политических течений—панисламизма, паносманизма и пантюркизма. Представители этих течений по-разному пытались разрешить внутренние противоречия османского общества, но особого успеха не добились⁵⁸.

Таким образом, танзиматские реформы, в изложении Берхеса, были положительными лишь только для подданных христиан, а самим туркам ничего, кроме обострения внутренних противоречий общества, не дали. Здесь было бы уместно привести изречение Маркса о том, что «греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю, и у них нет решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за возможность ею заниматься»⁵⁹. Становление инонациональной торговой буржуазии в Османской империи началось задолго до танзимата, и если накопленный в ее руках торговый капитал не превратился в промышленный (что дало бы большой толчок развитию экономики империи в целом), то в этом виноват в первую очередь социально-экономический строй Османской империи.

В заключение нам бы хотелось остановиться еще на одной книге, «доказывающей» привилегированное положение армян, полученное ими в результате танзимата. Эта книга Инайетуллаха Джемала Озкая, изданная на французском языке и носящая провокационное название «Армянский народ и попытки порабощения турецкого народа». Здесь мы не будем говорить об антинаучных взглядах автора, пытавшегося (даже основываясь на армянских источниках!) доказать, что истории армянского народа и армянского государства вообще не существовало, а остановимся лишь на той главе книги, где он «анализирует» положение армян в годы танзимата.

Рескрипты этого времени, согласно Озкаю, позволяли христианам принимать активное участие в общественно-политической жизни империи и пользоваться всеми правами, что и мусульмане.

Они могли называть себя «османлы», могли стать членами всяких административных советов, словом, пользоваться всеми благами⁶⁷.

Османская администрация, действительно, не была лишена пороков: ее извратили постоянные войны, восстания и т. д. Как бы там не было, от провозглашения администрации больше всех страдало турецкое население (1), носившее на своих плечах всю тяжесть военной службы, тогда как немусульмане откупались от нее и, занимаясь торговлей и ремеслами, постепенно приобщались к западной цивилизации. Турки же имели свою «древнюю цивилизацию, от которой не хотели отказаться, поэтому все новое воспринимали с явной неохотой»⁶⁸. Поскольку иностранными языками преимущественно владели армяне, турецкие власти разрешали им занимать важные посты в разных государственных учреждениях. Лояльность и преданность, проявленные армянами, оценивались турками, которые называли их преданным народом — «миллет-и садыка». Им разрешали заниматься банкирством, торговлей и ремеслами. «Кто мог бы подумать, что когда-нибудь армяне восстанут против государства и заключат союз с врагами империи и потребуют автономии и даже независимости!»⁶⁹. После заключения Парижского трактата 1856 г. армяне в Турции пользовались почти полной независимостью и национальным суверенитетом. Правительство имело лишь теоретическое право контролировать деятельность армянского Национального совета, но этим правом почти не пользовалось. Несмотря на все это, армяне восстали против турок, чтобы на руинах Турции создать свое государство⁷⁰. Критиковать взгляды Озкая было бы излишне, поскольку советские туркологи подвергли доскональной критике антинаучные извращения исторических фактов турецкими историками, тем более, что Озкая лишь повторяет доводы реакционно настроенных турецких исследователей.

В последнее время в Турции опубликованы и другие работы, однако большинство из них повторяют уже изложенные здесь точные зрения.

Обобщенные взгляды турецких исследователей, занимающихся проблемами периода танзимата, дают возможность сделать следующие выводы. Танзиматские реформы стали объектом пристального изучения туркологов многих стран, в том числе и самих турок, еще во второй половине прошлого века. Авторы первых заметок о танзимате были очевидцами событий тех времен, свидетелями развала экономики империи и поэтому критиковали танзиматских лидеров за неумелую экономическую политику, превратившую страну в сырьевой придаток развитых промышленных стран. Интерес к этому периоду сильно возрос после критических выступлений Ататюрка. В 20—30-х гг. в турецкой историографии был выра-

ботан новый подход к оценке танзиматских реформ. Взгляды турецких исследователей были обобщены в танзиматском сборнике, выпущенном в 1940 г. Несмотря на некоторые разногласия, авторы этого сборника в целом придерживались следующих взглядов: а) Танзимат является звеном в цепи реформаторского движения, которое берет свое начало с XVIII века и завершается реформами Ататюрка, поэтому его надо рассматривать в историческом развитии; б) в отличие от предыдущих и последующих реформ, реформы танзимата проводились под диктовкой западных держав и преследовали цель удовлетворить общественное мнение Европы и христианских подданных империи; в) реформаторское движение было результатом стараний отдельных государственных деятелей империи, а народные массы в нем не принимали никакого участия; г) реформы этого периода были поверхностными и непоследовательными, но в какой-то степени способствовали внедрению европейской цивилизации в Османской империи.

Здесь следует особо остановиться на утверждении о якобы «внеклассовости» танзиматских реформ, поскольку идея о пассивности народных масс в этом движении весьма популярна среди турецких и западных исследователей. Что такое реформа и почему она проводится? На этот вопрос исчерпывающий ответ был дан классиками марксизма-ленинизма. «Реформа,— писал В. И. Ленин,— есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»⁶⁴.

В силу особых обстоятельств классовая борьба в Османской империи с самого начала приняла национальную форму, поскольку подавляющую часть населения империи составляли нетурецкие народы. Национально-освободительная борьба против турецкой тирании одновременно была социальной борьбой, направленной против господствовавшего феодального класса, который, как правило, был представлен турками. Истории известны факты, когда против произвола феодалов многие турецкие трудящиеся боролись совместно с нетурецкими народами. «Социальные реформы,— писал К. Маркс,— никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых»⁶⁵. По всей видимости, мощным фактором, заставившим правящие классы Турции проводить реформы вообще и танзиматские, в частности, было именно давление «слабых», т. е. народных масс всех национальностей. Что касается внедрения европейской цивилизации, то подобная европеизация, или «вестернизация», происходила во всех странах, превращенных в колонии и полукolonии капиталистических держав.

Вторично интерес турецких исследователей был прикован к реформам танзимата в 60—70-х гг. XX в. в связи с возросшим интересом к социально-экономической истории Турции среди интеллигенции и учащейся молодежи. Несмотря на противоположность убеждений, в освещении вопросов истории, авторы рассмотренных выше работ во многом солидарны друг с другом. Например, такие исследователи, как Б. Боран, М. Сенджер, Д. Авджиоглу и др. в своих исследованиях пытаются определить место Османской империи в общечеловеческой истории и выявить характер существовавших в ней социально-экономических отношений.

Մ. Յ. ԲՈՂՈՒՑԱՆ

**ՔԱՆԶԻՄԱԹՅԱՆ ԲԱՐԵՓՈՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԼՈՒՍԱՐԱՆՈՒՄԸ
ՔՈՒՐԲԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

Ա մ ֆ ո ւ փ ու մ

XX դարի 30—70-ական թթ. օսմանյան կառավարող շրջանների կողմից իրագործված բարեփոխությունները, որոնք հայտնի են թանգիմաթյան բարեփոխություններ անվանումով, վաղուց գրավել են արևելագետների ուշադրությունը: Բուն Քուրքիայում, մինչ հանրապետական կարգերի հաստատումը, այդ հարցի մասին առանձին աշխատություններ չեն եղել: Թանգիմաթը թուրք պատմաբանների հատուկ ուսումնասիրության առարկա է դարձել լոկ XX դարի 30-ական թթ-ին, երբ նրանց ընդհանուր շանքերով լույս է տեսել «Թանգիմաթ» բազմաժամալ աշխատությունը, որը նվիրված է Հիշյալ շրջանի հարցերի բազմակողմանի լուսարանմանը:

Այդ բարեփոխությունները վերստին թուրք հետազոտողների ուշադրության կենտրոնում էին գտնվում դարիս 60—70-ական թթ-ին՝ Քուրքիայի դարավոր հետամնացության պատճառները լուսարանելու ուղղությամբ ծավալված վիճարանության առթիվ: Որոշ հեղինակներ փորձում են որոշել Օսմանյան կայսրության տեղը համաշխարհային պատմության մեջ և բնութագրել նրանում գոյություն ունեցող սոցիալ-տնտեսական հարաբերությունները:

- 1 N. Berkes, *Türkiyede Çağdaşlaşma*, Ankara, 1973, s. 207—208.
- 2 Z. Polar, *Osmanlı İmparatorluğunun Çöküş Sebepleri*, İstanbul, 1962, s. 23.
- 3 „Tercüman-ı Ahval“, 13 sefer 1275 (20 ağustos 1861); *Türk Ziraat Tarihine Bir Bakış*, İstanbul, 1938, s. 109.
- 4 D. Avcıoğlu, *Türkiyenin Düzeni* (Dön, bugün, yarın), 4. basım, aralık, 1969, s. 77.
- 5 *Atatürk, Söylev ve Demeçler*, c. I, s. 199.
- 6 Y. Akçura, *Siyaset ve İktisat*, İstanbul, 1924, s. 64.
- 7 Там же.
- 8 Z. F. Findiköğlu, *Tanzimatta İçtimat Hayat*,—Tanzimat, I, İstanbul, 1960, s. 657—658.
- 9 H. Veldet, *Kanunlaştırma Hareketleri ve Tanzimat*,—Tanzimat, I, s. 170—171.
- 10 Z. F. Findiköğlu, a. g. y., s. 644.
- 11 A. H. Ongunso, *Tanzimat ve Amillerine Umumi Bir Bakış*,—Tanzimat, I, s. 10.
- 12 Там же, с. 6.
- 13 Там же, с. 7.
- 14 Там же, с. 8.
- 15 Там же, с. 9.
- 16 Там же, с. 10.
- 17 Там же.
- 18 E. Z. Karal, *Tanzimattan Önce Garplılaşma Hareketleri*,—Tanzimat, I, s. 14—15.
- 19 Там же, с. 15.
- 20 Там же, с. 17.
- 21 Z. A. Polar, a. g. y. s. 23.
- 22 R. S. Savila, *Tanzimat Devrinde İstikrazlar*,—Tanzimat, I, s. 263.
- 23 O. L. Barkan, *Türk Toprak Hukuku Tarihinde Tanzimat ve 1274 (1858) tarihli Arazi Kanunnamesi*,—Tanzimat, I, s. 357.
- 24 S. M. Arsal, *Teokratik Devlet ve Laik Devlet*,—Tanzimat, I, s. 93.
- 25 Там же, с. 92.
- 26 S. C. Antel, *Tanzimat Maarifi*,—Tanzimat, s. 445.
- 27 Там же.
- 28 Y. Abadan, *Tanzimat Fermanınınin Tahlili*,—Tanzimat, I, s. 33.
- 29 Там же, с. 42.
- 30 Там же, с. 53.
- 31 Там же, с. 56.
- 32 O. C. Sarç, *Tanzimat ve Sanayimiz*,—Tanzimat, I, s. 423—425.
- 33 Там же, с. 428.
- 34 Y. K. Tengirsenk, *Harici Ticaret Siyaseti*,—Tanzimat, I, s. 319.
- 35 M. Sencer, *Osmanlı Toplum Yapısı Devrim Stratejisi Açısından*, İstanbul, 1969, s. 5.

- 36 *B. Baran*, Türkiye ve Sosyalizm Sorunları, İstanbul, 1968, s. 7—13.
- 37 Там же, с. 15.
- 38 Там же.
- 39 *M. Senter*, а. г. у., с. 311—324.
- 40 Там же, с. 312.
- 41 Там же, с. 318.
- 42 Там же, с. 321—322.
- 43 Там же, с. 323.
- 44 Там же, с. 324.
- 45 *D. Acetoğlu*, а. г. у., т. 79—80.
- 47 Там же, с. 81.
- 48 Там же, с. 324.
- 49 Там же, с. 82.
- 49 Там же.
- 50 Там же, с. 116.
- 51 *N. Berkes*, а. г. у., с. 187.
- 52 Там же, с. 189.
- 53 Там же, с. 190.
- 54 Там же, с. 190—192.
- 55 Там же, с. 201.
- 56 Там же, с. 202.
- 57 Там же, с. 218.
- 58 Там же.
- 59 *K. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. II, т. 10, с. 25.
- 60 *J. CÖskaya*, Le Peuple Arménien et les tentatives de rendre en servitude. le Peuple Turc, Ankara 1973, p. 183.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.
- 65 *K. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. II, т. 4, с. 254—255.

Հ Հ Գ Ա Ն Ս Տ Յ Ա Ն

ԱՐՆՎՄՏՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԲՆԱԿՉՈՒԹՅԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ԿԱԶՄԸ
ԸՍՏ ՎԻՏԱԿ ՔԻՆԵՒ ՎԻՃԱԿԱԳՐՈՒԹՅԱՆ

Վ. Քինեի քառահատոր «Ատիական Քուրքիան» աշխատությունը, որը հրատարակվել է XIX դ. 90-ական թվականներին, այլազան բնույթի շահեկան տեղեկությունների հետ ապիտ է նաև Օսմանյան կայսրության տսիական վիլայիթների, վարչական ենթաշրջանների՝ սանջակների, կազանների, քաղաքների բնակչության ազգային կազմի վերաբերյալ վիճակագրական տվյալներ¹։ Այն, մանրամասնությունների տեսակետից եզակի լինելով, դարձել է բազմաթիվ ուսումնասիրությունների, հանրագիտարանների, տեղեկատուների և գիվանագիտական փաստաթղթերի հիմնական սկզբնաղբյուր։

Սակայն Քուրքական պաշտոնական և մեծ մասամբ մինչ այդ չհրատարակված տվյալներ ընդգրկող այդ վիճակագրությունը զերծ չէ մի շարք խոշոր թերություններից, հեղաթյուրված է ներկայացնում վիլայիթների դեմոգրաֆիական վիճակը, բնակչության ազգային կազմը, մասնավորապես արևելյան վիլայիթների մեծ մասում հայ ազգաբնակչության թվաքանակը։

Մի շարք պատմաբաններ, անդրադառնալով Արևմտյան Հայաստանի հայ ազգաբնակչության թվաքանակի հարցերին, իրավացիորեն խորհուրդ են տվել քննադատաբար մոտենալ Վ. Քինեի հրատարակած տվյալներին, սակայն նկատված թերությունները, սխալները փորձել են պատճառաբանել ընդհանրապես Օսմանյան կայսրությունում կանոնավոր վիճակագրության քաղաքականության, զինվորական հարկից ազատվելու նպատակով քրիստոնյաների հաշվառումից խուսափելու, հայկական հարցի կապակցությամբ Քուրքական իշխանությունների կողմից հայ ազգաբնակչության թվաքանակը դիտավորյալ նվազեցնելու հանդամանքներով։ Ոմանք էլ, հայկական հարցի նկատմամբ ունենալով մերժողական արամագրություններ, աշխատել են Վ. Քինեի վիճակագրության տվյալները ներկայացնել որպես հավաստի։

Ուստի, ներկա հոգովոր հնարավորությունների սահմաններում կաշխատենք ցույց տալ հայ ազգաբնակչության թվաքանակի վերաբերյալ վիճակագրության հեղինակի թույլ տված սխալները և միտումները:

Հայ ազգաբնակչության թվի միտումնավոր նվազեցումը թուրքական իշխանությունների և Վ. Քիենի կողմից կատարվել է հիմնականում երկու եղանակով.

Առաջին՝ սովորական նվազեցման եղանակ. հաշվի են առնվում խեղրտ առարկա վիլայեթի կամ ենթաշրջանի բոլոր հայաբնակ բնակավայրերը, սակայն զրանց հայ ազգաբնակչությունը ներկայացվում է նվազեցված:

Երկրորդ՝ առանձին ենթաշրջաններում բնակչության ամբողջովին կամ մասնակի անտեսման եղանակ: Այս եղանակը հնարավորություն է տալիս մոռացության մատնել ավելի քան հարյուր հազար հայերի միայն Արևմտյան Հայաստանում: Այս եղանակի առկայությունը Վ. Քիենի վիճակագրության մեջ դիտողների ուշադրությունը չի գրավել, թեև, օրինակ, Արշակ Ալթույաշյանը Մալաթիայի կազայի վերաբերյալ վիճակագրության տվյալները քննարկելիս նկատել է, որ թե՛ ամբողջ կազայում, թե՛ կենտրոնական ավանում (Մալաթիա քաղաքում) բնակվող կաթոլիկ և բողոքական հայերի համար նույն թվերն են տրվում, և որ Մալաթիայի գավառում, ըստ այդ տվյալների, բացի քաղաքից, ուրիշ տեղ կաթոլիկ և բողոքական հայեր չկային, ու պատասխանում է, որ սխալ է, վասն զի կայինք:

Երկրորդ եղանակը, առաջինի հետ զուգակցված ավելի լայն և միանգամայն ավելի բացահայտ օգտագործվել է Արևմտյան Հայաստանի երկու վիլայեթներում՝ Վանում և Խարբերզում, նաև հարևան Հալեպի վիլայեթում: Եվ պատահական չէ, որ այդ երեք վիլայեթների հայ ազգաբնակչության վերաբերյալ տվյալները խիստ տարբերվում են Վ. Պուլի հայոց պատրիարքարանի կողմից ներկայացված տվյալներից: Ուստի կանգ կառնենք այդ վիլայեթների վրա:

Ա Վ Ա

Վանի կազան ղեկն XIX դ. վերջերին Արևմտյան Հայաստանի բազմամարդ և առավել հայաշատ կազաններից մեկն էր: Այնտեղ կային բազմաթիվ գյուղեր: Ըստ Վ. Քիենի՝ 154 գյուղ²: Այդ թիվը համապա-

տասխանում է իրականությունը: Վանի վիշաշիթի 1837 թ. տարեգիրքը ևս հազարում է 154¹: Սակայն նույնը չի կարելի ասել ազգաբնակչության վերաբերյալ Վ. Քինեի կողմից բերված տվյալների համար: Ըստ Վ. Քինեի, Վանի կազայի ընդհանուր բնակչությունը կազմում էր 35500 մարդ², որից 30 հազարը բնակվում էր Վան քաղաքում³: Նշանակում է, որ 154 գյուղերում բնակվում էր ընդամենը 5500, կամ միջին հաշվով մեկ գյուղում 36 մարդ: Վանի կազայի ղեմագրաֆիական վիճակին ժամոթ որևէ մեկը չի կարող ընդունել այդ համեմատությունից բխող հետևությունը և բնականաբար կմտածի խոշոր մի սխալի առկայություն մասին:

Վանում աուսական հյուպատոսի տեղակալ Վ. Տ. Մայակին մտաբերից ծանոթ լինելով Վանի ղեմագրաֆիական վիճակին, թեև հիմնականում Վ. Քինեի տվյալներն ընդունում է, սակայն անհրաժեշտ է համարում կանգ առնել վերը բերված սխալի վրա: Նա իրավացիորեն գրում է. «Կարելի է ցույց տալ 3—4 գյուղեր, որոնցից յուրաքանչյուրն ունի 1000—1500 բնակչություն: Իսկ ի՞նչ է մնում մնացյալ 150 գյուղերին...»: Եվ իր այս հարցին տալիս է հետևյալ պատասխանը. «Գիտք է ենթադրել, որ Վանի կազայի բնակչությունը թվարկելիս սխալմամբ ընդհանուր գումարի մեջ չի մտել Վան քաղաքի բնակչությունը⁴: Այդ կարծիքին է հղել նաև Գրյազնովը: Սակայն և՛ Մայակին, և՛ Գրյազնովը սխալվում են, որովհետև ինչպես ցույց է տալիս Վանի կազայի և Վան քաղաքի բնակչության վերաբերյալ տվյալների ազելի մանրամասն՝ ըստ ազգությունների համեմատությունը, Վ. Քինեի կողմից հաշվառման չի ենթարկվել ոչ թե քաղաքի ընդհանուր բնակչությունը, այլ՝ հայ գյուղացիությունը:

Ըստ Վ. Քինեի, Վանի կազայում բնակվում էին 21500 մահմեդականների հետ 12498 հայեր, 1002 այլ քրիստոնյաներ և 500 հրեաներ⁵: Սակայն նույնիսկ նվազեցված տվյալներով այդ 12498 հայերը, 1002 այլ քրիստոնյաները և 500 հրեաները միայն Վան քաղաքի բնակիչներն են եղել⁶:

Ուրեմն Վ. Քինեի ամբողջովին անտեսում է Վանի կազայի ոչ մահմեդական գյուղացիությունը, որը հիմնականում հայերից էր բաղկացած: Ըստ այդ համեմատության, գյուղերում բնակվում էին միայն 5500 մահմեդականներ:

Մեկ մնում է ապացուցել մի հանրահայտ փաստ, որ Վանի կազայում կային հայաբնակ գյուղեր: Համառոտակի անդրադառնանք այդ հարցին:

Հաս Վ. Տ. Մայնակու կողմից բերված գյուղացուցականների, որոնք հավանաբար ընդօրինակված են թուրքական պաշտոնական անտիպ աղբյուրներից, Վանի կազայում, այսինքն՝ նրա Վան-Տոսպ, Հայոց Ձոր, Քիմար և Արճակ նահիյեներում (գյուղախմբերում), Վան քաղաքից բացի, կային 167 գյուղեր՝ 7739 տուն ընդհանուր բնակչությամբ: Հայաբնակ էին 106 գյուղեր, որոնցից 46-ը՝ զուտ հայաբնակ, Հայ գյուղացիությունը բաղկացած էր 4824 տնից, որը կազմում էր տների ընդհանուր թվի 62 տոկոսը¹¹:

Ա-Դոյի շանքերով կազմված գյուղացուցականների համաձայն, Վանի կազայի նույն շորս նահիյեներում կային մոտավորապես նույնքան հայաբնակ գյուղեր՝ 110 գյուղ (5781 տուն), Մայնակու տվյալների համեմատությամբ 957 տուն ավելի, ուր Ա-Դոյի կարծիքով կարելի է հաշվել 38 հազար մարդ¹²: Մեր կարծիքով այդ թիվը կարելի է ընդունել որպես նվազագույն թիվ, որովհետև Վ. Քիևեի վիճակագրության կազմվելու թվականին, այսինքն՝ հայկական կոտորածներից առաջ, հայերը բնականաբար ավելի մեծ թիվ էին կազմում:

Վ. Քիևեի վիճակագրության մեջ անախձել են նաև Վանի կազայի գյուղերում բնակվող, թեև փոքրաթիվ նեոստորականները (187 տուն), եզիդի քրդերը (138 տուն)¹³:

Բ. ՄԵԾԿԵՐՏ, ՔԵՐԻՆ, ԲԵՐՎԱԿ

Հայ գյուղացիությունը ամբողջովին անախձել է նաև Բերզակի, Մեծկերտի և Չարսանչակի (Քերքիի) կազաներում, որոնք ըստ վարչական բաժանման, մտնում էին հարթերդի վիլայեթի Դերսիմի սանչակի մեջ:

Վ. Քիևեի տվյալների համաձայն Բերզակում բնակվում էին ընդամենը 701 հայեր, Մեծկերտում՝ 811, Քերքիում՝ 819, բոլորը համանուն գավառականների կենտրոնական ավաններում, իսկ գյուղերում՝ մահմեդականներ, քրդեր և զվլբաշներ¹⁴:

Համաձայն Վ. Քիևեի ներկայացրած վարչական բաժանման, հարնձան այդ գավառակները առաձիճի կազաներ էին: Սակայն թե՛ Վ. Քիևեից առաջ և թե՛ հետո, դրանք հաճախ որպես ենթաշրջաններ, մտնում էին մեկը մյուսի մեջ: Ուստի ավելի նպատակահարմար է դրանք դիտել որպես մի ամբողջություն: Իրոք ոչ հեռավոր անցյալում այդ երեք գավառակները Սաղմանի հետ միասին կազմում էին վարչական մի միասնություն՝ Չարսանչակ (Չորս գավառ) անվանումով: Հայկական եկե-

դեցու թեմական բաժանումը ևս համապատասխանում էր վարչական այդ բաժանման: Բերդակը, Բերրին, Մեծկերտը հանդիսանում էին Չարսանչակի առաջնորդութիւն թեմերը: Չարսանչակի առաջնորդութիւնն էին կապված նաև Խոզաթի գավառակի 11 և իրենց տեղադրութիւնը Չարսանչակին հարող մի քանի այլ հայաբնակ գյուղեր, թեև վարչական բաժանումով մտնում էին այլ կազմների մեջ¹⁴:

Չարսանչակը որպէս վարչական միավոր, երկար չի պահպանել իր գոյութիւնը: Տրուգիւն է առանձին շրջանների: Սակայն հայկական եկեղեցու թեմական բաժանումը մինչև առաջին համաշխարհային պատերազմը հիմնականում մնացել է անփոփոխ: Այդ պատճառով էլ «Չարսանչակ» հասկացութիւնը հայկական պատմաազգագրական զբոսականութիւն մեջ ընկալվում է նույնպէս անփոփոխ:

Չարսանչակն այդ սահմաններում Արևմտյան Հայաստանի հայաբնակ գավառներից էր:

Բացի Խոզաթին ևնթակա 11 և մի քանի այլ գյուղերից, որոնք վարչական բաժանումով պատկանում էին հարևան կազմներին, Բերրիի, Բերդակի, Մեծկերտի գավառակներում, կենտրոնական ավաններից բացի, կային 60-ի մոտ հայաբնակ գյուղական բնակավայրեր, որոնց հայ ազգաբնակչութիւն թիվը հասնում էր 15 հազարի: Կարելի է վիճարկել, իհարկե, այդ թիվը: Սակայն կարևոր են հարաբերական թվերը ևս: Այդ դեպքում էլ, թեև տարրեր աղբյուրներ տարրեր թվեր են ներկայացնում հայ և այլազգի բնակչութիւն համար, այնուամենայնիվ ցույց են տալիս, որ հայերը կազմում էին բնակչութիւն մեծամասնութիւնը: Ըստ 1872—1873 թթ. Կ. Պոլսի Հայոց պատրիարքարանին կից Ազգային Կենտրոնական վարչութիւն հրատարակած գավառական վիճակագրութիւն, Չարսանչակի այդ 60 գյուղերի 2252 տուն բնակչութիւնից 1254-ը (56%) հայեր էին¹⁵, իսկ ըստ 1894 թ. մարդահամարի տվյալների՝ 2373 տնից՝ 1769-ը (60%)¹⁶:

Այդ մասին է վկայում նաև Խարրերդի վիլայեթի 1880 թ. պաշտոնական վիճակագրութիւնը, ուր ներկայացված է վիլայեթի միայն ազամարդկանց թիվը: Հայերի վերաբերյալ թվերը քաղված են զինվորական հարկը վճարողների, իսկ մահմեդականների (թուրքերի) վերաբերյալ տվյալները՝ զինծառայութիւն համար պահվող կառավարական ցուցակներից: Մահմեդականների թվի վրա գումարվել է նաև քրդերի և զվարաններ թիվը¹⁷: Այդ վիճակագրութիւն մեջ Չարսանչակի վարչական բաժանումն էլ մի քիչ այլ կերպ է ներկայացված: Կազմ է հիշվում միայն Բերրին, իսկ Բերդակը՝ նրա նահիեն: Հավանական է, որ Մեծ-

կերտն էլ գտնվում էր Բերրիի կազմում: Այդ վիճակագրության համա-
ձայն, շնայած Բերդակի կաշիում բնակչության մեծամասնությունը
մահմեդականներ էին, այնուամենայնիվ ամբողջությամբ վերցրած
Բերրիի կազայում նորից հայերն էին կազմում բնակչության մեծա-
մասնությունը (32%):

Մինչդեռ Վ. Քիննի վիճակագրությունը, նվազեցնելով քաղաքա-
բնակ հայ ազգաբնակչության թիվը և բոլորովին անտեսելով հայ
գյուղացիությունը, այդ երեք հարևան գավառակների հայ ազգաբնակ-
չությունը ներկայացնում է ամբողջ բնակչության 12% -ը:

9. Մ Ա Ր Ա Շ

Ըստ Քիննի, Մարաշի կազայում բնակվում էին ընդամենը 6015
հայեր, այդ թվում՝ 6008 քաղաքաբնակներ¹⁰, Պարզվում է, որ հայ
գյուղացիությունը բազկացած էր ընդամենը 7 մարդուց: Լեռնաբար
այստեղ ևս հայաբնակ գյուղերն անտեսվել են: Մարաշի կազայում
կային մի շարք մեծ ու փոքր հայաբնակ գյուղեր: Ըստ Գր. Լ. Գալուսա-
յանի «Մարաշ կամ Գերմանիկ» գրքի տվյալների, որտեղ տեղեկու-
թյուններ են արվում 22 գյուղերի մասին, իրենց բազմամարդությամբ
այքի են ընկնում Ֆրեսընգը (400—500 տուն), Դերե-քյոյն (140 տուն),
Քիշիֆլին (80 տուն), Ննիչե-կալեն (Նասարա) և Գյոնգեկեն (յուրա-
քանչյուրը 60-ական տուն): Մնացյալները եղել են փոքր՝ 10—30 տուն
բնակչությամբ¹¹:

9. Ա Լ Ի Ի Ս Տ Ա Ն

(Հալեպի վիլայեթում)

Մարաշի սանջակի Ալքիստանի կազայում, ըստ Վ. Քիննի, եղել են
միայն 154 հայեր՝ բոլորը քաղաքաբնակներ¹²:

Վ. Քիննեն իր աշխատության հրկրորդ հատորի 114-րդ էջում առան-
ձին աշխուսակով տվել է Հալեպի վիլայեթի բնակչության վիճակագրու-
թյունը՝ ըստ սանջակների և կազաների, որտեղ մի շարք կազաներում
նվազեցված է հայերի և յափազանցված՝ այլ քրիստոնյաների թիվը: Նա
կազաների մասին առանձին-առանձին խոսելիս, ըստ հրնայթին, կատար-
ված խեղաթյուրումն ընթերցողի ուշադրությունը չհանձնելու նպատակով,
տալիս է քրիստոնյաների ընդհանուր թիվը՝ փակագծերում նշելով,
որոշ թանթություններ ազգությունների մասին: Այսպես, ամբողջ Ալ-

քրիստանի գաղափարի և համանուն քաղաքի վերաբերյալ վիճակագրութեան մեջ տրվում է քրիստոնյաների ընդհանուր թիվը՝ 2954 մարդ²⁵։

Ս. Էփրեկյանի տվյալներով հայերի թիվը հասնում է 3000-ի։ Սակայն նա ևս անտեսում է երկու հայաբնակ գյուղեր²⁶։ Այդ սխալը, պարզ է, որ դալիս է նրա օգտագործած աղբյուրից՝ Վ. Քինեի վիճակագրությունից։ Ս. Էփրեկյանը, որն ընդհանրապես կասկածի է ենթարկում Վ. Քինեի տվյալները, ներկա դեպքում, լսելյալն ուղղում մտցնելով նրա տվյալների մեջ, իրավացիորեն 3000 քաղաքաբնակ քրիստոնյաների ներկայացրել է որպես հայեր։ Սակայն, ըստ երևույթին, անհնար է անընդհատ սխալների հետ գործ ունենալ և շտապվել։ Նա չի նկատել, որ միտումնավոր կերպով անտեսվել են երկու գյուղեր՝ Ալքիստան քաղաքից 3 ժամ հեռավորություն վրա գտնվող 25 տնից բաղկացած Գյավուր գյուղը²⁷ (Քլաֆիրքենդի) և միտամանակ երկու՝ Յարփուղ և Էֆսուս (Եֆեսոս) անուններով հայտնի, շուրջ 2000 հայ բնակիչ ունեցող գյուղեր։ Վերջինս, կարելի է ասել, մի փոքր գյուղաքաղաք էր²⁸։

Ե. Ա Ն Ի Բ Ա Պ

(Չալուխ վիլայեթում)

Քե՛ կազալի, թե՛ քաղաքի հայ բնակչության համար Վ. Քինեի տալիս է նույն թիվը՝ 4640²⁹։

XVIII դ. Այնթապի շուրջ գտնվող հարյուրից ավելի գյուղեր ամբողջովին հայաբնակ էին³⁰։ Սակայն XIX դ. վերջերին դրանցից մնացել էր միայն մեկը՝ Օրուլը՝ 40—50 տնից բաղկացած³¹, որն էլ անտեսվել է Վ. Քինեի կողմից։

Զ. Ո Ի Բ Յ Ա

(Չալուխ վիլայեթում)

Ուրֆայի սանչակը՝ բաղկացած էր չորս կազաններից. Ուրֆա, Ռումկալի (Հոռմկլա), Բիրեչիկ և Սրուլ։ Ըստ Վ. Քինեի, Ուրֆայի սանչակում ընդամենը երկու հայաբնակ բնակավայրեր կային. Ուրֆա և Բիրեչիկ ավանները։ Առաջինում բնակվում էին 5022 հայեր³², երկրորդում՝ 1415³³։ Բիրեչիկի համար ջուլց տրված թիվը համապատասխանում էր իրականությանը, սակայն Ուրֆայի բնակչության վերաբերյալ տվյալը մոտավորապես չորս անգամ փոքր է իրականից³⁴։ Միայն այդ երկու ավաններն ընդունելով որպես հայաբնակ, Վ. Քինեն անտեսում է Ուր-

Ֆայի սանչակի բուր հայարենակ գյուղերը, ինչպես նաև հայերի առկայութիւնը Հոռմկլա և Սրուշ ավաններում:

Հոռմկլա (Խալֆեթի) և Սրուշ ավաններում բնակվում էին ոչ մեծ թվով հայեր. Հոռմկլայում 1907 թ. տվյալներով՝ 6—8 տուն, իսկ Սրուշը 1899 թ. տվյալներով՝ 50—60 ընտանիքից բաղկացած, կազմավորված մի օջախ էր, ուր կար նաև հայկական դպրոց²¹:

Հայարենակ գյուղերից հայանի էին էհնեշն ու Ջիրինը՝ երկուսն էլ Հոռմկլայի գավառակում: Հալիպի վիլայեթի 1905 թվականի տարեգիրքը նշում է, որ Հոռմկլայի կազայում էհնեշ և Ջիրին անունով երկու գյուղերում կան երեք եկեղեցիներ և բնակվում են 580 հայեր²²: Հայ բնակչութան իրական թիվն անկասկած երկու-երեք անգամ զերազանցում էր այս թիվը, քանի որ տարեգիրքը հաշվի է առնում միայն անձնագրային բյուրոներում արձանագրվածներին:

Առավել հայտնի գյուղերից էր Կարմունը՝ Ուրֆայի սանչակի զուտ հայարենակ խոշորագույն գյուղը: XIX դարի 80-ական թվականներին այն ուներ 300—400 տուն բնակչութուն, որը հետագայում աճեց, գրեթե կրկնապատկվեց²³:

Ուրֆայի սանչակում կային նաև այլ հայարենակ գյուղեր՝ Բոզ-Օվան, Հովիկը, Հոզինը, Նիզիրը, Միզարը, Քլբաշարը, Քլկուրանը, Մանքուշը, Բեսուն և այլն²⁴, որոնք նույնպես անտեսվել են:

* * *

Հայ գյուղացիութան մասնակի անտեսման դեպքում, բնականաբար, գյուղերում երևում են ինչ-որ թվով հայեր: Հետևաբար, ամբողջ կազայի և կենտրոնական ավանի բնակչության վերաբերյալ տվյալների համեմատությունը չի կարող լիովին բացահայտել կատարված խեղաթյուրումը, մանավանդ, որ խեղաթյուրման այս եղանակն ընդհանրապես գործադրվել է բավականին խնճված ձևով՝ մի այլ խեղաթյուրման եղանակի խաշաձևումով:

II. Ա Ն Ե

(Խարենդի վիլայեթում)

Այստեղ կատարված խեղաթյուրումն ավելի շատ նմանվում է հայարենակ գյուղերի ամբողջական անտեսման, սակայն որոշ վերապահություն ջուցարեբելով, այն դիտում ենք որպես մասնակի անտեսման դեպք:

Յէ՛ ամբողջ գաղառակի, թե՛ գլխավոր ավանի՝ Ակն քաղաքի Հայ ազգաբնակչութիւն Համար արժում է նույն թիվը՝ 7561²², նշանակում է, որ անտեսվել են գաղառակի Հայաբնակ գյուղերը: Եվ այդ փաստը քողարկելու Համար Վ. Քինեն, խոսելով Ակնա առաջել Հայտնի գյուղերի մասին, գրում է, որ բացառապէս Հայերով բնակեցված Երզուն, Վանքը, Յորակը, Մուշազկան, որոնց ընդհանուր բնակչութունը Հասնում է 1272-ի, ինչպէս նաև Կամարակապն ու Ապուշխիք շատ մտա են քաղաքին և ընդհանրապէս Համարվում են նրա արժարձանները²⁰, սակզօնով այն ապագորութունը, որ Հայաբնակ գյուղերի բնակչութունը ևս մտել է քաղաքի բնակչութիւն մեջ: Արդո՞ք դա այդպէս է:

XIX դ. 80-ական թվականներին Ակնա գաղառակում անցկացված մի մարդահամարի տվյալներով Ակն քաղաքում բնակվում էին 5442 Հայեր և 4286 ալլազգիներ²¹, Վ. Քինեն այդ տվյալների Համեմատութիւնը Հայ ազգաբնակչութիւն Համար ներկայացնում է ինչ-որ լափով լափազանցված՝ 7561, իսկ ալլազգի բնակչութիւն Համար շատ ավելի լափազանցված՝ 11439 թվերը²²: Սակայն ավելի շատ և ավելի Համոզիչ են այն փաստերը, որոնք բացառում են այս տվյալները:

Առաջին՝ ըստ XIX դ. 80-ական թվականների մարդահամարի արձայնների, Ակնա գաղառակում, առանց Հաշվի առնելու Բինկա (Բնկա, Բինկյան) գյուղը, որն ըստ վարչական բաժանման մտնում էր Դիվրիկի գաղառակի մեջ, բնակվում էին 9093 Հայեր²³, Վ. Քինեն, ինչպէս տեսանք, տալիս է ավելի նվազ թիվ՝ 7561:

Երկրորդ՝ հիշյալ մարդահամարի արդյունքների հետ փոքր-ինչ ծանոթութունը պարզում է, որ այդ վիճակագրութիւնը վերաբերում է միայն Ակնա առաջնորդութիւն ենթակա գյուղերին և Հաշվառումից դուրս են մնում այն գյուղերը, որոնք, ըստ վարչական բաժանման, պատկանում էին Ակնա կազախին, բայց ենթակա էին Արարկիի առաջնորդութիւնը: Այդ գյուղերն ընդգրկվելու զեպում, մեծանում է Հայ ազգաբնակչութիւն իրական թվի և Վ. Քինեի ներկայացրած տվյալի միջև եղած տարբերութիւնը:

Երրորդ՝ Արարկիի առաջնորդութիւն ենթակա գյուղերը շատ հետո էին Ակն քաղաքից և չէին կարող նրա արժարձանները Համարվել: Գ. Մրվանձտյանցը, խոսելով այդ 15 Հայաբնակ գյուղերի մասին, նրկատում է. «Վերահիշյալ գեղերը թեպէտ Արարկիի առաջնորդութիւն թեմն են, բայց ստան գեղ Ակնա գայմապատութիւն ենթակա են. որտ իրավասութիւն տակ մյուզիթ կնստի Ազրն գեղը: Ահա անկանոնութիւն մը ժողովրդյան գործեր տեսնալու. մանավանդ այս գեղեր 5—6 ժամ

Հետի են Արարկներն, իսկ Ակնն 10—12 ժամ երկյուղալից ճանապարհով²⁴։ Մի փաստ, որ Վ. Քիննի կողմից ներկայացված վարչական բաժանումն էլ է հաստատում և որ այդ գյուղերից Աղինը (Վաղավերը), Անյրզին ու ՀՆնցիքը հանդիսանում էին Ակնա նահանգների կենտրոններ²⁵։

Չորրորդ՝ հին հայկական բուր գյուղերը ներկայացված լինելն որպես քաղաքի արվարձաններ, ապա նույն կերպ պետք է վարվել Վ. Քիննն նաև այլազգիներով բնակեցված բազմաթիվ գյուղերի համար։ Բացի դրանից, մի շարք հայաբնակ գյուղերում, այդ թվում Շրզու, Վանք, Յորակ, Մուշազկա գյուղերում, որոնք Վ. Քիննն ներկայացնում է բացառապես հայաբնակ, հայերի հետ բնակվում էին նաև այլազգիներ, որոնք նույնպես պիտի մտցվեին քաղաքի բնակչության թվի մեջ։ Այսպիսով, հազիվ թե փոքրաթիվ գյուղաբնակ այլազգիներ պիտի երևային Ակնա գյուղերում։ Մինչդեռ, ընդհանրապես, Վ. Քիննն այստեղ էլ ներկայացնում է բացահայտ կերպով շափազանցված թիվ՝ մոտավորապես 42 հազար։ Կարելի է բերել այդ շափազանցությունը հաստատող մի շարք փաստեր։ Բավարարվում ենք, հիշելով գրանցից երկուսը։

Ըստ Ֆրանսերեն լեզվով Կ. Պուսում լույս տեսնող «Annuaire Oriental» տարեգրքի 1912 թվականի հրատարակություն, այլազգիների թիվը ամբողջ գավառակում, ներառյալ քաղաքի բնակչությունը, 30 հազարից չէր անցնում²⁶։ Իսկ ըստ Ալի Զեվատի կողմից 1897 թ. հրատարակված պատմատաշխարհագրական բառարանի, 35 հազար էր գավառակի ամբողջ բնակչությունը²⁷։

Այսպիսով, պարզվում է, որ Ակնա գավառակում անտեսվել էր եթե ոչ ամբողջ հայ գյուղացիությունը, ապա՝ մեծամասնությունը։

Բ. Կ Ա Ր Ե Ն Ե Կ

Վ. Քիննն, իր աշխատության երկրորդ հատորի 352-րդ էջում, առանձին ցուցակով առլիս է հարբերդի գավառակի երկու ավանների՝ հարբերդի և Մեղիբի և 15 տուվել հայտնի և առավել հայաշատ գյուղերի²⁸ բնակչության թիվն ու ազգային կազմը։ Ըստ նրա, այդ վայրերում հայ ազգաբնակչության թիվը հաշվվում է 25340 մարդ։ Աշխատության հաշորդ էջում, նույն թվով (25340) է ներկայացվում նաև ամբողջ գավառակի (կազալի) հայ ազգաբնակչությունը։ Վ. Քիննն անտեսել է հարբերդի գավառակի մյուս հայաբնակ գյուղերը։

Խարրերգում՝ Խարրերգ և Մեզիրե ավաններից բացի, կային ու թե 15, ալլ՝ շուրջ 50 հայարնակ գյուղեր: XIX դ. 80-ական թվականներին անցկացված մի մարդահամարի համաձայն, այդ անտեսված գյուղերի հայ ազգաբնակչության թիվը հասնում էր 15 հազարի¹⁾: Մակայն հետագա ուսումնասիրությունները ցույց են տալիս, որ Խարրերգի գյուղերը նույնիսկ ավելի հայաշատ էին²⁾:

Գ. ԶԵՑՈՒՆ ԵՎ ԱՆՏՐՅՈՒՆ

(ձախյի վիլայերում)

Մարաշի սանջակի երկու կազաներում՝ Մարաշում և Ալթիստանում, ինչպես ասվեց վերևում, ամբողջովին անտեսվել էին հայարնակ գյուղերը: Իսկ սանջակի մյուս երեք կազաներում (Զեյթուն, Անտրուն, Բազարչըք)՝ հայ գյուղացիության որոշ մասն անտեսվել է՝ խեղաթյուրելով իրականությունը: Վ. Քինեի համաձայն, գյուղերում բնակվում էին միայն բողոքականներ. Զեյթունում՝ 1000, Անտրունում՝ 1000—1500 և Բազարչըքում՝ 500³⁾:

Վերահիշյալ գավառակներում բողոքականները փոքրաթիվ էին, սակայն Վ. Քինեն բողոքականների թվի լավագույնցումով աշխատել է թարցնել հայ բնակչության հիմնական մասը՝ լուսավորչականների, անտեսումը: Զանց առնելով Բազարչըքը, որտեղ հայերը սակավաթիվ էին, համառոտակի անդրադասանք Զեյթունի և Անտրունի գյուղերին:

Զեյթունում կային շուրջ 85 հայարնակ գյուղական բնակավայրեր: Մեծ գյուղերից հայտնի էին Արեզինը (Ալապաշ)՝ 300 տուն, Ավագկալը (Մրխալ)՝ 150 տուն, Յրնուլը (Խմոս)՝ 300 տուն: Փոքր գյուղերի մեծամասնությունը ազարակներ էին: Միշին հաշվով 7 տեղից բաղկացած 45 գյուղեր և ազարակներ կային Արեզինի շրջակայքում, Ավագկալի շրջակայքում՝ 14 (միշին հաշվով 11 տուն), Յրնուլի շրջակայքում՝ 15 (միշին հաշվով 20 տուն): Բացի նշվածներից, կային հայարնակ ևս 8 գյուղեր և ազարակներ: Ալապաշի (Թրքարնակ, Ներքեզարնակ և այլն) գյուղերն ընդհանրապես փոքր էին և մեծ թիվ չէին կազմում (ընդամենը 24 գյուղ)⁴⁾:

Թվարկված ավյալներից կարելի է ենթադրել, որ Զեյթունի հայ գյուղացիությունը բաղկացած էր նվազագույն տասը հազար շնչից: Հասկ. Պուլի հայոց պատրիարքարանի 1880 թ. վիճակագրության, որ նույնպես զերծ չէ թերություններից, Զեյթունի կազայում բնակվում էին 27460 հայեր, քաղաքում՝ 17600, գյուղերում՝ 9860⁵⁾:

Դժբախտաբար, ասորքեր վիճակագրական ցուցակներում, մանր գյուղերն ու պարտակները, միմյանցից ունեցած հեռավորութիւն համաձայն խմբավորվել են որպէս այս կամ այն գյուղի թաղերը, որի հետեանքով թիւ թվով գյուղանուններ են հիշվում: Օրինակ, 1878—1880 թթ. 4. Պոլսի հայոց պատրիարքարանի կողմից պատրաստված ցուցակում հիշվում են 14 հայաբնակ (զուտ հայաբնակ և խառը բնակեցված) և 14 ոչ հայաբնակ գյուղեր: Այդ ցուցակում տեղ գտած հայաբնակ գյուղերից հինգը, այսինքն՝ ավելի շատ ոչ հայաբնակ շրջանում գտնվող գյուղերը (Քեշէն, Սարը-կյուզնի, Ալիշար, Քեյթեմուր, էրիշեր կամ էսեն-գերե) համարյա ալլազդիներով բնակեցված գյուղեր էին: Այդ գյուղերում կային ընդամենը 180 հայեր²⁰, Ի միջի այլոց մեզ հայտնի իրադրութիւն պայմաններում, այդ գյուղերը բուրժուական դատարկվեցին հայութիւնից: Հետագա հայկական աղբյուրներում արգեն դրանք հիշվում են որպէս թուրքաբնակ: Պարզվում է, որ պատրիարքարանի ցուցակում արտահայտված են հիմնականում հայերով բնակեցված միայն ինը գյուղերի անուններ: Դա խոսում է այն մասին, որ ավելի շատ խմբավորման ենթարկվել են հայաբնակ գյուղերը:

Պաշտոնական վիճակագրութիւնը, անկախ բնակչութիւն թվից, ամեն մի առանձին բնակավայրն ընդհանրապէս ընդունում էր որպէս առանձին գյուղ, սակայն տարօրինակ զուգահեյտութիւններ, պաշտոնական վիճակագրութիւնն էլ է այստեղ դիմել խմբավորման մեթոդին: Ըստ 1905 թ. Հալեպի վիլայեթի տարեգրքի, 31 գյուղեր կային Զեյթունում²¹, Դրանցից 14-ը հիշատակվում են պատրիարքարանի ցուցակում: Հայկական աղբյուրների հետ համեմատութիւնը ցույց է տալիս, որ տարեգրքի ցուցակում տեղ են գրավել նաև հայաբնակ երկու այլ գյուղեր՝ Թեյեմեյիքը և Զաքըրգերեն: Դրանց վրա, մեր կարծիքով, պետք է ավելացնել, ըստ տարեգրքի՝ Տատուրլու (Տատուրենք) կովող գյուղը, թեև ցարդ մեզ չհաջողվեց տեղեկութիւններ գտնել այդ գյուղի մասին:

Իսկ 4. Պոլսի Ալիթախնամ հանձնաժողովի 1910—1912 թթ. երկամյա տեղեկագրում հայաբնակ գյուղերի թիվը հասնում է 32-ի²², և այստեղ բնականաբար չեն հիշվում պատրիարքարանի ցուցակի առջին հինգ հայաբնակ գյուղերը:

Այժմ համառոտակի անգրագանանք Անարունի կազայի հայաբնակ գյուղերին: Եթե հաշվի լառենք 300—350 տուն հայ բնակչութիւն ունեցող Կապանը (Կեպեն)²³, որը կազայի գլխավոր ավանն էր, առավել հայանի գյուղ էր Կոկիսունը (Կյոքսուն), որը համանուն նահիի

կենտրոնն էր նրա 300 տուն բնակչութիւնից 80 տունը հայեր էին¹⁴,
Ըստ Ազատու, Կոկիտանի գաղտում գտնվում էին ընդամենը 430 տուն
հայ բնակիչ ունեցող Հեյիք (Ջամբու-հեյուք), Քիրիշ (Քիրեն-օլուզ,
Վերի Ավազկալ), Դյուլ-փնար, Դեյիբմեն-դերն, Թաշ-օլուզ գյուղերը,
իսկ Անտրունի այլ շրջաններում, հիմնականում Կապանի գաղտում՝
Միանե, Բունդուզ, Երվիլիկի, Դավուտենք, Անտրուն, Տրդատենք գյու-
ղերը՝ 550 տուն հայ բնակչութիւնով¹⁵։ Դրանց վրա պետք է ավելացնել
80 տուն հայ բնակիչ ունեցող Անաշըզը (Անրճըզ, Անեցիք)¹⁶, որն, ըստ
Հալիպի վիլայեթի տարեգրքի, գտնվում էր Անտրունի կազալում¹⁷։

* * *

Առանձին շրջանների հայ գյուղացիութիւն ամբողջովին կամ մաս-
նակի անտեսումը, անկասկած, կուրտ սխալ է պատմական աշխարհա-
գրութիւն տեսակետից։ Վիլայեթների, մասնավորապես առանձին շրջ-
անների, բնակչութիւն ազգային կազմը խեղաթուրելու, հատկապես
հայ ազգաբնակչութիւն տոկոսները նվազեցնելու գործում, ազգացու-
թիւն են ունեցել նաև խեղաթուրման այլ եղանակներ, որոնց հետ
թեև հանդիպեցինք արդեն, այնուամենայնիվ կարծում ենք, նպատակա-
հարմար է տեսնել այդ բոլորի զգաւորութումը հատկապես Հալիպի
վիլայեթում։

Հալիպի վիլայեթի ընտրութիւնը կապված է հետևյալ երկու պատ-
ճառների հետ.

ա) Տարբեր վիլայեթներում օգտագործվել են այդ եղանակներից
մեկը կամ մի քանիսը, սակայն Հալիպի վիլայեթում՝ բոլորը, այն էլ
բացահայտ կերպով։

բ) Մեր ձեռքի տակ ունենք մի երկրորդ աղբյուր՝ Հալիպի վիլայեթի
1898 թվականի տարեգրքը, որը վիլայեթի բնակչութիւն ազգային
կազմի մասին տվյալներ է տալիս համապատասխան այն նույն վար-
չական բաժանման, որն ընկած է Վ. Քինեի վիճակագրութիւն հիմքում
և կարող է օգնել՝ բացահայտելու այդ վիճակագրութիւն մեջ տիրող
միտումները։

Ճիշտ է Հալիպի տարեգրքի տվյալները ևս ինչպես թուրքական
որն էլ վիճակագրութիւն, ճիշտ պատկերացում չեն տալիս բնակչութիւն
ազգային կազմի մասին, սակայն Վ. Քինեի տվյալների համեմատու-
թիւնով, ավելի մոտ են իրականութեանը։

Հաշնայի տարեգրքը, ինչպես այդ մասին նշվում է, տալիս է միայն անձնագրային բյուրոներում գրանցված բնակիչների թիվը: Այդ տվյալների համաձայն, Հաշնայի վիլայեթում գրանցված են եղել 61 հազար լուսավորչական և կաթոլիկ հայեր: Եթե ընդունենք, որ հիմնականում հայեր էին նաև այն տասը հազար բողոքականները, որոնց ազգությունը չի նշվում, գրանցված հայերի թիվը հասնում է 71 հազարի³⁰, թեև հայ ազգաբնակչությունը, ինչպես մյուս ոչ մահմեդականները, գինձորական տարրից զերծ մնալու մասհոգությունը, առկազն կիսովին խուսափում էին ամեն տեսակի հաշվառումից և գրանցումից: Համենայն դեպս, 71 հազարը ավելի մոտ է իրականության, քան Վ. Քիննեի կողմից ներկայացված 49 հազարը³¹:

Շարունակելով համեմատությունը, տեսնում ենք, որ Վ. Քիննեի այլ կերպ է վարվել մյուս ազգությունների նկատմամբ:

Այսպես, մեծ տարբերություններ չկան, ըստ կազաների, մահմեդական բնակչության վերաբերյալ Վ. Քիննեի և Հաշնայի տարեգրքի տվյալների միջև: Հաշնայի տարեգրքի համաձայն, իրենց մահմեդական բնակչությամբ առաջին, միջին և վերջին տեղերը զբաղեցնող կազաները Վ. Քիննեի տվյալներով էլ ընդհանրապես զբաղեցնում են նույն կարգերը: Դա վկայում է այն մասին, որ Վ. Քիննեի համար ազբյուր են եղել նույնպես անձնագրային բյուրոների տվյալները, հետևաբար, մյուս բոլոր խոշոր տարբերություններն առաջացել են Վ. Քիննեի կատարած փոփոխությունների հետևանքով: Այսպես օրինակ, վիլայեթի մահմեդական բնակչության համար, Հաշնայի տարեգրքի համեմատությամբ, նա ներկայացնում է փոքր-ինչ (3%) մեծ թիվ³², Իսկ այլ ոչ մահմեդական ժողովուրդների (հույն, հրեա, ասորի, քաղզեացի, մարոնիտ, լատին) կամ նրանցից յուրաքանչյուրի համար Վ. Քիննեի տալիս է զգալիորեն չափազանցված թվեր: Նրանց ընդհանուր զումարը, որն, ըստ Հաշնայի տարեգրքի, 34 հազարից շեղ անցնում, Վ. Քիննեի կողմից ներկայացվում է 154 հազար³³ ավելի քան քառապատիկը: Անկասկած, քրիստոնյաների իրական թվին մոտենալու համար անհրաժեշտ էր ինչ-որ չափով մեծացնել պաշտոնական տվյալները, սակայն տվյալ դեպքում դա այնպիսի չափեր է ընդունել, որ Վ. Քիննեի տվյալները միանգամայն չափազանցության մեջ են զտնվում նաև իրականության նրկատմամբ:

Պարզ է, որ այդ միակողմանի չափազանցություններն իրենց հերթին ծառայում են արհեստականորեն նվազեցնելու հայ ազգաբնակչության տոկոսային հարաբերությունը: Դրանք, միանալով հայերի թվական

նվազեցմանը, բնակչության ազգային կազմի տեսակետից, սխալ պատկերացում են ստեղծում վիլայեթի մասին ընդհանրապես և առանձին շրջանների մասին՝ մասնավորապես:

Իրոք, առանձին շրջաններում թե՛ հայերի թվի նվազեցումը, թե՛ ալլազգիների թվի շափազանցումը մեծ չափեր է ընդունում: Այդպես է Ջեյթունի կազալում: Անգամ Հալեպի տարեգրքի տվյալներով, հայերը կազմում էին բնակչության բացարձակ մեծամասնությունը (53%), մնացյալ մասը մահմեդականներ էին, ալլաքրիստոնյաներ չկային², Իսկ Վ. Քինեի վիճակագրության մեջ, ոչ միայն 58 տոկոսով նվազ է հայերի թիվը, ալլա Ջեյթունը լցվել է 12 հազար ալլաքրիստոնյաներով (հույն, ասորի, քաղզիացի): Այդ խեղաթյուրման հետևանքով ստացվում է այնպես, որ հայերը ոչ միայն մեծամասնություն չէին կազմում զավառակի ամբողջ բնակչության, ալլա քրիստոնյա բնակչության հարաբերությամբ: Վ. Քինեի տվյալներով նրանք կազմում են քրիստոնյաների 32, իսկ զավառի ընդհանուր բնակչության 16 տոկոսը³:

Կարծում ենք կարիք չկա առանձին-առանձին վերլուծելու վիճակը տարրեր զավառակներում: Մի կողմից հայերի թվի նվազեցումը, մյուս կողմից ալլազգույնների վերաբերյալ տվյալների շափազանցումը մեծ չափերի է հասել առանձնապես Մարաշի և Ուրֆայի սանջակներում: Եվ դա պատահական չէ: Մարաշը վիլայեթի առավել հայաբնակ սանջակն էր: Հարաբերական առումով ավելի հայաշատ էր նաև Ուրֆան, բան Հալեպի սանջակը, որտեղ, թեև հայերն ավելի մեծ թիվ էին կազմում, սակայն սանջակի ընդհանուր բնակչության ավելի փոքր տոկոսն էին:

Ոչ հավասարաչափ նվազեցումների և շափազանցությունների հետևանքով, խեղաթյուրված ձևով է ներկայացվում բնակչության տարրեր խմբերի տեղաբաշխումը ևս: Օրինակ, եթե ըստ Հալեպի տարեգրքի, վիլայեթի հայ ազգաբնակչության 56,4 տոկոսը բնակվում էր Մարաշի և Ուրֆայի սանջակներում (հիմնականում Մարաշում՝ 41%), ապա Վ. Քինեի տվյալներով ալլա տոկոսը իջնում է 37,8-ի (Մարաշում՝ 24,7%), Դրա փոխարեն, հույն սանջակներում զգալիորեն բարձրացնում են ալլա ոչ մահմեդականների տոկոսները: Ըստ Հալեպի տարեգրքի, ալլա սանջակներում էին բնակվում նրանց 4,9 (Մարաշում՝ 0,9%), իսկ ըստ Վ. Քինեի տվյալների՝ 30,9 տոկոսը (Մարաշում՝ 21,5%):

Ավելի ընդհանուր ձևով կարելի է ասել, որ Վ. Քինեի տվյալներում բնակչության տեղաբաշխման հիմքում ընկած են հետևյալ միտումները.

ա) Հայ ազգաբնակչության զգալի մեկ մասի ցրումը՝ բացարձակ կամ հարաբերական առումով առավել հայաբնակ շրջաններից զեպի եվազ հայաբնակ շրջանները:

բ) Այլազգի բնակչության զգալի մասի կուտակումը զեպի առավել հայաբնակ շրջանները:

Վերջապես, աչքից չի վրիպում մի մանրամասնություն էս: Հայ ազգաբնակչության թվաքանակի եվազեցումը կատարվել է հիմնականում լուսավորչականների թիվը եվազեցնելու միջոցով: Բողոքականների, մասնավորաբար կաթոլիկ հայերի համար, թեկուզ Հալեպի տարեկրթի համեմատությամբ, արվում են համեմատաբար մեծ թվեր: Այնուամենայնիվ, քանի որ կաթոլիկներն ու բողոքականները Հայ ազգաբնակչության համեմատաբար փոքր մի մասն էին կազմում, այդ շահազանցումները շեն կարող լուսավորչականների թվական եվազեցմանը փոխհատուցել: Ինչպես տեսանք, վիլայեթի ամբողջ հայության համար ներկայացված թիվը, հակառակ այդ շահազանցությունը, խիստ փոքր է և 31 տոկոսով զիջում է անգամ Հալեպի տարեկրթի կողմից ներկայացված տվյալին:

Ենդամյուրման այս եզանակները, թեև մեզմ ևևով, գործադրվել են նաև այլ վիլայեթներում: Եկատելի է, օրինակ, Սվազի և Խարբերդի վիլայեթներում վիլայեթի մյուս սանջակների հաշվին այլազգի բնակչության կուտակումն առավել հայաշատ սանջակում: Վ. Քինեի տվյալներով Սվազի և Խարբերդի սանջակներում էին բնակվում վիլայեթի մահմեդական բնակչության մոտավորապես կեսը կամ մեծամասնությունը. Խարբերդում՝ 49,5%⁶⁴, Սվազում՝ 53,7%⁶⁵, Սակայն մահմեդականների տեղաբաշխման վերաբերյալ այդ միտումը չի հաստատվում այլ տվյալներով: Օրինակ, ըստ «Annuaire Oriental»-ի 1912 թրվականի տվյալների, Խարբերդի սանջակում էր բնակվում վիլայեթի մահմեդականների 45%-ը⁶⁶, իսկ Սվազի սանջակում՝ 42%-ը⁶⁷:

Հիշյալ վիլայեթներին հետագա (1927 թ.) վիճակի տվյալները⁶⁸ համեմատության մեջ զնեւով Վ. Քինեի տվյալների հետ, տեսնում ենք, որ բնակչության անման տեմպերով 1927 թ. աչքի են ընկնում այն սանջակները, որոնց մահմեդական բնակչությունը Վ. Քինեի վիճակագրության մեջ հիշատակված են եվազեցված թվերով (Քոջատի սանջակ) և միանգամայն հակառակը՝ իրենց անման տեմպերով խիստ Խո են մնում այն սանջակները, որոնց մահմեդական բնակչությունը Վ. Քինեն ներկայացրել է շահազանցված թվերով (Սվազի և Խարբերդի սանջակ-

ներք)։ Ինչպես տեսնում ենք, այս փաստը նույնպես վկայում է Վ. Քրենի հաղորդած տվյալների անհշտության մասին։

Այնուամենայնիվ, Վ. Քրենի վիճակագրությունը ցարդ բավականաչափ ուսումնասիրված չլինելով, որոշ պատմաբաններ սխալը փնտրել են համեմատության մյուս եզրում։ Օրինակ, Ա. Ալբոշչյանը համեմատության մեջ գնելով Քոքատի սանչակի Վ. Քրենի կողմից ներկայացված տվյալները հանրապետության շրջանի տվյալների հետ, զարմանքով նկատում է, որ, ըստ այդ համեմատության, Քոքատի բնակչությունն անհավատալիորեն աճել է։ Եվ նա հնթադրում է, որ հանրապետական շրջանի տվյալները լավազանցված են։ Նրա կարծիքով, Վ. Քրենն Օսմանյան կայսրության վարձկանն էր և չէր կարող իրականից եվազ ներկայացնել մահմեդականների թիվը⁶⁰։ Մեր կողմից կատարված վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ դա արվում էր մեկ այլ սանչակում մահմեդականների թիվը լավազանցնելու նպատակով, և դա չի հակասում նրա բավարկանա լինելու հանգամանքին։ Վ. Քրենն կապված լինելով եվրոպական երկրների զաղութատիրական շրջանների հետ, շահագրգռված չէր իրականությունը բացահայտել։ Նրա վերաբերմունքը համընկնում է Օսմանյան կայսրության վարած քաղաքականությանը։ Հենվելով այն փաստի վրա, որ լավազանցում էր այլ քրիստոնյաների, մասնավորաբար կաթոլիկների թիվը, կարելի է ասել, որ նա ուներ իր բեկփականա հաշիվները։

Ենդաթյուրման այս եղանակը կիրառվել է հայ ազգաբնակչության նկատմամբ ևս։ Ըստ Կ. Պոլսի հայոց պատրիարքարանի տվյալների, Սվադի վիլայեթի հայ ազգաբնակչության 44 տոկոսը բնակվում էր Մըզազի սանչակում⁶¹, իսկ Վ. Քրենի տվյալներով այդ տոկոսը 38-ից չէր անցնում⁶²։ Հետաքրքիր է, որ այդ մեթոդը օգտագործվել է նույնիսկ սանչակների ներսում։ Օրինակ, հայտնի է, որ Շարին-Կարահիսարի սանչակի Համիդիյն (Մեյլեզ), Քոլլահիսար (Քոլու-հիսար) և Ալուզրա կազաններում հայերը փոքրաթիվ էին, և հայ ազգաբնակչության հիմնական մասը բնակվում էր Շարին-Կարահիսարի և Սուշեհրի կազաններում։ Մինչդեռ, Վ. Քրենի տվյալներով այդ կազաններում էր գտնվում սանչակի հայության հազիվ 47 տոկոսը⁶³։

Կարելի է բերել և այլ օրինակներ։ Սակայն, կարծում ենք, այսքանն էլ բավարար է գաղափար կազմելու համար Վ. Քրենի վիճակագրության մասին։

Վ. Քրենի ռևիսիական Քուրդիանա աշխատությունը, որի հիմքում բնկած է պաշտոնական վիճակագրությունը, որպես նրա մի տարրե-

բակը, առանձին դեպքերում նույնիսկ ավելի խեղաթյուրված է ներկայացնում արևելյան վիլայեթների, մասնավորապես առանձին ենթաշրջանների (սանջակների, կազաների) բնակչության ազգային կազմը:

Վ. Քինեի վիճակագրությունը, հենվելով թուրքական պաշտոնական տվյալներին, Արևմտյան Հայաստանի և Հայարևակայի շրջանների Հայ բնակչության թվաքանակի վերաբերյալ ապլիտ է ընդհանրապես զգալի չափով նվազեցված տվյալներ, ներկա հոգվածում քննության են առնելով միայն այն շրջանները, որտեղ Հայերի թվաքանակի նվազեցումը ավելի մեծ չափեր է ընդունել՝ միաժամանակ Վ. Քինեի կողմից կատարված խեղաթյուրումների հետևանքով:

А. А. ГАЛСТЯН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ ПО СТАТИСТИКЕ ВИТАЛА КИНЭ

Резюме

Опубликованные В. Кинэ статистические сведения об азиатских вилаятах Османской империи, в основе которых лежат официальные турецкие данные, не лишены недостатков, присущих этой статистике. Однако сведения, приведенные в работе В. Кинэ, имеют и свои пробелы, которые до сих пор не были обнаружены исследователями. Например, в сведениях о некоторых казах, населенных армянами (Ван, Медзекерт, Чарсанджак, Бердак, Антеп, Урфа, Мараш, Эльбистан), приводится численность только городского населения. Говоря о казах Харберд, Аки, Зейтун, Андри, французский автор дает численность армян лишь некоторых деревень. В статье одновременно говорится о других статистических фальсификациях В. Кинэ. В частности, численность армян некоторых районов Кинэ дает меньше, чем указывается в официальной турецкой статистике. Явно искажая данные, касающиеся армянского населения, он умышленно увеличивает число турок, а также других христианских меньшинств в ущерб численности армян.

Մ Ա Ն Ք Ք Վ Կ Ր Ո Ւ Ք Յ Ո Ւ Ն Ն Ե Ր

1 Vital Cuinet, La Turquie d'Asie, t. 1—4, Paris, 1890—1895.

2 Արշակ Արարաճեան, Պատմութիւն Մայրոթիւն Հայոց, Պէտքոթ, 1901, էջ 453:

3 Վ. Քինե, Էջմ. աշխ., հ. 2, էջ 523:

4 В. Т. Маевский, Вакский вилает, Тифлис, 1901, с. 96—97.

- 25 ՏԷ՝՝ Վ. Փնն, Ելզ. աշխ., Կ. Չ, էջ 282:
- 26 Եւլի անգամ, էջ 289:
- 27 Ս. Եփրեկյան, Ելզ. աշխ., Կ. Ա, էջ 82:
- 28 Վ. Փնն, Ելզ. աշխ., Կ. Չ, էջ 282:
- 29 ՏԷ՝՝ Ս. Եփրեկյան, Ելզ. աշխ., Կ. Ա, էջ 82:
- 40 Գ. Մովսէսյան, Ելզ. աշխ., էջ 284:
- 41 ՏԷ՝՝ Վ. Փնն, Ելզ. աշխ., Կ. Չ, էջ 219: Մի կարծիքով Վ. Քրէկի աշխատութիւն մէջ Անդրդէի փոխարէն ազգագրամով հիշատակում է «Aichikid»—Է Գ.:
- 42 „Annuaire Oriental“, Constantinople, 1912, p. 1579.
- 43 „All Cevdet. Memalik-i Osmantiyenan tarih ve coğrafya lügati. Dersaadet, 1313 s. 115.
- 44 Վ. Քրէկի քաղաքի մէջ ճանաչում են հետեւյալ գյուղերը՝ Հյուսիսի, Քաղաքի, Մարտիրի, Բազմաշեն, Իշեն, Խուլայ (Քլիպանի), Փարչան, Լազի, Վարդաթի, Գաւան, Մարտիրի, Ազիզի, Ենի-Լազի, Արսու—Է Գ.:
- 45 Լազիցի կառավարում է մեր կողմից ՏԷ՝՝ Ս. Եփրեկյան, Ելզ. աշխ., Կ. Ք, էջ 162:
- 46 ՏԷ՝՝ Մանակ Գ. Որդնիցյան, Խարթրոց և իր գաւառները, Զրիգու—Քաղաքներս, 1955, Կանն Եւլի, Ելզ. աշխ.:
- 47 Լճու. Վ. Փնն, Ելզ. աշխ., Կ. Չ, էջ 114, 242, 245, 247:
- 48 Գր. Է. Գալուսյան, Ելզ. աշխ., էջ 81—82:
- 49 Ս. Եփրեկյան, Ելզ. աշխ., Կ. Ա, էջ 770:
- 50 Եւլի անգամ:
- 51 Այլ թվում Զեյթունից ճանաչարարն էին ժամ հաստատութիւն լրա գանգու էլիան-չէր կամ Կանքի Քաղ կողմից գյուղը, որը պարտական շարժան բաժանումով քաղ է տրվում որպէս քաղաքի Քաղաքի մէջ՝ Քեքքե-Մարտիրոսի անունով (ՏԷ՝՝ «Sainame-i vilayet-i Halep», 1321, s. 484).
- 52 Գր. Է. Գալուսյան, Ելզ. աշխ., էջ 82—83: Լազի լինք անէ Միսնն, որը գաւ-կանում էր Անտրոնի գաւառին, զրա փոխարեն որպէս Զեյթունի գյուղեր զերքի մէջ Զրեուզ, Բոլ-ալլան, Բազարուն և Մարտիր, որնէր գետեղէն են Մարտիր քաղաքում (տ՝՝ Եւլի անգամ, էջ 38—40):
- 53 250 ան՝ Ալաւի, Զեյթուն և իր շրջակաները, Պէլլուր, 1968, էջ 22: 400 ան՝ Գր. Է. Գալուսյան, Ելզ. աշխ., էջ 83:
- 54 Ալաւի, Ելզ. աշխ., էջ 22—23:
- 55 Եւլի անգամ: Լազի մէջ լինք մարտի Օնիք-Կալեն, Մարտիր-գորեն, Տակալան, որպէս Մարտիր կազմի ենթակա գյուղեր—Է Գ.:
- 56 Էւլիական արձանական Կանադիարան, Կ. Ի, Երևան, 1974, էջ 403:
- 57 „Sainame-i vilayeti Halep“, 1321, s. 503.
- 58 Լազի կի սարերի վերաբերյալ բարդ Լազուները կառավարում են մեր կողմից: Վերջում են բառ կազմերի տրվում տրվաները: Լազի լին անկում սարա-հաստաները (ճիւղիքում 2522 մարդ) և ալաւի կողմում սարանիները (աւ-բոլլ ճիւղիքում ճանաչարարն 4050 մարդ), որնէր անգաղներ լին և ան-կանկան գաւառանում (են սարերը ազգութիւնների (ՏԷ՝՝ «Sainame-i vilayet-i Halep», Dersaadet, 1314):
- 59 ՏԷ՝՝ Վ. Փնն, Ելզ. աշխ., Կ. Չ, էջ 114:

- 60 Առաջ Լաշի անկառ Վ. Յիկնի կղզիի Եկրկայաքից 70 Լազար բանագասի քաղ-
 ճարները, որոնք ըստ կազաների լին բաժանվում (տե՛ս Խաչի անգամ):
- 61 Լաշումները կառարված են մի կղզիից (տե՛ս Խաչի անգամ):
- 62 Տե՛ս „Salname-i vilayet-i Halep“, 1314, n. 311.
- 63 Տե՛ս Վ. Յիկն, Եղջ. աշխ., Գ. 2, էջ 114:
- 64 Տե՛ս Խաչի անգամ, էջ 222:
- 65 Տե՛ս Խաչի անգամ, էջ 218:
- 66 „Annuaire Oriental“, 1912, p. 1699.
- 67 Խաչի անգամ, էջ 1853:
- 68 Տե՛ս „Türkiye Cumhuriyeti devlet yıllığı“, 1929—1930, İstanbul, 1930.
- 69 Ա. Արարյանյան, Պատմամթիւն Երզնկայ Լաշոց, Պէտրոս, 1967, էջ 44, 482—483.
- 70 Քիւրդիկ, Ամենակ արեւելայից, ժՁ արտի, Վ. Պալիս, 1922, էջ 281:
- 71 Տե՛ս Վ. Յիկն, Եղջ. աշխ., Գ. 1, էջ 618:
- 72 Տե՛ս Խաչի անգամ:

ՔՈՒՐՔԱԿԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԻՉՆԵՐԸ
ԱՐԵՎՄՏԱՀԱՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԱՍԻՆ

XIX դարի վերջին և XX դարի սկզբին արևմտահայությունը հետևանքով իրագործությունների շուրջ արդեն լույս են տեսել բազմաթիվ ուսումնասիրություններ, փաստաթղթերի ժողովածուներ, մենագրություններ, որոնց հեղինակները այս կամ այն շափով տվել են ճշմարտացի եզրահանգումներ: Հատկապես վերջին շրջանում լուրջ աշխատանք է կատարված սովետահայ պատմաբանների կողմից, որոնք հավաստի փաստաթղթերի և արխիվային նյութերի հիման վրա միանգամայն պարզարանել են իրական հղելությունը:

Ինչ վերաբերում է թուրքական աղբյուրներին, ապա առանձին հետաքրքրություն կարող են ներկայացնել տվյալ ժամանակաշրջանի թուրք պետական և մշակութային գործիչների հուշագրումներում արևմտահայության վիճակի մասին տեղ գտած նկարագրություններն ու նրանց տեսակետները: Դրանց մեծ մասը շարտորդված են սամաներեն լեզվով և մինչ այսօր մատչելի չեն եղել հայ ընթերցողին: Այդ հուշագրություններում մեծ տեղ է հատկացված Արևմտյան Հայաստանում XIX դ. երկրորդ կեսից ժաղաչված հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարի հարցերին, ինչպես նաև հայկական հարցի, Օսմանյան կայսրության և մեծ պետությունների գիրքորոշման խնդրի շուրջ: Չնայած նրանց տեսակետների արատազորությանը, գեպքերի նկարագրման ընթացքում ունեցած շահագիտական կողմին, նրանց հուշերում և մենագրություններում պարունակվում են զգալի շափով կոնկրետ նյութեր:

Հատկանշական է, որ ժամանակակից թուրք պատմաբաններն իրենց ուսումնասիրություններում, շրջանցելով պատմական փաստերը, փորձում են քողարկել Արևմտյան Հայաստանում և առհասարակ ամբողջ թուրքիայում տեղի ունեցած հայերի հետապնդումները և զենոցիդը: Թուրք պատմաբաններն, իրենց շովինիստական շահագիտումներից ել-

ենկով, փորձում են ազատագրել Եսայիական անցյալի մի շարք թուրք պետական և մշակութային գործիչներին, որոշ չափով օբյեկտիվ, տվյալները: Հարցն այն է, որ ինչ-որ տեղ թուրք պետական գործիչներին գրիչը չի խուսափել նշելու այն ողբերգությունը, որը տեղի ունեցավ առաջին համաշխարհային պատերազմի ընթացքում արևմտահայությունը հետ: Օրինակ, գեներալ Ալի Ֆուատ Հրզհնը, որն ակառատես է եղել 1915 թ. հայկական շարժերին, իր հուշերում ամեն կերպ աշխատում է խուսանալի և մեղքը բարդել հայ կուսակցություններին գործունեության վրա: Այնուհանդերձ, տվյալ գեպերից քառասուն տարի հետո գրի առնված իր հուշերի մեջ գրում է հետևյալը.

«Հարյուր հազարավոր մարդկանց, հազարավոր կիլոմետրեր հեռավորությունների վրա, առանց նախապատրաստման և կազմակերպման տարադրելը նմանվեց հեազույն դարերում տեղի ունեցած ցեղերի դաղթին: Այն նանապարհները, որոնք հանդիսանում էին երեք բանակների (կովկասյան, իրաքյան և սիրիական նակատները—Ա. Փ.) համընդհանուր մատակարարման գիծը, լցվեց վարակիչ հիվանդություններով: Գաղթականների թշվառ վիճակը շատ նպաստավոր էր բծավոր և որովայնային տիֆի տարածման համար: Իրենց շանապարհի ընթացքում գաղթականները տարածեցին այս բույր հիվանդությունները, վարակելով նաև բանակները: Իսկ ի՞նչ եղավ հետևանքը: Բանակում և զոդոլրդի մեջ՝ մահացող գաղթականների թվի չափ, Եսայիական վեյին, մահ տեղի ունեցավ»:

Հասկանալի է, որ այստեղ խոսքը միմիայն տեղահանության և վարակիչ հիվանդությունների հետևանքով զոհված հայերի մասին է, և ոչ մի խոսք չկա դաժան եղանակներով շարդի ենթարկված հայերի վերաբերյալ:

1954 թ. Հիլմի Փյամիլ Բայուրը Անկարայում լույս ընծայեց «Մադրազամ Փյամիլ փաշայի քաղաքական կյանքը» խորագիրը կրող աշխատությունը: Գրքի առաջարանում հեղինակը շեշտում է, որ ինքը ձգտել է բերել փաստացի նյութեր և հատկապես ամբողջական հատվածներ Փյամիլ փաշայի հուշերից: Մենք համեմատեցինք Փյամիլ փաշայի հուշերը այդ մեջ բերված հատվածների հետ: Բնականաբար Հիլմի Բայուրի կողմից բերված հատվածները վերծանված են օսմաներենից և հարմարեցված մամանակակից թուրքերենի քերականական կանոններին: Օգտագործված է նաև այժմյան թուրքերենի բառապաշարը: Մեզ հետաքրքրեց բերված հոդվածների բովանդակությունը, թե որքանով են

դրանք համապատասխանում բնագրին: Պարզվեց, որ Հիլմի Քայուրը գիտամենավոր կերպով կրճատել և ազավազել է իր գրքում Քյամիլի փաշայի հուշերից բերած հատվածները: Նախ, այն հատվածները, որտեղ Քյամիլի փաշան խոսել է քրդերի մասին, բուլղոսլիկ հանված են, քանի որ այսօր Թուրքերի կարծիքով Թուրքիայում քրդեր կամ քրդական հարց գոյություն չունի: Արևմտահայության վիճակին վերաբերող այն մասերը, որոնք հեղինակը նպատակահարմար չի գտել, նույնպես հանել է բերված հատվածներից: Այսպես, Սասունի գեոգրիկ վերաբերող հատվածից հանել է հետևյալը. (Սասունի հարցում—Ա. Փ.) Արդուլ Համիդը հանդիմանել էր գլխավոր քարտուղար Սուրեյա փաշային՝ խիստ հեռագիր առաքելու համար: Ե՛մս ասել էի խփեք, այլ ոչ թե կոտորած սարքեք»:

Մեր կարծիքով, այս հատվածը հանված է նրա համար, որ Թուրք պատմագրության մեջ վերջին ժամանակներս ամեն կերպ աշխատում են փառարանել արյունարբու սուլթան Արզուլ Համիդին, որպես Թուրքիայի պատմության մեջ բնածաղիկ խաղաղացած սուլթանի: Փայլուն օրինակ կարող է հանդիսանալ Ջուհուրի Գանիշմանի բազմահատորանոց գիրքը, ուր հեղինակը ամեն կերպ ձգտում է սրբացնել Արզուլ Համիդին և ժխտել համաշխարհային մամուլում նրան տրված գնահատականը, զրպանի վերածելով նրա բուլղոսլիկ բացասական կողմերը: Արզուլ Համիդը ներկայացվում է ոչ թե վախկոտ, նենգ, զաժան, այլ քաշ, արգարամիտ և վեհանձն անձնավորություն, որն իր ազգի համար ավելի շատ զործեր է կատարել, քան որևիցե մի այլ սուլթան և այլն: Անհրաժեշտ է նշել նաև, որ գիրքը գրված է հակառուսական ոգով: Տեղին է բերել Ջուհուրի Գանիշմանի գրքից հայկական բարեփոխումների խնդրում Արզուլ Համիդի ունեցած դիրքորոշման բնութագրումը:

Էջակական հարցում այս պետությունների (Անգլիայի և Ռուսաստանի—Ա. Փ.) ունեցած մտահցումից Արզուլ Համիդը կարողացած գտնել օգտվելու ուղին: Նախ և առաջ, Սան-Սանֆանոյի և Քուլինի պայմանագրերում արևելյան վիլայիթներում բարեփոխումներ կատարելու խնդրին բուլղոսլիկ ուշադրություն չգարձեց»:

Իսկ Գերմանիայի կայսեր հետ ունեցած հանդիպման ժամանակ Արզուլ Համիդը բացահայտորեն ասել է, Ե՛մս ավելի կնախընտրեմ մեռնել, քան թե Անատոլիայի արևելքում ինքնավարության առևտղ բարեփոխումներ անցկացնել»:

Ահա, իր այս սկզբունքից ելնելով, Արզուլ Համիդը հաճախակի հայերին և Հայկական հարցը վերացնելու հրամաններ էր արձակում:

Բերենք մի հատված ևս Յլամիլ փաշայի հուշերից. «նա (Ավստրիայի զեսպանը—Ա. Փ.) հայտնեց, որ նախորդ օրը՝ տեղի ունեցած ժողովում, հյուպատոսարաններից զեսպանատները եկած զեկուցադրերի ընթերցումից պարզվել է, որ կոտորվել են հազարավոր հայեր. որ Գիարրեթիում քրդերի կողմից առանց խորականություն չբխառնյալների սպանությունները, կողուպուտն ու բռնությունները, ինչպես նաև Անատոլիայի այլ վայրերում տեղի ունեցած նույն խժոճությունները, այդ դարի համար շտեմեղված և լլսված երևույթներից են»:

Այսպիսով, բերված հատվածները, որոնք միտումնավոր կենսով կրճատված են Հիլմի Բայուրի աշխատության մեջ, ցույց են տալիս, թե ինչպես ժամանակակից թուրք պատմաբաններն իրենց ուսումնասիրություններում խեղաթյուրում և աղավաղում են այդ շրջանի՝ արևմտահայությունը վերաբերող փաստերը:

Իր հուշերում Սայիդ փաշան մանրամասն նկարագրում է 1895 թ. սեպտեմբերին Կ. Պոլսում տեղի ունեցած հայկական ցույցի (Բարը Ալիի) մանրամասնությունները և այդ ցույցի հետ կապված հայ-թուրքական բախումները: Ցույցը խաղաղ բնույթ էր կրում: Այն կազմակերպված էր հնչակյան և դաշնակցական կուսակցությունների կողմից, հայկական բարենորոգումների խնդրում եվրոպական տերությունների ուշադրությունը գրավելու նպատակով: Սայիդ փաշայի հուշերից պարզվում է, որ կառավարությունը նախօրոք իրազեկ էր այդ ցույցի մասին և ուշի-ուշով միջոցառումներ էր ձեռնարկել այն խափանելու համար: Միանգամայն ակնհայտ է նաև, որ Սայիդ փաշան ձգտել է, որպեսզի զինվորական միջամտություն կատարվի հաճանական բախումները կանխելու համար: Հակառակ դրան, սուլթան Աբդուլ Համիդը և ռազմական մինիստրությունը միտումնավոր ձգձգել են այն, որպեսզի զինված թուրք ամբոխը հաշվեհարդար տեսնի հայերի հետ:

Սայիդ փաշայի հուշերից երևում է նաև, որ Աբդուլ Համիդը բացահայտորեն զորք դուրս չի բերել սովյալ ցույցը խափանելու համար, քանի որ տերանց (հայերի—Ա. Փ.) հանդեպ զինվորական ազդու գործողությունը կարող էր քաղաքական դժվարությունների առաջ կանգնեցնել: Նա ամեն կերպ ձգտել է տրուրովին առիթ չտալ, որ խընդիրը եվրոպական հարց գառնալու ձևը բնդունի»:

Փաստերը ցույց են տալիս, որ Աբդուլ Համիդը մի նոր հայկական ջարդ կազմակերպելու իր նենդ ծրագիրը գործադրել է հետևյալ կերպ: Գաղտնի զինել է սոֆիստներին (կրոնական ուսումնարանի սաներին), ինչպես նաև մահմեդական խուժանին և նրանց ուղարկել փողոց՝ հա-

յնրի վրա: Պարզվում է, որ այդ խումանի մեջ եղել են նաև ծպտայլ զինվորներ: Այդ է վկայում Մայից փաշայի հետևյալ խոսքը, «նույնիսկ բռնացողների թվում եղել են զինվորներ և ուսանողներ»¹²:

Փյամիլ փաշայի հուշերում հայտնի է նաև առնչվող նյութերը և հատկապես Արզույ Համիդի ներկայացրած նրա զինուցադրերը հիմնականում վերաբերում են 1894 թ. տեղի ունեցած Մասունի շարժերին և 1895 թ. Արևմտյան Հայաստանում բարենորոգումների վերաբերյալ երեք մեծ տերուֆյունների Քարսը դռան ներկայացրած հուշագրերին: Առանձնահատուկ հետաքրքրություն են ներկայացնում Փյամիլ փաշայի քաղաքական հայացքները, հայկական հարցի և մեծ տերուֆյունների դիրքորոշմանը վերաբերող նրա մեկնություններն ու խորհրդածությունները:

Հայտնի է, որ Բեպիկի կոնգրեսից հետո սուլթանական կառավարության քաղաքական քաղաքականությունը հայերի նկատմամբ առավել բացահայտ դարձավ 1890-ական թվականներին: Թուրքական իշխանությունների անկաշկանդ կամայականությունները, քրդական ցեղապետների սանձարձակ ոտնձգությունները, արտակարգ հարկերի ծանրությունը և անասիլի հարստահարություններն այլևս անհնարին էր տանել: Մասունի հերոսական ժողովուրդը, հաշվի առնելով իրեն սպառնացող վտանգը, պատրաստվում էր հակահարվածի: 1894 թ. օգոստոսին Թուրքական բանակը ժավալուն հարձակում է նախաձեռնում Մասունի վրա: Տեղի ունեցավ մի սարսափելի շարժ, որին զոհ զնացին հայ ազամարդիկ, կանայք ու երեխաներ: Այն կատարել էին Թուրքական սուլթանի կողմից զինված քրդական զորախմբերը (համիդի) և կանոնավոր բանակի զինվորները: Փյամիլ փաշայի հուշերում ևս պարզ կերպով նշվում է, որ շարժը տեղի է ունեցել Արզույ Համիդի հրամանով, և այն իրագործել է Բիթլիսի 4-րդ բանակի հրամանատարությունը, Մյուշիք Ջեյի փաշայի զինավորությունը¹³:

Մասունի կոտորածները մեծ հուշում առաջացրին ամբողջ քաղաքակիրթ աշխարհում: Բողոքների ճնշման ներքո, ի վերջո սուլթանական կառավարությունը համաձայնեց հանձնաժողով ուղարկել Մասուն՝ հանդամանքները ուսումնասիրելու համար: Այդ հանձնախմբի հետաքննություններն առանձնապես արդյունք չտվին, քանի որ սուլթանական կառավարությունն արդեն վաղօրոք հանձնարարել էր նրան առանց քննության արգարացնել տեղական իշխանություններին և մեղադրանքը բարդել հայ գյուղացիության վրա: Մյուս կողմից, մեծ պետություններն, իրենց բնօրհանուր շահերից ելնելով, հրահանգ էին ավել իրենց ներկա-

յացուցիչներին, որպեսզի Հարաբերութիւնները շարեն թուրքական Հանձնախմբի հետ Միկեուլի ժամանակ սուլթանական կառավարութիւնը մեծ շանքեր էր թափում հանդարտեցնելու միջազգային հասարակայնութիւն կարծիքը այդ կատարածների կապակցութիւնը: Իր ժամանակին Քյամիլ փաշան ահա թե ինչպիսի ցինիկ խորհուրդ էր տալիս Արդուլ Համիդին. «Մասունի դեպքը, ավելի շուտ այնտեղի ապրտամբութիւն Անշումը, հայերի կողմից այնպես է ուռնացվել և անգլիական մամուլում այն աստիճան դաժանութիւնը է նկարագրվել, որ այդ հրապարակումները չէին կարող ազդեցութիւն չգործել ոչ միայն Անգլիայում, այլ նույնիսկ այստեղ Օսմանյան կայսրութիւն տարբեր հպատակների շրջանում...»²: «Եթե այժմ որևիցե հրատապ քան կա անելու, դա այն է, որ հետաքննող Հանձնաժողովի զեկուլցը շտապ կերպով հրատարակվի Անգլիայում, որպեսզի հանդարտեցվի ընդհանուրի տրամադրութիւնը: Ե՛վ այդ հանդարտեցման նպատակին հասնելու համար բավական է, որ հիշյալ զեկուլցը հրապարակվի օտար պաշտոնյաների ստորագրութիւնը»³:

1895 թ. մայիսի 11-ին Անգլիայի, Ռուսաստանի և Ֆրանսիայի զեսպանների կողմից Բարձր դասը համատեղ ներկայացրած բարենորոգումների նոր ծրագիրը, իր թերութիւններով հանգերձ, նույնպես կյանքի չկոչվեց: 1895 թ. հոկտեմբերին Արդուլ Համիդը ձևականորեն համաձայնվեց օտորագրել բարենորոգումների ներկայացված ծրագիրը. նրա մեջ մտցնելով այնպիսի փոփոխութիւններ, որոնք տեղ էին թողնում թուրքական բռնութիւնների համար: Հիշյալ բարենորոգումների իրականացման հարցում իր տարակուսանքն է հայտնում նաև Քյամիլ փաշան. «...ընթերցելու ընթացքում ես նկատել էի, որ այդ հոգվածները հազիվ թե գործադրվեն կյանքում, քանի որ քրդերի զինաթափումը և քրիստոնյա պաշտոնյաների նշանակումը ծանր էր նստելու քրդերի վրա: Այնուհանդերձ, քանի որ սովյալ որոշումը հաստատվել էր կայսերական հրամանով, ես ստիպված ստորագրել էի այն, միմիայն մատնանշելով, որ սովյալ հոգվածների կիրառումը կապված է դժվարութիւնների հետ»⁴:

Ոչնչորութիւն արժանի են նաև երիտթուրքերի զաղափարախոսութիւն ներկայացուցիչ Ջելալ Նուրիի տեսակետները:

Իր հրապարակած գրքերում և հոգվածներում Ջելալ Նուրին հետևողականորեն շատագու՛ղ է բամանիզմի գաղափարախոսութիւնը, որ Օսմանյան կայսրութիւնում բացի օսմանյան ազգից ուրիշ ազգութիւններ չկան: Թուրքիայում մեկ ազգ կա, այն է՝ օսմանցի ազգը:

«Յամանիզմի ապագան» խորագրերը կրող գլխում Զեյալ Նուրին գրում է. «Եմ հրապարակած հոգվածներում և (զրքիս—Ա. Փ.) դանազան զբուխներում նշել էի, որ օսմանիզմը մի ընդհանուր ազգային հասարակութուն է, բուր տարրերի հավասար իրավական հիմունքներով: Անկեղծ ասած, օսմանիզմի ընդունողները ոգավում են ամեն տեսակի իրավունքներից: Իսկ նրանք, որոնք չեն ընդունում, կարող են միմիայն երկրի ներքում մարդկային և քաղաքացիական իրավունքներից օգտվել, այլ ոչ քաղաքական իրավունքներից»¹⁵: Այնուհետև նա շարունակում է. «Հայերը կարող են իսկական, անկեղծ և էպպես օսմանցի դառնալ: Նրանց շահավետությունը օսմանցիության մեջ է»¹⁶:

«Նոր օսմանները պնդում էին, որ բավական է կազմալուծել բռնապետական ռեժիմը, և կայսրության ժողովուրդները կմիանան քրիզանուր հայրենիքի» սահմաններում և կապրեն համերաշխ, կրվիրանա ազգային և կրոնական պայքարը նրանց միջև:

«Պրոպագանդիով միասնության գաղափարը,—գրում է Յու. Պետրոսյանը իր «Երիտթուրքերի շարժումը» շահեկան աշխատության մեջ,—նոր օսմանները, այնուհանդերձ, բացահայտորեն նկատի ունենին պահպանել թուրքերի տիրապետող դիրքը ազգային բարեփոխված պետության մեջ: ... Ազգային հարցում նրանց բռնած դիրքը ինչպիսի ֆրագաներով և լուսնազներով էլ որ քողարկվի, գործնականում հանդիցնում է թուրքերի տիրապետության պահպանմանը հույների, հայերի, սլավոնական ժողովուրդների, արաբների և քրդերի, ինչպես նաև օսմանյան այլ ժողովուրդների նկատմամբ»¹⁷:

Զեյալ Նուրին բացահայտորեն թուրքիայի ոչ մահամեղական ժողովուրդներից պահանջում էր հաշտվել իրենց իրավազուրկ վիճակի հետ և հրամարվել ազգային ձգտումներից: Նա ամեն կերպ ձգտում էր համոզել, որ հայերը, արաբները, քրդերը, այրանացիները լպետք է պայքարեն իրենց ազատագրության համար, քանի որ թուրքիայում տիրապետող կարգերը, որոնք հիմնված են մահամեղական կրոնի վրա, ամենաառաջադորն ու իդիալականն են: Փաստորեն, թուրքիայում իսկական քաղաքացի էին հռչակվելու միայն թուրքերը, կամ նրանք, ովքեր կթրքանային, կմոռանային սեփական լնդուն և կնուլվին թուրքերի հետ: Զեյալ Նուրին ամեն կերպ զոմարանում է իսլամի զոզմաները, մատնանշելով, որ այն միաժամանակ քարոյական օրենսդիրք ու կառավարման ձև է¹⁸:

Զեյալ Նուրին և երիտթուրքերի այլ գաղափարախոսները ամեն կերպ փորձում էին պանիսլամիզմը օգտագործել Օսմանյան կայսրու-

Յյան ժաճեղական ժողովուրդների վրա իրենց իշխանությունը ամրապնդելու համար: Պանիսլամիզմի բաղափարախոսությունը զուրկ էր պատմականորեն զարգանալու հնունկարից: Քուրքիայի երիտասարդ ազգային բուրժուազիան, առաջ քաշելով այն, ձգտում էր ինչ-որ մեծ պահպանել Օսմանյան կայսրության ամբողջականությունը:

Երիտասարդների պայքարչություններից Ջեմալ փաշան իր հուշերում բերված Շահյակահան հարցքս վերնադիրը կրող պատմական ակնարկում, հակաճանաչելով որևէ հայտնի դիվանագետ, իրավարան և պատմարան Ա. Ն. Մանդելշտամին, աշխատում է ամեն կերպ ցույց տալ, որ հայերը Օսմանյան կայսրության շրջանակներում տևապես ապրել են խաղաղ և լավագույն պայմաններում, վայելել ընդարձակ արտոնություններ: Այս կապակցությամբ նա բավականին ուռնացրել է 1863 թ. հայերին շնորհված սևեղգային սահմանադրության և նշանակությունը և վերջապես ամեն կերպ շանք է թափել մեղմացնելու երիտասարդների հանցագործությունը հայերին տարագրելու և բնաշնչելու հարցում:

ԵՔրզնրի ստրկացուցիչ լուծի փոխարեն նրանք (հայերը—Ա. Փ.) հնարավորություն ստացան լավագույն հարաբերությունների մեջ ապրել թուրքերի և թուրքական կառավարության հետ... Օսմանյան կառավարությունը, առանց դրսի որևէ ճնշման, սահմանադրություն շնորհեց հայերին... Այդ իրադարձությունը պետք էր, որ սկիզբ համարվեր մի նոր երջանիկ ժամանակաշրջանի: Մինչդեռ, որսաները հայկական գործերի մեջ խառնվելու համար օգտագործեցին այդ սահմանադրությունը: Հայ պատրիարք ներսես էֆենդին, որը Սան-Ստեֆանո զեաց հայերի անկախության հարցում խնդրելու ցարի հովանավորությունը, միակ պատասխանատուն կարող է համարվել նրա համար, որ հայերը վերջնականապես զրկվեցին բնավատարիմ ազգի (Միլլեթ-ի սատրքա) իրենց անվանումից¹³:

Անհրաժեշտ է նշել, որ ներսես պատրիարքը ճարահատյալ Սան-Ստեֆանո էր մեկնել ոչ թե անկախություն հայցելու, այլ ինչ-որ լավագույն վերջ տալու հայերի հանդեպ գործադրվող ճնշումներին, հարստահարությանը և խտրականությանը: Արևմտահայերը առանամյակներ շարունակ դիմել են սուլթանական կառավարությանը և ազդերսել՝ թեթևացնելու իրենց վիճակը, բայց դիմումներն ու ազդերսանքը որևէ արդյունք չեն ափել: Գույրի հափշտակումը, պատվի ու սրբությունների ամենաբիրտ ստնահարումները, կրոնաբարոյական անարգանքը, կոտորածի սարսափը հայ բնակչությանը հասցրել էին ծայր աստիճան հուսա-

հատության: Հատկանշական է, որ թանգիմաթի շրջանի՝ սուլթանական կառավարության ազգային փոքրամասնություններին վերաբերող միջոցառումներից ոչ մեկը չէր կիրառվում կյանքում: Հայր երբեք չէր կարող իր դեմ կատարված շարաշահումների համար բողոքել կառավարությանը, քանի որ հանցագործության անկայությունը փաստելու համար նրան հարկավոր էր նրկու մահճեղականի վկայությունը: Թուրքերի կիրառած դատանությունը պատահական չէր, այլ՝ քնահատուց և տևական: Նրանց իրավական սիստեմն իր էությունը ծայր աստիճան անարդար էր քրիստոնյա հպատակների հանդեպ: Մահճեղականը կարող էր առավանգել, թալանել, սպանել քրիստոնյային և ապահովարար մնալ անպատիժ:

Ինչ վերաբերում է սհայոց ազգային սահմանադրությանը, ըրևական է, որ այդ մասին շատ է խոսվել թե՛ իր ժամանակին և թե՛ սովետահայ պատմաբանների երկերում: Հակառակ Ջեմալ փաշայի պնդումներին, սազգային սահմանադրությունը իսկական փոփոխություններ չմտցրեց գոյություն ունեցող հարկերի անարդար գանձման, կրոնական խտրականության, ազգային ճնշման և ընդհանրապես թուրքերի և քրդերի կողմից գործադրվող զանազան բռնությունների վերացման խընդրում:

«Հայկական հարցը,— շարունակում է Ջեմալ փաշան,— առավել սրվեց 1894 և 1896 թթ., այն ժամանակ, երբ ամենուրեք ապստամբություններ սկսվեցին հայկական նահանգներում: Հայկական խռովություններն այն աստիճան թշնամանք սերմանեցին մահճեղականների և քրիստոնյաների միջև, որ 6 դարերի ընթացքում կողքկողքի, խաղաղ ու համերաշխ ապրելով հանդերձ, սկսեցին հարձակվել իրար վրա և իրենց արյունով ներկել Անատոլիայի խաղաղ հովիտները և նույնիսկ Կ. Պոլսի փողոցները... Այդ տարիների արյունալի զիպքերի ժամանակ թուրքերը անբարյացակամ վերաբերմունք չունեցան հայերի հանդեպ: Ամենուրեք թուրքերը ձգտում էին հովանավորել հայերին...»²⁰:

Ջեմալ փաշայի այս խոսքերը չեն համապատասխանում իրականությանը: Ճշմարտությունն այն է, որ հայկական հարցը, երբ Քեոլիսի վեհաժողովում դարձավ միջազգային զիվանագիտության հարց, հայ ժողովրդի վիճակը առավել վատթարացավ: Սուլթանական կառավարությունն սկսեց իրագործել հայաշատ նահանգներում հայկական տարրը նոսրացնելու իր նենգ քաղաքականությունը: Արզուլ Համիդն սկսեց իրագործել Արևմտյան Հայաստանի իր վաղեմի և իսկական բնակչությունից զատարկելու հանցագործ ծրագիրը:

Հայերը ենթարկվեցին դաժան հալածանքների և ֆիզիկական ուշնշացման: «Կայսրութիւնը կատաղարելու իմ տեսակետից ելնելով,—շարունակում է Ջեմալ փաշան,—ես միշտ դատապարտել եմ ժողովրդական զանգվածները կոտորելու միջոցով հեղափոխութիւնը նշնելու ձևը: Այսպիսի սիտակժը անուղղելի վնաս է հասցնում պետութիւնը և նրա պատմութիւնը: Լչերում թողնում է արշունալի հետքերս»²¹:

Այնուհետև Ջեմալ փաշան նշում է, որ ինքը և երիտթուրքերը խլատագույն կերպով դատապարտում էին 1894—1896 թթ. իրադարձութիւնները, այն համարելով Արգուլ Համիդի կառավարութիւնը քաղաքական ամենամեծ սխալը, որ այդ քաղաքականութիւնը վնաս էր պատճառում ոչ միայն Թուրքիային, այլև ամբողջ իսլամին²²: Ջեմալը և երիտթուրքերի մյուս պարագլուխներն աշխատում էին ոչ թուրք ժողովուրդներին ներշնչել այն միտքը, որ սահմանադրութիւնը վերահաստատումով կվերանս ազգային խտրականութիւնը և բոլոր հպատակները հազաաար կլինեն օրենքի տալի: Մական 1908 թ. իշխանութիւնը գլուխ անցնելուց հետո, երիտթուրքերը ոչ միայն մոռացան իրենց մինչ այդ տված խոստումները, այլև դարձան ժողովուրդների ազգային-ազատագրական շարժման բացահայտ թշնամիներ: Նրանք ամբողջապես օրդեդրեցին Արգուլ Համիդի արշունարքու քաղաքականութիւնը, նույնիսկ իրենց զաժանութիւնը դերազանցելով նրան: Ազգային հարցը լուծելու համար նրանք ընտրեցին ազգերը ոչնչացնելու ճանապարհը:

Ջեմալ փաշան կանգ է առել նաև 1909 թվականին Ազանալի վիլայեթում տեղի ունեցած ապրիլյան կոտորածի վրա: Այդ շարժերի պատասխանատուութիւնը ամբողջապես նա բարդել է հնչական կուսակցութիւնը անդամ Մուշեղ կալիսկուպոսի և Ազանալի նահանգապետ Ջեմալ րեյի վրա:

Ե՛նս անձամբ համոզված եմ, որ այդ արշունալի դեպքերի զլխավոր մեղավորը մոնսինյոր Մուշեղն է, բայց պատահածի համար պատասխանատուութիւնը հազաաարապես ընկնում է նաև նահանգապետի վրա, քանի որ նա պետք է հուսկանար, թե ինչպիսի վտանգ է ներկայացնում այդ մարդը և միջոցներ ձեռնարկներ նրան վնասազերծելու համար²³:

Այստեղ ևս դիտումնավոր կերպով խեղաթուրվել են իրական փաստերը: Այս հարցում ոչ միայն Ջեմալ փաշան, այլև մյուս պետական գործիչները, ինչպես նաև հետագա թուրք հետազոտողները, կասկածի տակ առնելով ականատեսների տվյալները, աշխատել են ամեն կերպ թաքցնել երիտթուրքերի կատարած ուճազորժութիւնները:

Անհրաժեշտ է նշել, որ այս հարցը ևս բաղձակողմանի ուսումնա-
տիրված է սովետական պատմաբանների կողմից և տրված է համարիչ
պատասխան տվյալ շրջանի իրադարձություններին²⁵,

Փաստերն անհերքելիորեն վկայում են, որ Ադանայի նահանգում
կազմակերպված շարժերը. նախօրոք նախապատրաստված և հրահրված
են հրիսթոսրբերի կուսակցության կողմից, որ հայերը ոչ մի մեղք չու-
նեն և հայկական ապստամբության մասին նրանց հորինած հեքիաթը
չոկ պատրանք էր: Ապրիլյան այդ կոտորածների ընթացքում հայերը
կորցրին հրեսուն հազար մարդ:

Առաջին համաշխարհային պատերազմին նախորդած դեպքերի նը-
կարագրության ընթացքում, Ջեմալ փաշան կանգ է առնում նաև ցա-
րական կառավարության կողմից ներկայացված Արևմտյան Հայաստա-
նին վերաբերող բարենորոգումների նախագծի վրա, որը պատրաստել
էր Կ. Պոլսի ռուսական դեսպանատան աշխատակից Ա. Մանդելշտամը:
Թեպետ հայտնի է, բարենորոգումների այդ նախագիծը երկար ժամա-
նակ քննարկման առարկա զարձակ եվրոպական պետությունների և
հրիսթոսրբական կառավարության ներկայացուցիչների միջև: Ի վերջո
արդյունքը եղավ այն, որ 1914 թ. փետրվարի 8-ին կնքվեց հայկական
բարենորոգումներին վերաբերող ռուս-թուրքական համաձայնագիրը:
Բնական է, որ ստորագրելով այդ պայմանագիրը, թուրքական կառա-
վարությունը ոչ մի ցանկություն չուներ կյանքի կոչելու այն և դիմում
էր ամեն միջոցի, որպեսզի բարենորոգումները մնային թղթի վրա:
Ջեմալ փաշան խուսանավել է այս հարցում ևս:

«Չնայած, որ այդ պայմանագիրը ծանր էր մեզ համար, իսկ Ռու-
սաստանի համար էլ շահավետ, Օսմանյան կայսրությունը անկեղծորեն
ձգտեց իրագործել ստանձնած քոլոր պարտավորությունները»²⁶,

Իսկ մի քանի տող ներքև նա շարունակում է իր միտքը, ասելով.
«...մենք հույս ունենինք, որ համաշխարհային պատերազմի կրակի մի-
ջից անցնելով, մեզ կհաջողվի ազատվել մեր վզին փաթաթած շատ
տհաճ պարտավորություններից, որոնք միմիայն պատրվակ էին մեր
ներքին գործերին միջամտելու համար»²⁷,

Բազմաթիվ այլ փաստեր կարելի է բերել, ինչպես իրավամբ նշում
է Ջ. Կիրակոսյանը, որոնք ապացուցում են հայ ժողովրդի տարագրու-
թյան ու կոտորածի նկատմամբ Ջեմալ փաշայի բռնած ավելի խորա-
մանկ, քողարկված, հրեպաշտ գիրքի մասին: «Նա ամեն կերպ ձգտում
էր թաքցնել իր մեղսակցությունը, խոսում էր հայերի «գյուղատնտեսա-
կան կուլտիաներ» ստեղծելու մասին, սպանության հրամաններով արգև-

լում էր շուտանկարել Հայ աարադիրների զժողային կյանքի պատկերները, սուտ ազլայներ հաղորդում արասասմանյան լրագրողներին²⁷։

Ու միայն Ջեմալ փաշան, այլև մյուս պետական գործիչները և նրանց վրա հիմնված մի շարք բուրժուական պատմարաններ միտումնազոր խեղաթյուրել ևն իրականությունը, մեկնաբանելով, որ թուրքական կառավարությունը ստիպված է եղել հայերին տեղահանելու իրենց բնակավայրերից, նկատի ունենալով պատերազմական ժանր կացությունը և գրա հեռ կապված հայերի ապստամբական շարժումները։ Են հասաաո համոզված եմ,—ընդգծում է Ջեմալ փաշան,—որ հայերը իրենց գործունեությամբ վտանգի տակ են գրել մեր կոզկասյան քահակի թիկունքը և, նույնիսկ, միջոցառումներ ձեռնարկել բանակի կատարյալ ոչնչացման համար։ Իմ ընկերները եկել են այն համոզման, որ օսմանյան հայրենիքը վտանգի մեջ է, իսկ Արևելյան Անատոլիան կանգնած է Ռուսաստանի կողմից նվաճվելու սեմին։ Գրա համար էլ հայերի՝ մի այլ շրջան տեղահանելը նրանց կզրկեր կառավարության համար վտանգ ներկայացնելուց²⁸։

Իրականում հայ ժողովրդի բնաշնչման թուրքական ժրագիրը խարսխված էր նախորդ ամբողջ ժամանակաշրջանում կիրառված շարդարարական քաղաքականության վրա, օրգանապես բխում էր նրանից։

Արիաթուրքական կառավարության ղեկավարները ուղղակի օգտագործել են հայերի ապստամբության շինծու պատրվակը, որպեսզի իրադործեն Եւլայաստանն առանց հայերի իրենց վաղեմի ժրագիրը։ Իրականությունն այն է, որ հայերը, կոտորածի փաստի առաջ կանգնելով, ստիպված են եղել մի շարք վայրերում ինքնապաշտպանության դիմել։

1946 թվականի սկզբին Հյուսեյն Ջահիզ Յալլընի համառոտ առաջարկնով և անմիջական հրատարակիչ՝ էնվեր Բուլալըրի ռժրկու խոսքով Սասմբուլում լույս է տեսնում այսպես կոչված Քալաաթ փաշայի հուշերը²⁹։

Անհրաժեշտ է նշել, որ այս գրքույկը հնուու է կատարյալ հուշագրում լինելուց։ Այդ հաստատվում է նաև առաջարկում նշված Յալլընի հեանյալ խոսքերով. «Սակայն պարագաներն ու պայմանները հնարավորություն չափին նրան գրելու իր կատարյալ հուշերը³⁰։ Նույն միտքն է արտահայտել նաև հրատարակիչը. «Քալաաթ փաշան իր մահից հետո մաքուր անուկից և հուշերի մի մասը բովանդակող տետրակից բացի, ոչինչ չթողեց։ Այս Եհուշերըս նրա գրավոր միակ նրկն է, որը ներկայումս մեծ հպարտությամբ ապագրում են գրքի ձևով³¹։

Քալաաթի հուշերի օսմաներն քննողը ժամանակին չի հրապարակվել, և որս գոյության մասին ոչ մի հիշատակում չի եղել թուրք պատմագրության մեջ: Գրքի սկզբում հրատարակիչների կողմից բերված է Քալաաթի արաբատառ ձեռագրերից մի նմուշ, որը ոչ մի անություն չունի նրա հուշերի բովանդակության հետ: Այն ներքին գործերի մինիստրի մի սովորական գրությունն է: Մեզ համար առավել համոզիչ կլինեք, եթե հրատարակիչները գրքի սկզբում բերեին Քալաաթի հուշերի օսմաներն ձեռագրից մի հատված:

Թե ինչ փոփոխության է ենթարկված օսմաներն քննողը, երբ այն վերծանվել է ժամանակակից թուրքերենի, մեզ անհայտ է: Այսուհանդերձ գրքի բովանդակությունը պարզ ցույց է տալիս, որ այն հրապարակված է որոշակի նպատակով և լիովին համապատասխանում է տվյալ ժամանակվա ոգուն: Պարզ ստած, այնտեղ ամեն կերպ անկափոխված են փաստերը և պատմական իրականությունը:

Եթե մի կողմ թողնենք հուշերի սկզբում բերված 1914—1915 թթ. թուրքիայի ներքին և արտաքին իրադրությունը վերաբերող համառոտ շարադրանքը (այն կազմում է ընդամենը 30 էջ), ապա առանց վարանելու կարելի է ասել, որ այդ գիրքը նվիրված է հիմնականում հայկական հարցի պատմությանը (էջ 42—149):

Մեր կարծիքով, տվյալ գրքի հրատարակումն իր հիմքում ունեցել է մի նպատակ՝ Անգլիոպլանում, թուրքերի նվաճողական նկրտումներից ձյնելով, թուրք հասարակայնության շրջանում թշնամանք և ատելություն սերմանել հայ ժողովրդի հանդեպ: Հուշերի հեղինակը կաշվից գուրս է եկել ապացուցելու, որ ինքը մեղավոր ու հանցավոր չէ հայերի քնաշնչման խնդրում, որ հայերն իրենք են բռնություն գործադրել թուրքերի վրա, որ 1919 թ. 4. Պոլսում իր և ընկերների հանդեպ արձակված մահվան դատավճիռը անտեղի էր և այլն...

Քալաաթ փաշայի «հուշերը» իր բովանդակությամբ խիստ տարբերվում են մյուս թուրք պետական գործիչների հուշերից: Այստեղ շատ քիչ տեղ է տրված անձնական գրառումներին և հիմնականում բերված են փաստաթղթեր: Դրանք ամփոփված են «Հայերի ներքին (գրություն—Ա. Փ.) վերաբերող պատմական փաստաթղթերը»²⁷ գլխում:

Նրկարատև պրպտումներից հետո հաշտվեց պարզել, որ այսպես կոչված «փաստաթղթերը» վերցված են 1916 թ. թուրքիայում լույս տեսած «Հայ կոմիտեների հեղափոխական շարժումներն ու ծրագրերը»²⁸ գրքից: Վերջինս լույս տեսավ այն ժամանակ, երբ համաշխարհային հասարակայնությունը իրազեկ դարձավ հայ ժողովրդի հանդեպ գոր-

ժողոված ցեղասպանութիւն մասին: Քուրբական կառավարութիւնը, որպեսզի արդարացնի իր շարունակ գործունեութիւնը, հրապարակեց այդ գիրքը՝ զետեղելով այնտեղ ամեն տեսակի զրպարտանք և խաբուսութիւն արեւմտահայութեան հասցեին: Գրքում զետեղված բազմաթիվ նկարներից 32-ը պատկերում էր զանազան զենքերի կուտակումներ, սրներ, իրրն թե, բռնագրավել են հայ հեղափոխականների թաքսոցներից:

Գրքի վերջում զետեղված են նաև մի շարք նկարներ, որոնք պատկերում են իրրն թե կոտորածի ենթարկված թուրքերի դիակները: Սա ևս կեղծ է և շինծու: Ահա թե ինչ է գրում 1915 թ. հայկական կոտորածների ականատեսներից մեկը՝ ազգութեամբ արաբ Յայեզ էլ Լուսեյնը.

«Քուրբական կառավարութիւնը հասկացավ, որ եվրոպական պետութիւններն անոնց հապաղելու իրազեկ կգտնան հայ ժողովրդի ոչնչացմանը և այդ լուրը կտարածվի աշխարհով մեկ՝ լարելով հասարակական կարծիքը թուրքերի դեմ: Այդ իսկ պատճառով, մեծ թվով հայեր կոտորելուց հետո, կառավարութիւնը հրահանգ էր արել իր գործակալներին՝ դիակներին քրդի հագուստ հագցնել, զլիններին քուլուներ զնել: Գրանից հետո զայն էին քուրդ կանայք, շրջապատում դիակները, սկսում լաց լինել ու բղավել, թե հայերը սպանել են իրենց ամուսիններին: Այդ ամբողջ տեսարանը նկարահանվել է, որպեսզի հետո տապաշուցեն», թե հայերն են հարձակվել քրդերի վրա և սպանել նրանց, իսկ քրդական ցեղերը ոտքի են ելել, որպեսզի վրիժառու լինեն, թե կառավարութիւնը այդ ամենում ոչ մի մասնակցութիւն չի ունեցել: Ասկայն խելամիտ մարդիկ կտահեցին այս խաղը և այն շուտով հայտնի դարձավ Գիարրեքիում»²¹:

Կարծում ենք, որ այսքանն էլ բավական է հասկանալու համար, թե այդ ժողովածուն ինչ էր ներկայացնում իրենից և ինչ հետին նպատակների համար էր հրապարակված: Ահա այս գրքից էլ Քալաթը (պուցե և հրատարակիչները) բերել է բազմաթիվ զրպարտանքներով լի փաստաթղթեր²²: Այնտեղից՝ վերցվել են ոչ միայն փաստաթղթեր, այլև ավյալ գրքում բերված պարզ մեղադրական շարադրանքն էլ զետեղվել է հուշերի մեջ իրրն թե փաստաթուղթ²³:

Իրեն և իր նմաններին արդարացնելու և կատարված ոճրագործութեան հանցանքը իր վրայից զնն նետելու միտումով, իր հուշերում Քալաթը կաշվից դուրս է զայն տապաշուցելու իր անմեղութիւնը:

«Գլխավոր շտաբում սհայերի տեղահանման վերաբերյալ մի օրենք պատրաստվեց և ներկայացվեց մինիստրների խորհրդին: Ես,— շարու-

եակում է թալաւաթը.—կատարելապէս դեմ էի այս օրենքի գործադրմանը, քանի որ ժանդարմերիան ամբողջութեամբ, իսկ սուսիկանութիւնն էլ մասամբ վերացված էին զինվորական ծառայութեան, և երանց փոխարեն նշանակված էր միլիցիան: Ես գիտակցում էի, որ տեղափոխումը այս միջոցներով գործադրելու զեղքում, կարող էր շատ վատ հետևանքների հանգեցնել, ուստի, հետոն մտածելով, պայքարեցի այդ օրենքի գործադրման զեմ և հաշտվեց մի առ ժամանակ հետաձգել այն²⁷:

Այն հարցը, որ այստեղ իրականութիւնը կատարելապէս ազատվողված է, կասկած չի կարող լինել: Թալաւաթի կողմից երկրի տարրեր կողմերը առարժած դադանի հեռագրերն ու հրահանգները միանգամայն պարզում են թե՛ նրա վարքագիծը և թե՛ նրա հանցանքի շարքը²⁸:

Թալաւաթ փաշայի ստորագրած ծածկագրերը բացահայտորեն ջուլջոյ են ապիս հայկական կոտորածների զխաւոր կազմակերպիչներից մեկի գործունեութիւնը և մեղսակցութիւնը: Այստեղ տեղին է վկայակոչել Մանգելշտամի հետևյալ գնահատականը.

«Այո՞, էնվերը և թալաւաթը՝ կայսրութեան երկու զիկատորները, համարվում են հայկական կոտորածների զխաւոր մեղավորները: Շատ հավանական է նաև, որ նրանք զրոյված լինեն հանցագործութեան շարանեկ գոկտորներ Քեհալզգին Շաքիրի և Նազըմ բեյի կողմից: Բռնոր դեպքերում, այդ երկու հրեշների համագործակցութիւնը չի վերացնում թուրքիայի այս երկու տիրակալների վրա ծանրացած մեղադրանքը»²⁹:

Թալաւաթ փաշայի հուշերի վերջում բերված է նաև երիտթուրքական կուսակցութեան պարագլուխների զեմ Ստամբուլում ծավալված դատական պրոցեսում մի քանի դատապաշտպանների նշույթները: Պարզ է, որ այդ դատապաշտպաններն ամեն կերպ շնեացել են մեղմացնել երանց գործադրած հանցանքը: Սակայն դատական ընթացքի մեղադրական ակտից բացահայտորեն երևում է թալաւաթի և նրա նմանների գործադրած հանցագործութիւնը: Ահա այդ մեղադրական ակտից մի հատված, որն անմիջապէս տեսչվում է թալաւաթ փաշայի հետ.

«Ներքին գործերի միխտութեան հատուկ գրասենյակի պէս Իհսան բեյը հաստատում է, որ այն ժամանակ, երբ ինքը գտնվելիս է եղել Քիլիսի կայմակամի պաշտոնում, Կ. Պոլսից Հայեր գործուղված Արդուլահադ նուրի բեյը հայտարարել է, որ տեղափոխման հիմնական նպատակը (հայերի) ունշացումն էս և ավելացրել է նաև, որ ինքն այդ հարցով կապի մեջ մտնելով թալաւաթ բեյի հետ, նրանից ուզակի

ստացել է կոտորածի հրաման, որ նա (Քալաթը) ձգտել է համոզել իրեն, որ դա է երկրի փրկությունը»¹⁰։

Կարծում ենք, որ մեզազրական ակտից ընթացած այս հատվածը մեկնարանություն կարիքը չունի։

Այսպիսով, Քալաթ փաշայի հուշերի վերլուծումը մեզ բերում է այն եզրակացություն, որ արեմտա-հայությունը վերաբերող նյութերը միտումնավոր ազգավազմ են և չեն համապատասխանում իրականությունը։ Երես կասկածելի է նաև հուշերի հեղինակի ինքնության հարցը։ Միզուցե Քալաթը ունեցել է օրագրության կամ հուշերի մեծ շարադրված էջեր, բայց դեպքերում հրատարակիչները նենդ եպատակներով ընդարձակել են դրա ժամաչը, խմբագրել և կցել շինծու օփաստաթղթեր։

Իրենց հուշագրումներում թուրք պետական և քաղաքական գործիչները հայաստացի դիրքորոշումով ոչնչով չեն տարբերվում իրարից։ Այսուհանդերձ, շնայած դեպքերի եկարագրման ընթացքում ունեցած շահագրգիռական կողմին, Սալիզ փաշայի, Քյամիլ փաշայի, Ալի Ֆուսազ էրզենի հուշագրումներում պարունակվում են նյութեր XIX դարի երկրորդ կեսից ժամաչված հայ-թուրքական բախումների և հայկական հարցի շուրջը։ Ինչ վերաբերում է Ջեմալ և Քալաթ փաշաներին, ապա նրանք ամեն կերպ աշխատել են ազգավազել և խեղաթյուրել իրականությունը և արդարացնել իրենց հանցագործությունը հայկական կոտորածների հարցում։ Ժամանակակից թուրք պատմաբանները, այդ թվում և քաղաքական գործիչները ևս, շրջանցելով պատմական փաստերը, ջանում են քաղաքկել հայերի հետապնդումներն ու գննոցիչը թուրքիայում։

А. А. ПАПАЗЯН

ТУРЕЦКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ О ЗАПАДНЫХ АРМЯНАХ

Резюме

Для изучения событий конца XIX и начала XX в., связанных с судьбой западных армян, интерес представляют мемуары турецких государственных и партийных деятелей, в которых значительное место уделено вопросам освободительной борьбы армянского народа, армянскому вопросу, позиции османского правительства и великих держав в этом вопросе и др. Несмотря на ошибочность их

концепций и намеренное извращение исторических событий, в этих мемуарах содержится фактический материал, который может быть использован для разоблачения буржуазных фальсификаторов истории армянского и других народов Закавказья и Ближнего Востока.

Մ Ա Ն Ք Ր Ա Շ Ե Ր Ո Ւ Ք Տ Ո Ւ Ն Ն Ե Ր

- 1 *All Fuad Erden*, Birinci dünya harbinde Suria hatıraları, I cild, İstanbul, 1954, s. 122.
- 2 Համեմանեղի Hatırat-ı sadr-ı esbak Kâmil paşa, Kostantınya, 1329, s. 180 (արարատա); *Hilmi Kâmil Bayur*, Sadrazam Kâmil paşanın siyasi hayatı, Ankara, 1954, s. 173.
- 3 Zuhuri Danişman, Osmanlı İmparatorluğu tarihi, C. XIII, sultan ikinci Abdülhamid han, İstanbul, 1956.
- 4 Նույն տեղում, էջ 146.
- 5 Նույն տեղում, էջ 145.
- 6 Մանուգրագիրք զզում է 4 նշխիրք 1895 թ.
- 7 Hatırat-ı Kâmil paşa... s. 188.
- 8 Said paşanın hatıratı, Derszaçet, c. I, 1328, s. 309 (արարատա).
- 9 Նույն տեղում, էջ 216.
- 10 Նույն տեղում, էջ 200.
- 11 Տառ Hatırat-ı Kâmil paşa, İstanbul, 1329, s. 180 (արարատա).
- 12 Նույն տեղում, էջ 181.
- 13 *I. H. Uzunçarşılı*, II Abdülhamid devrinde Kâmil paşa. „Belleten“, 1935, № 78, s. 227.
- 14 Hatıratı Kâmil paşa... s. 186.
- 15 *Celal Nuri*, Tarih-i İstikbal, İstanbul, 1913, s. 177 (արարատա).
- 16 Նույն տեղում, էջ 180.
- 17 *Ю. А. Петросян*, Младотурецкое движение, М., 1971, с. 122—129.
- 18 *Celal Nuri*, Osmanlı İmparatorluğunun tarihi tedemmisi, İstanbul, 1331, s. 90 (արարատա).
- 19 *Behcet Cemal*, Cemal paşa, Hatıralar, 1959, s. 318.
- 20 *Cemal Paşa*, Hatıralar, s. 339.
- 21 Նույն տեղում, էջ 340.
- 22 Նույն տեղում, էջ 340.
- 23 Նույն տեղում, էջ 222.
- 24 ՏԼ՝ Ե. Ն. Մարգարյան, Քուրդիակ է երա նվաճողական քաղաքականությանը Անգլո-թուրքական, 1911—1918, Երևան, 1964; *К. Марунов*, Политика младотурок по национальному вопросу (1908—1912), Краткие сообщения Ин-та народов Азии, XXX, М., 1964; *Լ. Լ. Մարտիրոսյան*, Պրնկնիտի 1909 թվականի

- պարիսի Լաշիւսիան կառարածը և կրիտաւորը Քուրքիքի պատմախնամարտ-
 թյան Լարքը, «Մերձագոր և Միջին Արեւելի կրիքներ և ժողովուրդներ», 1, 2,
 Երևան, 1970, էջ 297; Ի. Գ. Ազաւան, Հայ ժողովրդի պատմաշրտիան պաշտարի
 պատմութիւնը, Երևան, 1976, էջ 268; Генюшд армян в Османской импе-
 рии, Сб. документов и материалов. Составители М. Г. Нерсиски, Р. Г.
 Саахан, под ред. М. Г. Нерсискиа, Ереван, 1966, с. 360.
- 34 Семад паға, Hatıralar, s. 358.
- 35 Կուշ տեղում, էջ 359.
- 37 Յ. Պիտակոյան, Աւարիկ Կամախարեանի պատերազմը և արեւմտահայրթիւնը,
 Երևան, 1962, էջ 329.
- 38 Семад паға, Hatıralar, s. 352.
- 39 Talat paşanın hatıraları, İstanbul, 1941.
- 39 Կուշ տեղում, էջ 50.
- 41 Կուշ տեղում, էջ 80.
- 42 Կուշ տեղում, էջ 45.
- 43 Ermeni komitelerinin âmâl ve harekât-ı ihtilâlîyası, İstanbul, 1332 (արարա-
 անալիս).
- 34 Генюшд армян..., с. 360.
- 38 Talat paşanın hatıraları. Համեմատիկ նեւերայ էջերը՝ 45, 52, 54, 55, 57, 58, 60,
 61.—Ermeni komitelerinin âmâlî ve harekât-ı ihtilâlîyası, s. 61, 63, 64, 65,
 87, 102, 104.
- 39 Համեմատիկ՝ Talat paşanın hatıraları, s. 59—Ermeni komiteleri..., s. 96.
- 37 Talat paşa..., s. 64.
- 38 Յիւ. The Memoires of Nâim bey, Turkish official Documents relating to the
 Deportations and Massacres of Armenians. Reprinted 1964, New town Squ-
 are, Pennsylvania; Генюшд армян...; Հայաստանյան Վեհեպետի, «Ջաղթանքի»
 խմբագրութիւն, Բեյրութ, 1963 թ.:
- 39 Генюшд армян..., с. 450.
- 40 Կուշ տեղում, էջ 474.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՏՊԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՏԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ ԵՎ
ՀԱՅԵՐՈՒ ԵՊԱՍՏԸ ՔՈՒՐՔԱԿԱՆ ՏՊԱԳՐԱԿԱՆ ԱՐՎԵՍՏԻՆ

Քանզիմաթի բերած կարգ մը նորութիւններու և բարեկարգութիւններու շնորհիւ Օսմանյան կայսրութիւն սահմաններուն մեջ ապրող ոչ իսլամ հայրենակիցներու որոշ շափով հաճասար իրավունքներ տրվեցան: Հայերը կարողացան այս իրավունքները լավագոյնս օգտագործել: Անոնք զարկ տվին թե՛ իրենց մշակութային գործունէութիւնց և թե՛ մեծապէս սատարեցին երկրի մշակութային և տնտեսական վերելքին:

Ըստ պատմական տվյալներու, օսմանյան հպատակ հայերը թուրքերեն շատ ավելի առաջ Արևմուտքի հետ հարաբերութիւն մեջ մտնելու հնարավորութիւնը ունեցեր էին:

Հայերու մտտ հասարակական և կրթական մտքի զարգացումը թանզիմաթի հռչակումն առաջ որոշ մակարդակի հասած էր արգենի Արդարն, անոնք ի մասնավորի հիմնած ըլլալով իրենց տպարանները, յետամնարաններն ու կրթական ընկերութիւնները, հասցրած ըլլալով մտավորական ընտրանի սերունդ մը, հաշտած էին իրենց մեջ հասարակական ու մշակութային բարեկարգութիւն զազափարը տարածելու: Հեռակարար հայերն արգեն վաղուց նախապատրաստված էին հետագային պետականորեն մշակված և «Քանզիմաթը հայրենէ կոչված բարեկարգութիւն մը ծրագրի իրականացման գործին:

Իրոք ա, և՛ Քանզիմաթի շրջանին (1839—1870 թթ.), և՛ հետագա շրջաններուն հայերը մեծ ավանդ ներդրեցին երկրի քաղաքակրթական գործին: Պէտք է անպայման նշել, թէ հայերն էին, որ նախ ստեղծեցին իրենց ազգային սահմանադրութիւնը և ապա նպատակեցին 1876 թվականի Օսմանյան պետութիւն առաջին սահմանադրութիւն ձևուցիլ:

1863 թ. հայոց ազգային սահմանադրութիւնը, որ կը կոչվեր «նիզամնամէլի Միլլեթի էրմենիան», կազմված էր զեմտկրատական հաս-

կացութեան հիման վրայ Սահմանադրութեան Հանձնաժողովին կ'անդամակցենք ձանձօթ իրաւագետ Գրիգոր Օսյանը:

Ըստ Թուրքական արխիւային փաստաթուղթերու վկայութեան, այդ եռյն անձնազորութիւնն էր, որ Միտհաթ փաշայի թելադրութեամբ պատրաստած էր եւս առաջին թրքական պետական սահմանադրութեան կանոնադիրքը, որ կը կոչվէր «Փանունը էսասիո»:

Որպեսզի հնարաւոր ըլլաւ մանրազնին կերպով ուսումնասիրել Հայերու՝ Թուրք մշակութիւնն և անտեսութեան բերած բազմակողմանի և անժխտելի նպաստը, պետք է ձեռք առնել անոնց գործունեութեան թղտագրութեանը:

Մենք այժմ կ'ուզենք ծանրանալ այդ բնագավառներն մեկուն՝ Օսմանեան կայսրութեան մեջ հաշկահան տպագրութեան արվեստին և թրքական տպագրութեան գործին հայերու բերած նպաստի վրայ:

Օսմանեան կայսրութեան մեջ տպագրւած առաջին թրքերէն գիրքը «Քիթաբը Լուհաթը վանքուլունա» է, որ 2 հունվար 1729 թ. լույս է տեսած Կ. Պոլսո մէջ: Այդ բառգիրքը տպւած է 14/16 դեկտեմբեր 1727-ին, արքունի թիկնապահներն, Հունգարական ծագում ունեցող Իբրահիմ աղայի շանքերով հիմնված տպարանին մէջ: Գիրքի հրատարակութիւնն մինչև այսօր անցած է 255 տարի:

Կարգ մը Թուրք հետազոտողներ կը սխալին, երբ կը կարծեն, թէ Թուրքիո մեջ հիմնված առաջին տպարանը վերահիշյալն է: Մինչդեռ իրականութիւնն է այն, որ նախապես կատարված որոշ նախաձեռնութիւններու արդյունք է Թուրքիո մեջ հիմնված այդ տպարանը: Հետևաբար առանց երկար մտերամասնութիւններու միշտմուխ ըլլալու, կը փութագինք կանց առնել այդ շարժումներու մեկ մասի սկզբնավորութեան, զարգացումին և անոնց կատարած դերին վրայ:

Թուրքիո մեջ տպագրական արվեստի ստեղծման համար ճանապարհ բացող գլխավոր գործունեւոր հանդիսացած են Ալթոպայի մեջ արարական տաներով կատարված հրատարակութիւնները, եվրոպական լեզուներով թուրքերէն լեզվի քերականութեան և բառգիրքերու տպագրութիւնը, Ալթոպային Կ. Պոլիս բերված գիրքերու վաճառքը, ինչպես նաև Օսմանեան կայսրութեան սահմաններուն մեջ իրենց գոյութիւնը պահպանող հրեաները, հայերը և հույները և այլ տարրեր, որոնք իրենց լեզվով հրատարակութիւններ կատարելու համար տպարաններ հիմնած էին Թուրքիո մէջ:

Պրոֆ. Ավրամ Կալանթին իր «Թուրքերն ու հրեաները» աշխատութեան մեջ կը գրէ, թէ Կ. Պոլսո մէջ առաջին տպարանը հիմնած են

Հրահանքը դեռ 1492 թվականին Իսկ Ֆիրմեն Տիտոն կը նշէ, որ Ճաւանչի որդի Օրինը 1490-ին Կ. Պոլսո մէջ գրած է «Երբայնցիկներու պատմութիւնը»: Մարտիրոզատեն «Ննթայիճլու Վուրուսթ» (Դեպքերու Նախնախնայնք) անուանով իր երկին մէջ կը խոսի, թէ արարական տառերով գիրքեր տպագրելու և աղոնք առանց մաքսատուրքի Քուրքիա մտցնելով, քախելու համար, 1557 թվականին սուլթան Մուրադ Գ-ի կողմէ հրովարտակ մը հանձնված է օտարականի մը: Այդ հրովարտակը ստացող Պրանթոն Պանտիէի և Օրացիո Պանտիէի անվանակոչյալ երկու վաճառական եզրայրներ, առաջին անգամ Քուրքիա մտցուցած են «Էօրլիտեսի» (էզկիլիզես) արաբերեն թարգմանութիւնը՝ 1594-ին Հոսմ տրպագրված «Էօրլիտեսի երկրաշարժութիւն» («Քուրքիա-ու Էօրլիտեսի Ֆիուսուլի Ննտեսես»): Սուլթան Մուրադ Գ-ի նշված հրովարտակն ալ իր մէջ պարունակող այս գիրքը վաճառքի հանված է Կ. Պոլսո մէջ:

Հրահանքը, որոնք առաջին տպարանները հիմնած են 1483-ին Կ. Պոլսո, 1515-ին Սելանիկի և 1534-ին Ադրիանապոլսի (էզիրեն) մէջ, 1495 թվականին ի վեր այս տպարաններուն մէջ լույս ընծայած են երբայրեն լեզվով «Աստվածաշունչ»-ը, մեկնութիւններ և քերականութիւն գասագիրքեր: Ծանոթ է, որ երբայրաառ առաջին «Աստվածաշունչ»-ը է. Կ. Պ. Մուրադի կողմէ տպագրված է 1547-ին Կ. Պոլսո մէջ:

Հրահանքէն հետո հայերն ու հույներն ալ տպարաններ հիմնած են Քուրքիա: Մասնավորաբար հայերը այս մարդին մէջ չեն բավարարված միայն իրենց մշակույթի զարգացման նպատակու շահեր կիրառելով, այլ միեւնոյն ատեն նպատած են թուրքական տպագրութիւն և ամբողջ երկրի մշակույթի զարգացումին նկատի առնելով այս հանդամները, մեր փափագն է համառոտ կերպով ներկայացնել Օսմանյան կայսրութիւն հպատակ հայերու կատարած գործունեութիւնը տպագրութիւն ընդգրկածին մէջ, որը բավականին լայնորեն հետազոտված է մեր կողմէ:

Քուրքիո մէջ տպագրութիւն նախկարապետը հանդիսացող Արզար Դպիր Սիզոնիացին (Քոխաթցի) 1562 թվականին էջմիածնի Միքայիլ Սերաստացի կաթողիկոսին կողմէ Հոսմ ուղարկված պատմութիւն նախագահ էր: Հայ թագավորներին Սենեքերիմի սերունդն Արզարը, որը Պրոս Գ պապին և Վենետիկի պաքս Հերոնիմոս գոմէն արտոնութիւն օտացավ հայերին գիրքեր տպելու, առաջին անգամ 1565-ին իր լույս ընծայած «Սաղմոսարան»-ը ձեռնց պապին: Հետո իր որդի Սուլթանշահի հետ միկտեղ տպագրական մեքենաներն ու կազմածներն առնելով՝ գնաց Կ. Պոլիս, ուր անբարակալվեցավ: Որոշ ատեն

մը վերջ ազատ արձակվելին հետս, Գումգարուի արժարձանին (անկա
 թաղի ու Նիկողայոս եկեղեցիին մեջ հիմնեց արևմտահայերու առաջին
 տպարանը: Ասիկա 1483-ին հրեա Բաֆֆի Կերտոնի կողմն Կ. Պոլսո մեջ
 հիմնված առաջին տպարանն էր երկրորդը կը հանդիսանար: Արզար
 Քոխաթցին 1567—1569 թվականներուն այդտեղ 6 գիրք տպագրեց:
 Աստեք Քուրթիս մեջ տպված առաջին հայերեն գիրքերն էին: Արզար
 Գուլիսեան վերջ Կ. Պոլսի երկրորդ հայկական տպարանը հիմնեց անվանի
 մասնող և պատմագիր Երեմիա Չելեպի Քյոմուրճյանը՝ Գումգարուի
 Կառքրկա թաղը: Սակայն այս տպարանի կյանքը կարճատև եղավ
 (1677—1678): Արևու գիրքեր տպագրելու վերջ փակվեցավ: Տարակար-
 ծության հետևանքով իր գործակիցեն՝ Գրիգոր Մարզվանցիեն, բամբու-
 լոս Աստվածատուր Գուլիս Կոստանդնուպոլսեցին 1699-ին տպարան մը
 հիմնեց: Աստվածատուրի մահեն վերջ (1748) անոր որդիները՝ Հովհան-
 նեսը, Մինասը և Հարությունը տպագրական և հրատարակչական գործը
 շարունակեցին 26 տարի (1750—1776): Այդ թվականին վերջ տպա-
 րանը անցավ Ապուլեիցի Հովհաննես Արապյանին:

Նույն տարին Մարզվանցի Գրիգորը Երեմիա Չելեպի Քյոմուրճյանի
 տաներու որինակով նոր տանը ձուլեց և հիմնեց շորթորդ տպարան
 մը, ու իր գոյության 45 տարիներու ընթացքին տպագրեց 14 անուն
 գիրք (1698—1734 թթ.): Մարգիս Գուլիս ու անոր որդին՝ Մարտիրոս
 Մարգիսյանն ու թոռները իրենց տպարանին մեջ տպեցին 38 գիրք:
 Այդ միջոցին, 1730-են սկսյալ, Կ. Պոլսո մեջ բացվեցան գրախանութ-
 ներ: Անոնցմե առաջինն էր Աստվածատուր Գուլիսի գիրքերը վաճառող
 էրզրումցի Մանուկի գրախանութը:

Անկե հետս, կարգով, Սերաստացի ոսկեզօծող Բարսեղ և Հակոբ
 Կորայրներու 1735 թվականին հիմնած տպարանը 5 տարի վերջ՝ իր
 տեղերու մահվան հետևանքով, անցավ Բարսեղի որդիներուն՝ Գարրիս-
 լին, Սարգիսին, Աստվածատուրին և Միքայելին: Այս տպարանին մեջ
 1736—1755 թվականներուն տպագրվեցան 6 գիրք: Այս ժամանակա-
 շրջանին է, որ երևան կուզան վիժատիպ նկարները՝ տպագրված գիր-
 քերուն մեջ: Իսկ 1734—1746 թվականներուն Արքահամ Քրակացին կը
 տպագրե տասն ամիսի գիրքեր:

1766-ին Հովհաննեսի և Հակոբի կողմն հիմնված տպարանին մեջ
 առաջին անգամ կը հանդիպինք տառածուլիչ Պողոսին (Հովհաննեսի որ-
 դին է, այսուհետև կհիշենք Արապյան կամ Արապոյլի անունով): Այս-
 տեղ մինչև 1769 թվականը տպագրվեցան 7 գիրք: Ստեփանոս Պերպեր-

յանին ապարանին մեջ ապագրվեցա՞վ 8 դիրք (1770—1792 թթ.): Լո՞վ-
հաննեսն ու իր որդին Պողոսը, 1777-ին Աստվածատուր Գպիրի ապա-
րանին մեկ մասը զնելով, մինչև 1796 թվականը միասին աշխատեցան:
Լո՞վհաննեսի մահէն վերջ Պողոս Արագյանը սրգիներուն հետ իր գոր-
ծունեութիւնը շարունակեց մինչև 1841 թվականը և լույս ընծայեց
150 դիրք: 1792-ին Գումգարուի մայր եկեղեցիին մեջ հիմնած ապարանը
մինչև 1825 թվականը շարունակեց իր գոյութիւնը: Լո՞վհաննես Մլու-
հենախոյանը 1840—1873 թվականներուն ապագրեց բազմաթի՞վ հայի-
րեն և հունարեն գիրքեր: Այս անձնրու անունները, որոնք նշեցինք՝
XVI, XVII, XVIII և XIX դարերուն, 4. Պոլսո մեջ դորժող հայ ապարա-
նատերերն են, շտոտնալով նաև, որ Օսմանյան կայսրութեան սահ-
մաններուն մեջ 4. Պոլսն զատ Վան (Վարագա վանք) և Մուշ (Գլակի
վանք) քաղաքներուն մեջ Մկրտիչ Խրիմյան վարդապետը (հետագայում
արևմտահայերու պատրիարքը և ապա էջմիածնի կաթողիկոսը) հիմնած
է ապարաններ (1855—1862 թթ.):

Օսմանյան կայսրութեան սահմաններուն մեջ 1567-են մինչև
1922 թվականը 4. Պոլսո մեջ՝ 131, իսկ գաղա՞տներու մեջ հիմնված
65 ապարաններն լույս տեսած հայերեն լեզվով և հայատառ թուրքե-
րենով լրագիրներու և ամսագիրներու թի՞վը 598 է:

Վենետիկի և Վիեննայի Մխիթարյան գրադարաններու, Երևանի
Ալեքոսանդր Միասնիկյանի անվան գրադարանին, Մեսրոպ Մաշտոցի
անվան Մատենադարանին և Հայաստանի Արվեստի և Գրականութեան
Քանգարանի գրադարանին մեջ ցարգ կատարված պրպտումներու հա-
մա՞ձայն, մինչև 1850 թվականը, այսինքն՝ 283 տարիներու ընթացքին
լույս տեսած գիրքերու թի՞վը 525 է, որոնց 14-ը անթվակիր են:

Հայերեն ու հայատառ թուրքերեն լույս տեսած են հազարավոր
կրօնական, եկեղեցական, լեզվարանական, պատմական, աշխարհա-
գրական, գրական (վեպ, շփածո, երգիծանք, թատերգութիւն), ման-
կավարժական, ուղեգրական, տրամաբանութեան, փիլիսոփայութեան
վերաբերյալ երկեր, անթուղիականեր, բառարաններ, հուշագրութիւններ,
օրացույցներ, տարեգիրքեր, դասագիրքեր՝ գրված հայ հեղինակներու
կողմէ, ինչպես նաև թարգմանութիւններ: Օսմանյան կայսրութեան մեջ
ապագրված հայատառ թուրքալեզու գիրքերու և ամսագրերու քանակը
կը հասնի 1000-ի: Թուրքիո պատմութեան և գրականութեան անշու-
թյամբ մեծ կարևորութիւն ներկայացնող այս հրատարակութիւններու
գերակշիռ մեկ մասը կը գտնվի Վենետիկի և Վիեննայի մատենադա-

բանները: Կ. Պոլսո հայկական տպարանները լույս ընծայած են նաև թուրքերեն լրագրեր ու ամսագրեր:

Այս հաշվառման ազդուսակը, որ կը ներկայացնենք, իր մեջ կը բովանդակէ Օսմանյան կայսրութեան մայրաքաղաք Կ. Պոլսո և զավառական այլ և այլ շրջաններու մեջ գործունեութիւն ցույց տվող հայկական տպարաններն լույս տեսած հայերեն լրագրերու և պարբերականներու քանակը:

Օսմանյան Քուրճախի մէջ նայկական տպարաններու գտնված վայրն և այլ վայրեր տված նայերեն ու նայառա քուրճին բերելու, պարբերականներու և վերնուս մատակարար Կանակը (1863—1923)

Տպարանի վայրը	ադ. քանակը	Հայերեն և Հայաստան թուրքերեն պարբ. քանակը	Հայ. զրգրեալ քանակը
Իստանպուլ (Կ. Պոլս)	131	397	324 (1861—1830)
Ատանա	8	14	—
Ատաֆապար	2	2	3
Ամսրա	—	1	—
Ամասիա	2	2	—
Արմաշ	1	1	10 (1864—1879)
Այնթապ	1	9	—
Պարտիզակ	2	8	—
Պիճիկ	—	1	—
Պրուսա	—	2	2
Նիսպրեքիչ (Տիգրանակերտ)	—	2	—
Նյուքոնի	—	2	—
Նախընկ (Ազրբայճանստան)	1	—	—
Նրզննան (Նրզնիկ)	1	2	—
Նրզնուս (Գարին)	1	6	1
Կազզըզան	—	1	—
Կըլման	—	1	—
Կիլիկիան (Կիլիկիան)	1	2	1
Քարբեք	1	10	1
Իզմիր (Ջմուռնիկ)	18	22	140 (1821—1860)
Իզմիթ (Նիկոմիդիան)	2	6	—
Կարանիսար	—	1	—
Կարս	1	4	—
Կեսարիա	1	6	—
Կըման	1	2	—
Պանիկ	1	2	—
Սրուսազնիս	2	1	131
Մալաթիա	—	1	—
Մարաշ	1	4	—
Մերզնիկ (Մարզզան)	2	5	2
Մուշ	1	4	—
Մուսուսուս	1	1	1
Սամսուն	1	1	—

1	2	3	4
Մերաստիս	2	1	2
Միգրիէիսաջ	1	1	—
Ուրֆու (Եղեւֆա)	—	1	—
Շասախ	—	2	—
Շապինջարուհիսաբ	—	1	—
Քարսուս (Տարսն)	1	2	—
Քալսա	—	1	—
Քեքիքուսազ (Քուզուսա)	—	1	—
Քոքաթ (Նզնզիխ)	1	2	—
Քրտազուն (Տրտազուն)	2	2	7
Քոյի	—	1	—
Վան	2	24	—

Օսմանյան կայսրութեան հպատակ հայերը, 3 դիկտեմբեր 1839 թրվականին հայտարարված Կուլհաննի բարենորոգումներն անմիջապես վերջ և մինչև Քուրքիս հանրապետութեան կազմութեանը, տպագրական յարաբերման մեջ բուռն թափով շարունակվող իրենց գործունեութեան շրտորհիվ, սատարած են թրքական տպագրութեան նարտարարվեստին, հրատարակութեան և գրադանաութեան զարգացումին և այսպիսով նպաստած են օսմանյան մտավորականութեան վերափոխութեաննայուհետամուտ ամեն տեսակ շարժումներուն: Այստեղ կը ներկայացնենք միայն մի քանի փաստեր, որոնք կը հաստատեն այս իրողութեանը: Բովական է նշել և ներկայացնել այն քանի մը ակնառու աննաւորութեաններու կյանքն ու գործունեութեանը, որոնք մեծապես նպաստած են 1839—1922 թվականներուն մեջ ինկած ժամանակաշրջանին օսմանյան Քուրքիս տպագրական և տառատեղծումի աշխուժացման:

Պոպու Արապյան կամ Արապօղլու—Տպարանատեր և գրաւուիչ: 1742-ին ծնած է Ակնի Ապուշիս գյուղը և 1835-ին մահացած է Կ. Պոլիս: Որդին է տպարանատեր Հովհաննես Ասովաթարյանի: Սուլթան Սելիմ Գ-ի իշխանութեան օրով, երբ տակաւին փոքր էր, իր հոր հետ կուգան Կ. Պոլիս և կը հաստատվին Այազմա թաղը: Տպագրութեան և տպարանային արհեստը իր հորմէն սորվելի վերջ, Պոպուր նախ իր հոր, ավելի հետո իր զավակներուն հետ, 70 տարի ծառայեց այս ասպարեզին մեջ և զարձակ Քուրքիս ամենն նշանավոր տպարանատերը և միննույն ատեն նպաստեց Քուրքական տպագրութեան զարգացումին:

Արապյանը, ինչպես ըսինք, նախապես աշխատեցավ իր հորը տպարանին մեջ (1766—1769) և կտրն ատեն մը վերջ համբավի տիրացավ որպէս տպարանատեր և գրաւուիչ: Վրաստանի թագաւոր Հերակէ

Ք-ի հրավերով գնաց Քիֆլիս (1781), վրացական տառեր պատրաստեց և ձուլեց; Վերակառուցեց վրաց թագավորին կողմն 1749-ին հիմնված տպարանը: Քիֆլիսի արքայական տպարանին մեջ իր տպագրած առաջին վրացերեն գիրքը կը կրն էՆեսիմապիրվիլի ախիսա ամիս ծրգնիսաթվիս սուպիկնաթիսաթվիս Վերնապիրը: 1782-ին տպագրված սույն գիրքը կը բաղկանա 30 էջերի: Արապյան, 1782—1795 տարիներու ընթացքին Եուլի տպարանին մեջ 20 գիրք տպագրելնն հետո, անցավ էջմիածին և օժանդակեց այնտեղ հիմնադրվող առաջին տպարանի զարգացումին: Արապյանը 4. Պոլիս վերագաղնակ Վերը Եսիս Լոզհանեկս և Պոզոս անվան տակ տպարան մը հիմնեց (1795): Այս տպարանին մեջ ձուլեց «Նեսիհ» և «Քա՛լիք» կոչված տառատեսակները, որոնք հետագային իր անունով «Արագոզլու» կոչվեցավ: Սուլթան Մահմուդ Ք-ը տպարան այցելելով կը հեռակի կատարված աշխատանքներուն և արքունական արտոնագրով մը անոր «Պետական օրացույցներու» (Քարգիմհանեի ամիրե) արհեստանոցի տնօրն կը կարգե (1816): Առաջին անգամ ըլլալով Արապյանին կը արվի առանձնաշնորհը իր զըլխապիրին վրա կրելու տպարանային շքանշան: Հատուկ արտոնագիրով մը Արագոզլու Պոզոսին և անոր որդիներուն Ասատուրին և Գալուստին կը շնորհվի «Քա՛լիք» տառերու կազապարներուն ձուլումը: Այսպիսով, քանի մը ամսով մեջ կարելի կը դառնա այդ տառերով գիրքերու հրատարակութունը: 1820-ին Արապյանը իր անունով Եսր տպարան մը

¹ Başbakanlık Arşivi (Վարչապետարանի արխիվ), ձեզմեթ Մարտիֆի համանագիրները, 3333, 16 փետրվար, 1817: Ստորն կը ներկայացնենք Պոզոս Արապյանի և իր որդիներուն արված ախ հատուկ արտոնագրի պատենը հարազատ թարգմանությամբ, որով վստահված է թուրք տպագրության հիմքը կազմով «Քա՛լիք» տառերու կազապարներուն ձուլումը: Սույն փաստաթուղթը զոր քաղած ենք թրքական պետական արխիվն մը, իր ամբողջական թվանդակությամբ կը վավերացնե հայերու գործն զորք թրքական մշակութի զարգացման մեջ թակգիմաթին ալ ստալ, 1817 թվականներուն:

«Ամենուն քաջ հայտնի է, որ արքունական տպարանին մեջ որպես գեղեցիկ ու գեղապարթև համար յոթագործվող բնութե տիպի տառերու արտելն և իրական սեղանվող պողպատալ, պղնձալ և տարբեր տեսակի ալյուսակներու համար գործվող զանազան սարքերն ու կազմաները 25 տարի առաջ վերտոին հարազարտ սանձող Արագոզլու Պոզոսն ու իր որդիները՝ Ասատուրն ու Գալուստը, ինչպիսի հոն շնորհուր շնորհիվ վերանորոգած են այդ գիրքերու կազապարները: Բոլորք անխոր անոց մասն զովեսով կը խօսին, մասնավորաբար «Համուսա-ի տպագրության համար օգտագործված կազապարներու կրկին ձուլելուն, ինչպես Եսն Երազալաթյամբ և ամբողջական նկիրումով մասալության և իրենց ցուցարեղած հարամաթյան ու վարպետության մասին: Հանգստակ անոր, որ բացառալա է, թն այս արքունական տպարանը ինչպան

կը հիմնեմ, իսկ Պետական օրացույցներու պատրաստման արհեստանոցին մեջ կը տպագրեմ առաջին թուրքերին լրագիրը՝ «Քաղվիմի վերային» (Դեպքերու օրագիր) 1831-ին և այդ լրագրի հայկական օրինակը հանգրացող Էրոյ գիր մեծ ի Տէրութեանն Օսմանեանս-ը 1832-ին: Պետական արհեստանոցի տաները կը պատրաստովին Արապյանի Օրթագուղի մուլարանը: Այս վիճակը տևեց մինչև առաջին սահմանադրութիան հրայակումը (1876 թ.): Ընդհանրիկների խռովութիան առին (1826), քաղաքն հետո մնալու համար Արապյանը կը հաստատովի Օրթագուղի Քաշ Մեր-տիվնե թաղը և այնտեղ կը հիմնեմ տպարան մը, ուր իր զավակներուն հետ կ'աշխատեմ մինչև իր մահը: Արապյանի մահն վերջ, իր որդիները՝ Գևորգ, Գալուստ և Միմոն Արապյան եղբայրները կը շարունակեն իրենց աշխատանքները մինչև տպարանի հրկիզումը՝ 1853 թվականին: Ընդ-

պատիպը եզած է ժողովրդին, սոսիան պաշտաններու անապատման և այլ պատկաներու հետեանքով՝ մաշած, հնացած զազգայները, սարքերն ու կազմաները, վերահիշող Արապուղու Պաղոսի և որդիների՝ Գալուստի և Ասատուրի շահերուն շնորհով հիմնովին վերանորոգված են: Քաղաքութիան առջուկ տեղը չենք պար, թե այդ վերանորոգութիանը ինչ բազմազան պատկեր կրնար ապահովել ժողովրդին: Ընթեմ ենեմ հաշված զիջելի ստուկերու վիճակը տարտեմ է, քայլը մյուս կողմն հրաման արված է, որ «թա'ալիք» գրերով ալ գրված գրքերու (մասնագրութիան) զիջանական թղթերու և յուսանքապատմութիաններու ու ծանոթագրութիաններու) տպարութիան ալ անհրամեմ է: Այս խնդրի անելութիանը ետ տեսնելութիան մը տեղն ունեցած է Արապուղու Պաղոսի հետ: Տեսնելութիան ընթացքին Արապուղու Պաղոսը հայտնած է, որ պողպատյա «թա'ալիք» տաներու մուշտան պարտանկութիանը իրեն հանկնկելու պարտալին, կարելի է թանկ մը անվան ընթացքին «թա'ալիք» գրերով գրքեր ապել: Ընդհանր գրքերն այնքան սուղ են, որ որևիժ անկարելի է գտնել, թանկ որ Իսթանբուլի մեջ պատահած հրեաներու: Ե մեկ տեղն մյուս տեղախոսելու հետեանքով գրութիան ունեցող գրքերու թանակը շատ եմալած է: Ասկի զոտ անհրամեմ է, որ տպարանը աղիցն իր թանկարներու թանակը և Էթնացն իր սարքերն ու կազմաները: Այս կերպով կարելի չէ հասնած հարուցել, որ հրաման արվելու պարտալին, կարելի կ'ըլլա ենեմէն և «թա'ալիք» տեղի տաներով գրքերն ապել այնպիսի արակով մը, որ ուրիշ որևէ պետութիան մեջ իր եմանն ու համասարը չունենա Մանականց, որ Արապուղու Պաղոսի եման այս արվեստին քաշա'մուտ և այմուտ եղանակը թանկ մը լիզաներու տաներուն հարիման ևարտարութիանը ունեցող մարդիկ, կիմ պետութիան կողմն համակարգին, տեղը ալ կը քաղաքիցին: Ընեմար, ենեմէն տաներուն վրա հակելու և «թա'ալիք» տաներու ստեղծման համար կիմ այդ ցարժը իր որդիներուն՝ Ասատուրին և Գալուստին ևս սորվեցնեմ, և տեղը ալ այդ ցարժը սորվելը հանն տանել կրաշխարհն, տպարանն արվեստն ծառայութիանն անկնկն շնեման և համատարտերն ու կրապատմութիանն ծառայն, ինչպեմ տրիշներու, արմն տեղը տանեմաշարժ տալու:

Կ Է Զ Դ

ՄԱՅՅՈՅ ԱՊՏՈՒՐՐԱԼԻՄ ՄՈՒՇԳ

դեհն հետ տպարանի թրքական տպերու կազմարները կը փոխանց-
վին Սովաչին նախարարութիւնն: Արապական տպարանի գործունեութիւն
ընթացքին տպված ու հրատարակված են մտա 150 թերթեր ու ամսա-
դրեր, ինչպես նաև գիրքեր:

Հովհաննէս ՄՅՈՒԷՆՏԻՍՅԱՆ—Երամիշա, փորագրիչ, ոսկերիչ,
տպարանատեր և զբաղուիչ: 1810 թվականին ծնած է Կ. Պոլսո Սամա-
թիա արվարձանը և մեռած է 17 նոյեմբեր 1891-ին: Որդին է սուլթան
Մահմուդ Բ-ի արքունի ճարտարագետ Գրիգոր Պալլանի օգնականներն
եղիքալագի Գեորգի: Նախնական ուսումը կ'ստանա Սամաթիայի հայ-
կական վարժարանը: Գնդաձայն ըլլալուն համար փոքր տարիքն կ'սկսի
երգել Գուգուենուքի հայկական եկեղեցիին մէջ: Կը սորվի եկեղեցական
երաժշտութիւն և նոթա: Գաշնամուրի դասեր կ'ստան իտալացիի մը:
15 տարեկանին կը մտնն ոսկերիչի մը քով և կարճատեւ մը վերջ կը
տիրապետն արհեստին բոլոր նորութիւններուն ու գործատիրոջը գործ-
ընկեր կը դառնա: Միշտ մը կ'աշխատի Պետական օրացույցի արհես-
տանոցը (1831), սակայն աշխատավարձի անբավարարութիւն պատ-
ճառով կը հեռանա հոնկն և Չոխաւի ետանին մէջ կը զբաղի ազամանդ
ու գահարեղեններ հղկելով և շատ լանցած կը դառնա ոսկերչագետ՝
ամիրաներու և աշխատու հայ ընտանիքներու: Ավելի հետ կը սկսի մո-
տիկեն հետեիլ տառաձուլման և տպարանային արհեստին և արքունի
ճարտարագետ Հովհաննէս Սերվիրյանի քաշալիքութիւն և նյութական
օժանդակութիւն շնորհով Սկյուտարի մէջ կը հիմնն տպարան մը (1839):
Այստեղ կը պատրաստն հայկական տառերու 8 համարի տպատառերը
(չրիֆտները): Նույն միջոցին իրենց հանձնված ձեւարան վարժարանի
տպարանին մէջ հարչուր հազար օրինակով կը տպագրն 1840 թվականի
հայկական օրացույցը (նոյեմբեր 1839), 1842-ին, երբ օսմաներն
բնալիքս գիրքերու ձուլման և պատրաստութիւն գործն իրեն կը հանձնվի
և Պետական արհեստանոցի տնօրեն կը կարգվի, իր տպարանը կը
փոխադրն Չուքուր Չեշմն խանը և հոն իր ձուլած տառերով կը շարն և
կը տպն (Բիսալիի Իթիքատիհա-ն (Գիրք հավատարմութիւն):

Ռաֆայիլ Գազանճյանն վերջ Մյուհենտիսյանը Ամերիկային բն-
րած մեքենաներով և այլ կազմածներով բարենորոգած իր տպարանին
մէջ տպնց 5000, 1000, 500, 250 զրուշնոց տոկոսաբեր (ֆայիլի) թղ-
թադրամները (1844): Նույն տարին Պետական տպարանին մէջ իր իրա-
գործած հղկված բնալիքս տառերուն համար 10000 զրուշով տպագր-
վատրված ըլլալուն մասին փաստաթուղթեր կան պետական արխիվ-

ներուն մեջ՝ Ազնի վերջը Փարիզն քերել աված նոր մեքենաներով արդիական ապարան մը հիմնեց Ղալաթիո ս. Գրիգոր (ուսավորիչ և կեղեցիին ճիշտ դիմացը քարաշին շենքի մը մեջ (1856)։ Այս նոր մեքենաներով ապեց Միհրան Տյուզ պելի կողմն հզացված քոնսուլիտների (պետական փոխառութիան պարտատուների) 26 մայիս 1856 թ., 1000-նոց և 100-նոց արժեթուղթերը (էՔահազիլաթը մյուսթաղեա), 1857 թ., մաքսատան տնօրեն Մկրտիչ Ճեզայիրլեան իֆենտիի կողմն հանձնարարված պետական պաշտոնաթուղթերն ու ալյուսակաները։ Երբ կառավարութիւնը նոր որոշմագիրով մը Քալթագրամենը շրջանառութենն հավաքեց, հատկապես այդպիսի գործերու համար քերված մեքենաներն ու կազմամեքերը այլևս պիտանի չեղան, մեծ պարտքերու մեջ մխրճված Մյուհենտիսյանը ստիպված եղավ փակել իր ապարանը։ Այս զեպքն վերջ ան դիմեց նշանավոր զեզագիր և Ռումելիի գլխավոր գաւազնոր Մուսթաֆա Իզզեթ իֆենտիին (1801—1876) և, անկե տեսիչա գիրերու օրինակներ առնելով, փորագրեց անոնց տարականս կազապարները։

Այսպիսով, օսմանյան ժամանակաշրջանի ապագրութիան քնազավառն մեջ գործածված տառերն ալ սուլթան Ազիզի օրով գտան իրենց վերջնական ձևերը։

Մյուհենտիսյանի ձուլած կազապարները օգտագործվեցան մինչև լատինական տառերու ընդունման տարիները։ Մյուհենտիսյանն իր ստեղծած տեսիչա տիպի տառերով ապագրեց թուրքերեն լեզվով քանաստեղծութիւններու ժողովածու մը և ներկայացուց ժամանակի պետական ավագանիներին ոմանց։ Եպարքօսը եղելութիւնը բարձր գրեւհատեց և Մյուհենտիսյանին ըսավ. «Դուք հոյակապ հիշատակ մը եվիրեցիք, ազգովին պետք է ձեզ շնորհակալ ըլլանք»։

Հովհաննես Մյուհենտիսյանը նոր ձուլարան մը հիմնեց Գատըրգյուղի իր տան պարտեղին մեջ և հօրինած տառերու կազապարներով պատրաստեց նաև Էվարաքոյի Սահիհեա (Վավերացված գրոշմանիշներ) կոչված գրոշմաթուղթերու կազապարները։ Այս կազապարները կը նսեմացնեին այդ ժամանակաշրջանին Եվրոպայի մեջ պատրաստված կազապարները։ Մյուհենտիսյանը 76 տարեկանին փորագրեց 16 համարի տեսիչա տիպի (1886) 79 տարեկանին 6 համարի տեսիչա տիպի (1889) և 81 տարեկանին ալ, այսինքն իր մահնն քանի մը օր առաջ, ձեռագրատիպ 24 համարի տառերու պողպատյա տարականս կազապար-

² Başbakanlık Arşivi (Վարչապետարանի Արխիվ), ներքն գրքերու հրամանագրերնը, 4073, 30 հոկտեմբեր, 1866.

ներքո Ասոնք բուրն ալ հետագային կուզեցան ռՄյուհենտիսյանս
տառեր:

Մյուհենտիսյանը տարի մըն ալ գործակցեցա՞վ Գրիգոր Ռաֆայել-
յանի հետ (1882—1883), որ Պետրոսի իր բնակարանին մեջ ձուլարան
մը ուներ: Բացի Թուրքերեն տառերեն, զանազան տարիներու ընթացքին
ան փորագրեց 11, 8, 14 և 18 համար շրիֆներով գլխատառ և ժանրա-
տառ 14 տեսակ հայկական գիրեր և երաժշտական նոթաներ (1846—
1855): Ան տարբեր նյութեր բովանդակող մեծաթիվ հայերեն և քանի
մը հունարեն գիրքեր (1840—1873), լրագրեր տպեց (1853—1863), իր
փորագրած օսմաներեն տառերով կազմեց զեղատիպ ժողովածու-ալպոմ
մը և ելնմտական նախարար Մահմուդ Ճելալեղզին փաշայի միջոցով
այն ընծայեց սուլթանին: Վերջինս զայն պարգևատրեց 4-րդ կարգի
Մեհնեհիթի և զեղարվեստից (Սանայիի նեֆիսե) շքանշաններով: Իր մահ-
վան ատեն մամուլի գործիչները զովարանեցին, մինչև անգամ չ'զլացան
հույանի զայն սրպես բնուրբերու Գուտենբերգ: Դարեայլ Մյուհենտիս-
յանն է, որ Քուրքիայի մեջ առաջին անգամ կիրառած է կալվանույի
ստերիոտիպի (ցինկոգրաֆիայի) մեթոդները:

ԱԶՁԻԿ ԳՆՎՈՐԳՅԱՆ.—Տպարանատեր և գրականույի: 1850 թվականին
ծնած է Իսթանպուլի Պալաթ արվարձանը և մեռած է 6 հուլիս 1932 թվա-
կանին: Հայրը, որուն անունն էր Գևորգ, Ամասիացի զերմակ մըն էր
նախնական կրթությունը ստացա՞վ Պալաթի ետրենյան նախակրթարանը:
14 տարեկանին աշխատեցա՞վ Վեզիր խանին մեջ գրածույի Տիգրան
Ասլանյանին քով: 10 տարի վերջ գործատեղին փոխանեցց իր անունին
(1880): Գևորգյանը կարճ ժամանակի մեջ 11 տեսակ տառատիպեր
ստեղծեց և անոնց կազապարները պատրաստեց: Այս տառերը, որոնք
ձևով կը լրացնեն Արապյան տառերը, երկար տարիներ գործածվեցան
թրքական տպարաններու մեջ: Այդ տառերեն քանի մը հատը հետևյալ-
ներն են՝ շենսիճա (8, 12, 24 համար շրիֆտով), շարեքիլիս (ձայնա-
նիշային 18 և 36 համար շրիֆտով), շիթ'ա (ձեռագրատիպ 18 հա-
մար շրիֆտով), շիթիթ (16 համար շրիֆտով): Իր գործատեղին նախ
փոխադրեց Օսման Պեյի տպարանը, այնտեղին ալ Պապը Ալի: Ատեն մը
աշխատեցա՞վ Գեղարվեստի Ակադեմիան (1895—1896), 2-րդ սահմա-
նադրութենե վերջ Բեշտիլիի Իքսամ խանը և ամենեն վերջն ալ Ճա-
զալուլու վրա հիմնեց իր գործատեղին: Խալիկ էֆենտի, որ իր ժա-
մանակաշրջանի տպագրական տպարանին մեջ կարևոր դերք մը կը
գրա՞վ, իր հետրած զեղատիպ տառերեն զատ Ահմեթ Միտհաթ փաշայի

առաջարկով 2200 կտորի բազկացած օսմաներին այրուքներ նվազեցուց 1600 կտորի: Այս առիթով ան արժանացավ հրկու շքանշաններու: Հանրագիտութիան հաստատումն վերջն ալ պարզատրվեցավ շերթակոն մետալը (Մաարիֆ մատայասը) շքանշանով (1923):

Քուրքիո մեջ առաջին թղթագրամը տպագրած է Խաֆայիլ Գազանճյանը (1842): Ան մեծ ծառայութիւններ մատուցած է ծովայիններու բարձրագույն ուսումնարանի լիմատիպ քարտեզներու կազմակերպչու փորագրութիւն, նոր թղթագրամներու կազմակերպչու փորագրութիւն և տպագրութիւն գործին: Այս առիթներով և Պետական փողերանոցի մեջ ալ կատարած իր ծառայութիւններուն համար արքունական հրամանագրով՝ մը պարգևատրված է շերթը շքանշանով (Նշանը Այլի):

Մյուհենտիայանի մահէն վերջ Մաթեոսյանն ալ Քուրքիոն նոր տանի ևուլած և կազմակերպչու պատրաստած է: Նշված անձնագրութիւններէն զատ այրառու զեմք մը եղած է մանիկ Արամյանը, որ 13 տարի Փարիզ տպրած և հոն ունեցած է իր տպարանը: Ան ստեղծած է 73 տեսակ հայերէն գիրքի: Կ. Պոլիս վերադառնալուն պէս նշանակված է Արքունի տպարանի տեսչին (1865):

Քուրքիո մեջ պատի օրացույցներու հզացումը տպարանատեր Գեորգ Զարգարյանին կը պատկանի: Մինչև իր մահը (30 մայիս 1880) այլ և այլ լեզուներով պատի օրացույցներ տպագրող Զարգարյանը պատրաստած է նաև Օսմանյան պետութիւնի գունագործ և շատ մեծ շափով՝ 24 կտորներ կազմված մեկ քարտեզը: Միկարեթի թուղթ պատրաստող Կարապետ Պերպերյանը հզացած է Բերտա անունով քարտեզագործ սիկարեթի թուղթերը: Կ. Պոլիս մեջ առաջին անգամ Միսաք Գուլոսյանն (Քասիմ) է, որ իր հիմնած լրագրին մեջ տպած է եվրոպական առևտրական հաստատութիւններու գովազդերը (ոքըլամները): Գուտներեզ տպարանի տեք Երզնէզ Մարլյանն ու գործընկերը Կ. Պոլիս մեջ առաջին անգամ պրակներով գիրք ծախելու սխտանն են որդեգրած: Պուլղարերէն գիրքերը առաջին անգամ փորագրած և ևուլած է Քաղոս Տիֆլիթճյանը, որ առկն զատ իր հետրած գիրքերով տպագրած է բազմաթիւ պուլղարերէն գիրքեր:

Առաջին արձմիտիթենական շարժումները տպարանագործութիւն ասպարեզին մեջ եղան բավական նշանակալից: Հայ տպարանագործներու կողմն Կ. Պոլիս մեջ հիմնադրված են Երաշարներու ընկերու-

³ Beshakanlik Arsiyi (Վարչագետարանի արխիւ), Արապիկ գործերու հրամա. նագիրներ, 757, 4 փետրվար 1842:

Յյունըս (1880, Հիմնադիր՝ Ա. Մավյան), «Գրաշարներու խնայողութեան անասիւս», «Օսմանեան տպարանային բանձորներու միութիւն» Հիմնադիր՝ Գարնգին Կոզիկյան), «Օսմանեան համադործակցական ընկերութիւն» (Հիմնադիր՝ Բլուզանդ Պողանյան), արհմիութենական կազմակերպութիւնները:

Աստուծան ամենակարևորն էր «Օսմանեան տպարանային բանձորներու միութիւնը»: Կովկասնն Կ. Պոլիս եկած սոցիալ-դեմոկրատ Գարնգին Կոզիկյանն է այս միութեան Հիմնադիրը: Կոզիկյանը ծանոթ էր բանձորական շրջաններու մեջ կատարած իր գործունեութեամբ և կարգ մը հրատարակութիւններով: Քուրք և հայ տպարանային բանձորները ի մի կը հաճարն և ժողով գումարելով անոնց կը բացատրի միութեան կարևորութիւնը, որմն հետո կը խմբագրվի կանոնադրութիւն մը և կը տպվի Գիլիկիա տպարանը և լույս կը տեսնէ առանձին գրքուկով մը:

Միութեան կենդանոց կը գտնվիր Պետրոս Ենի խանի մեջ (Մեծ նոր խան): Ունէր նաև երկու մասնակցուղ Պապը Ալիի պողոտային վրա: Միութիւնը, բլուզան հեղահետե ավելցնելով, կը զանար մեծ կազմակերպութիւն մը: Նրա ազդեցութեան աճի շնորհիվ աշխատանքային ժամերը 10—12 ժամնն իշնր էին 8-ի, բանձորներու աշխատավարձերը կրկնապատկված էին և բազմաթիվ տարակարծութիւններ հարթված: Միութիւնը գոյատևած է մինչև մարտի 31-ի դեպքը (երիտթուրքերի երկրորդ հեղաշրջումը, 1909):

Իսթանպուլի հայ տպարանատերերու գործունեութեան տևողութիւնը անց դարերու Աստվածատուր Դպրնն ետք, մինչև առաջին համաշխարհային պատերազմը, Օսմանեան կայսրութեան մեջ հայ տպարանատերերու և անոնց անունը կրող տպարաններու գործունեութիւնը կը ներկայացնենք ստորև ժամանակագրական կարգով:

Սարգիս Դպիր (1703—1721), Տիրացու Գեորգ (1705), որդին՝ Մարտիրոս Դպիր (1721—1753), Պետրոս Լատինացի (1704—1712), Քոջաթցի Սարգիս վարդապետ, Սվազցի Բարսեղ և Հակոբ եղբայրներ (1725—1740), անոնց որդիները՝ Սարգիս և Միքայել (1740—1776), Գարրիել Դպիր Բարսեղյան (1745—1750), Քրակիպցի Արքաճամ Դպիր (1737—1746), Չինչին Յաննես Աստվածատուրյան (1746—1767), Ակնցի Ստեփանոս Պետրոսյան (1750—1776), իր որդին Պողոսի Հետ (1776—1790), Հովհաննես և Պողոս եղբայրներ (1766—1769), Հովհաննես և որդին Պողոս Աստվածատուրյան (1777—1790), Մկրտիչ Ամիրա Միրինանյան (Գումգափու, Յըլլըք փողոց, 1790—1805), Մաթեոս Դպիր (Պալաթ, 1800—1825), Պողոս Հովհաննեսյան (Փլուրքլու խան, 1799—

1819), Ապուլիացի Պողոս Արապյան (Օրթագյուղ, Քյուրթլու խան, 1820—1835), Արապյան եղբայրներ (Օրթագյուղ, 1836—1853, Կեռնկլի Մուսաֆաֆաշա խան, 1855), Պողոս Լովհանեսյան և կամ Արապյան (Օրթագյուղ, 1777—1826), Ակնցի Անդրեաս Վարդապետ Նարինյան (Գուսգափու, Սուրբ Աստվածածին ժայռ եկեղեցի, 1817—1825), Աբրահամ Ամիրա. Բերդյանց (Պեյազիա, Հասան փաշա խան, 1824—1826), Լովհանես Մյուհենտիսյան (Զուխանջ խան, Սկյուտար, Ղալաթիա, Գատրգյուղ, Պեյոզլու, 1829—1891), Հարություն Մինասյան (Վեդիք խան, Ասմալլը Զամլը խան, 1860—1871), Ա. Ընկաճիբեյան (Իմամը Ալի խան, 1844—1865), Կարապետ Ութլուչյան (Զինիլի խան, Ղալաթիա, 1855—1883), Լովհանես Մարգարյան (Սկյուտար, 1853), Հարություն (Արթին) Փափազյան (Ընկաճիբեյան 1853—1879), Քաճիզիբեյան (Ըմիրլիք խան, 1854—1862), Լովհանես Զամուրեյան Տերոյենց (Վեդիք խան, Քնպենի խան, Աշիք Էֆենտի խան, 1854—1888), Մկրտիչ վարդապետ երիմյան (Սկյուտար, 1855, Վան, 1852, Մուշ, 1863), Քաղեսու Տիգրիբեյան (Վեդիք խան, Ֆենեղ-Հալիլ-Քիրեմիթ մաշալլեխի, 1856—1879), Ռուբեն Քյուրթլույան (Ֆինհանեղլար նոցուշու-Ամերիկյան Պրա հրատարակչական գրասենյակ, Պալալ Հաուզի առջը, Ղալաթիա, 1857—1877), Բալլի խան, 1901—1912), Միհրան Մարտիրոսյան (Պապը Ալի Հատտեսի, 1903—1909), Օննիկ Արզումանյան (Հակոբյան խան, 1908—1912), Միսաք Գուլունյան (1908, Արշակ Կարոյան (Պապը Ալի Իբրահիմ խան, 1908—1912), Լովհան Փալազաշյան (Մուլա Քաշ, Պեյոզլու ենի խան, 55, 1801—1912), Տիգրան Տողամանյան (Փարիզ 18, Կոպլեն փողոց, Կ. Պոլսի Մուլա Քաշ խան, 1894—1912), Լովհանես Ազնափուր (Պապը Ալի Հատտեսի 48, 1903—1912), Երվանդ Մարյան և Գարրիել Լովհանեսյան (1902—1912), Մերութան Պարսամյան (Ղալաթիա նամի գափըսը 3, 1909—1915), Ատոմ Եաճեն (Պեյոզլու ենի Զարը 52, 1909—1915), Մեսրոպ Բեհիմճի և Արիկ Վանլյան (Մուլա Քաշ 16, 1909—1915), Վաղինակ Սմբատ Բյուրատ (Զեմպերլիթաշ, Մուլա Քաշ, Պեյոզլու Այասփաշա, Իսթանպուլ Օրհանպիլ խան 25, 1908—1915), Հայկ Քիրաբյան (1911—1915), Պեարոս Նշանյան և Արշակ Պապիկյան (Մուլա Քաշ, 1910—1915)։

4. Պոլսո մեջ գործած ապարանների շարքին ստորե ժամանակագրական կարգով կը նշենք նաև հետևյալ անվանի գրառույթներին անուններն ու անոնց մուլարաններու գտնված վայրը։

Գրիգոր Ռաֆայելյան (Ճաղալուղլու Հատտեսի Սեթյան խան, Գաճիբե, 1846—1811), Լովհանես Մյուհենտիսյան (1839—1891), Խալիկ

Գևորգյան (Վեղիբ խան, Պապը Ալի Բեշարտիյի Իքսամ խան, Ճազու-
 ողլու ճատտեսի 34, 1870—1915), Լակոր Սերունյան (Ղալաթիա, Պեյ-
 ողլու, Պապը Ալի ճատտեսի, Իքսամ խան, Սոֆիա, Իսթանպուլ Շարք
 խան, Ղալաթիա Փերչենկե Փազարը, 1896—1908), Միհրան Տյոքմենյան
 (Չիմպերլիշաթ, Պապը Ալի, Մեսերբեթ պանզոկի դիմացը 1, ~
 1909), Լոզսեփ Գազաֆյան (Քյուրքյու խան, 1860—1892), Ճանիկ
 Արամյան (Փարիզ, Մարսել, Կ. Պոլիս Մըսըր Զարչըսըի մոտ, Ճամլը-
 խան, Զարմաքեըլար Ուզուն Զարչը փողոց, Եհրիֆիաշա խան 13, Զաք-
 մաքնըլար Լակորյան խան 12—16, 1856—1879), Արշակ Լակոր Պոյան-
 յան (Վեղիբ խան, Ղալաթիա, Ամերիկա խան, 1869—1872), Գևորգ
 Զարգարյան (Սուլթանհամամ, 12—14, 1870—1887), Պետրոս Ճեզվե-
 հիյան (~—1882), Լարուսյուն Մարգարյան (Քյուրքյու խան, Յըլ-
 տըզ խան, էսլյու Զըքմազ խան, 1870—1878), Վահրամ Մարգարյան
 (1880—1911), Սամվել Պարտիզպանյան (Յուսուֆյան խան, 12, 1813—
 1912), Սիմեոն Միքայելյան (Պետուք ենի խան, 10, 1874—1878), Նդիա
 Տնտեսյան (Յուսուֆյան խան, 17, Պահչեզափը էսատէֆենտի խան,
 13, 1872—1882), Կարապետ Քեշիշյան (1875—1910), Լմայակ Դի-
 մաքսյան (Ննիզափու, 1875—1881), Միքայել Սարգյան (Մեհրան,
 էօրյուճյուկեր ճամիի, Բյուշտյու էֆենտի խան, Պապը Ալի ճատտեսի
 38, 1869—1902), Արամ Աշերյան (Սյուսուպուլյու խան 335, Յուսուֆ-
 յանխան 15, 1878—1883), Լոզհաննես Մանուկյան (Աշիրէֆենտի խան,
 էպյուզդիյա տպարան, Ղալաթիա Եհհուսվար փողոց 37, 1877—1895),
 Գարեգին Պաղտասյան (Սուլթանհամամ ճատտեսի 14, Սիրքեհի 18,
 Սալթըմ Սեոյութ 41, 1880—1896), Սերվիշեն Զաքըրյան Բեսիմփաշա
 խան, Յընարզյան խան, Լասեքի Լամամ փողոց, Սուլթանհամամ հո-
 ճա խան ճատտեսի, 1880—1912), Տիգրան Երզնկյան (1881—1912),
 Նշան Պերպերյան (էսքի Զապթիյե, Իքսամ խան, 1882—1907), Ստե-
 փան Տամատյան (Ղալաթիա, Նորատունկյան խան, 1883—1889), Լոզ-
 հաննես Քոչոյան (Պեյողլու, Եիշի փողոց 5, 1884—1889), Օննիկ Բար-
 սեղյան (Ղալաթիա Փերչենկե փազարը, Սաքսը խան, Կյուլզատե խան
 7, 1888—1909), Սահակ Նիկողոսյան (Սաղըր խան, Յինճանըլար,
 Սյուսուպուլյու խան, 1885—1889), Գարեգին Բարսեղյան (Ղալաթիա
 Փերչենկե Փազարը Կյուլզատե խան, 7, 1909—), Գասպար Գալ-
 սերյան (Պապը Ալի ճատտեսի 25, 1888—1890), Գրիգոր Գալսերյան
 (Պապը Ալի ճատտեսի, 1899—1903), Լոզհաննես Ֆերիտ Գալսերյան
 (Պապը Ալի ճատտեսի 54, ~—1909), Ներսես Արամյան (Լակորյան
 խան 26, 1879—1898), Քազմոր Սանճազնյան (Պեյողլու Լալեպ Զար-

(Սյունդուլույլու խան 12, 17, 18, 19, 21, 1891—1899), Բորոս Սազա-
յան (Ղալաթիա Խալիփաշա խան, Քուրդունլու խան 4—7, 1892—1911),
Վահրամ և Հրայր Տեր-Ներսեսյան եղբայրներ (Սուլթանհամամ, Մե-
սատեթ խան 2—3, Սիրքեճի:

Սույն հոդվածով մտադրվեցինք անդրադառնալ Օսմանյան հպատակ
ու մահմեդական ժողովուրդներու և մասնավորապես Հայերու օգտաշատ
գործունեությանց մեկ մասնիկին միայն: Հայերու բերած բազմապիսի
նպաստներու շղթային մեկ օղակը կը կազմէ թուրք ապագրական ար-
վեստին հիմնադրման և զարգացման, ինչպես նաև ապարանային սեկ-
տորի կազմավորման էական գործին մեջ իրենց ցուցաբերած դերը:

Б. М. ТУГЛАДЖЯН

АРМЯНСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ВКЛАД АРМЯН В РАЗВИТИЕ ТУРЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

Резюме

Армяне Османской империи намного раньше турок приобщились к западной цивилизации и, естественно, были более подготовлены к заимствованию прогрессивных идей и их практическому применению. Рассматривая социально-политическую и культурную деятельность армян в период с 1839 по 1923 гг. (от провозглашения танзимата до создания Турецкой Республики), следует отметить, что армяне имели свою национальную конституцию уже в 1863 г., тогда как первая турецкая конституция, составленная Григором Отяном по поручению Мидхат-паши, была провозглашена лишь в 1876 г. Велики были заслуги армян и в области книгопечатания. Еще в 1567—1569 гг. Абгаром Тохатеци было осуществлено издание шести армянских книг. Большой вклад в развитие турецкого печатного дела внесли такие армянские деятели, как Погос Арапян, или Араб-оглу, и его сыновья Геворг, Галуст и Симон, Оганес Мюхендисян, Хачик Геворкян и др. Следует отметить, что выпуск первых бумажных денег в Турции также был осуществлен армянином—Рафаелом Казанджяном—в 1842 г. Много армян было и в профсоюзном движении работников печати, в стамбульских типографиях.

- 1 Ք. Ազատյան, ժամանակ շրջափոխում, Բաթ., 1948, էջ 34—40:
- 2 Ն. Ալիբաև, Հայ Վենետիկ, 1898, էջ 180, 220:
- 3 Ա. Ալազանյան, Պատմություն Հայ Սեպարի, հ. 2, Գահիրե, 1927, էջ 2038, 2061:
- 4 Հ. Անադյան, Հայկական ժամանակագրություն, հ. Ա, Երևան, 1959:
- 5 Երեզրահան պատմաբան Պալաթի սուրբ Հրեշտակապետ Էկեղեցյալ, 1927—1931, Բաթ., 1931, էջ 273:
- 6 Գ. Զարգեանալյան, Հայկական ժամանակագրություն, Վենետիկ, 1882:
- 7 Վ. Զարգարյան, Ճիշտագրություն, հ. 2, էջ 285:
- 8 Գ. Զարգեանալյան, Պատմության Հայերեն զգրություն, հ. 2, Վենետիկ, 1877, էջ 277:
- 9 Գ. Զարգեանալյան, Պատմության Հայկական ազգագրական սկզբնաղբյուրներին մինչև առ ժեզ, Վենետիկ, 1895, էջ 47—48, 156:
- 10 Քնդիկ, Տիպ ու սառ, Կ. Պոլս, 1912, էջ 65—71:
- 11 Վ. Քարզմյան, Երևանի Տիկլիկի Քլեմենտիական Իստամբուլի պատմություն, հ. 1, Վենետիկ, էջ 245—246:
- 12 Գ. Անճյան, Հայ գրքի և տպագրության արվեստը, Երևան, 1958, էջ 64—69, 180:
- 13 Առ, Հայկական տպագրություն, հ. 2, Փրինսթոն, 1952, էջ 120:
- 14 Գ. Կռնիկյան, Հայկ. տպագր. գիրքը Գոստակնուպոլսում, Երևան, 1954, էջ 5—7:
- 15 Ա. Հովհաննիսյան, Գրգրանք Հայ ազատագրական ժողով պատմության, հ. 2, Երևան, 1958, էջ 35—35:
- 16 Ա. Ղազիկյան, Հայկական երգ ժամանակագրություն և հայագրություն երգ կետերի, հ. 2, Վենետիկ, 1900:
- 17 Մ. Շամլյան, Պատմություն Հայոց, հ. 2, Վենետիկ, 1786, էջ 657:
- 18 Հ. Պալմյան, Պատմության կաթողիկոս Վարդապետության ի Հայս, Վենետիկ, 1878, էջ 152—157:
- 19 Հ. Պարսեյան, Երկրի շրջափոխ ժողովուրդ, հ. 2, Երևան, 1932, էջ 79—80:
- 20 Հ. Պարսեյան, Հայերու սասարչ թուրք մշակութի և սեռնություն, Գահիրե, 1976, էջ 32—35:
- 21 Գ. Սահմանյան, Կենսագրական քառույթ, հ. 1, Երևան, 1973, էջ 141:
- 22 Գ. Սահմանյան, Հայաստան թուրքերեն Հայ ժամանակ, Երևան, 1963:
- 23 Հ. Սյունի, Պոլս և իր գիրք, հ. 1, Պոլս, 1965, էջ 67—68, 251, 252:
- 24 Մ. Ուլալյան, Պատմության Հայոց գաղթականություն և շրջաններ Էկեղեցյալ և յա ի կնիկոն շարքի, Վենետիկ, 1891, էջ 223:
- 25 «Իստանուլ հանդես», 1903, էջ 203—207:
- 26 «Էնկեմի» (որսթերթ), 8 հուլիս 1922:
- 27 Երևան, 1881, թիվ 118, էջ 143, թիվ 119, էջ 353—353, 1884, թիվ 8—7:
- 28 «Հայերենի» (որսթերթ), 1952, թիվ 3, էջ 85:
- 29 «Հանդես անտուրա», հուլիս 1890, 1908, էջ 322—324, 1911, էջ 478, 1912, էջ 387:
- 30 «Մանգուլի կնիկոն» (որսթերթ), թիվ 3192, 3206, 3153, 3145:
- 31 «Մյակ» (որսթերթ), 1878, թիվ 7:
- 32 A. Gössa, Meşhur Adamlar. c. 3. s. 1126.
- 33 Falek, gazetesi 1882, s. 171—173, 174—175, 199—200, 211.—220, 237—238.
- 34 R. Sevegil, Yakın çağlarda Türk Tiyatrosu. c. 1. 1st. 1934, s. 42—43.

ГЕРМАН ГОЛЬЦ (ГДР), Р. С. КОРХМАЗЯН

ДОКТОР ИОГАННЕС ЛЕПСИУС. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

(По материалам архива Н. Лепсиуса)

Мало кто из немцев знает сегодня, как много важных страниц истории армяно-германских отношений скрывается за именем И. Лепсиуса. Однако от большинства армян как в Советском Союзе, так и в диаспоре можно услышать, что Иоганнес Лепсиус (1858—1926 гг.)—один из немногих немцев, и среди них самый непоколебимый, которые во время геноцида армян в Османской империи боролись против сознательного уничтожения народа древней культуры, против первого в XX веке истребления нации¹.

Следует напомнить о Лепсиусе, чтобы высветить факты армяно-германских отношений, которые часто забываются, но в XIX—XX вв. оказали значительное влияние в области науки и культуры.

Первым шагом в трудоемком и сложном процессе исследования взаимосвязанных проблем армянской и германской историй рассматриваемого периода должно быть воссоздание биографии «защитника армян», так как вместе с деталями этой большой забытой жизни затрагивается много моментов, благотворно сказывающихся на понимании прошлого и настоящего немецкого и армянского народов².

Не только после первой мировой войны, но и во время нее активные политики самого различного происхождения, такие, как американец, бывший посол США в Константинополе Генри Моргентау, русский—А. Н. Мандельштам, первый драгоман царского посольства на Босфоре, немец доктор Вильгельм Зольф, статс-секретарь иностранных дел в последние дни кайзеровской Германии и в первые дни республики, поняли, исходя из совершенно различных точек зрения на будущее, что Лепсиус—единственный, кто может быть назван «оправданием» Германии, хранителем ее чести в армянском вопросе, той Германии, чье правительство с помощью военной цензуры замалчивало и факт резни, и протест против нее, и не только не оказывало противодействия своему османскому союзнику в его систематическом преднамеренном уничтожении 1,5 млн. армян, но и несет известную ответственность за эти события.

Память о Лепсиусе сохранил созданный Францем Верфелем известный роман «40 дней горы Муса». Однако фрагментарный и в большой степени символический образ не может заменить крайне необходимую подробную биографию человека, которого можно было бы поставить в один ряд с такими видными гуманистами, борцами за права человека, как Фриц Хоффман и Альберт Швейцер.

Кайзеровское правительство настойчиво пыталось заставить молчать Лепсиуса, подавить его протест, обращенный к общественности. Германское правительство не только не желало в ущерб своим экономическим и военным позициям на Ближнем Востоке сдвигать руки своему союзнику—Османской империи—в его политике уничтожения целого народа, но и препятствовало тем своим дипломатам, политикам, общественным и церковным деятелям, кто боролся в защиту армян. Эта позиция германского правительства, характерная для периода первой мировой войны, определилась задолго до нее, уже во время первого крупного выступления Лепсиуса против истребления армянского народа «кровавым султаном» Абдул Хамидом II.

С 1896 г., когда Лепсиус начал в Германии и Европе борьбу против резни армян, за ним постоянно и бдительно следили сотрудники министерства внутренних дел. Тысячи людей слушали его обвинения на митингах, но большая часть прессы, в первую очередь официальная, обходила его молчаньем. Вот типичный, неизвестный пример: немецкая императрица, та самая, которая вскоре после этого посетила дом армянских сирот в Палестине, запретила „Betheler Diakonissen“ (группа христианских медицинских сестер в Берлине) читать большую ежедневную христианскую газету „Der Reichsbote“, так как она, наряду с либеральными газетами „Frankfurter Zeitung“ и „Christliche Welt“, была единственным консервативным органом прессы, открыто говорившим о резне армян². „Der Reichsbote“ постоянно печатала разоблачающие фактические материалы немецкого пастора, которые повергали в неистовство османскую дипломатию и националистическую прессу в Германии. Эти статьи носили название «Правда об Армении» и исходили от д-ра И. Лепсиуса, который с апреля по июнь 1896 года вместе с Джеймсом Гринфильдом, армянином по происхождению, сам в Малой Азии получал информацию о ситуации, а также прямо на месте принимал меры по оказанию помощи³.

Статьи в «Der Reichsbote» составили костяк классического труда Лепсиуса «Армяне и Европа. Обвинение против великих христианских держав и призыв к христианской Германии», который сразу был распространен в Германии и в германоязычной

Швейцарии³, а вскоре переведенный стал документальным обоснованием борьбы за преследуемых армян во франкоязычной Швейцарии⁴ и Англии⁵.

Параллельно организованным Лепсиусом проармянским массовым собраниям, в различных городах властями устраивались доклады, целью которых было стремление отвлечь интеллигенцию и пасторство от действительной агитационной работы Лепсиуса⁶. Неустанный деятельностью и своими публикациями Лепсиусу удалось затронуть широкие круги, что вызвало против него резкую кампанию официальной прессы⁷, которая, следуя примеру османской машины опровержения, пыталась представить его сообщения ложью, инспирированной английской прессой.

Лепсиус с помощью независимых христианских кругов помогал армянам и сирийцам в Турции, Персии и Болгарии, в то время как широкие и влиятельные круги германского общества открыто поносили его как сентиментального и брюзгливого пастора¹⁰. Причину этого сильного интрагерманского антагонизма к Лепсиусу в первую очередь следует искать в международной ситуации. Это было, как известно, время острой борьбы между империалистическими державами за передел мира, за рынки, в частности за наследство «больного человека на Босфоре».

В рассматриваемый период произошло сильное сближение кайзеровской Германии с османской Турцией в политико-экономическом и военном отношениях. Уже в 1883—1895 гг. К. фон дер Гольц работал военным советником в Турции и реорганизовывал османские вооруженные силы. Это военное сотрудничество зародилось еще в 30-е годы прошлого столетия, когда граф Гельмут фон Мольтке-старший был оставлен турками в Константинополе военным инструктором. Даже эти военные в свое время вполне хорошо поняли сложность положения национальных меньшинств в Османской империи, а более поздние мемуары деятелей при дворе немецкого кайзера Вильгельма II свидетельствуют, что кайзер и его окружение были убеждены в фактической реальности армянской резни в Османской империи и не считали ее «английской ложью». Когда, к примеру, Вильгельм II в 1898 г. вновь поехал к своему «царственному» брату в Константинополь, многие из придворных, сопровождавших его, чувствовали себя там неуютно, так как, свидетельствует придворный проповедник Эрист фон Дриандер, «весь город еще пах свежепролитой кровью вырезанных армян...»¹¹. Из Константинополя Вильгельм II направился в Иерусалим, где принял участие в торжественном открытии вновь построенной немецкой церкви. Это, как известно, не помешало ему через несколько дней предстать в Дамаске у гроба Саладина в качестве друга и покровителя всех мусульман. Ни словом не обмолвился он о недавно вырезанных его новыми друзьями христианах, сочтя доста-

точным посещение императрицей оставшихся в живых детей в недавно открытом «армянском доме сирот» в Вифлееме¹². Между тем даже среди евангелического христианства в Германии произошел раскол в вопросе об армянской резне. Хороший знаток армянской проблемы А. Н. Мандельштам был совершенно прав, когда говорил, что «два немецких пастора... предлагают немецкой церкви две различные интерпретации армянской резни 1895/96 гг.»¹³. Имелись в виду Наумян и Лепсиус.

В этой неблагоприятной в самых разных отношениях политической обстановке д-р Лепсиус начал острую борьбу за жизнь сирот и вдов убитых турками армян. В туркофильской атмосфере кайзеровской Германии эта борьба приняла характер политически-гуманистического подпольного движения.

Когда Лепсиус осенью 1896 г. решил выступить в Берлине на массовом проармянском митинге вместе с армянским профессором Караветом Тумаяном из Марзвана, который был в Анкаре приговорен к смерти, но позже освобожден благодаря помощи швейцарских родственников и английских друзей¹⁴, прусское министерство внутренних дел запретило профессору Тумаяну выступление перед общественностью и предупредило д-ра Лепсиуса, что в противном случае будет запрещена какая-либо общественная деятельность на благо армян¹⁵. В ночь перед собранием Тумаян записал свою речь—обличительное описание армянской резни на английском языке, ее немедленно перевели на немецкий и передали в типографию. Еще ночью за Лепсиусом, Тумаяном и их друзьями наблюдал тайный агент полиции, так как уже утром начальник берлинской полиции усилил угрозы и в их адрес, и в отношении публикации листовок. Когда началось вечернее собрание 24 сентября 1896 г., с толпой смешалось немало сотрудников министерства внутренних дел, которые напряженно ожидали выступления или листовки от Тумаяна, сидевшего в президиуме. Тумаян не выступил, но во время увлекательной речи Лепсиуса листовки все же были распространены, так что все смогли прочитать то, что не разрешалось знать немецким подданным¹⁶. Органы госбезопасности неистовствовали по поводу этой уленшпигелевской хитрости и сознательного неподчинения их распоряжениям на глазах общественности. Лепсиус был вызван в министерство внутренних дел, к начальнику берлинской полиции и в министерство иностранных дел, где его по поручению рейхсканцлера пытались отговорить от деятельности в пользу армян. Но Лепсиус с присущим ему ораторским мастерством—даже враги считали его лучшим немецким оратором того времени—смог действительно защититься и убедить власти в неполитическом характере своей деятельности¹⁷.

Фамилия Лепсиус пользовалась уважением в самых высоких кругах—он происходил из известной буржуазной семьи берлин-

ских ученых¹⁸, что в известном смысле способствовало тому, что он не испытывал ложного благоговения перед титулами и званиями, когда замечал, что моральные качества и компетенция не соответствуют общественному рангу его визави. Традиционное и вполне обоснованное чувство собственного достоинства, присущее его семье, позволяло ему зачастую видеть политическую и этическую близорукость многих деятелей, облеченных высокими званиями и чинами.

Лепсиус бесстрашно и с изобретательностью слабого Давида боролся против гигантов прессы и «общественного мнения». Его друзья справедливо считали книгу Лепсиуса «Армяне и Европа» «прашой, направленной против Голнафа европейского безразличия»¹⁹. 38-летний И. Лепсиус, сложивший полномочия пастора, протестуя против ограничений в своей деятельности со стороны зависимого от государства берлинского Высшего церковного совета, благодаря нечеловеческому напряжению в работе и с помощью независимых свободноцерковных группировок, а также возраставшей поддержки влиятельных глав церкви, пасторов и некоторых политиков многого достиг в борьбе против сильных и могущественных врагов. Со своим комитетом помощи он собрал значительную сумму денег, которая составила финансовую основу для строительства домов для сирот, больниц, школ и т. д. в Малой Азии, не говоря о работе в Болгарии, Персии, а также в царской России.

Но, несмотря на эту большую благородную деятельность, кайзеровская Германия упорно обходила молчаньем судьбу армян и других христианских народов в Османской империи. Поэтому в крупных газетах и журналах и политических анналах тогдашней Германии содержится очень мало материалов о резне армян, включая, к примеру, перепечатанные турецкие статьи, написанные с целью искажения истины; очень мало сведений и об активной деятельности Лепсиуса. Не будь в нашем распоряжении материалов, изданных самим Лепсиусом (теперь уже редких публикаций), а также писем и документов его архива, почти ничего не стало бы известно о многих неофициальных событиях, которые для нас сегодня так же важны, как и тогдашняя так называемая большая политика. Яркой иллюстрацией сказанному является то обстоятельство, что даже в прекрасной лейпцигской «Deutsche Bücherei», где с 1913 г. собирается вся германоязычная литература, нет важных публикаций Лепсиуса.

Замалчивание деятельности Лепсиуса, направленной на защиту армян, являвшееся следствием соответствующей организации «общественного мнения» и не прекращавшееся в кайзеровской Германии, усилилось во время первой мировой войны и превратилось в гробовое молчание берлинских правительственных и военных кругов относительно геноцида армян в Османской империи, отно-

сительно попытки «окончательного решения» армянского вопроса младотурецкими союзниками германской и австро-венгерской империй.

Когда министерство иностранных дел Германии в середине сентября 1916 г. потребовало через полуофициальное лицо, д-ра Эриста Ека, основателя германо-турецкого общества, от всех немецких друзей армии—в основном членов созданного Лепсиусом германо-армянского общества—немедленно прекратить до конца войны «армянскую пропаганду», т. е. молчать о преступлениях младотурецких палачей армянского народа²⁰, лишь Лепсиус воспротивился этому требованию²¹, причиняя большое беспокойство турецкой дипломатии и кайзеровскому правительству своими постоянными разоблачениями. Ранним летом 1916 г. Лепсиус тайно разослал 20.500 экземпляров своего ставшего знаменитым «Сообщения о положении армянского народа в Турции» представителям немецких церковных и политических кругов²². Здесь были собраны и систематизированы сотни заметок и данных, которые он получил из самых различных источников во время своей знаменитой поездки в Константинополь в июле-августе 1915 г. Подготовленное одним Лепсиусом издание этой книги—все его друзья были напуганы подобным сочинением—представляло собой «отважное предприятие», и, по словам Э. Штира, бывшего много лет секретарем германо-армянского общества, является «самым большим светлым пятном с немецкой стороны»²³ в мрачной истории германо-армянских отношений. Этот труд Лепсиуса в 1918 г. вышел и на французском языке в переводе Агатон-бея, секретаря представителя армянского католика при европейских державах Погоса Нубара-пашы²⁴. Этот перевод появился в результате постоянного контакта Лепсиуса с Агатон-беем²⁵. Однако то обстоятельство, что предисловие к этому изданию было написано безусловным и не делающим никаких различий германофобом Рене Пиноном, очень рассердило Лепсиуса²⁶.

В 1919 г. Лепсиус сам официально печатает в Германии 2-е издание «Сообщения» с важными дополнениями и подзаголовком «Гибель армянского народа» (4 изд.—1930 г.). В том же 1919 г. в Константинополе появляется армянский перевод этой книги, по-видимому, сделанный с французского²⁷.

Французский перевод этого незаменимого произведения²⁸ появился вновь в 1968 г. на сей раз в Бейруте²⁹; роталпринт четвертого издания осуществлен в 1980 г. вновь основанным германо-армянским обществом³⁰. Не только парижский хирург и знаток новой армянской истории Ив Тернон, но и канадский историк Ульрих Трумпенер, один из лучших знатоков с ответственными немецкими документами, считает «Сообщение» Лепсиуса «вероятно, лучшим трудом по синтезу этой те-

мы»—преследования армян в Османской империи во время первой мировой войны³¹. На карточке этой книги в каталоге немецкой государственной библиотеки в Берлине стоит теперь уже перечеркнутый штамп с надписью «секретно», ярко символизируя и судьбу д-ра И. Лепсиуса в кайзеровской Германии, и тяжкий факт вытеснения трагической истории армянского народа из сознания немцев.

Как и в начале своей борьбы, Лепсиус в годы первой мировой войны действительно противостоял этому умалчиванию. Он не только смог добиться поездки в июле 1915 г. в Константинополь, где состоялся его широко известный разговор с Энвером-пашой³², но и сразу же после возвращения в Берлин, имея в запасе много «контрабандной» информации из первоисточников, начал атаковать министерство иностранных дел, представив подробный меморандум, который был первоначальной формой его известного «Сообщения»³³. Заметив недовольство военных и бессилье дружески к нему настроенных политиков, Лепсиус немедленно отправился в Швейцарию, где анонимно развернул большую кампанию в прессе, в крупных ежедневных газетах, которая вызвала волнение турецких дипломатов и их коллег на Вильгельмштрассе в Берлине³⁴. И вновь все в Германии с подозрением наблюдают за деятельностью и поездками Лепсиуса, действующего «не на благо государства». Германский генеральный консул в Базеле уже 22 сентября 1915 г. сообщает рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, что анонимная кампания в швейцарской прессе с критическими нотами в адрес берлинского министерства иностранных дел инспирирована, по-видимому, Лепсиусом³⁵.

5 октября 1915 г. Лепсиус выступил в Берлине в здании рейхстага с докладом, не предназначенным для широкой общественности, перед заседавшим там каждую неделю «объединением прессы»—корпорацией верующих деятелей прессы и издательств, к которому регулярно присоединялись также представители морского министерства и министерства иностранных дел. Эту возможность выступить со своими опасениями и информацией перед магнатами немецкой прессы, создали ему, вероятно, его друзья из пресс-центра при Центральном управлении службы для заграницы министерства иностранных дел, которым тогда руководил его близкий друг—журналист Пауль Рорбах. В тактически умной и смелой речи Лепсиус обвинял германское правительство в том, что в ситуации, в которой Англия давно действовала бы как «хозяйин Турции», Германия превратилась в раба Турции, бесцеремонно обращающейся с армянами. В этой речи он использовал многое из собранных во время поездки в Константинополь материалов³⁶.

В середине октября Лепсиус активизировал руководителей евангелистской миссионерской организации и руководящих церковных деятелей, а также миссионерскую комиссию Центрального комитета по генеральным ассамблеям католиков Германии в такой степени, что эти органы подали срочные заявления Бетман-Гольвегу, который, однако, в расписке о получении прореагировал дипломатически-двойко³⁷.

Ульрих Трумпенер высказывает справедливое удивление тем, что в ответ на эту массовую кампанию Лепсиуса, в которой он откровенно разоблачает преступления османских союзников Германии и ставит в крайне неприятное положение берлинское министерство иностранных дел, со стороны Вильгельмштрассе или какого-либо другого органа имперской власти так мало делалось, чтобы заставить замолчать неудобного пастора³⁸. Для объяснения этого обстоятельства недостаточно изучения периода с 1914 г. до 1918 г., как это делает Трумпенер в своей богатой материалами книге,—значительно важнее рассмотреть предвоенную историю армянской проблемы. Материалы архива Лепсиуса предоставляют неизвестные факты его интенсивной борьбы в 1913 г. в Англии, Франции, Германии, Константинополе и Швейцарии за осуществление давно обсуждаемых армянских реформ в Османской империи. При этом он тесно сотрудничал как с армянами Константинополя³⁹, так и с Погосом Нубаром-пашой, представителем католикоса и руководителем армянской национальной делегации, работавшим на Западе и в Средней Европе⁴⁰, а также с помощником статс-секретаря Альфредом Циммерманом из берлинского министерства иностранных дел⁴¹, с которым Лепсиус вынашивал далеко идущие планы культурного проникновения в Турцию с помощью армянского элемента и немецких школ на фоне желанного германо-английского союза. В сообщениях германского посла в Константинополе фон Вангенгейма статс-секретарю иностранных дел Г. фон Ягову в 1913 г. дипломатическая деятельность Лепсиуса в деле армянских реформ рассматривается положительно⁴². Лепсиус, таким образом, для высокопоставленных деятелей министерства иностранных дел не был неизвестным лицом, а тем более брызгливым пастором. Ему были очень обязаны за его посредническую помощь. Последовавшие с апреля 1915 г. события в Османской империи были, по крайней мере для помощника статс-секретаря Циммермана, занимавшегося армянскими реформами, спланным ударом по разработанным им совместно с Лепсиусом планам. Этим и объясняется, почему Лепсиус, даже когда политическая ситуация полностью изменилась, а проект армянской реформы с началом мировой войны потерпел крах, мог еще некоторое время относительно беспрепятственно бороться за дело армян.

Но когда Главная цензурная служба управления военной

прессу при высшем командовании в сотрудничестве с османским посольством в Берлине решила на действия против Лепснуса, так как он на глазах османского посла Хакки раздал тысячи экземпляров своего «Сообщения» — «одну из бесчестнейших брошюр об армянском вопросе»⁴³, по определению посла, — последовательный борец за армян вновь превратился в персону нон грата в своей собственной стране, чью честь он хотел спасти. По всей вероятности, некоторые его друзья-дипломаты из министерства иностранных дел посоветовали ему продолжать борьбу за рубежом, если он не хочет подвергнуться риску исчезнуть в тюрьме на родине⁴⁴. Такие опасения могли появиться у Лепснуса еще тогда, когда он искал типографию, где бы рискнули довести до конца печатание его «Сообщения». Одиссея этой рукописи представляет собой отдельную историю⁴⁵. Примечательно, что именно типография консервативно-христианской газеты «Der Reichsbote», осмелившейся еще в 1896 г. опубликовать первые боевые статьи Лепснуса против резни армян, совместно с фирмой Инберг и Лефсон Берлин-Нойе-бабельсберг и теперь взяла на себя печатание⁴⁶. Позднее, когда 20.500 экземпляров «Сообщения» должны были быть распространены в Германии за счет Немецкой восточной миссии, члены попечительского совета стали опасаться гражданской смелости своего директора и во время заседания в июне 1916 г. отказались от оплаты рассылки⁴⁷. Таким образом, Лепснусу пришлось организовать отправку «Сообщения» политическим и религиозным деятелям Германии с помощью своих близких друзей и сотрудников и даже своих детей⁴⁸. Только после войны стало известно, что экземпляры, отправленные членам рейхстага, были конфискованы и депонированы в Берлине главным полицейским управлением, о чем не были поставлены в известность ни отправитель, ни адресаты⁴⁹. Каким образом Лепснусу, покинутому многими друзьями, удалось издать и разослать свое «Сообщение» таким массовым тиражом, разъясняют материалы его архива. Сам он не был богат. Все свое состояние он внес в основание ковровой мануфактуры в своей бывшей общине в Гарце, чтобы обеспечить самых бедных ее членов заработком. Это производство было затем, еще к концу прошлого столетия, перенесено в Урфу, чтобы дать армянам, пережившим резню, наряду со школьным образованием и медицинским обслуживанием, также надежную работу. Денежные проблемы, с которыми Лепснус постоянно сталкивался, свидетельствуют, что он никогда не извлекал выгод из этого предпринимательства. Деньги для набора, бумаги и печатания массового издания своего «Сообщения» Лепснус получил от «друзей доброго дела»⁵⁰. Однако все еще остается неясным в какой степени в немалых расходах на эту книгу принимали участие зажиточные армянские друзья Лепснуса в Швейцарии, с которыми он именно в те месяцы поддержи-

вал тесный контакт, армянские круги в Средней и Западной Европе и пожелавшие остаться неназванными деятели немецкой общности. Когда попечительский совет Немецкой восточной миссии задержал обещанные Лепсиусу для оплаты рассылки 4000 марок, он был не в состоянии пересылать «Сообщение» из-за затруднительного финансового положения. И тут ему помог богатый армянин А. Мсрян из Брюсселя (фирма «Братья А. и М. Мсряны»), который вместе с другими армянами самым щедрым образом поддерживал Лепсиуса до конца его жизни. Уже на смертном одре, но обдумывая новые планы на будущее, И. Лепсиус пишет Арменуку Мсряну, вновь оказавшему ему поддержку, в Брюссель: «Вы уже в начале войны, когда я был еще в Берлине, сделали возможным издание моих первых собранных в Константинополе сведений о депортации вашего народа, оплатив пересылку 20.000 экземпляров моей «Зеленой книги», как мы ее называем, внося вклад в 4000 марок, в котором мне отказал мой тогдашний попечительский совет, опасаясь цензуры. Это было тогда спасением, т. к. без моей публикации мир еще долго оставался бы в неведении о событиях 1915 и 1916 годов»⁶¹.

После опубликования «Сообщения» Лепсиусу, как отмечалось, стало трудно оставаться в Германии. Многочисленные предостережения побудили его выехать в нейтральную страну—Голландию. Наряду с политическими причинами, к этому побудило его и сильно пошатнувшееся здоровье.

В Голландии он инкогнито, против воли кайзеровского правительства, развернул обширную проармянскую деятельность. Наряду с этим в 1917 г. через посредничество политического советника принца Макса фон Бадена Курта Хана он получил поручение собирать для военного отдела министерства иностранных дел «голоса за мир» в английской и голландской прессе и регулярно передавать эти сведения в Берлин. Когда Лепсиус в июне 1917 г. официально ушел в отставку из своей Немецкой восточной миссии то до октября 1917 г. он не имел никаких материальных средств для своей большой семьи, пока Курт Хан не предложил ему место, оплачиваемое кругами Макса фон Бадена. В этот период его вновь поддержали и своими связями, и материально его армянские друзья, особенно Арменак Мсрян и председатель «*Со mité arménien de la Haye*» М. Миртадян⁶². Сохранившийся со времен пребывания в Голландии архивный материал свидетельствует об исключительно многосторонней деятельности Лепсиуса в период эмиграции. Он находился в постоянном контакте с ведущими армянскими деятелями Европы, особенно с Погосом Нубаром и его сотрудниками, вел доверительную переписку с Джеймсом Брайсом⁶³, английским государственным деятелем и историком, основателем англо-армянского общества, создавшим при поддержке молодого Арнольда

Тойнби «Сиюю книгу» по армянскому вопросу⁵⁴. Лепсиус, действуя анонимно относительно голландского проармянского движения, испытывал при этом противодействие влиятельных голландцев⁵⁵. Он способствует изданию и контролирует печатание голландского перевода своего «Сообщения» 1916 года, которое готовится параллельно с французским Агатона-бей⁵⁶. И, не в последнюю очередь, тут, в эмиграции, возникает детальная программа международной проармянской лиги, к которой Лепсиус стремится привлечь заинтересованные круги в Европе⁵⁷. После войны Лепсиус как немец сознательно не участвовал в учреждении международной проармянской лиги, но он должен считаться, по меньшей мере, одним из идеологических отцов этой организации⁵⁸.

Наряду с этой деятельностью Лепсиус в военное и послевоенное время интенсивно работает в области литературы и искусства. Он создает двухтомную «Жизнь Христа»⁵⁹, ряд драматических сатир на Англию и Антанту, которые причислялись к «ценнейшим произведениям военного времени»⁶⁰. В сатирических произведениях «Джон Булль» (1915)⁶¹ и «Иисус на мирной конференции»⁶² (1919) не чувствуется никакой националистической ненависти к Англии, как у Людendorфа, что, собственно, исключалось сильными англофильскими традициями в семье Лепсиуса⁶³. Но здесь в значительной мере ощущается продолжение осуждения европейских «христианских» великих держав, которое молодой пастор начал в 1896 г. своим программным произведением «Армяне и Европа»⁶⁴.

В Германии во время войны после острого конфликта Лепсиуса с министерством иностранных дел и своими друзьями там, его обходили молчанием. Но после войны он вдруг становится «белой вороной» в германской политике относительно армянского геноцида. После ноябрьской революции в Германии он смог напечатать второе дополненное издание «Сообщения», а также одновременно опубликовать множество важных актов германской политики относительно Армении из архива министерства иностранных дел в своем по сей день незаменимом произведении—источнике «Германия и Армения 1914—1918 гг.». Лепсиус вновь находится в центре общественной, духовно-политической жизни. До того, как эта документация появилась в Германии в июне 1919 г., 50 экземпляров в начале мая поступили на Версальскую мирную конференцию⁶⁵. Несмотря на препятствия, чинимые на сей раз французской цензурой, Лепсиус через великого армянского поэта Аветика Исаакяна, который был членом правления организованного Лепсиусом германо-армянского общества, посылает свою документальную книгу и армянским делегациям, боровшимся там за права армянского народа⁶⁶. Таким образом, Лепсиуса никак нельзя воспринимать как апологета германской дипломатии и политики, которую он открыто осудил за ее тяжелую моральную вину. Он всячески

стремился помочь армянам, откровенно надеявшимся на помощь держав Антанты, в которой, однако, они вскоре разочаровались, как, впрочем, и в германской империи, сотрудничавшей с турками.

Мировую славу среди друзей армянского народа, как и самиз армян, принесло Лепсиусу его весомое компетентное выступление во время берлинского процесса над армянским студентом Согомоном Тейлirianом, который 15 марта 1921 г. в Берлине на Харденбергштрассе застрелил одного из главных виновников армянского геноцида, бывшего главного везира Талаат-пашу.

Освобождение немецким судом присяжных покушавшегося, которое вызвало в правой и все еще туркофильской прессе волну возмущения, расценивалось ненационалистическими германскими кругами, как и бывшими врагами Германии, а в особенности армянами всего мира, напротив, как весомая корректура в политике Германии по отношению к армянам⁶⁷.

Так Лепсиус вновь стал широко известной в Германии и Европе личностью. Ему как признанному и независимому знатоку восточной проблематики было предложено германским правительством принять участие в обширной немецкой публикации документов—сорокатомной «Большой политики европейских кабинетов с 1871 по 1914 гг.» Эти сорок томов до сих пор высоко ценятся всеми интересующимися политикой и историей, в том числе и вопросами новейшей истории армянского народа⁶⁸.

По-видимому, Лепсиус в последние годы своей жизни был целиком поглощен этим делом. Он работал в комнате № 128 берлинского министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, 75, где, разбирая тысячи документов, еще раз пережил трагическую историю прошедшего полувека. Комната 128 стала своего рода неофициальным армянским консульством, так как армяне со всех концов Европы обращались со своими заботами и горестями к Лепсиусу, имя которого среди них пользовалось большим доверием и уважением. Не располагая сколько-нибудь значительными собственными средствами, Лепсиус, благодаря своим дружеским связям со многими влиятельными и состоятельными людьми не только в Германии, но и в других странах, в большинстве случаев находил возможность оказать им действительную помощь.

Учреждения по оказанию помощи армянам в Турции и Персии были разрушены войной. Но Лепсиус и тут не потерял мужества и присоединился со своей таявшей организацией к мощной американской «Near East Relief»⁶⁹, при этом он взял на себя финансирование армянского дома сирот в Газире (Ливан), управлявшегося его многолетним соратником Якобом Кюнцлером⁷⁰. Верный друг и соратница Лепсиуса Карен Пеппе в это время проводила большую работу в Алеппо и его окрестностях по освобождению армянских женщин и детей и созданию поселений для них⁷¹.

Будучи одновременно сотрудницей Лиги Наций, она имела тесный контакт с человеком, который в памяти армянского народа стоит рядом с Лепсиусом,—Фритц-Фом Хансенем. Хансен сам высоко ценил Лепсиуса и при изучении новейшей истории опирался преимущественно на его надежную и достоверную документацию⁷². Как у Карен Йеппе, так и у Лепсиуса и Хансена с течением лет перед лицом лживых обещаний западных великих держав помочь Армении стать автономным государством росло убеждение, что Советская Армения—самая надежная родина для этого народа⁷³. И после установления Советской власти в Армении Лепсиус отправил ей в помощь от германо-армянского общества крупные партии медикаментов и книг. Он поддерживал дружеские отношения с представителями Советской Армении в Берлине, с редактором берлинского органа комитета помощи Советской Армении А. Зорьяном и его женой⁷⁴. Когда в ноябре 1925 г. Берлин посетила советская армянская делегация, ее члены пожелали непременно нанести визит Лепсиусу, чтобы выразить ему глубокое уважение и благодарность, которую питают к нему в Советской Армении⁷⁵. К своему глубокому сожалению, делегаты не смогли встретиться с ним, так как, будучи тяжело больным, Лепсиус выехал на курорт в Мерано в Южном Тироле.

Д-ру Иоганнесу Лепсиусу не суждено было возвратиться из Мерано—3 февраля 1926 г. он скончался и был похоронен там.

Большой мечтой Лепсиуса, волновавшей его до конца жизни, и которую он, что было типично для его исключительной активности, уже начал осуществлять, было создание армяно-германской академии в Потсдаме, которая официально была основана 23 октября 1925 г., незадолго до отъезда Лепсиуса в Мерано⁷⁶. Лепсиус сам создал для этой академии устав и замечательную научную программу и даже снял недалеко от своего потсдамского дома красивый дворец для местопребывания академии. Одним из последних актов этой малоизвестной жизни является письмо от 28 января 1926 г., в котором Лепсиус, за несколько дней до смерти, предчувствуя ее приближение, отказывался от договора по найму дворца⁷⁷.

Этот большой проект так и остался неосуществленным. Но он фактически является завещанием Лепсиуса и символом того, что деятельность Лепсиуса не оборвалась с его жизнью, что его тогдашняя борьба в защиту армянского народа сегодня имеет целью еще более тесное сотрудничество между учеными Армянской ССР и ГДР, которое является важной составной частью дружбы между нашими народами.

Первостепенной задачей этого научного сотрудничества, которое Лепсиус хотел продолжить на основе лучших научных традиций, сегодня является создание подробной документированной

биографии И. Лепсиуса и обработка его наследия. В ночь фашизма, в его преступлениях перед европейскими, славянскими и другими народами резня армян в Османской империи была примером для подражания. Фашисты почти полностью вытеснили имя Лепсиуса из памяти немецкого народа, когда книги писателя Франца Верфеля, еврея по происхождению, попали в запретный список и на костер в Германии 30-х годов. Однако большая часть наследия Лепсиуса—письма, документы, редкие печатные труды—не затерялась и не подверглась уничтожению. То, что наследие Лепсиуса почти целиком сохранилось, несомненно, является большой заслугой второй жены И. Лепсиуса, Алисы Лепсиус (ум. 1969 г.), и его дочерей, особенно Бригиты Лепсиус (ум. 1976), Вероники Лепсиус (ум. 1981), Виолы Ашке-Лепсиус и Коринны Латерман.

ԳՈՎՏՈՐ ԻՌԱՆՆԵՍ ԼԵՓՍԻՍԻ: ԿՑԱԼՔԻ ԷՋԵՐԻՑ

Ա մ ֆ ը փ յ ի Վ մ

Ականավոր հումանիստ, գերմանացի հասարակական և քաղաքական գործիչ զոկտոր Ց. Լեփսիուսի արխիվի էյուֆերի հիման վրա հոգվածում ներկայացված են նրա կյանքի և գործունեության որոշ էջեր: Հիմնական ուշագրությունը նվիրված է Օսմանյան կայսրությունում հայերի զննոցիդի դեմ Լեփսիուսի հետևողական պայքարին և այն հակազդեցությունը, որին հանդիպեց այդ պայքարը կայզերական Գերմանիայում: Բերվում են կենսագրական ընույթի անհայտ և սակավ հայտնի փաստաթղթեր, որոնք թույլ են տալիս ավելի խոր և լիովին ընկալել և զնահատել նրա գործունեության նշանակությունը ի պաշտպանություն հայերի և լուսարանում են հայ և գերմանական ժողովուրդների բարեկամական հարաբերությունների. առանձին ուշագրավ կողմեր:

ПРИМЕЧАНИЯ

- I На огромного количества литературы о резне армян среди новых работ следует отметить: сб. док. и матер. «Геноцид армян в Османской империи», под ред. проф. М. Нерсисяна, изд. АН АрмССР, Ереван, 1966; II изд.—1983; Дж. Киракосян, Первая мировая война и западные армяне, 1914—1916 гг. I изд.—«Айастан», Ереван, 1965, на арм. яз.; II изд.—1971; Е. К. Саркисян, Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв., изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1972; Jean-Marie Carzou, Un génocide exemplaire; Arménie 1915, Paris: Flammarion, 1975; Yves Ternon, Les Arméniens. Histoire d'un génocide, Paris: Éditions du Seuil, 1977, немецкое издание—1981 г. (ФРГ);

U. Trampner, Germany and the Ottoman Empire 1914—1918. Princeton University Press, 1968; *D. H. Boyajian*, Armenia: The Case For a Forgotten Genocide, Westwood, New Jersey, 1972; *Shavarsh Torigulan*, The Armenian question and international law, Beirut, 1973; *R. D. Klotian*, The Armenian Genocide—first 20th century holocaust, San Francisco, 1980; *Walker, Christopher*, Armenia, the Survival of a Nation, N. Y., 1980, а также анонимную, но весьма заметную проф. Вальтера Маркова (ГДР): «В Армении в 1915/16 было осуществлено настоящее истребление народа» (с: Ernst Werner und Walter Markov, Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin: Akademie-Verlag, 1978, S. 232); также: Türkei. Der verzeugnete Völkermord an den Armeniern 1915—1918. Die deutsche Beteiligung—Pogrom. Zeitschrift für bedrohte Völker, № 64, 10 Jahrgang, Göttingen, Mai/Juni 1979, см. также № 72/73, 11 Jahrgang, Mai 1980, Sonderausgabe zum 24. April 1915—1980.

2 В ГДР в последнее время вспоминают Лепснуса: *Burchard Brentlies*, Drei Jahrtausende Armenien, Leipzig 1973, S. 9—15; Эрнст Вернер в своей статье об исторической действительности армянского геноцида (Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 21 Jahrgang, 1973, Heft 2); И. Лепснус назван историческим свидетелем в армянском репортаже Сусанни Фельдц «Изгнание и возвращение на родину Месра Накушяна», Pör DICH. Illustrierte Wochenzeitung, Berlin, № 12, 1980, S. 13—15, 31). В ФРГ о Лепснусе напомнил Фридрих Гейер, президент вновь образованного германо-армянского общества, в *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, № 67 (19.3.1980) S. 5. «Насмеле над христианами в Турции. 2000 ищут убежища в Германии. Воспоминание о резне армян»¹. За указание благодарим докт. Р. Мазера (Мюнстер). В журнале Zeichen der Zeit (ГДР, Берлин) историки Готтхард Рёшке (1958, с. 447) и теолог Ханс Христиан Дитрих (1973, с. 242) опубликовали памятные статьи об Иоганнесе Лепснусе. В немецких марксистских исторических исследованиях наблюдается тенденция позитивной оценки личности И. Лепснуса (см., наряду с названными работами Б. Brentlies, Э. Вернера, *L. Raffman*, Stoßrichtung Naher Ost 1914—1918. Zur Expansionspolitik des Deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg, Berlin, 1963, S. 139.)

3 Vgl. Friedrich von Bodelschwingh, Ein Lebensbild aus der deutschen Kirchengeschichte. Von Martin Gerhardt, fortgeführt von Alfred Adam Bd. II, 2. (Bethel bei Bielefeld 1958). S. 589.

4 Первая из этих классических статей, намеренно ограничившая объективной статистикой, печатается в среду 12.8.1896 в I прилож. к № 188 «Reichsbote». Дальнейшие статьи следуют: 15.8.96 (№ 191), 16.8.96 (№ 192), 18.8.96 (№ 193) 19.8.96 (№ 194), а тот же день продолжение во 2 прилож. № 194, 21.8.96 (№ 196), 22.8.96 (№ 197), 23.8.96 (№ 198), 25.8.96 (№ 199), 26.8.96 (№ 200), 27.8.96 (№ 201), 28.8.96 (№ 202), 29.8.96 (№ 203), продолжение в тот же день во 2 прилож., 30.8.96 (№ 204), 1.9.96 (№ 205) и 3.9.96 (№ 207).

5 Еще до 12.9. 1896 в Берлине. См.: Der Reichsbote, № 215 vom 12.9. 1896, S. 1.

- 6 *Johannes Lepsius, L'Arménie et l'Europe. Un acte d'accusation contre les grandes puissances chrétiennes. Avec une carte de l'Arménie turque.* Lausanne: F. Payot (November) 1896. Уже массовый митинг протеста 7.9.1896 в Лозанне (Швейцария) основывался на этом обвинении Лепсуса, которое перенес известный журналист и редактор *Gazette de Lausanne* Альберт Боннард (Vgl. Karl Meyer, *Armenien und die Schweiz*, Bern 1974, S. 42).
- 7 *Johannes Lepsius, Armenia and Europe. An indictment*, London: Hodder and Stoughton 1897, переиздан и издан этот английский вариант известным теологом и сирологом квакером профессором Дж. Ренделем Гаррисом. В 1897 г. в Германии уже появляется 7-ое издание (13 тыс.) книги, *Армения и Европа*.
- 8 В архиве д-ра Лепсуса в Галле (далее—ЛАН) имеется интересный неофициальный документ, в котором до мельчайших деталей описаны пренятия и квесторы, организованные сверху относительно доклада Лепсуса 10.12.1896 в Мюнхене; см. письмо Вильгельма фон Пехмана Герхарду фон Цишвигу, Мюнхен 7.12.1896, ЛАН II d (616/17), а также открытку И. Лепсуса, Бейра, 11.12.1876,—Маргарите Лепсус в Фриксдорф на Випре: «В Мюнхене все шло хорошо, хотя пресса, правительство и общественность настроены сильно против... Мюнхенская Allgemeine [Zeitung] уже заранее подыкала против меня шумиху. Полиция была всезнава... К сожалению, в последний момент назначили доклад фон Хёшера (д-р теологии Вильгельм Хёшер-старший, церковный советник и священник в Лейпциге—авт.) на тот же вечер... так что евангелистское духовенство Мюнхена отсутствовало...» (ЛАН IV A, 624).
- 9 Вместо тщательно подготовленных и объективных заметок Лепсуса большая часть немецкой прессы печатала «терпеливо и без всякой критики турецкие заметки». (*Der Reichsbote*, Jahrgang 24, № 196 от 21.8.1896 (с. 2) «К кризису на Востоке»). Уже в начале сентября 1896 в официальной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* появляется резкая статья «хорошо информированной турецкой стороны», направленная против Лепсуса. В ней пастора Лепсуса упрекали в том, что он своими организациями помощи армянам создает революционные комитеты (См. *Der Reichsbote*, 24. Jahrgang, № 215 от 12.9.1896, S. 1, а также прекрасный иронический ответ Лепсуса, в № 216 *Der Reichsbote* от 13.9.96 S. 1—2). В политическом подстрекательстве Лепсуса обвиняет крупная *Kölnische Zeitung*. (См. *Der Reichsbote* 13.9.96).

Даже собственно нейтральное швейцарское правительство пыталось неофициально скомпрометировать усилия тесно сотрудничавших немецкой и швейцарской организацией помощи армянам, когда во влиятельном журнале *Bund*, официальном органе швейцарского бундесрата в октябре 1896 появилось сообщение, что делегаты швейцарского и немецкого объединений помощи на совместной конференции во Франкфурте-на-Майне приняли решение о поддержке революции в Армении следующей зимой (См. *Chronik der Christlichen Welt*, 1896, № 43, 22.10.1896, Spalte 420).

- 10 Туркофил журналист д-р Ганс Барт (1862—1928) в противовес лепсусовскому «Армине и Европа» содал в 1886 г. произведение под названием „Türke, wehre dich! (2. Auflage. Leipzig, 1898), которое шло под роковым девизом Бисмарка: «Турки—единственные джентльмены Востока». А то обстоятельство, что Лепснус был теологом, послужило Барту поводом порочить его убедительные доводы как «Лепсуску, или бульварный роман пастора Лепснуса». (Критическое обсуждение паскили Барта см.: Die Christliche Welt, Jahrgang 44, 3 11 1898, Sp. 1048—1051).
- 11 Ernst von Dryander, Erinnerungen aus meinem Leben. Bielefeld und Leipzig, 1922, S. 217; vgl. auch Karl Kipisch, Zwischen Dom und Gedächtniskirche. Berliner Hoffrömmigkeit zur Zeit Wilhelm II.: Jahrbuch für Berlin-Brandenburgische Kirchengeschichte 44 (Berlin 1969), S. 9—42, speziell S. 50.
- 12 Am 30.10.1898: Vgl. Siegfried Hanselmann, Deutsche Evangelische Palästina-mission. Handbuch ihrer Motive. Geschichte und Ergebnisse. Erlangen (1971), S. 126.
- 13 A. Mandelstam, Le sort de l'empire ottoman. Lausanne-Paris, 1917, S. 313.
- 14 Об освобождении обоих армянских профессоров американского колледжа в Маршале Туманяна и Каваяна см.: Goodly Fellowship. A Centenary Tribute to the Life and Work of the World's Evangelical Alliance 1846—1946. London/Edinburgh 1946, S.73; также многократно издававшееся сообщение шуриня Туманяна: Adolf Hoffmann, Im türkischen Kerker. Wie ich Garabed Thonmajan fand. Westend-Berlin, 1897, S. 208; Некоторые данные о К. Туманяне см.: Karl Meyer, Armenien und die Schweiz, Bern 1974, S. 259.
- 15 См. почтовую открытку И. Лепснуса, Берлин-Штеттин 24.9. 1886—Маргарите Лепснус, Фридрихс-Валде LAN IV A (549) и [И. Лепснус] Сообщение директора относительно переизбрания правления германской восточной миссии вместе с учреждениями (напечатано как рукопись), без даты и места (Потсдам, 1910—Г. Г.) в. I. (имеется в LAN XVII 524).
- 16 См. примечание 5, открытка И. Лепснуса М. Лепснус от 24.9.96. Хорошее описание весьма драматического проармянского митинга 24.9. 1896 есть в Reichs-bote [Jahrgang 24, № 226 vom 25.9.96 в. 3], см. также: Paul Le Segr, Aus meinem Leben Bilderbuch, Kaasel, 1967, S. 24 (П. Ле Сегр входил в круг друзей Лепснуса, которые в ночь накануне готовили собрание. За указание на это место в мемуарах Ле Сегра благодарим д-ра А. Самеса (Гаала)-авт.).
- 17 Сам Лепснус пишет: «Берлинское собрание вызвало страшную шумиху и прессе; турецкое посольство способствовало тому, что сперва начальник берлинской полиции, потом министр внутренних дел, а затем министерство иностранных дел пригласили меня на разговор, чтобы по поручению рейхскандлера заставить меня срочно приостановить армянское движение. Но так как министерство иностранных дел убедились, что я заинтересован лишь и благотворительной деятельности в пользу армянских вдов и сирот, оно не стало препятствовать моей дальнейшей работе. И все же начальник полиции держал под полицейским контролем мои многочисленные поездки с доклада-

мля. (Сообщение директора... (см. выше прим. 15, S. 1). Однако есть свидетельства, что даже эти усилия Лепсуса встречали препятствия со стороны властей. Так, 24.11.1896 г. Лепсус выступил в Магдебурге с докладом в пользу армянских вдов и сирот. К концу доклада организаторы собрания профессор Борнеман, проповедник Геннинг, директор Рейтер и другие хотели провести сбор денег для помощи армянским вдовам и сиротам. Однако присутствовавший комиссар полиции от имени властей запретил этот сбор. После этого собрание было закрыто с ссылкой на то, что члены местного армянского комитета помощи готовы лично принимать денежные взносы. Однако публика, глубоко тронутая докладом Лепсуса, неверно поняла—стала пробиваться к помосту и прямо здесь передавать членам комитета пожертвования. Комиссар полиции воспринял это как пренебрежение его запретом, и на рождество и новый, 1897 г. начались допросы ответственных лиц комиссаром уголовного полиции. Три вышеназванных друга армян получили приказ королевского суда о наложении штрафа (см. *Chronik der Christlichen Welt*, 1897, № 10, vom 11.3.1897, Sp. 79 и *Aus unsers Herrgottes Kanzlei*, № 48, Magdeburg, herausgegeben von Direktor Reuter).

- 18 Из большого количества литературы отметим лишь: Bernhard Lepsius (Herausgeber), *Das Haus Lepsius. Vom geistigen Aufstieg Berlins zur Reichshauptstadt. Nach Tagebüchern und Briefen*. Berlin, 1933. Изданный одним из братьев И. Лепсуса, проф. химии Берихардом Лепсусом (ум. 1934), том является выразительным источником для понимания значения и больших связей родительского дома Лепсуса, так называемого Casa Lepsius.
- 19 См. почтовую открытку Вальгельма Фабера, Нойхурел, 24.8.1898.—И. Лепсусу. LAN I L (482).
- 20 См. письмо Эрнста Еха, Берлин 11.9.1916.—И. Лепсусу LAN XXV 1687), где Ех, один из влиятельнейших немецких журналистов, откровенный почитатель младотурецкого владычества и заправил германо-османского союза, лицемерно обвиняет Лепсуса в том, что в то время как он, Ех, помогает армянам, Лепсус разрушает эту мнимую тайную помощь своей «пропагандой». Цитируемое письмо вторах жека И. Лепсуса, Аляса Лепсус (Маргарита Лепсус умерла в 1898 г. в Берлине), доставила ему, как отмечено на конверте ее рукой, уже в голландскую осмлку; см. также письмо Алисе Лепсус, Потсдам, без даты (середина сентября 1916—Г. Г.)—И. Лепсусу, Хаарлем LAN III m (1688), где Алиса намекает, что должна лично доставить ему «несколько деловых сообщений».
- 21 *Vgl. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire*, Princeton, N. Y., 1968 Описание «волжущей встречи» Эрнста Еха с Паулем Рорбахом, Эвальдом Штиerner и Джеймсом Гриффилдом, ведущими членами германо-армянского общества, 15.9.1916 г. в Берлине, при которой Ех демагогически высказывался за приостановление армянской «пропаганды» в пользу неофициальной дипломатической помощи и благотворительной деятельности. 16.9.1916 г. все трое сообщают Еху, что они прекратят общественно-политическую борьбу за армян, если Берлин сделает все возможное, чтобы помочь армянам.

При этом они отметили, что призыв к молчанию вряд ли подействует на Лепсиуса, если из германской прессы не исчезнут сообщения, в которых из уст Османской империи волагается вина за все их несчастия (см. ссылки на архив Ека в Yale University Library, № 23: *U. Trempener*, Germany, S. 243, 98). Когда Лепсиус в конце сентября 1918 г. в Голландии получил предложение до конца войны молчать о резне армян, он ударил кулаком по столу, что при его воспитанности было необычным жестом, и заволнованно заявил своей жене: «Если я это сделаю, то буду подлецом». (См. воспоминания дочери Виллы Ашке-Лепсиус, записанные для Г. Гольца—ЛАН XXII, 1963). При изучении биографии Лепсиуса на основе многочисленных неопубликованных источников становится очевидной невозможность ставить Лепсиуса в один ряд с Паулем Рорбахом, авторитетным журналистом и геополитиком из круга Наумана.

- 22 Vgl. *J. Lepsius*, Mein Besuch in Konstantinopel Juli August 1915: Der Orient, herausgegeben von Dr. Johannes Lepsius, Jahrgang 1919, S. 32; *J. Lepsius*, Der Todesgang des Armenischen Volkes. Bericht..., Potsdam, 4. Auflage 1930, S. XXVII.
- 23 Информационный бюллетень германо-армянского общества, Берлин, декабрь 1930 г., № 5/6, стр. 6(70). Точное название издания 1916 г. следующее: Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei von Dr. Johannes Lepsius, Vorsitzender der Deutschen Orient-Mission und der Deutsch-Armenischen Gesellschaft. Tempelverlag in Potsdam 1916. На титульном листе для защиты от военной цензуры Лепсиус напечатал: „На правах рукописи. Совершенно секретно! Перепечатание и использование в прессе запрещено!“.
- 24 Le Rapport Secret du Dr. Johannes Lepsius, président de la Deutsche Orient-Mission et de la Société Germano-Armenienne sur les massacres d'Arménie. Publ. avec une préface par René Pinon. Paris: Payot & Cie 1918.
- 25 См. письмо Погося Нубара-пашы, Париж 16.2.1917—И. Лепсиусу, ЛАН III-e I (1726); письмо И. Лепсиуса, Гаага, 8.3.1917—Хорасанджяну, ЛАН XXXIII (1726a/1730a); письмо И. Лепсиуса, Гаага, 9.3.1917—Агягону, Женева, ЛАН III-d (1731); письмо Агягона, Женева, 8.4.1917—Лепсиусу, Гаага, ЛАН III d (1734) и т. д.
- 26 См. письмо И. Лепсиуса без указания места и даты (Берлин, весна 1919—Г. Г.)—лорду Джеймсу Брайсу, ЛАН XVII (1848).
- 27 *Երևանի Ազգային, Հայաստանի Հարկերը*. Քարճ. Կ. Մանուկեան, 4. Պոլս., 1916.
- 28 Из Тернов описывает «Сообщение» как «взламанный труд» (*Les Arméniens...*, Paris, 1977, p. 220) шестьдесят лет спустя после его написания.
- 29 Le Rapport Secret du Dr. Johannes Lepsius sur les massacres d'Arménie. Beirut: Editions Nazarkaline, 1968. За два года до этого, в 1966 г., этот французский перевод вновь появился в Париже (см. в сб. „Геноцид армян...“, прим. I, 533).
- 30 См. о преемственности этой организации высказывания ее нынешнего пре-

идента Фридриха Гейера (Гейдельберг (Heyer/Heidelberg), Zur Wiederbegründung der Deutsch-armenischen Gesellschaft: Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Bd 21/22 (Göttingen 1978/79), S. 312—323). Возрожденное германо-армянское общество выполняет важную функцию и в борьбе против дискриминации армянских и сирийских рабочих в ФРГ.

- 31 U. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire, p. 204. Anmerkung 12.
- 32 Запись беседы, сделанную самим Лепсиусом, см.: J. Lepsius, Mein Besuch in Konstantinopel July/August 1915: Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 21—33, speziell S. 25—28. (см. также: Der Todesgang des armenischen Volkes. Bericht... von Dr. J. Lepsius, 2. vermehrte Auflage, Potsdam 1919, S. XII—XIX, ebenso in der 4. Anlage, Potsdam 1930.
- 33 Vgl. J. Lepsius, Persönliches. Der Orient, Jahrgang 1925, S. 103.
- 34 Vgl. Der Orient, Jahrgang 1919, S. 31 (=Todesgang der Armenischen Volkes, 4. Auflage, 1930, S. XXIV). Уже по дороге в Константинополь в середине июля 1915 г. Лепсиус посещает сначала Базель и Женеву (Todesgang, 1930, S. VI) и информирует в Базеле своего друга А. Виссер-Оери, а также его шуриня, известного швейцарского журналиста и политика д-ра А. Оери-Прейсера, главного редактора Basler-Nachrichten и д-ра филологии Э. Риггенбах-Френа, „душу помощи армякам“ в Базеле, о последних преследованиях армян в Османской империи. В Женеве Лепсиус сообщает это большому другу армян Леопольду Фавру (Vgl. Karl Meyer, Armenien und die Schweiz, Bern 1974, S. 107). Когда Лепсиус в сентябре 1915 г., после своего возвращения из Константинополя в Берлин, еще раз посетил Швейцарию, он в газете Basler Nachrichten, принадлежавшей его другу Альберту Оери, 16.9.1915 г. опубликовал статью „Истребление целого народа“, которая, как пишет Карл Мейер, „привлекла огромное внимание“ (Armenien und die Schweiz, S. 105). Как и предполагал Лепсиус, дело не ограничилось этой статьей в Basler Nachrichten: появились статьи о преступлениях в Османской империи и в Basler Nachrichten, Gazette de Lausanne, Journal de Genève, Glarner Nachrichten и также во многих церковных журналах (см. K. Meyer, Armenien und die Schweiz, 108, 267), Anmerkung 123).
- 35 Vgl. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Abteilung IA, 183 (Türkei), Bd. 38: Generalkonsul Basel 22.9.1915 am Bethmann Hollweg J. Nr 6, 867; Hinweis bei U. Trumpener, Germany and Ottoman Empire, S. 221 und Anmerkung 52.
- 36 Vgl. Ernst-Jäckh-Akten, Yale University Library, № 22 (Oberste Heeresleitung, Hauptzensurstelle des Kriegspresseamtes Berlin, 1.11.1915. № 2, 610, O. Z. an Ernst Jäckh, „Auszug aus dem Vortrage des Dr. Lepsius vom 5.10.1915 über die Lage der türkischen Armenier“); Hinweis bei Trumpener, Germany and the Ottoman Empire, S. 222 f. und Anmerkung 56.
- 39 Vgl. J. Lepsius. Der Todesgang, 4. Auflage, 1930, z. XXIII. Дословный текст заявлений рейхсканцлеру, а также ответ рейхсканцлера см.: Deutschland

und Argentinien 1914—1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke von Dr. J. Lepsius, Potsdam 1919. S. 183—191 (особенно интересен большой список подписей, S. 188).

38 Vgl. U. Trumpler, Germany and Ottoman Empire. S. 220.

39 См. корреспонденцию: И. Лепsius-армянские дентель в Константинополе во время пребывания Лепsiusа в июле-августе 1913 г. на Босфоре (ЛАН II e) и дневниковые записи И. Лепsiusа: Константинополь, середина 1913 г., ЛАН III c (1448—1450).

40 См. оживленную переписку с целью подготовки личной встречи для обсуждения проблемы армянской реформы между Погосом Нубаром-пашой и Лепsiusом; к примеру, телеграмма И. Лепsiusа, Тегрань 20.8.1913—Погосу Нубару ЛАН II e (1469); письмо Погоса Нубара, 22.8.1913—И. Лепsiusу, Константинополь (II e 1470), так же от 27.8.1913 (II e 1471), и важное письмо Погоса Нубара, Париж, 13.10.1913—И. Лепsiusу (XXIV 1475), которое подтверждает совместные дипломатические усилия Погоса Нубара, И. Лепsiusа, Джеймса Гринфильда из германо-армянского общества и А. Циммермана, зам. статс-секретаря по иностранным делам в вопросе армянских реформ в Османской империи.

Ход борьбы за реформы 1913/14 гг. с точки зрения русской дипломатии описывает А. Н. Манделштам, A. N. Mandelstam, Die deutsch-russischen Beziehungen während der armenischen Reformakten, in: Derselbe, Das armenische Problem im Lichte der Völker- und Menschenrechte, Berlin 1911 (=Aus dem Institut für Internationales Recht an der Universität Kiel, I. Reihe, Vorträge und Einzelschriften, Heft 15), S. 91—149 (см. Lepsius Vgl. dort S. 115).

41 После того, как Лепsius, возвращаясь из Константинополя, в начале сентября 1913 г. встретился с Погосом Нубаром для беседы об армянских реформах в Везе, на Женевском озере, он поехал к заместителю секретаря д-ру А. Циммерману в Зальцлаф (Гессен), чтобы подробно обсудить с ним висящие армянские проблемы. В октябре Лепsius продолжил беседу с Циммерманом в Берлине. (См. письмо И. Лепsiusа, Тамбах 15.9.1913, Герхарду Лепsiusу, ЛАН Ia (1472). Лепsius вместе со своими армянскими друзьями критически относился к А. Циммерману и Паулю Рорбаху. Циммерман, как понял Лепsius, слишком уж полагался на Великобританию в вопросе помощи армянам. Заместитель секретаря по иностранным делам в этом вопросе считал благоприятным германо-английский союз против русских интересов в Османской империи и сумел на время убедить в этом и круг Лепsiusа. После первой мировой войны Лепsius и его армянские друзья были, однако, полностью разочарованы непоследовательной позицией Антанты относительно армянской проблемы (см. письмо старого боевого соратника Лепsiusа с 1896 г. проф. Каралета Тумьяна, Лондон, 21.4.1921,—Лепsiusу, Потсдам: «...Вспомните наш визит к Циммерману. Я бы хотел, чтобы Вы увидели его снова и показали ему, как катастрофически неправильными были его планы и политика в отношении армян. Союзники сейчас не лучше, чем официальные Германия...» (ЛАН III e 2016).

- 42 См. Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes herausgegeben von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn Bartholdy, Friedrich Thimme. 40 Bände. Berlin 1922—1927; Bd. 38, S. 130, 132 und Anmerkung.
- 43 Vgl. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Abteilung IA, 183 (Türkei) Bd. 44, Hakkı an den Staatssekretär des Außen, O. von Jagow, ohne Datum (Eingangsvermerk 9.9.1916; Hinweis bei U. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire, S. 240 und Anmerkung 93.
- 44 Симплетин министерства иностранных дел и Лепсиусу не всегда были такими сильными, как предполагал сам Лепсиус. В конце сентября 1916 г. министерство иностранных дел предприняло шаги, чтобы лашты Лепсиуса разрешения на поездки и удерживать его в Германии. При этом, однако, оказалось, что Лепсиус уже несколько недель как покинул Германию и живет в Голландии. (Vgl. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Abteilung IA, 183 (Türkei), Bd. 45, A. Zimmermann, 6.11.1916, an Admiral von Holtzendorff; Hinweis bei Trumpener, Germany and the Ottoman Empire S. 242 und Anmerkung 97.). И у Циммермана, и у Трумпенера хронология не совсем верна. Так, по документам архива Лепсиус покинул Германию уже в середине июля 1916 г., направившись в Голландию, в то время как у Трумпенера ситуация представлена так, будто бы Лепсиус уехал в Голландию лишь в середине сентября 1916 г. (См. письмо И. Лепсиуса. Потсдам, 14.7.1916—Алан Лепсиус, Фридрихсдорф-на-Винпе, LAN III р 1671/1772).
- 45 Vgl. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 31 f.
- 46 Ebenda; vgl. auch: Der Todesgang..., 4. Auflage 1930, S. XXVI.
- 47 Vgl. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 32 (Todesgang..., 4. Auflage S. XXVII).
- 48 См. воспоминания Визом Ашхе-Лепсиус, LAN XXII. (1668); Hermann Goltz, Erinnerungen an den Vater. Ein Besuch bei Veronika Lepsius: STANDPUNKT, Evangelische Monatschrift, 4. Jahrgang, Heft I (Berlin 1976), S. 18—20, speziell S. 19f.
- 49 Vgl. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 32 f (Todesgang... 4. Auflage, S. XXVII f.).
- 50 Der Orient, 1919, ebenda (Todesgang... 4. Auflage, S. XXVI).
- 51 И. Лепсиус, Мериано, 27.11.1925—А. Меркву, Брюссель (LAN III в 2438).
- 52 Ebenda. Относительно рабочих контактов с М. Миртадяном см. письма М. Миртадяна, Гаага, 17.8 и 26.8. 1917 г.—Лепсиусу (LAN IIIe 1744/1745).
- 53 См. И. Лепсиус, Гаага, без даты (весна 1917 г.—Г.Г.)—барду Джеймсу Брайсу, Лондон, LAN XII 7(1735). Это письмо указывает на внешнепомянутую переписку во время войны между двумя друзьями армян, представлявшими две враждующие нации.
- 54 The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915—1916. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of state of Foreign Affairs. By Viscount Bryce. With a preface by Viscount Bryce. London 1916

(For Official Use. Miscellaneous № 31/1916). Наряду с этой главной работой Арнольду Дж. Тойбе принадлежит приложение на с. 591—653. A Summary of Armenian History up to and including the Year 1915.

- 55 Жесткий спор завязался у него с 80-летним авторитетным христианско-консервативным политиком и публицистом д-ром Абрамом Кунпером (1837—1920), который в своем еженедельном политическом выпуске *De Standvaar* пытался препятствовать активной проармянской деятельности Лепсиуса в Голландии. Кунпер являлся основателем свободного университета в Амстердаме (1880), был профессором теологии, церковным и школьным реформатором, руководителем *Gen. reformatie der Kerken*, главным редактором еженедельника *Heruit* и еженедельной газеты *de Standvaar*, в 1901—1906 голландским премьер-министром (см.: Wilhelm Kofhaus, Dr. Abraham Kuiper, 1837—1920. Ein Lebensbericht 2., erweiterte Auflage, Elberfeld 1925). Лепсиус мог в своей проармянской деятельности опираться на представителей голландского либерализма, которые всегда были сторонниками Антанты. Они находились в резком противоречии с Кунпером, который упрямо выступал за Германию, и потому принципиально считал необходимым критиковать деятельность Лепсиуса (о разногласиях между голландскими либералами и Кунпером см.: *W. Kofhaus, Dr. A. Kuiper, S. 221*; о разногласии Кунпер-Лепсиус см.: протурецкую статью Кунпера в *De Standvaar* 20.6.1917; письмо И. Лепсиуса, Гаага 20.9.1917, — д-ру Кунперу (ЛАН XXXIII 1754a). Кунпер—Лепсиусу 21.9.1917 (ЛАН XXXIII 1759 b). В своей статье Кунпер подвергает сомнению данные Лепсиуса, приведенные в „Сообщениях“. При этом против воли Лепсиуса придает гласности его деятельность и распространяется о том, что ширится в Голландии армянская кампания исходит от д-ра Лепсиуса (см письмо И. Лепсиуса, Гаага, 11.10.1917) д-ру А. Кунперу (ЛАН XXXIII 1759g) и открытку с обвинениями Кунпера Лепсиусу 13.10. 1917 (ЛАН XXXIII 1759h). Наряду с этим появляются инспирированные Лепсиусом проармянские статьи в более либеральной голландской прессе: в *Nederlander*, в *Leidsch Dagblad* и других газетах. Голландские друзья Лепсиуса распространяют также составленные им прокламации на голландском „*De Deportatie der Armeniërs in Turkije*“ (ЛАН II g 1713).
- 58 См. тайное сообщение И. Лепсиуса, Гаага, 17.11.1917—голландскому проармянскому проповеднику Г. Коффийбергу, Мундербег, а также Кунперу от независимой *Geneformateerde Kerken* о том, что первая часть его (Лепсиуса) «Сообщения» от 1916 («Факты, с. 3—152») в настоящее время переводится на голландский и что у него есть намерение «переслать этот документ всем проповедникам в Голландии» (ЛАН XXXIII 1764a). Перевод на голландский причина Лепсиусу немало хлопот, так как переводчик допускал ошибки. Сочинение появилось в июне 1918 г. под названием „*Nederlandsche Comité voor Armenië. Marteling der Armeniërs in Turkije naar berichten van ooggetuigen. Vtig. door het Nederlandsche Comité tot Leijbetoon aan de noodlijdende Armeniërs, Haarlem: E. Loojtes 1918 (250 S.)*. См. также немецкий вариант татуального листа и содержания (ЛАН III d 1714).

- 57 См. фрагментарное собрание материалов по этой теме в ЛАН IIIд (1716), среди них набросок «Лига возрожденный армянского народа», принадлежавший перу И. Лепсуса.
- 58 См. весьма показательное письмо И. Лепсуса, Потсдам, 16.10.1923 г.— армянскому историку, проф. Айвазу Хабешиану, Париж (ЛАН IIIе 2247/2248). Уже во время войны Лепсус разработал план образования международного общества под названием „Ligue de la réhabilitation de la nation arménienne“. Программу он передал из Голландии через Агатона Погосу Нубар-паше. После войны Лепсус считал нежелательным, чтобы инициатива образования лиги исходила из Германии. Поэтому он обратился к своим друзьям в Дании, чтобы и эту идею и программу лиги выдвинули в Лондоне, Париже и Женеве. Карен Йенпе, его близкая соратница, сама взялась за реализацию этого плана в Базеле и Женеве. Через несколько недель после посещения Карен Йенпе Швейцарии в Женеве была образована международная лига помощи армянам (10—11.9.1920). Ее программа не совсем соответствовала программе Лепсуса (см. также высказывания И. Лепсуса в его письме, Потсдам, 26.11.1924 г.— руководителю датских друзей армии Ааге Мейеру Беведиктсену (1866—1927), Копенгаген (ЛАН IIи 2351).
- 59 *J. Lepsius, Das Leben Jesu, Potsdam; Tempelverlag, I. Band 1917, 2. Bd 1918.* Оба тома напечатаны De Erven Loosjes, Haarlem, так же как и голландский перевод его „Сообщения“. (См. выше, прим. 56).
- 60 *Prinz Max von Baden, Erinnerungen und Dokumente, Berlin und Leipzig, S. 77, Anm. 1.*
- 61 *John Bull. Eine politische Komödie von Johannes Lepsius. Potsdam; Tempelverlag, 1919.* Комедия появилась в марте 1915 г. и была опубликована сначала в ежемесячнике *Der Panther*, 3. Jahrgang, Heft 4 (April 1915).
- 62 *Jesus at the Peace Conference. Minutes of a Meeting of the Council of Three. Published by J. Lepsius D. D., 1. Auflage Holland, 1919.* Английские друзья Лепсуса, руководители оппозиционной Union of Democratic Control, среди которых было много английских друзей армян, „с удовольствием напечатан эту сатиру в своем еженедельнике Foreign Affairs (И. Лепсусе, Берлин, 18.2.1920.—В. Мюллеру Кюлентаалу, Голландия, L-AN IIn 1911).
- 63 Отец И. Лепсуса, известный египтолог Карл Рихард Лепсус (1810—1884), был близким другом прусского посла Кирас Ионнаса Фрайгерра фон Вункен, который в своем англофильстве шел дальше, чем это позволялось прусским королем. Нельзя забывать и постоянное тесное сотрудничество И. Лепсуса с теологом д-ром Фридрихом Зигмундом-Шульце, который, в отличие от других известных германских деятелей, постоянно боролся против военно-националистической истерии первой мировой войны.
- 64 См. выше, с. 140.
- 65 См. письмо И. Лепсуса, Потсдам, 19.5.1919—проф. А. Вехессеру, Каратруэ (ЛАН IX 3(1854).
- 66 См. содержательное письмо А. Исаянги, Женева, 10.6.1949—И. Лепсусу, Потсдам, (ЛАН IIIе (1858).

67 К процессу см.: Der Prozeß Talaat Pascha. Stenographischer Bericht über die Verhandlung gegen den des Mordes an Talaat Pascha angeklagten armenischen Student Sohomon Teilirian vor dem Schwurgericht des Landgericht III zu Berlin. Aktenzeichen: C. J. 22/21, am 2. und 3. Juni 1921. Mit einem Vorwort von Armin T. Wegner und einem Anhang. Berlin 1921. (Экспертное заключение Лепснуса—с. 56—61; См. также переводы, среди них и армянский перевод документов процесса); далее—документы многогранных и широких контактов Лепснуса до и после процесса (LAN IIg); совершенно неизвестно журналистское произведение, которое известный и вызывающий горячие споры Максимилиан Гарсен, принадлежавший к кругу литературных друзей Лепснуса, поместил через день после приговора в своем еженедельнике (M. Harden, Teilirian Die Zukunft. Herausgeber M. Harden, Berlin, XXIX Jahrgang, № 36, 4.6.1921, 273—294). Только недавно стало известно, какое большое значение имел этот процесс 1921 г. и для новой истории Германии. Среди публики на процессе сидел молодой студент-юрист, еврей немецкого происхождения Роберт М. Б. Кемпнер, в 1945 г.—заместитель главного обвинителя США на Нюрнбергском процессе военных преступников. В 1978 г. 80-летний Кемпнер убедительно засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что процесс против Согомона Тейлириана был для него первым примером судебного дела о преступлении против человечности, который может служить образцом не только для Нюрнбергского трибунала, 1945 г., но и для борьбы со всеми подобными преступлениями. (См. R. M. W. Kempner, Ein Jude kämpfte für die Rettung von einer Million armenischer Christen. Die Taten des Henry Morgenthau sen.: EMUNA, Israelforum, Heft 3, BRD 1878, S. 34—36.)

68 См. выше, прим. 42.

69 Во время заседания ассоциации помощи Ближнему Востоку в Женеве 29—31.8.1924; см. Der Orient, Jahrgang 1924, S. 74.

70 Там же. Краткую автобиографию Кюндлера (1871—1949), верного соратника Лепснуса, который с 1899 г. работал в Урфе, был там и в страстные годы—1915 и 1916, а в 1922 г. во время трагичного исхода из Турции, когда Near East Relief должна была перевезти 25000 армянских и греческих сирот на Кавказ, в Персию, Грецию, Сирию, Ливан и Палестину, провел транспорт с более чем 8000 сирот из глубин Турции к Багдадской железной дороге и дальше в Сирию и Ливан, см.: Der Orient 1924, S. 75; Meyer, Armenien und die Schweiz, S. 133, 140—142; см. также: Der Orient, Jahrgang, 1925, S. 7—8; Jacob Ahrzler, Im Lande des Blutes und der Tränen. Erlebnisse in Mesopotamien während des Weltkrieges Potsdam, 1921. Эвальд Штар, один из руководителей германо-армянского общества, писал в Christlichen Welt (Jahrgang 36 (1922), Seite 157), что эта книга имеет „документальную ценность“, т. к. составитель был единственным нейтральным человеком, который пережил ужасные события в Месопотамии от начала до конца. Книга, по мнению Штара, является „лучшей илль с ранее собранна докумен об Лепснуса „Германия и Армения“; тот, кто хочет судить о депорта-

нии армян, дойти прочитать обе книги». См. также: Kōbi der Lückenbüßer im Dienste des Lebens. Selbstbiographie von Dr. med. h. c. Jakob Künzler, herausgegeben von Paul Schütz, Stauda—Verlag Kassel, 1951; Kōbi—Vater der Armenier. Selbstbiographie, bearbeitet von Paul Schütz, 3. Auflage, Kassel Stauda—Verlag 1967. Для оценки влияния деятельности Лепснуса показателем тот факт, что Күнцлер вместе с некоторыми старыми рабочими из Урфы вновь основал в Газире (Ливан) фабрику ковров, в свое время перенесенную Лепснусом в Урфу (см.: J. Künzler, Obannes. Aus dem Leben eines arabischen Färbers in Ghazir, Potsdam 1926). В конце 90-х годов он получил от ливанского национального собрания „Серебряную медаль Республики Ливан“, так как, благодаря значительному расширению, производство ковров в Газире приобрело для республики хозяйственное значение (см. Mitteilungen der Deutsch—Armenischen Gesellschaft a. V., Berlin, № 1, Juni 1928).

- 71 О Карен Йенпе (1876—1935) см., к примеру: Ingeborg Maria Sick, Karen Jerpe. Im Kampf um ein Volk in Not. Deutsche Übersetzung von Pauline Kläber—Gottschau, Stuttgart (1929); Jakob Künzler, Dein Volk ist mein Volk Das Lebensbild einer Heldin seltner Art, der Dänin Karen Jerpe. Verlag von Heinrich Majer, Basel und Leipzig, 1939; Alfred Otto Schwede, Geliebte fremde Mutter, Karen Jerpes Lebensweg, Berlin (1974), также статью Карен Йенпе в Der Orient и переписку между Карен Йенпе и И. Лепснусом и его семьей в разных отделах ЛАН.
- 72 См. *Fridtjof Nansen*, Bedrogenes Volk. Eine Studienreise durch Georgien und Armenien als Oberkommissar des Völkerbundes. Leipzig 1928, S. 308ff. В своем обращении великих держав, которые не сдержали обещаний, данных армянам, Нансен выступает как воскресший Лепснус.
- 73 См. важное письмо Карен Йенпе, Алеппо, 27.4. 1922,—И. Лепснусу, ЛАН XVII (2123), в котором она, между прочим, пишет: «По-моему надо постараться, чтобы армяне могли уйти отсюда (из Сирии), и мои мысли постоянно тянутся к Кавказу, это для меня самое естественное. Присоединение к России самое правильное для армян. Что ты думаешь об этом?... Я бы очень хотела знать, для какой цели ты работаешь, т. к. в конце концов мы определенно будем идти вместе... Но если кто-нибудь спросит о моем сердце, то оно на Кавказе...».
- 74 См. письмо А. Зорьяна, владельца органа Советской Армении в Берлине, Берлин, 28.II.1924.—И. Лепснусу, ЛАН IIIe (2355): приглашение на празднование 4-летнего юбилея образования Советской Армении 1.12.1924, в ч., вечера в отеле Дайчентоф; см. также письмо И. Лепснуса, Потсдам, 20.I. 1925,—Гречки Тер-Нерсисяну, Париж, ЛАН IIIe (2381), где Лепснус сообщает о визите А. Зорьяна вместе с его женой и сотрудницей в Потсдам.
- 75 См. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1925, 141—144 о посещении армянской советской делегацией Берлина; см. также письмо д-ра Джеймса Гриффилда, Берлин, 25.II.1925,—д-ру И. Лепснусу Мерано, ЛАН IIIa (2436), в котором Гриффилд, шеф «Армянского ответственного учреждения в Берлине» и

бывший представитель Армянской Республики при германском правительстве, сообщает о своем тесном контакте с советской армянской делегацией «НОК» из Еревана и об их отношении к И. Лейбнусу.

76 См. протокол об образовании ЛАН IIг (2419).

77 См. письмо И. Лейбнуса, Мерано-Обермайс, 28.1. 1926—в правление Его королевского высочества принца Фридриха Леопольда Прусского, Кляйн Гланнике, Алтес Шлос, ЛАН IIг (2469).

ՀԱՅՆԵՐՆԻՑ ՓՈՆԱՌՅԱԼ ԲԱՆԻՐԸ ԱՐԴԻ ՔՈՒՐՔԵՐՆԵՆՈՒՄ

ժամանակակից թուրք գրականությունից և մասամբ թուրքական արդի բառարաններից զուրս գրած հայերենից փոխառյալ բանավոր և գրական փոխառությունների քանակը բավականին մեծ է: Գուցե զարմանալի թվա եսև այն հանգամանքը, որ հանրապետական թուրքիայի վերջին հիսուն տարիների ընթացքում, աճում են հայերենից կատարված գրական փոխառությունները: Դրա գրգռապատճառներին կանգնողականք քիչ ավելի ուշ, նշենք միայն, որ թուրքական գրականությունից մեր զուրս գրած բառերի քանակը, առ այժմ, հասնում է 223-ի: Դրանք ստորև ներկայացնում ենք ըստ քննազավառների:

1. Երկրագործական (և դրան հարակից) բառեր, թվով՝ 32:

Ամենաշատ փոխառությունը, ըստ մեր կազմած բառացուցակի, երկրագործության և հողամշակության վերաբերյալ բառեր են, և դա պատահական չէ: Արևմտյան Հայաստան ներխուժած վաչկատուն ցեղերը, նստակեցության անցնելուց հետո, հողամշակությունը սովորում են հայերից, քանի որ վերջիններս իրենց քնորրանում վաղուց արդեն հմտացել էին անասնության այդ մասում: Երկրագործական գործիքների և միջոցների հետ մեկտեղ երկվոր թուրքերը նույնությամբ կամ հեշտանական տարբերություններով փոխ էին առնում այդ գրադմունքի հետ առնչված բառեր. դրանք են՝

ակոս > ազոս/հազոս, առատամ > արազամ/արազան, արոս > արոս (հարոս, *գութան > քութան, գործնոր > քորզնիլ, խարազան > հարազան (խորզնատն իմաստով, նաև՝ խարազանի հոտազ > հարազան հոգազը), խորիկ > հորիք, *խոփ > հոփ, *հերկ > հերք, հորովել > հորավել, *հոտազ

* Առաջանիշք կրողներն այն բառերն են, որոնք ակազ. է. Անառանի բնական արմատական բառարանումն քննարկված են որպես փոխառյալ բառեր թուրքերենում, բացի՝ սպարտե, սլոս, տուստա բառերից, որոնք փոխառության մասին նշված է նաև հեղինակի բնական բառարանում:

(հոտադի քար) > հոգաք (հոգաք թաշը), *մաճ > մաշ, մաճկալ > մաշքալ, մտակամ > մոզգամ/մոթքամ, փոխնակ > փոխուու, *տափան > թափան, մշակ > մուշաք, հանդ > հանթ, *կամ > գեմ (սիրա, խոտի կապ իմաստով), կամ(ն) > գեմ (կալատեղ իմաստով), կալտավար > գալգավար (տավարի փարախ), *թումբ > թումփ, թեզ > թըզ (շեզշ և արմտիքի կույտ), դեզ > թըզ/թեշ (հացահատիկի, ցորենի գեզ), *ճեկ > չի, *խոզան > հոզան, *ազրուն > աճփուն (գոմաղը), ազուրի > ահուրա (որթի էլուղ), աշարա > աշարա (տարեկան), ոտոզ(եղ) > արբը, *պարան > բարան, *չորս(նոց) > շորս (չորս եզով արոր):

Հետաքրքրական է նշել, որ ներկայացված այս բառերի մի քանիսը թուրքերեն գրական լեզվում ունեն իրենց համապատասխան հունարեն փոխառությունները [26, էջ 84 և 3, էջ 305, 308]. իսկ դա մի անգամ ևս հաստատում է, որ եթե թուրքերը Արևմտյան Հայաստանում երկրագործությունն ընդօրինակել են հայերից, ապա Փոքր Ասիայի արևմուտքում հաստատված թուրքերը՝ հույներից:

2. Կենդանիների (միջատների) անվանումներ և տնտեսապահական բառեր, թվով՝ 19:

անիծ > անըզ, թստան > թսթան (միջատը), *թրթուր > թըրթըր/թըրթըլ, իշամեզու > աշմեզուն(ն), *փեթակ > փեթեք, *բույն > փին, թառ > թար, անաճ > անաշ, բաղիկ > բաղիք, *գոմ > գոմ, գոմեշ > գյոմյուշ, *մոզի(կ) > մոզաք/մոզիք, *էշ > էշեք, *նախիր > նահըր (նախրապան ձկնից՝ նահըրը), *քուռակ > քուրիք/քուրաք, *տավար > դավար, կեր(ակուր) > արուր (անասնակեր), *կոպտեն > գյոֆթյուն, *մուր > մյույուր:

Ինչպես նշում է Նաչի էրենը «Փոշոքների գաղթը» հոդվածում, քոշոքն այն մարզն է, որ իր ապրուստն ապահովում է մանր եղջերավոր անասուններով [31, № 362, էջ 5772]: «Տավար, մոզի, նախիր, գոմ» բառերի փոխառությունը խոսում է այն մասին, որ թուրքերը խոշոր եղջերավորների անասնապահությամբ սկսել են զբաղվել հայերի հետ շփվելուց հետո: Այդ է վկայում նաև պրոֆ. Գ. Ծ. Ծրեմենը «Փուրքերի ծագումը» աշխատության մեջ [2, էջ 308—309]:

3. Թույսերի անվանումներ (միջաբանաբանական), թվով՝ 15:

արած(եղ) > արազ (մի տեսակ խոտ), *անանուխ > աննըթ/անուխ, *ազելուկ > էվելիք, *բազուկ > փեզիք, *բանչար > փանչար, *գրփրեմ > փրփրիթ/փրփրիթ, *կորնգան > քորունգա, թնք > թեզեք, *պատիճ > բաղըլ, սալոր > սալոր (նաև որպես ազգանուն), անկուտ > անգութ, ծիլ/ծլել > զիլ/զիլլենմեք, անտախ > անդաք, արքատ/արգատ > արգըթ (որ-

Քասնկի կորված ավելորդ էյուզերը, մուլ>մուլ (ծառի բնի կողքից ծլած երկրորդական էյուզ)։

4. Եինաբարսւոյան և կացարանի վերաբերյալ բառեր, թվով՝ 24։

վարպետ>բարբեթ, *հիմ(թ)>հիմ, *էյուզ/խուզ>հուզ, մառան>մարան, *մարազ>մերեք, դարակ>թերեք, *գերան>քերան, *մարդակ>մերթեք, *առաստազ>արասթաք, *ձող>զող/սող, *բակ>փեգ, *կափանք>քեփենք, *դուզոց>թըրքազ, սողնակ>զողնա, *գամ>քամա, *քարուկիր>քարգիր, *խիպար>հըրար, որմ>արբմ, պատ/պատել>բաթ/բաթլամաք, *սալ/սալաքար>սալ/սալթաշը, *չրորդան>չրորթեն, ապարահ>արարա, *ազուգա>աքուքա, *գուռ(ն)>քուռնա։

5. Արհեստների և գործիքների վերաբերյալ բառեր, թվով՝ 9։

մուրն>մուր, կեռ>գեր, *կան>քելե, թեշի/թեշիկ>թեշի/թեշիք, առկ(թ)>արգալ, *մազման>մազման, մանած>մանազ/մանը, *խաշիլ>հաշըլ, զող(ել)>զող(լամաք)։

6. Կենցաղային և տնային տնտեսւոյան իրերի վերաբերյալ բառեր, թվով՝ 18։

*իլ/իլիկ>իզ/իլեք, *քարման>քիրմեն, *լող/լողքար>լող/լողթաշը, *թել>թել, *խաշերկաթ>հաշիրգեթ, կթելիք>քաթիլիք, կարաս>քերես, *կուլ/կուլակ>քուլեք, *ճազ>չազ, *պատրույզ>բադուք/բեդիրիք, պարզուն>բարզուն (մաժուն, պանիր քամելու տոպրակ), *սազան>սազան, *տաշտ>թեշթ, *ցախազել>սաքքազուլ, *փարտիլ>փարդիլ/բարդըլ, *չուրթ>չուրթ (թոնրի կամ ամանի), գրտնակ>քիեդիրեք, ևփիլ>էփիլ (կաթսա՝ որի մեջ հոսցնում են կանեփի թելերը)։

7. Սենդեղին, նաչառնեակներ, թվով՝ 16։

ազուն/ազոն>ազուն/ազոն, ապուր>արուր, պազապուր>բազարուր, *բազարը>փագալ, բանդակ>բանդաք, բորանի>բորանի, *գաթա>քեթե, լավաշ>լավաշ, *լոռի (պանիր)>լոր (փելների), կլիկ>զըլիք, *հատիկ>հեդիք (խաշած ցորեն), *լուզ>լազ, *լիբ>լիբ, *լորթթու>լորթութու, *սոխարած>սոխարալ, *պաստեղ>բասթըք։

8. Պարառնեակներ (երգեր), թվով՝ 25։

*պար>բար, հորան>հորան/հորոն, մի շարք պարեր՝ աղլիկ>անլըր, պարանգ>բարդըզ, շափ>շափ, լավիկ>լավիք, պատրույզ>բեդիրիք, պգտիկ>բեդդիք, գարա>եքե, առառու(ս)>զուզու(մ), դուզումաման, վարդավառ>վարդիվոր, գե շորորա>գեփ շորորա, հոյ նար>օյնար, քաղոց>քաղոս, գովենք>գլովենք, քաշենք>գաշենք, գութանապար>քոթանապար, քեշիլ>քեշիլ, քունչութ>գոնչութ, ծագիկ>լափիք/լեփիք, տանըլորս>գաննիլորս, պոչ>փյոչ, պոչիկ>փոչիք, վար-

ձակ> վարսաղը. ինչպես նաև հայկական անձնանուններով և տեղանուններով պարեր-պարերգեր՝ Գլուժրի պար, Համշենի հորան, հին Համշեն (էսքի Համշեն), Տյուրիկ, Մարո, Քելլո:

(Վերևում ընդգծված բառերը արված են տարբեր բառախմբերում՝ իրենց բառարանային իմաստներով և որոնք հետագայում զեղչված են փոխառյալ բառերի գումարից):

Սկսած այստեղ բառից, որն ի հենուկա պարարվեստի ուսուցիչ և «Պարեր» («Barlar») գրքի հեղինակ Ս. Ց. Աթամանի, ո՛չ թե բնիչին ասիական [22, էջ 27], այլ հնդկարտական-հայաստական ծագում ունի [25, էջ 108], Հայկական անվանումներ կրող պարատեսակների, պարերգերի այսցան նոխ յուրացումը (որը մեր ցանկում ամբողջական չէ հավանաբար) հարևան թուրքերի կողմից, ցանկանում ենք հանձնել մեր երգարվեստի և պարարվեստի մասնագետների ուշադրությունը: Մասնավորաբար տերմինի բարլարը—«Հայկական պարեր» բառակապակցությունը՝ որպես խմբական պարանուն, որին մենք հանդիպել ենք [31, էջ 7979], պեճախոս ապացույց է այն մասին, որ թուրքերը բազմաթիվ պարեր սովորել և օրինակել են հայերից, որոնց մի մասը նըշված է վերևում: Եվ ոչ միայն հայերից՝ այլև հարևանությունը ապրող լազերից, հույներից և մանավանդ քրդերից: Թվում է, թե՛ «Բասսոս», «Հելլոսթոս», «Ջենլոս», «Քյուրդյուն քրդը» («Քրդի աղջիկը»), «Քյուրդ հալաբը» պարանունները այդ են հուշում: Մենք շեշտեցինք այս հանգամանքը, քանի որ թուրքերից միշտ զգային բնավ դուրս եկած պարախմբերը այս բոլորը թուրքական արվեստ են ներկայացվում օտարների:

9. Տարբեր բնույթի քառեր, թվով 63:

աղչիկ> ահլըթ, աղա>ղըղա, եղբայր>ահբար, *թոռ(ն)>թորուն, պզտիկ>բըղըթ, *թագավոր>թեթֆուր, *թավոր>քիրվե, *տուտու>դուդու, *մորուք>մորուք, *կուլիկ>զուլիթ, *ֆեթի>փընթի, *մամկուշ>զանզու, *խաշ>հաշ, կաթողիկոս>թաթաղիթոս, վարդավառ>վարդիվոր, *շալակ>շելեթ, *պուշ>փուշ, *պուշիկ>փուշուք, *ապրիլ>արբըլարբիլ (ամիսը), ապրիլ>արբիս, մայիս>մայրս, ապուշ>արուշ, *ավանակ>ավանաթ, կոտուշ>քոքոշ, տանհինգ>դասնիթ, պակաս>բաթաս (պակասամիտ), *կոպիտ>քուրաթ, *շիլ>շիլ, կոտ/կոտիկ>քոզ/զոզիթ, կուրիկ>զուրիթ, *շինիկ>շինիթ, *անդունդ>թանթուն, *կապան>քեքեն, անթեղ>անթըղ, *մոծիր>մըչըր, երա>արբթ/օրդ, զնդակ>զընթաթ, *տեփուր>թեփիթ, լափունկ>լեփիփթ (տափակ քար), լիկ>լիղ, *շեն>շեն, *շիվ>շիֆ, աշուղ>աշուղ, անիծած>անիզազ, *անուշ>անուշ,

անոշ, նար > չար, *փշուր/փսոր > փշուար, *փերթ > փերթը, *փոթ > փոթ, ալմանդ > ալմաթ, *անարատ > անարաթ, *դատարկ/դարտակ > զեր-
 դեր, խանութ > հանութ (նակ՝ «հանութչու», միշնորդ իմաստով), *խավ >
 հավ, մեկ > մեր, *չափ > չափ, *չերմուկ > լերմիք, *օրինակ > օրենք, հա-
 կառակորդ > հազարագորդ, փոթորիկ > փեթիբիք, *սարփինա > սերփենն,
 մրուր > մուրուր, *փարթ > փարթ (քաղիթ, փորտաիք):

10. Մի Իանի դարձվածքներ և բառարարդարյուններ, թվով՝ 12:

ազը քիչ < չաա քիչ, ափազ < ափ + աչ, անղըրա քալասը < *անտեր
 մնաս, զրբզրբին կերթաս < ժրզուր կերթաս, ոչինչ էլ չես կարող անել:
 իմաստով), ջրբբթը < ճրպտ/ճալտա, չերմաք լուր < ճերմակ լուր, մա-
 դիք աթմաք < մատիկ նետել, մեղա ասվազ < մեղա աստված, բաշ էթ-
 մեք < պաշել/պաշ անել, զրիզրլամաք < զլտորել, հանզո < ծո՞, ա՛յ տղա,
 արուր ջուրուր < ապուր ճուպուր:

Քյուրիմացու թյունների տեղիք լատելու համար, նշենք, որ մեր ներ-
 կայացրած բառերից 51-ը պահլավական, ասորական, խեթական, հու-
 նական, արարական, կովկասյան և այլ ժազում ունեն: Մական նախ-
 քան հայ և թուրք ժողովուրդների հարաբերությունները, դրանք անցնել
 են հայերեն լեզվի բառաֆոնդը: Հետևաբար, այդ բառերը անմիջական
 փոխաստիճյուններ են հայերենից՝ թուրքերենում:

«Պարատեսական» բառախմբում կրկնված 10 բառերը զեղչելուց
 հետո, մնացյալ 223 բառերը մենք դուրս ենք գրել օգտագործելով արդի
 թուրք գրականության մաս 80 ազբյուր: Ակադեմիկոս Հ. Աճառյանը,
 որն օգտվել է միայն հայկական ազբյուրներից, դրանցից 111-ն արդեն
 քննարկել և ստուգարանել է «Հայերեն արմատական բառարանում»
 [33]: Ուրեմն, մեր պրպտումների շնորհիվ փոխասոյալ այդ բառերի
 քանակն ազելանում է 112 բառով ևս, որոնց մեծագույն մասը թուրք
 գրականության մեջ սկսել են մուտք գործել երեսնական թվականներից՝
 օտարամուտ բառերը թուրքերեն լեզվից զտման տարիներից, 1979 թ.
 թուրքերեն լեզվի միության նախաձեռնությամբ վեցերորդ տպագրության
 արժանացած, և հետևաբար, ամենից հավաստի «Պուրքերեն լեզվի (բա-
 ցարական) բառարանում» [35], մեր հավաքած 223 բառերից կա
 միայն 89-ը, սակայն դրանցից նշված է միայն երկուսի՝ «խաշ» և
 «ժամկոչ» բառերի հայկական ժազումը: Հայազգի բառարանագիր Փարս
 թուղլաշըի (Բարսեղ թուղլաշյան) 1978 թ. երկրորդ տպագրությամբ
 լույս ընծայած վեցհատորանոց և նույնքան հավաստի ու բարձրարժեք
 «Ուղկիանոս թուրքական հանրագիտական բառարանում» [34] մեր թվար-
 կած բառերից կա 93-ը, որոնցից միայն 29-ի կողքին է նշված հայկա-

կան ծագումը: Նշանակում է, հայերենից փոխառյալ բառերի բառարանային շրջանառությունն արդեն հասնում է բավականին նշանակալիք քանակի:

Քվական այս տվյալների հիմքի վրա ինչպիսի՞ ընդհանրացումների և կերակացությունների կարելի է հանգել՝ թուրքերենից հայերեն և ապա հայերենից թուրքերեն փոխառյալ բառերի այսմյան քանակի վերաբերյալ:

Ինչպես ակադ. Հ. Աճառյանն է նշում, տարրեր ժամանակաշրջաններում և տարրեր վայրերում, հայերենում թուրքերենից բանավոր փոխառությունների քանակը հասել է 1000—4000-ի [1, էջ 272], սակայն, XIX դարի կեսերից հետո, հայ ժողովրդի մշակութային նոր զարթոնքին զուգահեռ, բոլոր այդ բառերը մերժվել են հայերեն գրական լեզվից, որոնցից 220 բառն օգտագործվում է այժմ [նույն տեղում] (մենք, անշուշտ, այս հաշվի մեջ չենք մտցնում աղբրեղաններից փոխառյալ բառերը): Իսկ դրա փոխարեն, թուրքերեն գրական լեզվում ներկայումս շատանում է հայերենից փոխառյալ բառերի քանակը: Դրան նպաստում է բնարագատ թուրքերենի շարժումը, որն սկսվել է երեսնական թվականներից և որի հիմնական նպատակն է՝ թուրքերենից արձատապես արտաքսել նախկին արաբա-պարսկական փոխառությունները: ԵՄաքրամուլությունն այդ շարժումը շարունակվում է առավել բուռն թափով, ԷՃետազոտելով հին լեզվական հիշատակարաններ,—գրում է թուրք լեզվաբան Հմին Օզդեմիրը,—մեր լեզուն հարստանում է կարևոր մի նախաձեռնության շնորհիվ և վերագտնում իր լեզվական հարազատ արժեքները: Սկսած XIII դարից, ուսումնասիրվել են թուրքերեն լեզվով գրված 227 երկ: Ժողովրդական խոսվածքներից քաղված այդ բառերը, ներառելով բառարանների մեջ, դրանք ներկայացվում են նրանց, ովքեր սիրում են թուրքերեն լեզուն և ցանկանում օգտվել այդ բառական գանձարանից [30, № 222, էջ 85]: Համանման միտք է արտահայտում քերականագետ Քեմալ Դեմիրալը. ԵՏնդական խոսվածքներում,—գրում է նա,—կան այնպիսի բառեր, որոնք օգտագործվում են երկրի մի որևէ շրջանում, մեկուսացված են խոսված վայրերում և զենևս չեն օգտագործվում ժողովրդի լայն շրջանակների կողմից: Այդ բառերը հավաքում են և ներկայացնում նրանց, ովքեր ցանկանում են օգտագործել: ԵՄՖ բառն ընդունելություն է գտնում, լեզվի բառապաշարը հարստանում էս [5, էջ 139]:

Այսպիսով, Անատոլիայի տարրեր շրջաններից և տեղական բարբառներից քաղված այդ բառերը, որոնք նախ ամփոփվում են գաղա-

ռական բառարաններում, ապա տեղ են գրավում առավել զանգվածա-
յին ապացանակով լույս տեսնող բառարանների մեջ, հետզհետե մըտ-
նում են ընդհանուր լեզվի բառաֆոնդը և օգտագործվում և՛ խոսակցա-
կան, և՛ գրավոր լեզվում: Գրանցից են, օրինակ՝ հայերենից փոխառյալ,
հերթ<հերկ, քիրվե<քավոր, լիզ<լիկլիճ և հեղիթ<հատիկ բառերը,
որոնք ներմուծվել են 1979 թ. Քուրքական բառարանի 6-րդ ապա-
գրության մեջ [35], այնինչ, դրանք լիան նախորդ հրատարակություն-
ներում:

Այն բնորարանությունները, որոնց մի մասը, եթե մի կողմից
ստեղծվում է քուրքերեն լեզվի ներքին հնարավորություններով, մյուս
կարևոր մասը ներմուծվում է Միջին Ասիայի քուրքախոս ժողովուրդ-
ների լեզուներից, և մասնավորաբար, Անատոլիայի և Արևմտյան Հա-
յաստանի տարրեր շրջանների խոսվածքներից: Եվ հենց այս շրջանների
խոսվածքներում է, որ որոշակի տեղ են գրավում հայերենից փոխառ-
յալ բառերը, որոնք լայնորեն օգտագործվում են նաև դավառային շր-
ջանների կյանքն ու կենցաղը պատկերող գեղարվեստական երկերում:

Մեր հեռքի տակ գտնվող քուրք գրականությունից հավաքած 223
փոխառյալ բառերը դեռ մի մասն են այն ընդհանուրի, որն օգտագործ-
վում են Քուրքիայի զանազան շրջաններում: Մեր ներկայացրած բառերի
մեջ չենք ներմուծել շ. Աճառյանի արմատականում քննված ևս 122 բառ,
որոնց մեծք չենք հանդիպել մեր ընթերցած գրականության մեջ, որոնք
չկան նաև արդի քուրքական բառարաններում, և դրանք ընդհանրապես
վերաբերում են քանավոր փոխառություններին: Եռյն շարքին են պատ-
կանում լամիլ>լեմիլ, հեծան>հեզան, փունչ>փունչ բառերը, որոնք,
1980 թ. օգոստոսին Անտիոքից հյուսիս եկած պ. Խ. Գաղջյանի հավաս-
տումների համաձայն, մեր քված մոտ 30 այլ բառերի կողքին այժմ
օգտագործվում են շրջանի քուրքերի կողմից:

Չանց առնելով քանավոր փոխառությունների 129 բառ (որոնց
զգալի մասն օգտագործվում է քուրքական գեղարվեստական արձակում),
ներկայացնում ենք միայն գրական-բառարանային փոխառությունների
94 բառ՝ համապատասխան քուրքական աղբյուրներով:

Քուրքական գրականությունից վերցրած և ընդգծված փոխառյալ
բառն իր մեջ բովանդակող նախադասությունները տրված են քուրքերեն
լեզվով, որոնց հայերեն թարգմանություն կողքին նշված է աղբյուրը՝
ըստ «Մանրագրություններ»-ի: Քուրքական երեք բառարաններից
ցույց գրված փոխառյալ բառերի նշանակությունները տրված են հայե-
րեն թարգմանությամբ:

Բառերի ծագման և ստուգարանութիւն համար, մի շարք հայերէն և օտարալեզու բառարաններում որոնումներ կատարելուց հետո, հիմնականում մեզ ուղեցույց ենք ընտրել ակադ. Լ. Աճառյանի «Հայերէն արմատական բառարանը»:

94 բառերից (որոնց 44-ը հայերէնից փոխառու է են նաև տարրեր լեզուներում՝ քրդերէնում, վրացերէնում, պարսկերէնում և այլն) 46-ը հնդկարուական ծագումով ընկն և կամ ածանցազոր ու բարդ հայերէն բառեր են, 21-ը հայերէնում հնում փոխ առնված բառեր, իսկ 27-ը չմեկնված բառեր, որոնցից 10 բառ Փարս Թուղլաշէի «ՅՅթյանուա» [34] բառարանում նշված են հայկական ծագումով:

Ահա այդ 94 բառերը՝ այբուբենական կարգով.

անահ>անաչ. [Çoban] koyunları otarırken bir gün anaç koyunu sagına getirir, —* [Հովիվը] մի որ. ոչխարներին արածելիս, մի անահ ոչխար է սերում, աչ կողմը դնում» [31. № 347, էջ 8351]:

«Ահալա բառը Թուրքերէնում բազմիմաստ բառ է. 1) ծննդաբերելու ի վիճակի մայր, անասուն, մրգատու ծառ, 2) միջին տարիքի հասուն կին, 3) բնավորութիւն մը և կազմով՝ մոր նմանվող, 4) խոշոր, զախացած, 5) ծերունի, 6) մայրացած, շատ վառնկներ ծնած հավազգի, թառն և կաթնատու անասուն, որն այլևս ծննդաբերելու կարողութիւնից զրկված է, 7) շամուանցած, ծերացած կույս, և այլն [34, 35, 36]: Առաջին երեք իմաստներով Թուրքերէն բառ է, որ կազմված է an+ç (անա+չ)՝ մայր և չ գոյականակերտ ածանցով [10, էջ 41] և համապատասխանում է առաջին երեք իմաստների բացատրութիւն: Հաջորդ 4, 5, 6 և 7-րդ իմաստներով համապատասխանում է հայերէն «անահ» բառի միատական առումներին, և այս դեպքում, փոխառութիւն է հայերէնից:

անզունդ քանքուն. ասպանել, բռնաբանել և քանքանքել են թարգմանել իմաստներով օգտագործվում է «թանթուն» զիջմբը—«թանթունի զնալ» (տանգունդը ընկնել) գարնվածքում [34, 35]:

անիծ>անըզ. անիծ ոչիլը. հունձից հետո խոզանների վրա գոյացող և մարդկային մարմնի վրա ջոր առաջացնող փոքր միլիատ [34, 35, 36]:

անկուտ/ի/>անգրք/անզուղի/անզուր. 1) քրդի նմանվող, կզմինարագույն, վայրի թռչուն, որը կարելի է ընտանեցնել, 2) ասպնազուր, ապուշ, անբան» [34, 35], 3) ամի անսակ առանց կորիզի (անկուտ) Թուրք [36]:

անուչ>անուչ/անուչ. ասիրելիս, բմտերիմ» [33]: «Bir az daha da-

yan, anoy, dedi Dilan" — Մի քիչ էլ համբերիր, անոշ, — առայ Դիւանը | 19, էջ 8 |:

աշուղ > աշուղ. «Հայ ժողովրդական բանաստեղծներին արված անուն» [24], «Ermeni Aşug'larının isimleri ve kullandıkları musiki aleti». — «Հայ աշուղների (աշուղների) անուններն ու նրանց օգտագործած նվագարանները...» [13, էջ 268]:

ապարան > արարա. «չրի ճանապարհ՝ արտերի մեջ» [36],

ապուր > արուր. օգտագործվում է «արուր շուրուր» արտահայտության մեջ՝ խառնիխուռն կերված բաներ, տեղի անտեղի խոսք, գործ, արարք իմաստներով [34, 35], նաև՝ պաղապուր > քաղարուր. «Նորուց և ծեծած ցորենից պատրաստվող, խլուրի նման թանձր ճաշ. հարիսա» [36, հ. II, էջ 473],

առաստաղ > արասրաք. հ. ծ. ք. [34], «Dam kesiklerine arastak da denir» — «Կտարի գերաններին առաստաղ էլ են ասում» [23, էջ 92], Տե՛ս նաև «ժարագ» բառը:

առեղ/ք/ > արգալ/արգիլ/արքալ. 1) *Arkaç*: Dokuma tezgâhlarında enine atılan iplik — «Հլուսվածեղենի զազգահներում լայնքին ձգվող գերանին առեղ ասում են» [10, էջ 41], 2) «Հլուսվածեղենի զազգահներում ժազոզի մեջ զրված գերանը» [36]:

ալանակ > ավանակ. հ. ծ. ք. [34], նշանակում է «քուռակ». «փխր, «հեշտ խարվող, միամիտ, անբան» [34, 35], «Elinin körüydü, avanak» — «Գրողի ձոցը, ավանակ» [14, էջ 7]:

ափ > ափազ. 1) հ. ծ. ք. [34], նշանակում է՝ «մի ափի չափով, լիքը բուռն», 2) *Hapaz, apaz* (Erm.): Ele geçirilmiş, bahşis — «հափազ, ափազ (հալերին բառ է). ձեռք բերված սրէ բան, նվեր (ժաղարիչ)» [31, № 309, էջ 7289], 3) ափազ՝ նշանակում է «ապտակ» [36]:

Գազառական թուրքերենում «ազ» նշանակում է՝ «մի բանի ներսի կողմը» [36],

բաղիկ > բաղիք. «բաղի, սափ և նման հավազգիների հուտ, ձառ» [35],

բազուկ > փազու/փեզիք. «ճակնկեղի տերև» [33, 34], «Bostan pezik değil mi? /Yüreğ ezik değil mi?» — «Մա բազուկի բուստան չէ՞, իսկ իմ սիրտը արտում չէ՞» [31, № 279, էջ 6460],

բանջար > փանջար. հ. ծ. ք. [34 և 2, էջ 308], Տե՛ս նաև «ժարագ» բառը:

բորանի > բորանի «Բրնձոզ և շոմինոզ և կամ նման մի բանջարեղենով, վրան մածուն լցրած նաշառենակ» [34, 35]; «Perper boranına sermişaklı ayran katılır» — «Փրփրեմով պատրաստած բորանով ռա սխորով թան են լցնում» [23, էջ 39];

ե... և բորանին նույնպես պատ օրվա ուտելիք էին [27, էջ 97];
գաթա > քթթ. «Kete: Ekşimiş veya ekşimemiş hamurdan yapılan bir çeşit çörek. Umumiyetle yuvarlak olarak yapılır «Գաթան թթու կամ անթթու խմորով պատրաստվող մի տեսակ կարկանդակ է: Հնդկաստանից կտրուակ է լինում» [31, № 359, էջ 8976]; Որպես պատրաստակ կա նաև՝ «Kete oyunu» — «Գաթայի պար» [31, № 331, էջ 7907];

գամ > քամ. Հ. ժ. ք., 1) «գաշույն», 2) «ծառի բունը ճեղքելու համար օգտագործվող սրածայր, տափակ, լայն գամ՝ սեպ» [34];

գուրան > քուրան. «Nasıl kotan hopu toprağı yarararak eveliğın kökünü ezer, çıkarır, beyliğin de öyle kökünü kazıp çıkarmak gerekir» — «Ինչպես որ գուրանի խոփը հողը ճեղքում և ավելուկն իր արմատով արտում, պսկում է, նույնպես անհրաժեշտ է բելբրի արմատը փորել, տեղից շարտել» [19, էջ 37]; նաև՝ որպես պարասենակ. «Maro ve kotana barları oynayanlar bu gün pek kalmamıştır.» — «Այսօր, Մարոյի և գուրանի պարերը պարողներ համարյա չկան» [22, էջ 55];

գուռ(ն) > քուրն. «Taş kuruna kırk yıllık şarap dökerek» — «Քառասուն տարվա գինին քարե գուռին թափելով...» [31, № 137, էջ 2885];

գարակ > քերք. «Elindeki kurulama bezini ocak gerisindeki ipe astı ve kop—teregin yanındaki aynaya bir göz attı» — «Զեռքի սրբիչը օշախի ետևում գանձող առասանին կախեց և մի հայացք զցեց խուլ (պատի մեջ փորված) գարակի քովը գանձող հայելուն» [37, էջ 32];

գուռագ > քրքառ. «դռան մղչակ, սողնակ» [34, 35];

կղայր > անբար. Հ. ժ. ք., [34];

էլ/իշակ > էլեֆ. [34, 35];

քազավար > քերքուր. Հ. ժ. ք. [34]; «...ayrica, Ermeni tekfuru da...» — «...քաջի զբանից, հայոց քազավորն էլ...» [13, էջ 254];

քել > քել. «գերման, լար» [34, 35]; 1— «Tells: Bitkisel tellerden seyrek örünü büyük torba» — «քաղիք (քաղիք) բուսական քելիքից ցանցառ կերպով հյուսված մեծ տոպրակ է» [23, էջ 87]; 2—

„Elektrik nakleden tellerdeki iplikleri ve kauçukları doyuncaya kadar yedi“ — *Էլեկտրիկ փորը կշտանալը, էլեկտրական հասանք փոխարող լարերի մետաքսներն ու կաուչուկները կերպով...* [31, էջ 34]:

բռն/ն/ > բռնուն. [34, 35]:

բրբուր > բրբբբ/բրբբբբ. „Turtıl da yaprakları yer. Eskiden dalları sallıysarak *turtılı* dökerlerdi“ — *Բրբուրն էլ տերևներն է ուտում: Էնում, բրբուրները վայր գցելու համար նյութերը թափ էին տալիս* [23, էջ 20]:

բկք > քբկք. „İlkbaharda, kışın soğğundan korumak gayesiyle, taşlarla bastırılmış *tevekler* kaldırılır — *Եմարնանը, ձման ջրտեղ պաշտպանելու նպատակով քարերով ծածկված քկքքք բարձրացնում են* [23, էջ 18]:

ծամկոյ > զամկոյ. Կ. ծ. ք. [34, 35]: „Zangoç, çamın iplerini çektiği için“ — *Եծամկոյ է, քանի որ զանգի պարաններն է քաշում*, [9, էջ 28]: „Jamgoç Varujan'ın geldigini gördü“ — *Եճխամ, որ ծամկոյ վարածանը գալիս է* [3, էջ 57]:

իլ/իլիկ > իղ/իլիղ. „Ağırnak: *Iğın* alt ucuna takılan değirmi ağırlık“ — *Էթեշիկ է կոշվում այն բուլբուլակած ծանրաթյանը, որն անցկացնում են իլի ներքեր* [23, էջ 51]: *Էլիիղ՝ քարման է կոշվում այն գործիքը, որի միջոցով բուրդ են մանում* [36, շ. V, էջ 1716]:

լավալ > լավալ. *Էերզրումի և Կարսի ժողովրդական լեզվում՝ թոնրի վրա նվզող բարակ հացին լավալ են ասում* [31, № 178, էջ 3410]: *Տե՛ս նաև լյոռա բառը*:

Քուրքերենում ! (իճւպես նաև չ և շ) տառով սկսվող բառ չկա [24, էջ 26]: *Ըստ այսմ, Քուրքերենում* l-ով սկսվող բառերը, բացի բնածայններից, բուրբն էլ փոխառյալ են օտար լեզուներից:

լիկ/լիկ > լիկ. *Էկամի և ավազի ցեխակույտ, տիղմ, որը բերում և թողնում են հեղեղները* [25]:

լող > լող. *Եբարե գլան, որն օգտագործում են ճանապարհների, կտուրների հողը նշելու, կամ արտերի հողերը սրբորելով հարթելու համար* [34, 35]. „Çaktım dam loglamaya/indim yar yollamaya — *Էելա կտուրը լողով հարթելու ծած իշա լարիս նամփա դնելու* [ժող. երգ]: *Քուրք երգիչ Բուհի Սու-ի երգապահանների ծրարի վրա տղազըրված տողերից՝ Logtağı gibi yuvarlanmaya başladı* — *ԷՍկանց լողքարի պես գլորվել* [20, էջ 312]:

լոռ (պանիր) > լոռ փնջերի. *Եթարմ, փափուկ և անալի պանիր* [34, 35 և 32]: *Zübeyt beyin ortanca karısı bir topak loru, iki la-*

տօս եկմեցի իւր տար զիմ ատի ծնունդս — Եւրոպայի թերի միջնակ կիսը (Նորքից երկրորդը. ՅՅԹ. Ե. Ա.) երկու լավաշ հացի հետ մի գուհոյ լոսք են հանելու պես երա առաջը դրեցա [1, էջ 77]:

խաշիլ > փաշիլ. ԵՏեքստիլագործութեան մեջ ազտագործվող ալյուրի կամ շրեշի լույծա [34, 35]:

խաշ > հաշ. հ. ծ. ք. [34, 35]: „Altın haça elimi basarım“ — Եսուկն խաշի վրա մեղքս կշեմեմ [11, էջ 63]: Պատմական երկերում սգտագործվում է Եհաշիլը սեփեբիլերի — Եխաշակիրների արշավանքների, իսկ գազաններում խաշերկար > մաշիլոգն քաղը [31, № 245, էջ 5402]:

խազ > հազ. Եհերպաշների և թավշյա կտորների մակերեսին վրա նուրբ, քարակ ազվամազ [34, 35]:

կամ > քեյի. „Halı yayılmazsa, yerine keçe ve palaz, ya da killim veya cicim serilir“ — Եթե գորգ չեն փռում, գրա փոխարեն քաղիք (կամ) կամ փայտ և կամ կապերա կամ մեմիլ ևն փռում [23, էջ 6]: Տես նաև՝ Եպոլիկ > քաղը:

կարաս > քեբու. ԵՄեծ և խորը քարենավ (խավյակ) [34, 35]. „Hamur kersen!“ — Եհմորի կարաս [31, № 189, էջ 3515]:

կափանք/փականք > քեփեք. հ. ծ. ք. [34]: Ե...akşam üstü dükân kaparken... kepenkleri indirdi“ — Ե...երեկոյան, խանութը փակելիս... փականքները (փեղկերը) իջեցրեցա [21, էջ 52]:

կապիա > քուրաք. հ. ծ. ք. [34]: ԵKarı benden cahil, üstelik hübat* — Եկիսը ինձանից էլ ազիւ է, առավել ևս կապիւ է [14, էջ 15]:

կապան > քուրքուր. ԵԱրշաաններին արվող բամբակի կամ շուշմալի սերմերի մնացորդ. կեր [34, 35]:

կուլա/կուլակ > քուլիք. „Fillito'nun anası köpüklü süt külegini evin köşesine koydu“ — ԵՖիլիթուի մայրը, փրփրալի կաթի կուլան գրեց տան անկուհու [18, էջ 159—160]:

կտառ > քոզոյ/զոզոյ. հ. ծ. ք. Եեղջյուր և փխր. Եկապաս իմասաներով [34]: „Ülen Aşır, ben demedim mi ki bu hacı godosun ta kendisi!“ — ԵՏո՛ Աշիր, ես չասացի՞, որ էս Հաշին իսկական կտառ է... [6, էջ 20]: „Bu sakallı godos boş vertyor, kardeşim“ — Եէս միտուցավոր կտառը մեկ բանի աեզ չի գնում, աղբերա [15, էջ 39]:

կարնգան > քոռնգա. Եվալրի ազվույտ [35]:

հաաիկ > հեղիկ. խաշած ցորեն [35]:

հակառակորդ > հազարազոր. հ. ծ. ք. Եքոնավոր, դավանան. քեմում՝ արտյանի դերով հանդես եկող (դերասան) [34]: „Hagaragortçat dâvranmak olmaz“ — ԵՊեղք չէ հակառակորդի պես վերաբերվել:

(Հնքիաթագիր Վ. Ինճայանը 28 հունիսի 1980 թ. նամակով մեզ հաղ-
նել է, թե այդ խոսքն սպասարձել են թուրք գրողներ Նազրմ Հիքմե-
թըն ու Քեմալ Քահիրը՝ իրենց փոխադարձ նամակներում):

Ֆերի>Ֆերք. „Bahar herkilerinde... kirlarda geceleyenler...“
—Եփարնանային Ֆերիերի մամանակ... զաշտերում գիշերողները...»
[20, էջ 308]:

Իյուղ/իուղ>Ֆուլ. „Tarifalar içinde evler var... kerpiç evler,
huglar“—Եվրաերում տներ կան... հողաղյուսից շինված տներ, ֆյու-
ղերս [19, էջ 29]:

Ֆուտալ>Ֆողաք. „...eskiden ovayı dolduran hodak seslerini
şimdi traktör seslerini aldı“—Ե...նախկինում զաշտերում արնագան-
քոզ ֆուտաղների կանչերին այժմ արակտորի աղմուկներն են փոխարի-
նում [19, էջ 25], ԵՖուտաղը հայերեն բառ է [18, էջ 23]:

Ֆորան>հորան. ԵՄն ծովի շրջաններում քեմանչի նվագակցությամբ
կատարվող ժողովրդական պարս [34, 35], „Bazı horanlarda, kemençe
veya armonika çalarak oynanan oyunlarda...“—ԵՄի շարք ֆորան-
ներում... քեմանչի կամ արմոնիկայի նվագակցությամբ խաղացվող
պարերում...» [22, էջ 102]:

Ֆաղ>չաղ. „Dilan bir köşeye bir çulun üstüne oturmuş çorap
örüyordu. Elindeki çaglar oynuyor birbirine çilve yapıyordu“—
Ե՛րիլանը, անկյունում, մի քուրջի վրա նստել, գուլպա էր հլուսում:
Ձեռքի Ֆաղերը խաղում, իրար զարպատում էին [19, էջ 21]:

Ֆերմակ-չուր>չերմակ-չուր. Կ. ժ. բ., Ետյիս նշանակությամբ
[34]:

Ֆիլ>չիլ. Եարմատների վրա առաչացող մազի պես նուրբ ընձուղ-
ներս [34, 35]:

մայիս>մայրս. Եմայիս ամիսը [2, էջ 321]:

Մատիկ>մադիք. Կ. ժ. բ. [34], „Mat: Ermenice parmak demek-
tir. Madik, küçük parmak demektir. Madik oynamak da: Zıpzıp
oynamak demektir... Madik stma işi de dikkat, incelik istediği için,
mecazi olarak madik atmak, madik etmek, madik oynamak sözleri
daivers, hile anlamlarına gelmektedir“—ԵՄար՝ հայերեն մատ է
նշանակում: Մատիկ՝ փոքր մատ: Իսկ մատիկ խաղալ՝ քարեզնդիկ
խաղալ: Մատիկով քարեզնդիկ խփելը (նետելը) ուշադրութուն, ներու-
թուն է պահանջում, զրա համար էլ մատիկ նետել, մատիկ անել, մա-
տիկ խաղալ արատաշատութունները, փոխարենարար, նշանակում են՝

խարջախել, հարամտորեն խարել [31, № 246, էջ 5011]; Տե՛ս սփըն-
թիս բառը:

մարագ > մերեք, „Türkçe'de Ermeniceden gelen bir takım sözcükler vardır: *pancar, petek* gibi. Anadolu ağizlarında kullanılan *aristak, merék* sözcükleri de Ermenicedir“ — *Եթուրքերենում հայերենից փոխառյալ մի շարք բառեր կան. ինչպես՝ քանչար, փերակ: Անտառլիայի խոսվածքներում սգաագործվող տառասաղ, մարագ բառերն էլ հայերեն են* [29, էջ 11—12]: Այս տողերի հեղինակը թուրք լեզվաբան Հասան էրենն է: Փոխառյալ բառերը ոչ միայն սգաագործվում են Եկնատուրիայի խոսվածքներում, այլ մուսուլման գործել թե՛ ընդհանուր բառարաններում և թե՛ գեղարվեստական գրականության մեջ. որինակ՝ „*Merekten yana yürüdük*“ — *Եթուրքերեն մարագի ուղղությամբ* [18, էջ 76]: Մյուս բառերի համար օրինակներ բերված են համապատասխան աղբյուրում:

մարալ > մերթեր, հ. ծ. ք [34]: „Bir yandan temeller kazılıp kerpiçler konuyordu, bir yandan *mertekler* yolunup tahtalar biçiliyordu“ — *Եթի կողմից հիմքերն էին փորում, հողաղյուսները շարում, մյուս կողմից մարալներ էին առնում, առխտակներ պատրաստում* [20, էջ 78]:

մոզի(կ) > մոզաք/մոզիք/մոզքք, „Kararılkta ineklere, *moziklara* çarpa çarpa ahırın kapısını buldu“ — *Եթթության մեջ կովերին, մոզիներին խփվելով, խփվելով, ախարին դուռը դռով* [17, էջ 157]:

մոծիք/մծիք/մծուր > մուշուր/մջջքք, հ. ծ. ք. Եսեուխի կտորենք՝ փշուրներ > նշանակությամբ [34]:

մարալ > մարալ, հ. ծ. ք. Եմերուխի, արքեպ աղամարգ նշանակությամբ [34]: „*Moruk sağ olssaydı bunu heş bine de, on bine de vermezdi*“ — *Եթե ծերուկը ողջ լիներ, հինգ հազարի էլ, տաս հազարի էլ չէր վաճառի* [19, էջ 383]: „Ermenilerin de bir zamanlar devlet kurduğu güney illerimizde halk dilimize karışan Ermenice kelimeler bulunmaktadır. Bunlardan Silifkede halîş söylenmekte olanlar şunlardır: *örnek, moruk* (ihtiyar, sakallı), *keben* (dağlardaki dar ve dik geçit)“ — *Եթեր հարավային նահանգներում, որտեղ մի ժամանակ հայերը պետության են հիմնել, մեր ժողովրդական լեզվին անցել են հայերեն բառեր: Սելիկիայում գեուև գրանցից սգաագործված բառերից են հետևյալները. օրինակ, մորուք (ծերուկ, մորուքավոր), կալան (նեղ և ցից լուսանցք)* [31, № 155, էջ 2762]:

մարն > մարշ, հ. ծ. ք. բեուսի վրա ծակ բացելու համար սգաա-

գործվող արածայր գործիքն նշանակութիւնս [34], „Murcu, çekici getir“ — ԵՄուրքը, շաքունը բերա [8, էջ...?]:

յուղ>յաղ. „Agop usta... yazma mendilini... ceketinin kayış gibi yağı yakasından geçirdi...“ — Կարպետ Լակորը... իր ազածն թաշկի-նակը... յուղ կապած և կաշվի պես կարծրացած բանկոնի օձիքի վրայից անցկացրեց (ծածրակը որբնու համար) [21, էջ 165]:

շեն>շեն. „Allah şen etsin, biz eksiltsük, Allah artırsın“ — ԵԱս-գլած շեն պահի, մենք պակասացրինք, աստված թող ավելացնի [18, էջ 30. տես նաև՝ 2, էջ 308]:

շիլ>շիլ. Այս բառը թուրքերենում օգտագործվում է երկու իմաս-տով. ա) Կանդամալույծա. այս դեպքում արարական գոխառութիւն է. սրինակ՝ „Ellin ayagın şil ola“ — Եձեռքից ու սոքքից անդամալույծ դառնաս [31, № 292, էջ 5130], բ) Եշիլա իմաստով, որը հակական գոխառութիւն է. օրինակ՝ „İki gözden şil olasin“ — Եերկու աչքերդ էլ շիլ դառնան [31, № 234, էջ 5179]:

շինիկ>շինիկ. Եարմատիք կշռալափա [34, 35], „Bu tarla için tam bir şirik altın gerek“ — ԵԱյս արտի համար ուղիղ մեկ շինիկ ոսկի է հարկադոր [21, էջ 118]:

շափ>շափ. Կ. ծ. բ. է հետևյալ նշանակութիւններով. 1) ԵԱրժեք, շափ, արամադիծա [34, 35], 2) Ելայնք, հասակ [36]: „Keran 25—30 cm çapında yanları düzeltilmiş ağaçlardır“ — ԵԿերանները 25—30 սմ շափով (լայնքով) հարթեցրած տախտակներ են [29, էջ 8]: Որ-պես պարտանակ՝ Եշափ բար<շափ պար [31, № 330, էջ 7878]:

շիւր>շիւր. ԵՄիրանի, սալորի, նման մրգերի շորացրածը [34, 35]:

պատիւն>բաղըչ. Կ. ծ. բ. Եայն պատյանը, որի մեջ դնելում են բակլայի, լորու, ոլոռի նման թարմ բանջարեղենների սերմերը [34]:

պաստեղ>բասըբ/բասընդ. համանիշն է թուրքերեն Եփեսթիւ բառին. այս և հայերեն Եպաստեղ բառերի ծագումը հստական է, սա-կայն թուրքերեն Եբասթըզ և նման ձևերը հայերենից են փոխառյալ: Օրինակ՝ ԵBağ varsaüzümüleri dererek şiresiyle bastık yapılır“ — ԵԱյդի ունեցողները խաղողը նզմամ, խաղմուղով պաստեղ են պատրաստում [23, էջ 95]:

պար>բար. ԵՄի տեսակ պար, որը ձեռք-ձեռքի բռնելով պարում են Անատոլիայի արեւլյան, առավելապես Երզրումի շրջանում [34, 35]:

պարան>բարան. ԵՈրթառանկի, մրգատու ծառերի շորք [34, 35]:

„Bizim bag̃ beş barandır“ — Մեր ալդին հինգ պարան (որթատնկի շարք) տնիս [36]:

պզաիկ > բրզզբ. հ. ծ. բ. է և օգտագործում է Եփոքր տղաւ իմաստով՝ որպէս Եկատակս կամ Էարհամարհանքի և արտահայտութեան [34, 35]: „Bir sürü Ermeni *bizdik*larının yedigi halta bakin“ — Մի խումբ հայ պզաիկների կերած ապուրին նայեք [28, էջ 1]: Որպէս պարտանեսակ կամ խաղ՝ „*Bizdik* oyunu“ — Պզաիկի խաղ [31, № 166, էջ 30-49]:

պոլ > փյոլ. հ. ծ. բ. է, Եպոլոսկրն նշանակութեամբ [34]:

պոլիկ > փյոլյոլ/փոլլի. 1) (փխր. Էսիգարեոսի մնացորդ, կնատն նշանակութեամբ. „Sigarayı sigaradan ateşledi. Ağızlığın ucundan aldığı pöçüğü yatagin yanındaki karsılı keçenin üstüne ezdi, söndürdü“ — Միգարեոսը կոցքեց սիգարեոսից: Միտափողի ծալլից վերջերած պոլիկը (կնատը) տնկողնու կոցքը գանձող խունացած-սևացած թաղիքին (կանին) վրա նզմեց, հանցքեցն [19, էջ 37], 2) որպէս պարտրվեստի տերմին. „*Barlar: Barbaşı* denilen, elinde mendil (çevre) tutan en usta oyuncu yönetir... Sıranın en sonundaki oyuncuya da *Poççik* adı verilir. Poççik, kuyruk demektir“ — Պարեքը դեկավարում է ձեռքին ծաղկավոր թաշիհնակ բռնող և ամենավարպեա պարոզը, որին Պարալուլի են անվանում... իսկ շարքի ամենավերջում գանձող պարոզին էլ Պոլիկ են անվանում: Եփոլլիքն քառը պոլ է նշանակում [22, էջ 27]:

չերմուկ > չերմիք. հ. ծ. բ. [34]: „Bizim ilce, sizin dilde kaplıca dedikleri *çermik* suları“ — Չերմուկի ջրեր, որին մենք *բլբլա* (գոլ ջրեր) ենք ասում, իսկ ձեր լեզվով *գուք* ասում եք *քափլբլա* (քառուցի՝ փակ, ծածկած ջրեր. Ն. Ա.) [4, էջ 23]:

չրորգան > լյորբեն. հ. ծ. բ. [34]: — ԵՇօրտն: Pinar veya damdan su akıtan ağaç veya teneke oluk“ — Եչրորգան են կոչվում փայտե կամ թիթեղե այն խողովակները, որոնք անցկացնում են աղբյուրների կամ կաուրների, և որոնցից շուրը հստում, գնում է [36]: Ազիլի մանրամասն՝ տես նաև [30, № 330, էջ 236]:

ուաղ > քեղք/դեղք. Էսպիտակեղեն լվալու կոնք [34, 35]: „Pekmez: Kaynatılıp koyulaştırılmış üzüm şiresinden üzümleri çigneye çigneye çıkarılan şire *teşi*'te toplandıktan ve *murur* denen tortusu dibe çöktükten sonra...“ — Էթուպ պատրաստելու համար, եռացրած և թանձրացրած խաղողի խաղձուկի միջի մնացորդ հատիկները նզմում

են, նոր ստացված իրազմուքը մի առշուրի մեջ են հավաքում և մրուր կոչված գիրտը հասակին նստելուց հետո... [23, էջ 38]:

տասնհինգ > դասինի. հ. ծ. ք. է՝ «կապառ» նշանակությամբ [34]:

տավար > դավար. 1) «սլիարի, ալծի, ինչպես նաև արշառի նման բնույթի կենդանիների հոտ», 2) «նման կենդանիների ընդհանուր անվանումը» [34, 35]:

տափան > քափան. «Tapan: Tarlaya atılan tohumu toprak a örtmek için gezdirilen ağaçtan, geniş, yassı alet...» — «Տափան են անվանում փայտե այն լայն գործիքը, որն օգտագործում են շաղ արված սերմը հողի մեջ ծածկելու համար» [23, էջ 110]:

տնիուր > քնիքի. «Tepir Ağaçtan yapılmış kalbur biçiminde kenarlı tepsi gibi bir kaptır» — «Տնիուրը փայտե, մաղի ձևով, շուրթ ունեցող սկուտեղի նման մի աճան է» [23, էջ 88]: «Bugday içinde taşların kalmaması için tepir edilir» — «Տորենի քարերը շոկելու համար տնիուր են օգտագործում» [23, էջ 88]:

տուտու > դուդու. 1) «հեռու՝ կանանց արված պատվանուն», 2) «ծեր, հայ կին» [34, 35]:

փառ > քառ. «ապակյա աճանների կամ լիզվի վրա նստող կեղտ» [34]:

փշուր/փսուր > փշույուր. «ամաղու և կենդանու բնական կղկղանք». օգտագործվում է «որոշու փշույուրյույու գարծվածքի մեջ, որ նշանակում է՝ «գոծվար լուծելի գործ, անհանո մարդ» [34, 35]: «էկպավառ կամ աղք» նշանակություին ունի նաև հայերենում. [33, տե՛ս «փշուր» բառը]:

փար > փոր. հ. ծ. ք. է՝ «հագուստի ծալք» նշանակությամբ. [34]:

փերակ > փերեխ. «ն՝ս ժամրագ» բառը և [2, էջ 308]:

փերք > փերթը. հ. ծ. ք. է՝ «անարժեք, մաշած» նշանակությամբ և բնդհանրապես օգտագործվում է «լրբթըք-փլրթըք» կրկնավորի մեջ՝ «պատած-մաշած» շար, կտորեղեն իմաստով. [34]: «նշանակում է նաև՝ «Pamuklu mensucat» — «բամբակե կերպասեղեն» [31, № 178, էջ 3410]:

փերթ > փերթի. «գերին աստիճանի ժլատ, գծուն» [34, 35]: «Gazetecilerin pıncılıklerinden, kitapçıların madiklerinden uzak ve serbest yaşıyorum» — «Լրագրավաճառների փերթությունից (գծաթյունից) և գրավաճառների մաաիկներից (խարեություններից) հեռու և ազատ եմ ապրում» [35]: «Տես նաև «մատիկ» բառը:

քավոր > քիվա/քիվա. «Zadik usta da benim kirtsem oldu»

—Վարդան Զատիկն էլ իմ քաղորդ եղա՞մ [18, էջ 82]:

Բարման > Բիրման/Բիրմեն. բուրգ մանկու ծառայող փայտե իլիկ > [34, 35]:

Բարուկիր/բարկիր > Բարգիր/Ֆյարգիր. բարից կամ ազյուսից կառուցված (շենք, տուն և այլն) > [24, 35]:

օրինակ > օրենք. հ. ծ. ք. է՝ ևույն եշանակութուններով [34], Տն՝ ս եակ՝ [30, № 274, էջ 602] և բարուք բարք:

Փոխառյալ բաների նշյունափոխության և տառադարձման մի քանի օրինաչափություններ

Քուրքերենում հայերենից փոխառյալ բաների տառադարձման օրինաչափությունները էշտելու հարցը շահագրանց բարդ է, քանի որ առաջինը փոխառնված են Փոքր Ասիայի և Արևմտյան Հայաստանի տարբեր շրջանների տարբեր բարբառներից: ևույն հայերեն բառը ոչ միայն արտասանվում է հայկական տարբեր շրջանների տեղական խոսվածքների յուրահատուկ օրենքներով, այդպես, փոխառյալ ևույն բառը հնչյունափոխվում է տեղի քուրքական խոսվածքի յուրահատուկ օրենքներով: Օրինակ, հայերեն սպասիճն բառը, որը հայկական տարբեր խոսվածքներում արտասանվում է քաղին, բառին, բաշիղ, բօղիշ, բաղինշ, բ՛աղինշ, պանուն և այլ մեներով [33], քուրքական խոսվածքներում էլ արտասանվում է՝ բաղըշ, բաղըշ, բաղիշ, բաղընշ, բաղիս և այլ մեներով [36]:

Զանց առնելով բարբառային և միջբարբառային փոխազդեցությունների հարցի լուծումը, որն այս աշխատանքի հիմնական նպատակների հետ անմիջականորեն չի առնչվում, մենք կշանանք էշտել փոխառությունն որոշ օրինաչափություններ՝ իրար հետ համեմատելով հայերենի գրական և հայերենից քուրքերենում փոխառյալ բաների գրական-բարբառային մեները:

Այս հարցում, առաջին հերթին, գեր են խաղում հնչյունափոխության երկու հիմքեր.

1) Արևմտահայերենի խլազուրկ երկաստիճան բաղաձայնների համակարգը:

2) Քուրքերեն լեզվի ձայնավորների ներդաշնակության օրենքը:

Զայննղ բաղաձայնների շնչեղացում.—Արևմտահայերենի երկաստիճան բաղաձայնների համակարգում ս, տ, կ, և՛ խույրն արտասանվում են ք, դ, գ, շ ձայնեղների նման: Իսկ ք, դ, գ, շ ձայնեղներն արտասանվում են՝ փ, ք, ք, չ շնչեղ խույրի նման:

Քանի որ հայերն բառերը փոխ են առնվել Արևմտյան Հայաստանի և Փոքր Ասիայի տարրերը շրջաններում, այսպեղ փոխառյալ բառերը հնչյունափոխվել են արևմտահայերենի իւղազուրկ երկաստիճան բաղաձայնների համակարգի օրինաչափությունների համաձայն (զրան հակասող շեղումները հետևանք են հայկական կամ թուրքական տեղական խոսվածքների առանձնահատկությունների):

Այս հանգամանքը, իր հերթին, հանդիսանում է փոխառյալ բառերի ծագման և ստուգարանման օժանդակ հիմքերից մեկը: Օրինակ, տարրեր հեղինակների կարծիքով [34, և 2, էջ 308] եզուֆանա բառը թուրքերենում վրացիներից է փոխառյալ: Հենց այստեղ էլ մեզ օգնում է արևմտահայերենի երկաստիճան բաղաձայնների համակարգը: Հայերեն եզուֆանա բառը, որն ըստ սկզբ. Ն. Աճառյանի կողմասյան ծագումունի, վրացերենում ունի եզուբանի» ձևը [33]: Հայերենում և վրացերենում, ուրեմն, բառն արտասանվում է եզ» ձայնից պայթականով, իսկ արևմտահայերենում, ուղղազրույթունն անփոփոխ մնալով հանդերձ, համաձայն վերոնշյալ համակարգի, արտասանվում է «է» շնչիկ-խույ պայթականով, որի հետևանքով էլ բառը թուրքերենում եզուֆանա ձևով է փոխ առնվել: Տվյալ բառը վրացերենից փոխառյալ լինելու դեպքում, բառավերջի «ի» հնչյունի անկումն էլ նկատի առնելով հանդերձ, թուրքերենում փոխառնված պիտի լիներ եզուֆանա equitana ձևով:

Նույն օրինաչափությամբ էլ հայերենից փոխառյալ են հետևյալ բառերը. բազուկ > փազը/փեղիք, դուռդոց > բըրբաս, անդունդ > բանբուն, թագավոր > թե՛ֆուր, շերմուկ > շերմիք և այլն:

Բառավերջի կ, տ, և խուլերի (արևմտահայերենում՝ ձայնեղներին) շնչեղացում.— Օրինակ՝ հերկ > հերբ, պատիկ > բըղղբ, անկուտ > անգուտ, պատիք > բաղը, մուրն > մուրշ:

(Արդի թուրքերենում բ, գ, դ, չ ձայնեղ պայթականներով վերջացող բառեր չկան. դրանց փոխարինում են համապատասխան լծորդ փ, է, օ, չ շնչեղները):

Բառավերջի դ ձայնից պայթականի, դ ձայնի շփականի շնչեղացում՝ ք պայթականով.— Օրինակ՝ մարազ > մերբ, տասնհինգ > դասեբ, հոտազ > հոգաբ, առաստազ > արասթաբ, պաստեզ > բասթբ:

Խուլերի ձայնեղացում՝ համապատասխան լծորդներով.— Օրինակ՝ պարան > բարան, տուտու > դուդու, կտառ > գոդոռ, ժամկու > զանգու, նազ > բաղ:

Բառավերջի շփական ր ձայնորդի և ընդհանրապես ծ խուլի ձայնեղացում.— Օրինակ՝ թրթուր > բըրբըլ, անիծ > անբզ, անիծած > անիզազ:

Եփական խուլ իս-ի փոխարինում՝ կակարդային և-ով.—Օրինակ՝
խալ>հալ, խաշիլ>հաշիլ, խազ>հազ:

(Արդի գրական և խոսակցական թուրքերենը իս Շեյխունը չունի, այն պահանջանք է միայն որոշ բարբառներում):

Շեյխունափոխություններ՝ բառ ձայնավորների ներդաշնակության օրենքի: Ձայնավորների ներդաշնակության օրենքը բնորոշ է մի շարք լեզուների՝ թյուրքական, այթապական, մոնղոլական, ուզբո-ֆիննական և այլն: Թուրքերեն լեզվում այդ օրենքը պայմանավորված է.

1) նախավանկում կոշտ (հոնաչեզվային) ձայնավորներից հետո կոշտ, և փափուկ (առաջնալեզվային) ձայնավորներից հետո փափուկ ձայնավորների հաջորդականությունը՝ հետագա վանկերում:

2) նախավանկի շրթնային ձայնավորներին հետագա վանկերում հաջորդում են բաց հոնաչեզվային ա, բաց առաջնալեզվային է (ե) կամ շրթնային փակ ու, և ձայնավորները:

Այս երկու՝ ձայնավորների ներդաշնակության մեծ և փոքր կանոնների համաձայն, թուրքերենում, նախավանկի ա և ը կոշտ ձայնավորներին հաջորդում են ա կամ բ, իսկ է և ի փափուկ ձայնավորներին՝ է կամ ի ձայնավորները: Իսկ շրթնային օ և ու ձայնավորներին հաջորդում են բաց ա կամ եեզ ու ձայնավորները, և օ և ու շրթնային փափուկ ձայնավորներին՝ բաց է և եեզ և ձայնավորները:

Փոխառյալ բառերի օրինակներ, որոնք ենթարկվել են ձայնավորների ներդաշնակության օրենքին. պատիճ>բազրի, պասանգ>բասմըք, մալխ>մալքս, խաշիլ>հաշիլ, չերմուկ>չերմիք, աեփուր>թեփիր, փեթակ>փեթեք, մոզիկ>մոզաք, թոռն>թորուն, մոխր/մեխր>մուչուր, կորեզան>քորունգա, կուպիտ>քուրաթ, գուռն>քուրնա:

Երկվանկ բառերում առկա ա բաց հոնաչեզվային ձայնավորները փափուկանալով փոխվում են հոնաչեզվային է-երի, երբ բառը թուրքերենում վերջանում է շեշեզ է-ով: Օրինակ՝ մարազ>մերեք, մարդակ>մերթեք, դարակ>թերեք, կափանք>թեփեք:

(Շեշեզ է-երին փափուկ ձայնավորներ նախորդելու կամ հաջորդելու օրինաչափությունը կա նաև օսմաներենում):

Նախավանկ բառերում առկա ա ձայնավորները պահանջվում են օրինակ՝ առաստազ>արասթաք, ապարաշ>արարա, ավանակ>ավա-նաք:

Փոխառյալ բառերի Շեյխունափոխական և օտառագարձական օրինաչափությունները, իհարկե, չեն սպառվում այսքանով: Սակայն, վերին բացահայտումներն իսկ կարող են օժանդակ միջոց ծառայել, թե ինչ-

պիտի օրինալափություններով են փոխ անձում հայերեն բառերը՝
թուրքերենում: Եաշենկանությունից զուրկ չէ իմանալ, թե բոլոր թուր-
քական ժազումով բառերը (կան քիչ թվով բացառություններ) իստորին
ենթարկվում են ձայնավորների ներդաշնակության օրենքին: Հետևա-
բար, մեր բառացուցակում նշած մտա երեսուն բառ, որոնք չեն ենթարկ-
վում այդ օրենքին, լեզվաբանական այլ ազդակների կողքին, կարող են
ևս օժանդակ հիմք ծառայել գրանց հայերենից փոխառյալ լինելու
մասին:

* * *

Այսպիսով, կարելի է եզրակացնել, որ՝

ա) որքան խոր ու բազմազան է եղել նվաճված հայ ժողովրդի մշա-
կույթի ազդեցությունը թուրքական մշակույթի տարրեր բնագավառնե-
րում,

բ) ներկայումս, հայերենից թուրքերենում փոխառյալ գրական բա-
ռերը կրկնապատիկ անգամ ավելի են հայերենում թուրքերենից փո-
խառյալ բառերի քանակից: (Դրանք օսմանյան ժամանակաշրջանի ռազ-
մաքաղաքական և վարչատնտեսական 40-ի մոտ տերմիններ են, որոնք
օգտագործվում են սոսկ հայ պատմագիտական գրականության մեջ):

X. П. АМИРЯН

АРМЯНСКИЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме

Вопрос об армянских заимствованиях в современном турецком языке до сих пор не являлся предметом серьезных исследований лингвистов.

Армянские заимствования в турецком языке, собранные из современных турецких печатных изданий, достигают 223. Из них 111 нашли отражение еще в «Словаре армянского языка» академика Гр. Ачаряна. Исследование показало, что число армянских заимствований возрастает: некоторые из них, ранее употреблявшиеся лишь в разговорном турецком языке Анатолии, в настоящее время постепенно проникают в турецкие словари и чаще употребляются в художественной литературе. В статье кратко уяснены некоторые закономерности чередования букв и звуков заимствованных слов.

- 1 Լ. Անտալյան, *Հայոց լեզվի պատմություն, II ծավ, Երևան, 1951:*
- 2 Գ. Ե. Երեմյան, *Քուրքերի ծագումը, Երևան, 1978:*
- 3 Baykara Barbaros, *Nefret Köprüsü, İst., 1974.*
- 4 Cem Güney Eflatun, *«Bir varmış, bir yokmuş, İst., 1963.*
- 5 *Kemal Demircay, Temel Dil Bilgisi, İst., 1975,*
- 6 *K. Dursun, Tarık Dentzin Kanı, İst., 1973.*
- 7 *Eliçin Emin Türk* (çeviren), *Dünya Mizahından Seçmeler, İst. 1972.*
- 8 *Erdinc Fakri, Memleketimi anlatıyorum, İst.*
- 9 *Erendoz Kasnak, Dünya Mizahından 3000 Fıkra, II cilt, II baskı, İst., 1976.*
- 10 *Vecihe Hatipoğlu, Türkçenin Ekleri, Ank., 1974.*
- 11 *Suat Hisarcı, Dede Korkut Kitapları, II baskı, İst., 1966.*
- 12 *Kemal Yaşar, Demirciler Çarşısı Cınayeti, İst., 1974.*
- 13 *Köprülü M Fust, Edebiyat Araştırmaları, Ank., 1966.*
- 14 *Aziz Nesin, Zübük, Sofiya, 1963.*
- 15 *Aziz Nesin, Mahallenin Kısmeti, İst., 1957.*
- 16 *Hıfat Otyam, Gide-Gide, 1/2'3 İst., 1972.*
- 17 *Ömer Polat, Mahmud ile Hazel, İst., 1973.*
- 18 *Ömer Polat, Saragöl, İst., 1974.*
- 19 *Ömer Polat, Dilan, İst., 1975.*
- 20 *Kemal Tahir, Devlet Ana, Ank., 1969.*
- 21 *Umut Dünvazi, Sofiya, 1965.*
- 22 *Yaver Sobri Ataman, Barlar, İst. 1979.*
- 23 *Zübeyr Hamit Kaşın, «ULUR, Ank., 1977.*
- 24 *A. H. Konoşov, Грамматика турецкого языка, М., 1941.*

Հղվածներ և պարբերականներ

- 25 Գ. Ք. Չախաչյան, *Հայաստանի լեզվի հին տեսությունների ծագման վարկածը, «Պատմա-բանասիրական հանդես», № 1, Երևան, 1976, էջ 108:*
- 26 Խ. Ամիրյան, *Հայերենից փոխառյալ բառերի ծանուցանակից քուրքերենում, «Վարդեր Կասարկության գիտություններ», № 4, Երևան, 1980, էջ 81—87:*
- 27 *Ազգաբնակչության-բանականություն, № 1, «Պոմիրք», 1976, էջ 97:*
- 28 *All Days, haftalık gazete, İst. 1950.*
- 29 *Bilimsel Bildiriler, Türk Dil Kurumu yayınları, sayı: 270, Ank., 1968.*
- 30 *Türk Dili, aylık dergi, Ank.*
- 31 *Türk Folklor Araştırmaları, aylık dergi, Ank.*

Բառարաններ

- 32 Լ. Անտալյան, *Հայերեն բազմապատկեր բառերան, «Հին հայերենի ուղղագրության ժողովուրդ», Կ. Ք., 1913:*
- 33 Լ. Անտալյան, *Հայերեն արձագանքի բառարան, 8 հատորով, Երևան, 1971—1979:*
- 34 *Parz Tuglaç, Okyanus Ansiklopedik Sözlük, XI basım, İst. 1978.*
- 35 *Türkçe Sözlük, Türk Dil Kurumu Yayınları, sayı: 403, Ank., 1979.*
- 36 *Derleme Sözlüğü, Türk Dil Kurumu yayınları, sayı: 211, Ank. 1963.*

Կրեանսումներ

- Ank. Ankara.
İst. Istanbul
Կ. Ք. «Okyanus Ansiklopedik Sözlük»-ում ցույց է տրված, որ հայկական ծագում ունեցող բառ է:

ՄԵՆՁԳՐԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՇՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ
МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

С. В. ГЕГАМЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ ТУРЦИИ В
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СТРАНЫ (1945—1950 гг.)

Исследование социально-экономической истории Турции свидетельствует, что зарождение и развитие турецкой национальной буржуазии шло своеобразным путем. В течение длительного периода в экономике страны ключевые позиции занимала инонациональная буржуазия (греческая, армянская, еврейская и славянская), которая, однако, была лишена политической власти. Лишь со второй половины XIX в. начинается формирование и развитие собственно турецкой буржуазии, особенно оживившейся после победы национальной войны 1919—1922 гг. В это время анатолийской буржуазии, еще экономически слабой и не имевшей достаточного опыта предпринимательской деятельности, приходилось сотрудничать с представителями инонациональной буржуазии, пользуясь их связями и финансовыми возможностями. В дальнейшем, к 1940-м годам, значительно укрепив свои экономические позиции, буржуазии взяла под контроль весь внутренний рынок страны. Идя навстречу стремлениям турецкой буржуазии, правящие круги страны добились вытеснения остатков инонациональной буржуазии из экономической жизни страны.

В середине 40-х годов назрел кризис однопартийной системы власти. Резко обострились противоречия между разными классами турецкого общества, в том числе—между слоями национальной буржуазии. Обострению политической ситуации внутри страны способствовало растущее влияние демократических преобразований в ряде соседних и сопредельных стран, проведенных после второй мировой войны. В создавшейся ситуации правящие круги Турции приступили к поискам выхода из внутривнутриполитического кризиса. Именно поэтому вся вторая половина 40-х годов отличалась ис-

ключительной активностью как всей буржуазии, так и ее различных слоев, отстаивавших свои узкоклассовые интересы.

Целью работы является освещение факторов, приведших к росту влияния турецкой национальной буржуазии в экономической и социально-политической жизни страны, выявление особенностей ее взаимодействия и противоречий с другими социальными слоями, в частности с рабочим классом, крестьянством и др. Прослежен процесс укрепления экономических и политических позиций национальной, прежде всего торговой, буржуазии. Обращено внимание на то обстоятельство, что крупная торгово-промышленная буржуазия Турции, выступая от имени всего частного сектора, все активнее выдвигала откровенно националистические, шовинистические лозунги. В работе отмечается выраженная непоследовательность взглядов и установок национальной буржуазии в отношении принципов сотрудничества с Западом.

Научный анализ данной проблемы, как нам кажется, поможет лучшему, углубленному пониманию основных направлений турецкой внешней политики исследуемого периода.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ ТУРЦИИ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экономическое развитие Турции в конце 40-х—начале 50-х гг. проходило под воздействием чрезвычайных правительственных мероприятий, проведенных в годы второй мировой войны, когда правительство стремилось перевести хозяйство страны на военные рельсы. Например, численность турецкой армии в эти годы была доведена до одного миллиона человек¹. Естественно, что эта и другие подобные меры способствовали разбуханию военного бюджета. Для содержания миллионной армии Турция с 1939—1947 гг. вратила свыше 3 млрд. лир². Так, согласно подсчетам П. П. Моисеева, за годы второй мировой войны прямые военные расходы Турции составляли примерно 2409 млн. турецких лир, а общие военные расходы, включая военную помощь Англии, Франции, Германии и США,—4 млрд. лир³. По данным турецкого автора Ф. Окта⁴, в 1939/40 финансовом году⁵ прямые военные расходы составляли примерно 164 млн. лир, а в 1943/44—543 млн., т. е. соответственно возросли примерно в 3,3 раза.

Перевод экономики на военные рельсы отрицательно сказывался на и без того трудной экономической конъюнктуре Турции. В деревне не хватало рабочих рук, годовое производство зерна уменьшилось с 7700 до 6974 тыс. тонн. По мнению П. Сертель, приводящей эти данные, положение особенно ухудшилось и потому, что Турция, которой не хватало зерна даже для себя, экспортировала пшеницу в Германию. Цены на хлеб повышались, была введена карточная система. В стране царил дороговизна. Об этом свидетельствует индекс оптовых цен, который в 1938—1946 гг. поднялся со 100 до 427,3⁶, т. е. более чем в четыре раза.

Сложная система мер, призванных ужесточить в условиях военной обстановки государственное вмешательство и одновременно поощрять частное предпринимательство, наиболее полно отражена в законе о национальной защите⁷, который был принят 18 января 1940 г. и вступил в силу через месяц. Закон предоставил правительству еще более широкие, по сравнению с довоенным периодом, полномочия вмешиваться в экономическую жизнь страны. Оно получило даже право устанавливать сорт и объем производимой промышленными и добывающими предприятиями продукции. Закон предусматривал передачу государству тех частных предприятий, которые не в силах обеспечить установленную норму производства. Безусловно, национализация некоторых предприятий была вызвана прежде всего причинами военного характера. С другой стороны, национализация этих малорентабельных предприятий полностью отвечала интересам самих предпринимателей, которые, освобождаясь от убыточного производства, получали в виде компенсации денежные средства для более выгодных капиталовложений. В числе этих предприятий и средств транспорта находились некоторые угольные шахты Зонгулдак-Эреглийского бассейна, цементные заводы в Эскишехире и Зейтинбуруну (Бакыркей), маслобойные заводы, мукомольные фабрики в Смирне и Эскишехире, кожевенный завод в Стамбуле, трамвайное и водное хозяйство Измира, парходное общество «Ширкети-Хайрие» и др.⁸ Примечательно, что годовые убытки шахт угольного бассейна за 1939—1940 гг. соответственно составляли 470 тыс. лир и 835 тыс. лир⁹. Турецкое государство выплатило хозяевам шахт крупную компенсацию в размере 11 млн. лир¹⁰, а «Ширкети-Хайрие» получила 2,5 млн. лир¹¹.

В области сельского хозяйства правительство, согласно закону, получило право устанавливать сорта посевных культур в определенном районе, а необрабатываемые земли, если их размеры превышали 500 га, брать в свои руки, оплатив их цену владельцу. Государственные организации получили также право закупать у производителей продовольственную продукцию по установленным твердым ценам и продавать на внутреннем рынке. Однако эта мера дала обратные результаты. Как отмечает в своей книге Т. Тимур¹²,

поскольку правительство насильно покупало пшеницу у земледельца по значительно более дешевым ценам, чем на рынке, земледельцы стали скрывать ее, чтобы потом заниматься спекуляцией. Н. Нанди обращает внимание на то, что государство, покупая хлопок у нищего крестьянина по твердым низким ценам и обрабатывая его затем на своих предприятиях, готовую ткань продавало уже по высоким ценам. Примеру государства следовали частные предприниматели, которые сами выращивали хлопок или покупали его у крестьян также по государственным ценам. Хлопок они обрабатывали на своих предприятиях и готовую ткань продавали народу по тем же государственным высоким ценам¹³. Это один из примеров того, как, казалось бы, жесткие статистические меры оборачиваются дополнительной выгодой для частного предпринимательства, способствуют его дальнейшему обогащению, накоплению капитала.

Правительство могло также принудительно купить неиспользуемое машинное оборудование, но с условием не наносить урон предпринимателям, у которых оно сделало покупку. Это оборудование передавалось другим фирмам—тем, кто испытывал в нем нужду. Правительство могло обязать торговых посредников импортировать необходимые стране материалы и держало под контролем эти фирмы. Они обязаны были, в случае необходимости, накапливать запасы таких материалов. Власть обеспечивала импортеров необходимой валютой и кредитом, а если такое накопление запасов приносило ущерб торговцам, то он возмещался государством. Нет сомнения, что и такое «принуждение» могло стать методом обогащения импортеров.

Государство имело преимущественное право закупки изделий у частных предпринимателей, при этом к нормальной стоимости начислялась определенная процентная прибыль. В тех случаях, когда устанавливались сорт и объем производства, законом также признавалось право предпринимателей на получение прибыли. Правительство обеспечивало предприятие необходимым кредитом. Оно обязывалось также возмещать производителю ущерб при снижении внутренних цен на продукты и товары, экспорт которых был запрещен¹⁴.

Совершенно очевидно, таким образом, что никакой пункт закона о национальной защите не шел вразрез с коренными интересами частных предпринимателей. Что же касается излишней регламентации производственной и сбытовой деятельности предпринимателей, которая их раздражала, то правительство шло на постепенное смягчение своего контроля, в частности, над ценами. Так, в 1942 г. правительство Ш. Сараджоглу разрешило продавать пшеницу и некоторые продукты по свободным ценам. Такое решение приветствовали прежде всего те помещики, кулаки и торговцы, которые накопили запас продовольствия,—они могли продавать

эти продукты по высоким ценам. Цена на оливковое масло в тот период с 85 курушей повысилась до 350 курушей. Были спекулянты, которые сумели накопить запасы до 16 тыс. тонн оливкового масла, скупая его по цене 85 курушей. Затем, продав это масло по 350 курушей, они стали миллионерами¹⁵.

Промышленность страны развивалась слабыми темпами: в 1939—1945 гг. годовой прирост промышленного производства составил в среднем всего лишь 2,5 %¹⁶. В основном развивалась промышленность, имеющая военно-стратегическое значение. Если производство тканей до войны составляло 43 млн. метров, то в 1945 г. оно достигло 80 млн. метров¹⁷. Добыча lignита до войны в среднем была 450 тыс. тонн, в 1945 г. добывалось уже свыше 700 тыс. тонн, а в 1950 г.—1,2 млн. тонн. Дальнейшее развитие получила добыча хромовой руды, которая в 1952 г. достигла свыше 800 тыс. тонн—против 148 тыс. тонн в 1945 г.¹⁸

В связи с ростом строительных работ, в годы войны Сумер-банком был сооружен в Сивасе цементный завод с годовой мощностью 100 тыс. тонн¹⁹. Это был первый цементный завод, построенный государством. Турецкие власти занимались и строительством железных дорог. За 1944—1951 гг. были построены линии Диярбакир—Курталан; Тавшанлы—Тунчбилек, Тунчбилек—Курукавак, Кепрюогзы—Мараш, Эрзурум—Хорасан общей протяженностью 312 км²⁰. Вся сеть железных дорог Турции в 1942/1943 гг. составляла 7414 км²¹.

В годы второй мировой войны частный сектор неохотно шел на выделение капиталовложений в промышленность, несмотря на то, что условия военного времени, а именно, нехватка товаров, высокие цены и т. д., были, казалось бы, благоприятными для расширения многих отраслей промышленности. Одной из причин такого отношения частного капитала к промышленным капиталовложениям было то обстоятельство, что торговля в это время обеспечивала намного больше выгоды, нежели промышленное строительство. Кроме того, многие частные предприниматели считали риском в условиях, когда мировая война бушевала у границ Турции, вкладывать капиталы в промышленность. Имело значение и то обстоятельство, что для промышленного строительства необходимо было оборудование и сырье, которое в условиях войны импортировать частному сектору было намного труднее, чем государственному. В особенно неблагоприятном положении находились мелкие промышленники, так как именно они испытывали наибольшую нехватку сырья и других материалов, именно они из-за снижения покупательной способности населения, как правило, терпели убытки.

В более или менее удовлетворительном положении находились государственный сектор и частные ценовые²² предприятия. Об этом свидетельствует тот факт, что если в 1939 г. государственные

предприятия выпускали 27,7 % всей промышленной продукции страны, частные ценовые фабрики—34,3 %, то в 1945 г. их доля составила соответственно 24,1 и 43,1²². В 1950 г. государственный сектор выпускал 28,1 % всей продукции, а ценовая частная промышленность—44,3 %²⁴. При этом нужно иметь в виду, что государственные заводы и фабрики составляли по числу лишь 0,1 % всех предприятий обрабатывающей промышленности²⁵.

Если проанализировать данные за 1939—1950 гг., то видно, что в этот период частное фабрично-заводское производство, несмотря на отмеченные трудности, постепенно укрепляет свои позиции. Государственная же промышленность несколько ослабила свои позиции в 1945 г., но уже в 1950 г. намечается ее рост.

Одним из главных источников капиталистического накопления в Турции, используемого затем в государственных капиталовложениях, являлись налоги, которые имели преобладающую долю в доходах государственного бюджета. Как отмечал Е. Ф. Лудшувейт, подавляющая часть косвенных и прямых налогов (около 70 %) приходилась на налоги с трудящихся и лишь около 20 %—на прибыли, получаемые помещиками, купцами и предпринимателями, хотя на их долю приходилось более половины национального дохода. Весьма скромное место в доходной части бюджета занимала и прибыль от государственных предприятий²⁶. По подсчетам П. П. Монсева, трудовое крестьянство только в порядке прямого налогообложения уплатило в 1943—1944 гг. около 1100 млн. лир²⁷.

Доля прямого налогообложения в Турции была низка. Если сопоставить данные за 1936, 1946 и 1951 гг., то выясняется, что доля прямых, косвенных и чрезвычайных налогов в 1936 г. соответственно составляла 21, 52 и 27 %; в 1946 г.—25, 40 и 35 %; в 1951 г.—26, 58 и 16 %²⁸. Как показывают цифры, за указанные годы доля косвенного налогообложения превышала долю и прямых, и чрезвычайных налогов.

Главную роль в прямом налогообложении Турции играл подоходный налог, доля которого год за годом увеличивалась. Так, если размеры поступлений в виде подоходного налога среди налоговых доходов в 1936 г. составляли 20,6 млн. лир, то в 1941 г. и 1946 г. они соответственно возросли до 52,5 и 149 млн. лир²⁹. Косвенные налоги взимались путем повышения цен на товары широкого потребления, включались в цены на коммунальные, транспортные и целый ряд других услуг, непосредственно затрагивая интересы малоимущих слоев турецкого общества. Турецкие власти, пользуясь военной конъюнктурой, постоянно взвизчивали цены на товары широкого потребления. В косвенных налогах значительную роль играли таможенные пошлины, доля которых за эти годы также увеличилась. Так, в 1951 г. таможенные поступления составляли 159,8 млн. лир, против 34,8 млн. лир в 1939 г.³⁰ Налоговая полити-

на в Турции полностью была подчинена интересам имущих классов и направлена против трудящихся масс. Львиная доля валовых поступлений использовалась для военных целей.

В изучаемые годы основным источником экономического влияния большей части турецкой буржуазии являлась торговля. В руках частного предпринимательства, за небольшими исключениями, была вся внутренняя оптовая и розничная торговля. По турецким статистическим данным, в 1960 г. в населенных пунктах с числом жителей более 2 тыс. существовало 12 тыс. предприятий оптовой торговли, где было занято примерно 39,2 тыс. человек, из которых 12,7 тыс. составляли владельцы и совладельцы, а наемный персонал—около 26,5 тыс. человек³¹. Из этих данных следует, что на одно торговое оптовое предприятие приходится по 3 человека. По этим же данным в стране существовало около 73,6 тыс. предприятий розничной торговли, где было занято около 111,5 тыс. человек, из которых владельцы и члены семьи, принимающие участие в торговле, составляли 90,8 тыс. человек, в число наемных лиц—20,6 тыс. В розничной торговле на одно предприятие приходилось примерно 1—2 человека.

Значительная часть торговцев в Турции была занята в розничной торговле. Однако среди них число крупных торговцев было невелико. В основном это были мелкие торговцы, располагавшие небольшими бакалейными лавками или магазинами. Как правило, они редко прибегали к помощи наемного труда, ограничиваясь использованием труда членов своей семьи.

Некоторая часть турецкой торговой буржуазии была занята в посреднической или во внешней торговле страны. Годы второй мировой войны оказались особенно удачными для развития экспорта. Продавая товары, в основном стратегического назначения, Германии, Турция одновременно поддерживала тесные торговые контакты с США и Англией, которые, стремясь ослабить экономические связи Турции с Германией, подчас покупали турецкие товары по повышенным ценам. Значительно активизировала Турция после войны свои торговые отношения с США. Ее экспорт в США в 1939 г. составил 18,3, в 1945 г.—96, в 1951 г.—187 млн. дир. Турция поддерживала также тесные торговые контакты с Англией. Если в 1939 г. экспорт Турции в Англию составил 7,3; в 1945 г.—32,6, то в 1951 г.—73,3 млн. дир³².

Благоприятная торговая конъюнктура для экспорта товаров способствовала тому, что Турция имела активное сальдо во внешнеторговом обороте, могла накапливать запасы золота и валюты. Как показывают турецкие статистические данные, в 1940 г. экспорт Турции превысил импорт на 23,6; в 1941 г.—25,4; в 1942 г.—5,4; в 1943 г.—11,4; в 1944 г.—17; в 1945 г.—26,8 %³³. При этом, разуме-

ется, следует учитывать и застои в условиях военного времени и импорте в страну промышленного сырья и оборудования. Турция экспортировала в основном сельскохозяйственное и минеральное сырье, а импортировала промышленные товары. Так, в 1950 г. в экспорте страны хлопок составил 26,6 %, табак—23,2 %, фрукты и орехи—19,2 %, хромит и другое минеральное сырье—4,5 %. В этом же году в импорте страны машины и оборудование составили 23,1 %, черные металлы и изделия из них—12,2 %, нефть и смазочные масла—7,4 %, легковые и грузовые автомобили и вагоны—5,5 % и т. д.³⁴ Экспорт и импорт всегда являлись доходными сферами торговли в Турции: прибыль здесь в 25 % и больше являлась обычным явлением³⁵.

Не менее прибыльными являлись подрядные работы. В отличие от промышленника, который рискует при капиталовложениях, не всегда заранее зная, по какой цене сможет продавать свою продукцию, подрядчик знает примерный доход от своего дела. И если в течение года цены на некоторые используемые материалы повышаются, то это учитывается и оговаривается. Так, выступив в роли подрядчиков крупные дельцы Хайдар Эмре и Вехби Коч за 6 млн. лир обязались построить один из участков железнодорожной линии Элязыг-Ван. Когда началась вторая мировая война и товары резко подорожали, государство, уступая требованиям подрядчиков, пересмотрело подрядные соглашения с учетом изменений в ценах. В результате вышеуказанная стоимость сделки была повышена до 15—18 млн. лир³⁶.

Начиная работы, не каждый турецкий подрядчик мог располагать большим капиталом; лишь получив большие авансы от государства, он мог приобрести все необходимое. Часто уже после подписания контракта государственные организации-заказчики сами предоставляли подрядчику необходимые для выполнения подряда средства. В конце строительства подрядчик получал прибыль, которая иногда превышала сумму вложенного капитала. Нередко два-три подрядчика объединялись для выполнения крупного подряда.

Широкий размах в Турции получила в эти годы торговля земельными участками, отводимыми под постройки. Чрезмерно высокие цены вовлекали многих предпринимателей в спекуляцию землей, другой недвижимостью. В крупных городах по сравнению с 1930 г. цены на такие земли повысились в 2 тысячи раз, а по сравнению с 1950г.—в 100 и 200 раз³⁷.

Одним из распространенных источников обогащения в Турции являлось ростовщичество, укоренившееся в деревне. Как правило, ростовщики давали в долг не только деньги, но и все необходимое для обработки земли. Крестьянство испытывало острую нехватку в сельскохозяйственном кредите, сконцентрированном в руках ага

и помещиков. Крестьяне вынуждены были прибегать к «помощи» ростовщиков, поскольку, банки, кроме Сельскохозяйственного, давали кредит только по рекомендациям торговцев. Естественно, что не всем крестьянам удавалось получить кредит по этим каналам. О недостаточности банковского сельскохозяйственного кредита говорит такой пример. В Сёке (вкрайет Айдым) для выращивания хлопка необходимый суммарный кредит исчислялся в сумме 50 млн. лир, однако общая сумма кредитов, выданных банком в Сёке, составляла лишь 10 млн. лир. При таком состоянии сельскохозяйственного кредита крестьянам Сёка не оставалось другого выхода, как прибегать к ростовщическому кредиту. Ростовщики, пользуясь тяжелым финансовым положением крестьян, давали такой кредит под высокие проценты. Например, в Эгейском районе размер ростовщического процента достигал 200 % годовых³⁸.

К. Маркс подчеркивал двойственный характер ростовщического капитала, считая его не только показателем сохранения докапиталистических форм эксплуатации, но и «мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала»³⁹.

В указанные годы некоторое оживление наблюдалось в предпринимательской деятельности промышленников. Несомненно, что частная промышленность в первые послевоенные годы могла развиваться в значительной степени благодаря накоплению и концентрации торгового капитала за годы войны и последующему его переливу в промышленность. По данным турецкого экономиста Н. Серина, 43 % деловых людей Турции в 50-е годы, до своей предпринимательской деятельности в промышленности занимались торговлей, а 19,4 % — были землевладельцами⁴⁰. При этом четыре пятых из этих бывших торговцев до своей деятельности в сфере промышленности занимались оптовой торговлей, а одна пятая была занята в розничной торговле и импортных операциях. Землеладельцы же, являясь второй по значению группой, из которых формировались промышленники-предприниматели, владели землями, площадь которых исчислялась сотнями га.

Турецкое частное предпринимательство было представлено в 40—50-х гг. и участием в банковских операциях. Государственные и частные банки занимались, как правило, не только предоставлением кредита промышленности, транспорту, сельскому хозяйству и другим отраслям, а также лицам, нуждающимся в кредитах, но и сами вкладывали капитал в промышленность, торговлю и т. д. Например, один из частных банков Турции, Акбанк, был создан в 1948 г. с капиталом в 5,7 млн. лир. Из числа его 83 учредителей основное место занимали адаяские торговцы, промышленники и помещики, несколько адвокатов, врачей. Наиболее крупными акционерами были также семьи адаяских и кайсерийских крупных торговцев и промышленников, как семьи Хас, Сабанджы, Сапмаз,

Озгюр, Босна, Текин, владевшие или построившие в 50-х годах крупные текстильные комбинаты в Адане и Гартусе⁴¹. В указанные годы стало намечаться укрепление позиций национального частного банковского капитала на общем фоне увеличения числа банков и отделений в стране. Например, число банков и их отделений в 1948 г. достигало 32, против 11 в 1924 г.⁴² Крупными государственными банками страны являлись Сумербанк, Эзибанк, Сельскохозяйственный банк, Вилайетский банк и др. Одним из первых частных национальных банков Турции был Строительный и кредитный банк, который был основан в 1944 г. с капиталом в 1 млн. лир⁴³. Основателем Строительного и кредитного банка был крупный банкир Кязим Ташкент. Еще в 1929 г. он пытался основать сахарный завод, затем, имея специальность инженера, занимал ответственные посты на государственных предприятиях. В 1944 г. К. Ташкент стал генеральным директором государственного общества сахарных заводов Турции (Тюркисе шекер Фабрикалары А. Ш.), но затем оставил этот пост и перешел в частный сектор. В этом же году им было основано страховое общество Дога⁴⁴.

Самым крупным частным национальным банком в Турции считается Деловой банк, хотя часть его акций принадлежит государству. Сумма активов банка в 1948 г. составляла 11,6 % активов всех банков, действовавших в Турции, или 46 % активов частных банков⁴⁵. Год за годом доходы этого банка росли: если в 1944 г. Деловой банк получил прибыль в размере 1,6 млн. лир, то в 1949 г.—уже 3,5 млн. лир⁴⁶.

В 1950 г. в Стамбуле был учрежден Банк промышленного развития Турции. Членами управления банка стали влиятельные деловые люди страны: бывший генеральный директор Делового банка Меджит Дуруиз, член правления Строительного и кредитного банка Атыф Куюджак, Нури Догделен, Хаккы Алундук, Джабир Селек, Супхи Аргун и В. Коч⁴⁷. Банк должен был открывать долгосрочные (10 лет) и среднесрочные (5 лет) кредиты только для частного сектора—с целью финансирования строительства новых предприятий или модернизации существующих⁴⁸. Акционерами Банка промышленного развития Турции выступили 24 банка, акционерные компании и частные лица, а также иностранные банки: Османский, Салоникский, «Банка Коммерциале Италияне», «Банка ди Рома», Голландский банк, которым принадлежали акции на сумму 3,2 млн. лир, или четверть всех акций банка⁴⁹.

Деятельность частных банков в Турции особенно оживилась с начала 50-х годов, после прихода к власти Демократической партии. В этот период не только основывались новые банки—действующие стали расширять сеть своих отделений и агентств. Так, например, открыли свои отделения и агентства Акбанк—в 42, Таран-

тыйный—в I, Кредитный—в 5, Турецкий торговый—в 11, Деловой—в 22, Строительный и кредитный—в 64 городах и т. д.⁵¹

Некоторая часть турецких предпринимателей вкладывала капитал в сельское хозяйство, на приобретение недвижимого имущества—земельных участков, домов и т. д. В результате в деревне образовался новый слой землевладельцев, действовавших и в городе, и в деревне. Их интересы совпадали с интересами помещиков, включившихся в капиталистическое предпринимательство в деревне. К сожалению, турецкая статистика не содержит сведений, показывающих масштабы перелива торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство, что и обуславливает необходимость использования косвенных фактов. Одним из таких фактов можно считать рост кулацких хозяйств в деревне. По приблизительным подсчетам А. Д. Новичева, в 1939 г. в Турции насчитывалось 290 тыс. кулацких хозяйств, а в 1950—1952 гг. их число увеличилось до 328 тыс.⁵² По всей вероятности, в росте кулацких хозяйств определенную роль сыграл и переход торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство. Например, после того, как в районе Текирдаг стали строить винокуренный завод, торговцы стали срочно скупать крестьянские земли, доводя свои земельные участки до 40—50 га⁵³.

Более отчетливо в турецкой деревне наблюдался обратный процесс, т. е. помещики стали часть своих капиталов вкладывать в промышленность, участвовать в торгово-банковых операциях, заниматься подрядными работами и т. д. Так, крупный помещик, депутат из Эскишехира Эмин Сазак принимал участие также в подрядных работах и, накопив достаточный капитал, построил в Самсуне лесопильный завод⁵⁴. Другой пример такого рода свидетельствует о том, что крупные собственники плантаций сахарной свеклы приняли участие в финансировании строительства сахарных заводов⁵⁵. Данные одного обследования также показали, что крупные землевладельцы обеспечили 19,4 % средств, использованных в 50-х годах на капиталовложения в сфере промышленной деятельности⁵⁶. В результате расширения предпринимательской деятельности торговый капитал стал действовать как торгово-промышленный, торгово-ростовщический, торгово-банковский капитал и т. д.

Таким образом, в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы национальная буржуазия страны постепенно укрепляла, хотя и медленными темпами, свои экономические позиции, в немалой степени используя накопленный в годы войны значительный капитал, а турецкое правительство всемерно способствовало ее развитию.

Правящие круги Турции после установления республиканского строя, особенно с 30-х годов, стали уделять особое внимание созданию и развитию государственного сектора. Как правило, в развивающихся странах он играет в целом прогрессивную роль. Здесь важно уяснить, какими классами создается и управляется госсектор и какие цели преследует. Создавая в Турции государственный сектор, правящие круги вовсе не имели в виду развитие страны по некапиталистическому пути. Они были намерены лишь поставить госсектор на службу национальной буржуазии, несколько не заботясь об интересах трудящихся. Однако создание госсектора способствовало росту внутреннего рынка, развитию национальной экономики и ослаблению позиций иностранного предпринимательства. Принятые в сфере государственного сектора мероприятия были направлены на создание и развитие важных для страны отраслей промышленности, требовавших больших капиталовложений.

Государственный сектор с первых же дней существования новой власти имел тесные связи с частным капиталом. По мере возможности он снабжал частные предприятия сырьем, электроэнергией, изделиями своего производства и т. д. Национальная буржуазия лишь своими собственными средствами не в состоянии была вывести страну из тяжелого экономического положения. Поэтому она признавала необходимость государственного вмешательства, которое не ущемляло бы коренных интересов частного сектора. Слабость национальной буржуазии страны состояла не только в том, что она не располагала необходимыми капиталами по финансированию строительства крупных проектов. Она не располагала также необходимыми техническими знаниями и навыками для управления крупными предприятиями. Госсектор уже в 30-е годы являлся опорой многих экономических преобразований в стране. Вынужденные прибегнуть к политике госкапитализма, правящие круги Турции все же основой экономического развития считали частное предпринимательство.

Развитие страны в 30—40-е годы показало, что Турция, благодаря этактизму и ограничению иностранных капиталовложений, смогла добиться определенного экономического прогресса, построить крупные современные предприятия, что было бы не под силу частным предпринимателям. Однако, кроме успехов, выявились и серьезные экономические трудности, которые в первые послевоенные годы дали о себе знать. Часть деловых людей связывала причины их с тем, что экономика страны находится под контролем

государства и отсутствуют условия для приложения частного капитала⁵⁵. Все отчетливее звучали требования ограничить экономическую деятельность государства, создать более благоприятные условия для частных капиталовложений, передать предприятия, находящиеся в руках государства, частным лицам. Выдвигались предложения четко определить сферы государственного предпринимательства. С точки зрения этих кругов этатизм обеспечил экономическую независимость, основал национальную экономику, поддержал развитие местной индустрии и этим завершил свою историческую миссию. Он уже препятствует, таким образом, развитию экономики⁵⁷. В качестве одного из аргументов приводился пример с национализацией шахт угольного бассейна Зонгулдак, в результате которой население страны, до этого не испытывавшее никаких трудностей с углем, оказалось в тяжелом положении⁵⁸.

Противники этатизма считали, что государственные предприятия не могут рационально работать по следующим причинам: 1. Эти предприятия лишены коммерческих устремлений, ими руководят чиновники, которые избавлены от необходимости стремиться к прибыли, избегать убытков. 2. Руководители государственных предприятий не могут избавиться от бюрократического мышления. Их права ограничены в принятии необходимых решений. 3. Государственные предприятия лишены реформирующего влияния конкуренции. Они находятся в преимуущественном положении по сравнению с частными предприятиями: освобождены от налогов, имеют большую материальную и моральную поддержку властей, опираются на государственный бюджет⁵⁹.

Выступая в печати, один из деловых людей Турции (в недавнем прошлом — крупный руководитель в госсекторе) Х. Алисбах предстал перед экономическими кругами как серьезный критик политики этатизма, защитник интересов частного предпринимательства. Он утверждал, что вмешательство государства в дела предпринимателей не должно выходить за рамки необходимости, выступал за разработку такого промышленного плана, который мог бы определять взаимные отношения между государством и частным предпринимательством. Он требовал от государства поддержки в обеспечении частного сектора внешними кредитами и валютой, установления равноправных отношений между частными и государственными предприятиями, предоставления частным фирмам промышленного кредита⁶⁰.

22—27 ноября 1948 г. в Стамбуле состоялся промышленный конгресс. На конгрессе были созданы три комиссии (по этатизму, внешней торговле и налоговой реформе), в которых обсуждались и предложения частного сектора⁶¹. В частности, в комиссии по этатизму выдвигались требования о том, что государство должно посвятить себя таким сферам деятельности, как образование, разви-

тве транспорта, оборонная промышленность, почта и другие отрасли общего значения. Предприниматели требовали, чтобы государство обеспечило им необходимые возможности для успешной деятельности, а частное предпринимательство имело бы равные с государственными предприятиями права. Выдвигалось требование и о том, что государство должно действовать только в таких областях, где частное предпринимательство невыгодно.

В области внешней торговли были предложены меры по поощрению экспорта. Все препятствия по экспорту должны быть устранены, и государство, взаимодействуя с купцами, обязано ограничить импорт.

Комиссия по налоговой реформе рекомендовала пересмотреть налоговую систему и, исходя из новых нужд страны, отменить налог, который был установлен на продукты сельского хозяйства.

На конгрессе утверждалось, что при управлении экономическими делами государство должно играть просветительскую и, по необходимости, организаторскую роль, однако оно ни в коем случае не должно выступать против предпринимателей как регулирующая сила и как конкурент⁶².

Вместе с тем работа промышленного конгресса показала, что отдельные группировки национальной буржуазии выступали за ограничение, а не за ликвидацию этатизма. Особенно были заинтересованы в сохранении этой политики наименее влиятельные представители частного сектора. Так, Юсуф Салим Атасагуи признавал, что этатизм обеспечил национальной экономике большие успехи, например, в производстве чая и сахара. И если государство откажется от своих экономических мероприятий, то частное предпринимательство еще не в силах будет урегулировать экономическую жизнь страны⁶³. Другой выступивший на конгрессе сторонник этатизма—Ш. Сюрея Айдемир—считал, в частности, что государство не препятствует развитию частного предпринимательства и в течение 25 лет оно сделало гораздо больше, чем в течение 600 лет сделали частные компании⁶⁴.

События послевоенного периода, свидетельствовали о том, что проблема этатизма становится важным моментом в спорах между различными слоями национальной буржуазии о дальнейшем экономическом развитии страны.

Одной из особенностей национальной буржуазии Турции того периода было то, что она крепла не в производстве, а в посреднических операциях. Буржуазия была посредником в торговле между государством и иностранной фирмой, между производителем и потребителем, действовала в качестве агента, комиссионера, представителя иностранных фирм-импортеров и т. д. Этими операциями занимались и такие крупные фирмы, как фирмы В. Коча, М. Кавала, Бурли и др. Например, М. Кавала получила право поставлять

в 1946—1947 гг. большую партию вагонов и вагоношестеры для Управления железных дорог, «Оффиса нефти» и других организаций общей суммой 28 млн. лир⁶⁵. В годы второй мировой войны В. Коч вместе с другими посредниками-импортерами получил право возить в Турцию грузовики для нужд государственного сектора. При этом признавалось право этих фирм продавать импортруемые грузовики государственным организациям по очень высоким ценам. В. Коч выступал также как агент Карабюкского комбината, закупал кокс и продавал его этому комбинату⁶⁶.

Механизм этих сделок был несложен. Если какой-либо государственной экономической организации необходимо было купить за границей оборудование, она привлекала частную агентскую фирму. Последняя (если на торгах именно она предложила лучшие условия от имени иностранной фирмы) и проводила все операции по ввозу оборудования для соответствующих государственных организаций. Агентской фирме оплачивались стоимость сделки плюс комиссионные. Тот же принцип существовал и при строительстве государством железных и шоссейных дорог, гидростанций и других объектов.

Следует отметить, что различия в условиях деятельности между частным капиталом и госсектором Турции определялись и тем, что предприятия частных компаний, даже крупные, уступали государственным по численности рабочей силы, технической оснащенности, качеству производимых изделий и т. п. Государственный сектор имел более широкие возможности найти необходимые средства для капиталовложений, чем частные предприниматели. Естественно, последние использовали все каналы, чтобы добиться равных прав с госсектором.

Изменилось и положение инациональной буржуазии. До сороковых годов она в определенной мере могла противостоять турецкой национальной буржуазии, постепенно набравшей силу.

Однако вторая мировая война создала исключительно благоприятные условия для окончательного вытеснения или поглощения инациональной буржуазии из экономики страны. В условиях войны давление извне также не было бы в состоянии противостоять чрезвычайным мерам турецких властей, предпринятым в отношении собственности инациональной буржуазии. В результате, 11 ноября 1942 г. был принят закон о налоге на имущество⁶⁷, согласно которому налогообложению подвергались крупные землевладельцы, владельцы домов и земельных участков, торговцы, комиссионеры, маклеры и т. п. Налогоплательщики были обязаны выплатить этот налог в течение 15 суток. В противном случае они могли быть направлены в любой район страны на принудительные работы. Цели этого чрезвычайного закона ясны: взискать дополнительный источник для покрытия разбухающих военных расхо-

дов, раз и навсегда покончить с конкуренцией инонациональной буржуазии, вытеснить ее из экономики и тем самым обеспечить еще более широкие возможности для своего развития.

Еще до обсуждения закона в меджлисе в некоторых кругах страны стало известно, что правительство подготавливает законопроект, направленный против инонациональной буржуазии. Примечательна беседа двух журналистов—Н. Садака⁶⁸ из газеты «Акшам» и Х. Т. Уса из газеты «Вакиф». Когда Н. Садак выразил свою озабоченность по поводу того, что обложение буржуазии налогом отрицательно скажется на ее развитии, Х. Т. Ус пояснил, что, как он осведомлен из достоверных источников, этот закон будет направлен против национальных меньшинств, а что касается турецких предпринимателей, то их интересы будут защищены⁶⁹.

Счевидия националистическая окраска этого закона. Неоднократные демагогические высказывания представителей властей о том, что члены турецкого общества равны перед законом, вновь на проверку оказались фальшивыми. О дискриминационной политике турецких властей свидетельствует и содержание соответствующей инструкции по налогообложению, согласно которой налогоплательщики разделялись на группы мусульман и немусульман⁷⁰. Затем были выделены еще две группы, куда вошли дёйме (еврей-мусульмане) и иностранцы. Для всех групп устанавливались различные размеры налогообложения. Английский автор Б. Льюис пишет, что дёйме должны были платить в два раза больше, чем мусульмане, а немусульмане—в десять и более раз⁷¹.

В условиях произвола турецких властей торговец-турок должен был платить 4,74 % своего годового дохода, грек—150 %, еврей—179 %, армянин—232 %, т. е. греки, по сравнению с турками, платили больше в 31 раз, еврей—в 36, а армяне—в 47 раз⁷².

Различные любители легкой наживы, спекулянты, нечистые на руку должностные лица стремились воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы приумножить свои богатства. Наблюдались случаи злоупотреблений со стороны чиновников, ответственных за проведение в жизнь закона. Например, один из членов налоговой комиссии понизил налог на представителя инонациональной буржуазии, а впоследствии стал его компаньоном. Были мусульмане, которые входили в сделки с представителями инонациональной буржуазии, выдавали себя за компаньонов и добивались сокращения размера налога. Такими делами занимался, например, Захит-бей, тесть премьер-министра Ш. Сараджоглу⁷³. И компания Вехби Коча «удалось» снизить налоговую сумму—с миллиона до 600 тыс. ливр⁷⁴. Самый высокий налог заплатила фирма «Барзылай и Бенджамен». Эти два торговца стали богачами после того, как оставили службу в «Обществе электричества» и стали заниматься транспортировкой угля. По данным Ф. Окте, эта фирма заплатила

около 1,7 млн. лир. Среди денег, заплативших налог в сумме миллион лир, находились также братья Безмен, братья Бурла и др.⁷⁵

Таким образом применение налога на имущество нанесло чувствительный удар по позициям инациональной буржуазии: значительная часть ее обанкротилась, другая—покинула Турцию. Однако некоторые предприниматели сумели восстановить и даже укрепить свои позиции. Закон о налоге на имущество действовал в стране до марта 1944 г., после чего был отменен⁷⁶. Пытаясь привлечь буржуазию националистов на свою сторону, лидеры оппозиционной Демократической партии выступили в роли критиков налога на имущество. Один из основателей ДП Джелял Баяр заявил, что закон плохо подготовлен, неудачно проводится и его партия решительно против всяких подобных законов⁷⁷. Демократическая партия долгое время использовала закон о налоге на имущество в политической борьбе против Народно-республиканской партии⁷⁸.

Можно утверждать, что применение закона на имущество стало в рассматриваемый период одним из важнейших «способов» накопления капитала в руках национальной буржуазии. Следует отметить также, что турецкая буржуазия не в первый раз прибегает к административным мерам в борьбе с инациональной буржуазией. Можно даже утверждать, что это является одной из особенностей развития турецкой национальной буржуазии.

Что же касается иностранного капитала, то национальная буржуазия Турции вела против него двойственную политику. С одной стороны, она была заинтересована в ослаблении его позиций в экономике во имя укрепления собственных, с другой—нехватка финансовых средств заставляла прибегать к помощи иностранного капитала. Национальная буржуазия в борьбе с иностранным капиталом, опираясь на политическую силу и власть, использовала и как средство влияния госсектор и путем национализации, налогообложения, таможенными пошлинами и т. п. всячески оберегала и защищала свои интересы.

После объявления республики турецкие власти вели политику постепенной ликвидации влияния иностранного капитала и до 1944 г., как подчеркивают турецкие авторы, никаких существенных поступлений извне не было⁷⁹. Однако после второй мировой войны национальная буржуазия Турции стала проявлять интерес к расширению связей с империалистическими монополиями, особенно с США. Стремление национальной буржуазии сотрудничать с деловыми кругами Америки совпало с желанием империалистических кругов этой страны, которые уже давно хотели поставить Турцию под свой контроль, милитаризовать страну и превратить ее в военный плацдарм против СССР и национально-освободительных дви-

жений в этом регионе. Одним из актов сближения двух государств стало соглашение по «докрине Трумэна», заключенное между ними в июле 1947 г. Договор положил начало проникновению американского империализма в страну. В результате подписания этого договора Турция получила от США военную помощь в сумме 100 млн. долларов⁸².

Вслед за этим договором, в июле 1948 г. между двумя государствами было заключено соглашение по «плану Маршалла» об экономическом сотрудничестве. Турецкие власти надеялись на помощь в сумме 615 млн. долл., однако США не пошли на столь щедрое финансирование. Турция смогла получить за 1949—1950 гг. лишь 180 млн. долларов⁸³.

Следует отметить, что США не стремились развивать турецкую промышленность, им выгодно было иметь Турцию в качестве сельскохозяйственной страны. Такая политика мотивировалась тем, что Европа вышла из войны разрушенной и испытывала нужду в продовольствии и сырье. Поэтому включение Турции в «план Маршалла» было обусловлено тем, что она должна была стать продовольственной и сырьевой базой Европы. Что же касается промышленных изделий, то Турция может их ввозить из Европы⁸⁴.

Фактически Турция должна была превратиться в продовольственную и сырьевую базу Запада. Страну все чаще стали посещать иностранные специалисты, которые затем давали рекомендации своим властям относительно турецкой экономики. Например, американский специалист М. В. Торнбург в своем отчете рекомендовал положить конец политике этатизма в Турции, ликвидировать Карабюкский металлургический комбинат, не строить заводов и фабрик, считая, что все, в чем нуждается страна, она получит от США⁸⁵. Торнбург был даже против предоставления турецкому правительству кредитов на приобретение судов, поскольку это якобы противоречит интересам местных и иностранных предпринимателей. По мнению заокеанского специалиста, самое лучшее, что могло сделать турецкое правительство,— это принять закон, признающий равные права за иностранным и местным капиталом. Кроме того, Торнбург рекомендовал открыть отделения американских страховых обществ и банков, а турецкому правительству использовать услуги специалистов, выбранных американскими консультационными фирмами и т. д.⁸⁶

После второй мировой войны Турцию посетила также комиссия Международного банка реконструкции и развития, которая в итоге своей миссии подготовила отчет. Комиссия рекомендовала министру сельского хозяйства всемерно содействовать росту сельскохозяйственного производства, а также обратить внимание на подготовку соответствующих кадров, в том числе за границей. Ин-

тересы индустриального развития страны, по мнению комиссии, требовали обратить внимание руководителей Турции на следующие важнейшие сферы: агропромышленные группы, производство сложных механизмов, инструментов, строительных материалов, минеральных веществ, деревообработку, керамическое и гончарное производство, столярное дело и т. п.⁸⁵ Эта комиссия, как и прочие, посещавшие Турцию, считала, что стране не нужно иметь тяжелой промышленности. Исходя из интересов частного предпринимательства, она рекомендовала правительству: более четко устанавливать сферы государственного вмешательства в промышленность, горное дело, торговлю; обеспечивать равные права государственному и частному секторам; устранить ограничения на иностранные частные капиталовложения и создавать благоприятные условия для их развития.

Нужно отметить, что все иностранные комиссии, посетившие Турцию, отражая интересы частного местного и иностранного капитала, стремились ликвидировать этатизм и обеспечить широкие возможности для укрепления и развития частного капитала. Кстати, даже президенты США Г. Трумэн и Д. Эйзенхауэр, выражая интересы деловых кругов Америки, стремились внушить турецкому правительству, что одним из условий получения Турцией американской «помощи» является предоставление иностранному капиталу свободы действий⁸⁶.

Турецкие власти пошли на серьезные уступки, приняв в мае 1947 г. решение о поощрении иностранного частного капитала в стране. Этим решением впервые за республиканский период правительство поощряло поступление иностранного капитала, причем разрешалось ввозить в страну капитал и в виде валюты. Иностраный капитал получил право делать вложения в те сферы промышленности, сельского хозяйства, общественных работ, которые будут считаться полезными для развития страны. В марте 1950 г. турецким меджлисом был принят первый закон (№ 5567) о поощрении иностранного капитала и частных капиталовложений⁸⁷.

Однако эти поощрительные меры турецкого правительства пока полностью не удовлетворяли представителей иностранного частного капитала, поскольку ограничивали вывоз прибылей и вложенного капитала.

В годы второй мировой войны иностранные капиталовложения в Турцию были скромными. Например, частные американские вложения составили в 1950 г. всего 33 млн. долларов⁸⁸.

В эти годы в стране уже существовали сотни турецких фирм, выполнявших роль торговых агентов иностранных фирм — американских, английских, швейцарских и др. Постепенное проникновение иностранного капитала в страну началось именно через эту агентуру. Еще в разгар второй мировой войны некоторые деловые

люди Турции предчувствовали, что Германия в войне потерпит поражение. Среди них был и Вехби Коч, явившийся торговым агентом некоторых иностранных фирм. Стремясь опередить своих конкурентов, Коч отправил в США своего представителя, которому удалось установить связь с американскими компаниями, а затем получить представительство таких крупных фирм, как «Дженерал электрик», «Ю. С. Раббер», «Оливер», «Барроуз», «Йорк». Сразу же после окончания второй мировой войны В. Коч сам отправился в Америку, где встретился с деловыми людьми США. После встречи с руководителями фирмы «Дженерал электрик» было решено создать первое американо-турецкое смешанное общество («Дженерал электрик ТАШ»), которое приступило к постройке электrolампового завода недалеко от Стамбула⁶⁰. 60 % акций «Дженерал электрик ТАШ» принадлежало американской фирме «Дженерал электрик», 25 % — Деловому банку и 15 % — В. Кочу⁶⁰. В 1950 г. строительство завода было закончено. В том же году была основана смешанная компания «Юнилевер иш тюрк л-д Ш», в которой 80 % капитала принадлежало англо-голландскому тресту «Юнилевер» и 20 % — Деловому банку. Компания построила крупный завод по производству растительного масла и маргарина⁶¹.

Американские деловые люди использовали в своих интересах даже своих дипломатов в Турции. Например, посол США в Турции Мак Джей в те годы открыто говорил о том, что он является не послом американского народа и правительства, а представителем американских деловых людей⁶². Находясь в Турции, Мак Джей многое сделал для американских нефтяных фирм: по возвращении в США, за исключительные заслуги, он был назначен на новый, более высокий пост с жалованьем, в 15—20 раз превышающим должностной оклад послов⁶³. После второй мировой войны американский капитал стал все шире проникать в горнодобывающую промышленность Турции. В 1947 г. между турецкими геологоразведочным институтом и американской фирмой «Дрилинг энд эксплорейшн компани» было заключено соглашение на разведку нефти и угля в Турции. Фактически в руки американского капитала было передано не только руководство этим институтом, но и монопольное право на разведку естественных богатств страны. Подобное право имела также американская компания «Юнайтед джеофизикал компани». А в ноябре 1947 г. Этибанк, заключив соглашение с одной американской фирмой, предоставил ей право провести ряд мер по повышению эффективности добычи свинца, железа, серы и других полезных ископаемых в районах Болкардага, Кебана, Кечибурлу и Гююшлю⁶⁴.

В те годы значительно увеличались американские частные инвестиции. В 1950 г. их общая сумма в Турции составляла 16 млн.

долларов⁹⁵. Официальная статистика свидетельствует, что после принятия плана Маршалла и закона Трумэна и введения турецкими властями упомянутых поощрительных законов резко увеличился ввоз в страну американских товаров. Так, импорт Турции из США в 1939 г. составлял около 11,7 млн. лир, в 1945 г.—22,2 млн., в 1951 г.—уже 135,4 млн. лир.

После поражения Германии во второй мировой войне ее позиции в турецкой экономике были сильно подорваны. Однако уже через два—три года наметилось значительное оживление в торговых отношениях, и вскоре экспорт Германии в Турцию опередил ввоз из США. Так, если в 1939 г. импорт Турции из фашистской Германии составлял около 60,1 млн. лир, то вывоз из Западной Германии уже в 1951 г. достиг 256,7 млн. лир и превысил импорт из США на 121,3 млн. лир⁹⁶. В апреле 1948 г. был заключен первый торговый договор между Турцией и французской оккупационной зоной Западной Германии⁹⁷. Турцию все чаще стали посещать представители западногерманского капитала. В числе прибывших в 1951 г. были директор Торговой палаты Мюллер, торговый советник бывшего немецкого посольства Шенке, бывший директор германского банка Вейдеман и др. Одни за другим в Турции стали открываться филиалы западногерманских банков «Рейниш Вестфалише», «Норддойче» и «Зюддойче» открыли в Стамбуле общий филиал. Их примеру последовали «Дрезденер банк», «Гамбургер кредит», «Рейн—Майн», «Рейн-Рур» и «Банк фюр хандель унд индустри»⁹⁸.

После США и Западной Германии в импорте Турции важную роль играли Англия и Франция. Например, если импорт Турции из Англии в 1945 г. составлял около 29,4 млн. лир, то в 1951 г. он достиг 130,3 млн. Ввоз из Франции с 1,2 млн. лир в 1945 г. достиг около 62,6 млн. в 1951 г.⁹⁹

Таким образом, турецкая национальная буржуазия, разбогатев в годы второй мировой войны, стала активно поощрять ввоз иностранного капитала, резко увеличила закупки товаров в странах Запада и все более придерживалась политики либерализации внешнеторговых связей с империалистическими государствами, в первую очередь—с Соединенными Штатами. В этой либерализации экономических связей Турции значительную роль сыграли также западные державы, которые, со своей стороны, хотели превратить Турцию в зависимую от них страну, использовать ее материальные и людские ресурсы в своих интересах. На наш взгляд, полностью применима к турецкой крупной буржуазии того периода характеристика, данная ведущими советскими востоковедами: «...Местный развитый капитал, связанный с империализмом и феодализмом (или с иными способами докапиталистической эксплуатации) и одновременно стиснутый ими, эволюционирует качественно отлич-

но от западного капитала в соответствующую историческую эпоху. По сравнению с последним развитие первого идет уродливо и односторонне»¹⁰⁰.

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ

1. ПРОБЛЕМА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Низкий уровень промышленного развития Турции принуждал национальную буржуазию страны серьезно задуматься над разрешением экономических проблем. Она выступала за индустриализацию страны, поскольку хорошо понимала: чтобы вывести страну из экономической отсталости, нужны конкретные меры. Капиталистические страны, как правило, начинают индустриализацию с отраслей легкой промышленности. Это объясняется, во-первых, тем, что капитал в легкой промышленности быстрее оборачивается, обеспечивая за короткое время большие прибыли; во-вторых, для развития легкой промышленности не требуется больших капиталовложений. И лишь после того, как с помощью легкой промышленности накоплен значительный капитал, начинается второй этап, т. е. этап развития тяжелой индустрии.

Турецкий экономист Халюк Джиллов, говоря о важности проведения политики индустриализации, отмечает, что, во-первых, благодаря индустриализации часть потребностей в промышленной продукции покрывается за счет внутреннего производства и, таким образом, экономится валюта, а увеличение экспорта дает еще один важный источник доходов. Во-вторых, более высокая по сравнению с сельским хозяйством производительность в промышленности позволяет увеличить национальное производство и тем самым уровень доходов. В-третьих, индустриализация придает устойчивость национальному доходу, который во многом определяется сельскохозяйственными доходами, зависящими от природных условий¹.

Турецкие власти для индустриализации страны могли использовать такие важные источники накопления, как налоги, прибыли предприятий госсектора, земельную ренту и т. п., однако значительная часть этих доходов была использована для военных целей.

Правящие круги Турции еще в 30-е годы стремились разработать планы развития экономики. Как известно, первый пятилетний план Турции охватывал 1934—1938 гг. и преследовал цель развития промышленности, в основном легкой. Вскоре после первого

пятилетнего плана был разработан второй, однако мировая война помешала его проведению в жизнь. Заявления турецких властей свидетельствовали о том, что они не собирались тормозить развитие экономики в годы войны. Как следует из выступления премьер-министра Ш. Сараджоглу от 5 августа 1942 г., правительство намерено было использовать все свои возможности для развития пищевой, текстильной, кожевенной и военной промышленности, не прибегая к помощи иностранных государств². Два года спустя правительство отдало распоряжение о подготовке плана развития экономики на послевоенный период. Для осуществления этой цели была создана специальная комиссия по планированию, которой руководили министры финансов, экономики, торговли и сельского хозяйства—Нуруллах Сюмер, Фуад Сирмен, Джемал Сирен и Шемсет Хатиноглу³. После года работы, в мае 1945 г., комиссией был подготовлен специальный доклад, отражавший основные принципы плана развития. План индустриализации предусматривал перевод сельского хозяйства на более прогрессивный путь развития, что обеспечивало бы в свою очередь промышленность страны необходимым сырьем⁴.

Одной из важнейших задач, стоящих перед национальной буржуазией, являлась финансовая проблема—ведь для проведения индустриализации требовались значительные капитальные вложения. В июне 1946 г. в законодательном порядке было признано целесообразным выпустить для развития экономики внутренний заем на сумму 150 млн. лир. Министерством финансов были распространены в стране облигации на 130 млн. лир⁵.

Однако вскоре турецкая национальная буржуазия убедилась, что только своими внутренними силами она не в состоянии осуществить намеченный план. Финансовые затруднения объяснялись не только отсталостью страны, но и тем, что деловые люди предпочитали вкладывать капитал не в промышленность, а в торговлю. Часть же предпринимателей вообще переводила свои капиталы в иностранные банки.

Х. Джиллов считает, что с 1930-х годов основными факторами, сдерживавшими индустриализацию страны, являлись: недостаток средств; отсутствие организаций, обеспечивающих долгосрочные кредиты; узость внутреннего рынка; низкий уровень производительности труда; дороговизна транспорта; высокая стоимость электроэнергии и т. д.⁶.

Правительство, стремясь обойти препятствия, стоящие на пути индустриализации, готово было прибегнуть к иностранным кредитам. Это нашло свое отражение в программе Народно-республиканской партии, утвержденной в 1947 г. Так, отмечалась необходимость развития и поощрения индустриализации (ст. 60), важность развития в стране пищевой, текстильной, горнодобывающей

промышленности, энергетики (ст. 51) с использованием иностранного капитала⁷.

Министр финансов в правительстве Р. Пекера Халит Назми Кешмир, говоря об усилиях по созданию плана экономического развития страны, отметил, что для финансирования подобной программы Турция, несомненно, испытывает нужду во внешнем долгосрочном кредите⁸.

Однако западные страны, исходя из собственных интересов, не собирались предоставлять Турции необходимые кредиты с низкими годовыми процентами. Они не были заинтересованы в развитии турецкой тяжелой промышленности, так как видели Турцию всего лишь в качестве импортера. Турецкие власти вынуждены были пойти на уступки и приступили к подготовке нового плана развития, но уже без отраслей тяжелой индустрии. Правительство Р. Пекера в начале 1947 г. предложило подготовку плана главному советнику министерства экономики Кемалю Сулейману Ванеру. В состав комиссии входили известные экономисты, значительную часть которых составляли члены турецкого экономического общества⁹. Для получения кредитов Турция обращалась также к международным организациям, в том числе и к Банку реконструкции и развития. В то же время в поисках внешних средств правительство стремилось привлечь в страну иностранный частный капитал¹⁰.

Судя по всему, национальная буржуазия большие надежды связывала с планом Маршалла, намереваясь существенную часть помощи получить от США. Однако впоследствии Соединенные Штаты отказались предоставить кредит, мотивируя свое решение тем, что у Турции достаточные запасы валюты и золота¹¹. Подобное решение вынудило турецкие власти связать перспективы экономического развития страны с реальными возможностями национального капитала.

5 ноября 1947 г. работы над планом развития были завершены. План содержал следующие разделы: сельское хозяйство; транспорт; крупные водно-энергетические сооружения; энергетика; металлургия; производство цемента; горнодобывающая промышленность; обрабатывающая промышленность. Для осуществления намеченных целей предусматривались финансовые вложения в сумме 3,7 млрд. дир.

По этому плану на развитие легких отраслей обрабатывающей промышленности предназначалось всего лишь 14,1 % всех капиталовложений¹². Предусматривалось строительство текстильных фабрик в Бакыркёе, Адане, комбината ситца в Измире, фабрики швейных ниток в Эрегли, двух хлопкоочистительных фабрик в Эгейском районе и пяти фабрик в Чукурове, двух фабрик по обработке конопляного волокна и сахарного завода в Адане¹³.

План развития страны предполагалось осуществить в 1948—1952 гг. Ведущее место, как было показано выше, было уделено сельскому хозяйству, в частности развитию технических культур. Было намечено увеличить, например, производство хлопка с 60 до 90 тыс. тонн; производство конопли с 15 до 52 тыс. т, приобрести 3700 новых тракторов¹⁴. Предусматривалось соорудить железные дороги протяженностью 1600 км с капиталовложением 1,65 млрд. лир, а также израсходовать 266 млн. лир на строительство шоссе-ских дорог и мостов¹⁵.

В остальных разделах плана были намечены следующие изменения: в энергетике производство каменного угля с 2444 тыс. т в 1946 г. довести до 4300 тыс. т в 1952 г., в добывающей промышленности планировалось довести добычу хрома в 1952 г. до 155 тыс. т, против 89 тыс. т в 1946 г., а добычу меди—до 24,7 тыс. т в 1952 г. против 10 тыс. т в 1946 г. и т. д. Капиталовложения в металлургию были весьма скромными¹⁶.

Правительства менялись, а проблемы развития экономики так и оставались нерешенными. В своих официальных программах власти выдавали себя за приверженцев осуществления плана развития, при этом не теряли надежд получить от западных стран кредиты. Так, премьер-министр Хасан Сака в правительственной программе от 8 июня 1948 г. отметил, что для осуществления плана развития экономики он намеревается использовать не только внутренние финансовые возможности, но и иностранные кредиты. Касаясь вопроса иностранных кредитов, премьер-министр отметил, что в этом деле предпринимаются ответственные меры и что скоро будут достигнуты положительные результаты¹⁷. Однако обещания Хасан Сака остались невыполненными. Пришедшее ему на смену правительство Шемседдина Гюналтая 16 января 1949 г. в своей программе относительно плана развития заявило, что сельское хозяйство страны должно развиваться ускоренными темпами, что обеспечит национальную индустрию необходимыми материалами, укрепит валютные источники и станет основой экономического развития. Ш. Гюналтай отметил, что правительство из собственных финансовых возможностей намерено планомерно оснащать шахты современной техникой, добиться их рационального действия и тем самым растущее производство каменного угля использовать в качестве источника валюты. При этом новый премьер-министр американскую «помощь» считал главной поддержкой в делах развития и увеличения производственной продукции страны¹⁸.

Однако, как показали дальнейшие события, надежды турецких властей получить американские кредиты пока не сбывались—осуществление плана развития за 1948—1952 гг. осталось на бумаге. США не предоставляли кредитов для развития турецкой национальной промышленности, государственного сектора. Они всячески

стремились создавать препятствия на пути этого развития, принуждая турецкое правительство обеспечить свободную деятельность иностранного частного капитала.

Помимо вышеуказанных факторов, отрицательно действовавших на турецкую экономику, определенную роль по-видимому, сыграла и неустойчивость политической жизни страны. Только за 1946—1950 гг. друг друга сменили пять правительств¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что государственное вмешательство в хозяйственную жизнь носило сугубо прагматический характер, было вынужденным и во многом объяснялось нежеланием, а чаще неспособностью частного капитала обеспечить экономический подъем страны.

Несмотря на политику турецкого правительства, государственные предприятия, как показывает статистика, были более крупными, чем частные. Так, если в те годы на одно государственное предприятие приходилось в среднем 739 человек, то на частное—38¹⁹. В так называемой «крупной» частной промышленности, т. е. попросту ценовой, доля наемного труда не превышала 60 %, в значительной степени еще сохранялся труд членов семей. В 1950 г. в обрабатывающей промышленности, например, в частном секторе насчитывалось свыше 82 тыс. «ценовых» предприятий с 259,5 тыс. работниками²¹. Среди них 154,7 тыс. человек составляли наемные рабочие, а 104,8 тыс. в качестве членов семей работали без жалования.

Как известно, еще в 30-х годах в Турции были учреждены две самые крупные, по турецким масштабам, государственные экономические организации—Сумербанк и Этибанк, в руки которых перешли основные государственные предприятия. Размеры их капиталовложений в промышленность могут дать представление об участии государства в развитии промышленности страны. Так, в 1940—1945 гг. государство по линии Сумербанка и Этибанка ежегодно инвестировало в промышленность 10,8 млн. лир. Это свидетельствует о том, что в годы войны оно уменьшило капиталовложения в промышленность, поскольку в довоенный период среднегодовые капиталовложения этих банков составляли 15 млн. лир²².

Турецкие предприниматели после второй мировой войны увеличили свои вклады в промышленность. Так, доля капиталовложений частного сектора в промышленность достигла к 1949 г. 600 млн. лир²³. Постепенно увеличивалось число государственных и частных фирм. В 1950 г. в обрабатывающей промышленности действовало 2515 частных и 103 государственных фирм²⁴. В целом следует считать, что меры, принятые турецкими властями с целью индустриализации страны, оказались недостаточными и не дали положительных результатов. Если и имелись некоторые сдвиги, то они были весьма скромными и относились к послевоенным 1945—1950 гг.,

когда общий индекс промышленного производства вырос на 22,6%, т. е. средний годовой прирост составил около 4 %²⁸.

К аналогичному мнению приходят и В. П. Смирнов. Он отмечает, что в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы существенных структурных изменений не произошло, поскольку по стоимости произведенной продукции первое и второе места занимали пищевая и текстильная промышленность, дающие 60,8 % всей промышленной продукции Турции, стоимость же продукции, произведенной металлургической, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленностью—лишь 9,1 %²⁹.

Национальная буржуазия Турции так и не смогла найти конкретные пути по разрешению такого важного вопроса, как индустриализация страны. Местная промышленность по-прежнему лишь частично удовлетворяла потребности страны, а многие важные промышленные товары Турции вынуждена была импортировать.

2. АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Сельское хозяйство Турции—основная отрасль экономики страны. Подвояющая часть самостоятельного населения занята в этой отрасли. В 1940 г. на нее приходилось 62,4 %; в 1945 г.—65,6; в 1950 г.—61,7 %³⁰. Доля сельского хозяйства в национальном доходе в 1938 г. составляла 55,6 %, в 1948 г.—53,2, в 1950 г.—50,0 %³¹. Сельское хозяйство играет важную роль также во внешней торговле. В 1939 г. 88,2 % экспорта составили сельскохозяйственные продукты, а в 1950 г. даже 93,0 %³². Но все же сельское хозяйство было и остается отсталой отраслью экономики. Оно велось на крайне слабой технической основе. Обработка земли осуществлялась почти исключительно примитивными ручными орудиями—деревянной сохой, простейшим железным плугом с использованием живой тягловой силы. Число используемых в сельском хозяйстве тракторов было незначительно: в 1944 г., например, их насчитывалось всего 956 штук³³.

Долгие годы в Турции шел процесс обезземеления крестьянства, особенно ускорившийся в годы второй мировой войны. Наряду с этим происходила концентрация земель в руках помещиков и ростовщиков. Так, например, помещичьи семьи, владевшие земельным участком более 500 денюмов³⁴ и составлявшие 1,5 % землевладельцев, держали в своих руках одну четвертую часть всех обрабатываемых земель страны. В то же время семьи, имеющие до 75 денюмов, составляли 75,5 %, т. е. три четверти всех землевладельцев, владели лишь 29,4 % обрабатываемых земель³⁵.

Землевладельцы постепенно расширяли размеры своих владений за счет крестьянских, государственных и общинных земель.

Однако, захватывая земли, они часто не вели хозяйства. Как правило, помещики использовали свою землю для выжимания из крестьян арендной платы. В условиях отсталой экономики, наличия феодальных пережитков, обеспечивающих полуфеодалную эксплуатацию крестьянства, сдача земли в аренду мелкими участками являлась наиболее выгодным методом получения землевладельцами огромных доходов. Издольщина издавна являлась самой распространенной формой ведения хозяйства.

В турецких деревнях значительное влияние имели ростовщики. Они безудержно эксплуатировали крестьянское хозяйство, нуждавшееся в кредите и одновременно являлись торговцами, часто посредниками закупочно-сбытовых фирм. Турецкий крестьянин притеснялся и как продавец сельскохозяйственной продукции и как покупатель промышленных товаров. Используя огромную разницу между ценами на местном сельском и городском рынках, они зарабатывали большие суммы.

Несмотря на то, что в Турции перед войной насчитывалось около полумиллиона безземельных крестьянских семей и 773 тыс. малоземельных хозяйства, турецкое правительство долгое время игнорировало аграрный вопрос в стране³³ и не принимало по нему серьезных решений.

Проведение аграрной реформы власти пытались подменить второстепенными мерами. Так, в декабре 1937 г. И. Иненю заявил о намерении правительства «создать сельскохозяйственные объединения (комбинаты), которые будут планомерно оснащаться новыми орудиями, сельскохозяйственной техникой и средствами орошения. И. Иненю вынужден был признать, что в Турции «безземельных крестьян больше, чем можно было это представить»³⁴.

Необходимость какого-то решения аграрного вопроса стала очевидной в 40-х годах, ввиду угрозы снижения сельскохозяйственного производства и активизации крестьянских выступлений. В одном из своих заявлений министр сельского хозяйства Ш. Хатипоглу специально говорил о крупных помещиках, которые жили в городах и не обрабатывали свои земли, а также о тех землевладельцах, которые не занимались земледелием, не стремились вкладывать свои капиталы в землю, обеспечивая свои частные интересы через издольщину. Он отметил при этом: «Мы не согласны с тем, чтобы земли остались без капиталов и техники и чтобы они использовались только благодаря труду издольщиков. В нашей стране помещики будут иметь свои права на землю только тогда, когда они будут должным образом обрабатывать свои земли и вкладывать капиталы в землю; с другой стороны, если кто-либо захочет заниматься земледелием, он сможет стать землевладельцем»³⁵.

Подобные высказывания и связанные с ним практические шаги властей, несомненно, отражали стремление турецкой националь-

ной буржуазии, преимущественно торговой, создать благоприятные условия для развития капиталистического производства и увеличения товарности сельского хозяйства, развития внутреннего и внешнего товарооборота. Однако те представители господствующих классов, которые были связаны с помещичьим землевладением, всячески препятствовали такого рода мерам. Национальная буржуазия хорошо понимала, что создание самостоятельной экономики невозможно без упразднения технико-экономической отсталости, без коренных аграрных преобразований в деревне. Необходимость капиталистических преобразований в сельскохозяйственном производстве страны, повышения товарности вытекала, во-первых, из того, что оно являлось источником существования основной массы населения. Во-вторых, эта важность определялась и той ролью, которую играла сельскохозяйственная продукция во внешней торговле страны. Ведь экспорт для Турции всегда являлся важным источником валютных поступлений. В-третьих, преобразования в сельском хозяйстве определялись также растущей ролью сельского хозяйства, как поставщика сырья для турецкой промышленности.

Но если, с одной стороны, национальная буржуазия была заинтересована в решении аграрного вопроса, ликвидации феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, сковывающих развитие производительных сил в городе и деревне, служащих основой общей социально-экономической отсталости страны, то, с другой стороны, буржуазия была связана и с землей, вкладывала капиталы в приобретение земли и искала поддержки феодальной верхушки в борьбе против крестьян. В свою очередь, крупные помещики часть своих накоплений стремились вкладывать в торговлю, подряды, в промышленность и т. п. В крупных городах находились фабрики, гостиницы, торговые агентства, рестораны, склады, хозяевами которых были землевладельцы⁵⁶.

Таким образом, интересы помещиков и буржуазии часто совпадали. Поэтому турецкая буржуазия не желала осуществления радикальных мер в сельском хозяйстве, надеясь удовлетворить интересы крестьянства второстепенными мерами. Буржуазия таким образом в известной мере сохраняла помещичий класс в качестве своего союзника против крестьянских масс.

Буржуазные аграрные реформы, как известно, осуществляют-ся и за счет разорения крестьянства, и за счет ликвидации помещичьего класса. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Останется помещичья земельная собственность за помещиками или перейдет к крестьянам? Если останется за помещиками,—останутся отработки и кабала. Останется нужда и постоянные голодовки миллионов крестьян. Муки медленного вымирания от голода—вот что озна-

чает для крестьян сохранение помещичьей земельной собственности³⁷.

В Турции аграрную реформу проводили имущие классы и, естественно, они не шли на такие преобразования, которые не отвечали их интересам. Поэтому решался этот вопрос за счет крестьянства.

Закон о земельной реформе Турции 1945 г. был принят мджлисом 11 июня 1945 г.³⁸ Закон содержал 66 статей и 8 частей. Первая статья провозглашала цели закона: передать малоземельным и безземельным крестьянам и лицам, желающим заниматься сельским хозяйством такое количество земли, которое хватило бы лишь для того, чтобы прокормить крестьянина и его семью. В статье намечалось также обеспечить крестьян необходимыми средствами производства, основным и оборотным капиталом. Основным капитал предусматривалось предоставить сроком на 25 лет, с 5 % годовых, что предназначалось для создания и развития хозяйства, а для оборотного капитала предусматривались кредиты сроком на три года для обеспечения годового производства. Кредиты на оборотный капитал компенсировались годовым урожаем (ст. 47). Чтобы обеспечивать земледельцев капиталом, при Сельскохозяйственном банке был основан специальный фонд, дающий право открывать кредиты с 5 % годовых.

Закон обязывал земледельцев обрабатывать свои земли, не обработанные в течение трех лет участки подлежали отчуждению и передаче безземельным и малоземельным крестьянам. Эта статья не распространялась на земли, которые находятся под паром, под ябью или хозяева которых несут военную службу и т. п. (ст. 7, 14).

Анализ статей этого закона показывает, что государственные или принадлежащие частным лицам хозяйства могут остаться неприкосновенными, если они обрабатываются должным образом, несмотря на то, что размеры земель этих хозяйств превышают 5 тыс. денюмов. Следовательно, крупные помещичьи землевладения могли остаться вне отчуждений.

В числе неотчужденных земель входили и сады. Это означало, как справедливо пишет Б. М. Данциг, что подавляющая часть помещичьих и крупных кулацких хозяйств не подлежала отчуждению³⁹.

Правящие круги Турции были заинтересованы не в отчуждении помещичьих земель, а лишь стремились заставить помещиков превратить свое полуфеодальное хозяйство в капиталистическое. Такой подход к решению вопроса очевиден из статьи 33, устанавливавшей пятилетний срок для определения отчуждаемых земельных участков. Таким образом, эта статья предоставляла возможность тем помещикам, которые вели свое хозяйство на полуфеодальной основе, приобрести необходимые средства, стать поме-

щиком-капиталистом и тем самым избежать отчуждения своих земель. Даже при отчуждении помещичьих земель помещики получали денежную компенсацию, размер которой определила земельная комиссия (ст. 21—23)—факт, свидетельствующий о том, что закон не противоречил интересам помещиков.

При оценке характера аграрной реформы особое место занимает вопрос, как крестьянин получает землю—выкупает или берет ее без выкупа. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Крестьянам только тогда принесет сколько-нибудь серьезную пользу аграрное преобразование, если они получат землю без выкупа»⁴⁰. Исходя из ленинского определения, можно констатировать, что аграрная реформа 1945 г. не принесла сколько-нибудь серьезной пользы. Турецкие крестьяне за полученную землю должны были платить установленный министерствами финансов и сельского хозяйства выкуп. Крестьяне должны были погасить свои долги в течение 20 лет равными долями (ст. 42, 46).

Согласно закону, земли площадью до 500 денюмов считались мелкими хозяйствами, до 5 тыс. денюмов—средними и свыше 5 тыс. денюмов—крупными (ст. 5). Это говорит о стремлении законодателей защищать интересы кулацких хозяйств, владевших участками до 500 денюмов земли, приравнять их к лицам, имевшим 1—2 денюма, которые считались мелкими собственниками.

Наиболее примечательной была 17-я статья закона, направленная против издольной системы. По этой статье земли, обрабатываемые безземельными и малоземельными издольщиками, арендаторами и сельскохозяйственными рабочими (исключая временных), подлежат отчуждению для передачи вышеуказанным лицам. За землевладельцами оставалось право выбирать лучшие земельные участки, в три раза превышающие норму распределения в данном районе, не менее 5 га. 17-я статья,—отмечает П. П. Моисев,—была в основном направлена против главного феодального пережитка турецкой деревни—издольщины, ограничивая возможности помещика полуфеодального типа эксплуатировать крестьян старыми методами⁴¹.

Видные представители властей, отражая интересы национальной буржуазии, стремились ограничить издольщину. Так, в одном из своих выступлений министр сельского хозяйства Ш. Р. Хатипоглу признавал, что издольная система не оправдывает себя. Она сковывает экономическое развитие страны, так как крестьянин-арендатор не заинтересован в хорошей работе, во внедрении техники, орошения, поскольку он не уверен, что завтра эти земли помещик не отдаст другим в аренду. А с другой стороны, помещик всегда доволен работой арендатора, так как, все, что остается в его руках от чужого труда, помещик считает выгодой⁴².

Несмотря на то, что земельный закон лишь в какой-то степени затрагивал интересы помещиков, они стали вести активную борьбу против реализации закона, особенно 17-й статьи. В 1947 г. на очередном съезде Народно-республиканская партия (НРП) вынесла решение о запрещении отчуждения помещичьих земельладений⁴³. В этом вопросе очень ярко проявились противоречия между буржуазией и помещичьей прослойкой правящих классов Турции. Проявились также и способы смягчения этих противоречий — взаимные уступки, смягчение формулировок, изменения отдельных, наиболее радикальных положений закона о земельной реформе.

Как отмечает политический деятель Турции Хилми Уран, противники НРП использовали аграрную реформу как оружие против НРП. Они вели активную агитацию среди землевладельцев, в результате чего землевладельцы выступили против НРП⁴⁴. В числе помещиков, недовольных аграрной политикой правительства, находились Дж. Орал, Аднан Мендерес, Эмин Сазак и др., которые впоследствии составили костяк Демократической партии. Так, например, Дж. Орал, который в июне 1948 г. был министром сельского хозяйства, выступая против аграрной реформы, утверждал, что при осуществлении аграрных преобразований не следует увлекаться «крайними идеями», которые принесут якобы ущерб сельскому хозяйству и социальной жизни⁴⁵. Под «крайними идеями» он имел в виду отчуждение земель. — сама мысль об этом казалась ему крамольной. Другой крупный помещик Эмин Сазак считал, что если правительство пойдет на передачу земель крестьянам, это повлечет за собой тяжелые последствия, крестьяне будут требовать новых уступок⁴⁶.

Такой точки зрения придерживался и Аднан Мендерес.

В результате активных действий помещиков правительство Турции 27 марта 1950 г. внесло существенные изменения в закон в пользу помещиков. Была отменена упомянутая выше 17-я статья. А ст. 16-я устанавливала необходимость начать наделы с государственных, вакуфных, неиспользуемых муниципальных земель, с земель свыше 5 тыс. лентюмов и после этого — с земель от 2—5 тыс. лентюмов, если указанные земли будут недостаточны для наделов. И если по закону 1945 г. министерство сельского хозяйства имело право определять отчуждаемые участки (ст. 18), то после изменения закона 27 марта 1950 г. это право передавалось помещикам. Значительно была увеличена сумма компенсации за отчужденные помещичьи земли⁴⁷.

Эти изменения красноречиво говорят о том, что даже худший закон 1945 г. сильно встревожил помещиков-землевладельцев, и они выступили против аграрных преобразований.

Аграрный закон 1945 г. не дал каких-либо положительных результатов турецкой деревне. В период 1945—1950 гг. в 633 деревнях

32289 крестьянским семействам было передано примерно 149716 га земли. А между тем в Турции тогда насчитывалось 40 тыс. деревень с 2,5 млн. сельских семей. Из этих семей 128 690 были безземельные, а 872830—малоземельные⁴⁸.

Помещичьи землевладения фактически не были тронуты. По-прежнему подавляющее большинство составляли мелкие хозяйства, а горстка помещиков сосредоточила в своих руках большинство земель. По турецким данным, в 1952 г. в стране крупные землевладельцы, владевшие свыше 300 деюмов и составлявшие лишь 3 % землевладельцев, распоряжались землями, которые составляли 32,5 % всех обрабатываемых земель. А лица, владевшие землями от 1 до 150 деюмов и составлявшие 90,7 % землевладельцев, располагали землями, которые составляли только 50,3 % всех обрабатываемых земель⁴⁹.

Попытка правящих кругов Турции провести аграрные преобразования в стране закончилась неудачей. Один из активных сторонников аграрного закона, министр сельского хозяйства Ш. Р. Хатипоглу подал в отставку; через некоторое время его сменил крупный помещик, противник аграрного закона Дж. Орал. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что национальная буржуазия не была достаточно сильна и помещичий класс имел прочные устои в турецком обществе. После вступления Дж. Орала на пост министра сельского хозяйства стало совершенно очевидно, как будет осуществляться аграрный закон.

Реформа 1945 г. не разрешила аграрную проблему в Турции, поскольку, во-первых, эту реформу провели имущие классы; во-вторых, крестьяне получили земли, в основном не из отчужденных помещичьих земель, а из бесхозных государственных земель; в-третьих, за отчуждение помещики получили щедрую компенсацию от правительства, а турецкие крестьяне, в свою очередь, получали земли не бесплатно, а с выкупом, т. е. становились должниками государства; в-четвертых, средние и крупные помещичьи земли оставались неприкосновенными, если они обрабатывались «должным образом», т. е. капиталистически, и т. д.

Естественно, что даже те крестьяне, которые получали земли, не могли без машин, инвентаря, скота, кредитов и других необходимых средств, вести свое хозяйство. Как показывают факты, потребности землевладельцев в сортовых семенах в 1948 г. были удовлетворены лишь на 17 %, а что касается наличия у земледельцев скота, то 22 % из 2322 тыс. земледельческих семей совсем не имели тяглогового скота⁵⁰. Другой важной проблемой, стоящей перед турецким крестьянином, являлось приобретение сельскохозяйственных кредитов. Этими операциями в Турции занимались Сельскохозяйственный банк и кредитные кооперативы. Однако

Сельскохозяйственный банк выдавал крестьянам только краткосрочные кредиты для приобретения семян, удобрений и т. д. А турецкие крестьяне особенно нуждались в долгосрочных кредитах, что позволило бы им увеличивать сельскохозяйственное производство. Как показывают данные, размеры кредитов Сельскохозяйственного банка постепенно увеличивались. Так, если сельскохозяйственный кредит в 1940 г. составлял лишь 50 млн. лир, в 1948 г. — 235, то в 1953 г. — 1212 млн. лир⁶¹. Следует отметить, что львиную долю этих кредитов получали помещики и кулаки. Эти кредиты не только использовались помещиками для расширения своего хозяйства, но и превращались в ростовщический капитал. Будучи не в состоянии обрабатывать свои земли, крестьяне часто вынуждены были продавать земли, и в силу этого в турецкой деревне происходило расслоение крестьянства на кулачество, мелкого товаропроизводителя и сельскохозяйственного пролетариата. А турецкая буржуазия рассчитывала на поддержку кулацкого слоя.

Аграрная проблема Турции в целом оставалась нерешенной. Но развитие капитализма в сельском хозяйстве ускорилось. Согласно турецким статистическим данным, наблюдался рост площадей под зерновыми культурами. Если в 1934—1938 гг. они составляли 6,3 млн. га, то в 1950 г. — 8,2 млн. га. Между тем, если получаемый урожай зерновых культур в 1934—1938 гг. составлял 6,8 млн. тонн, то в 1950 г. — 7,8 млн. тонн⁶². Несомненно, что рост посевных площадей зерновых культур и их урожайность в значительной степени определялись тем, что многие помещики применяли капиталистические методы ведения хозяйства. Например, в 1948 г. число тракторов, используемых в сельском хозяйстве страны, увеличилось до двух тыс. штук, против 956 в 1944 г. Импорт же сельскохозяйственных машин в 1947 г. вырос с 8 до 41 млн. лир⁶³. Тем не менее феодальные пережитки, сковывали рост производительных сил в турецкой деревне. Например, всеобщая сельскохозяйственная перепись 1950 г. показала, что из 2,3 млн. крестьянских семей примерно четверть работает на земле в качестве арендаторов или издольщиков⁶⁴.

Таким образом, аграрный вопрос в Турции решался в союзе национальной буржуазии с помещиками на основе взаимных уступок, в результате чего оставались нечрикосновенными социальные отношения и сущность политической власти в стране.

3. НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Развитие капиталистических отношений в Турции привело к росту численности рабочего класса страны. Основными источниками его формирования являлись обездоленные крестьяне, ремеслен-

ники, а также выходцы из рабочих семей. Низкий уровень развития промышленности Турции определял малочисленность пролетариата. Текстильные, швейные, табачные и пищевые предприятия составляли основу промышленности страны.

Рабочий класс Турции—один из угнетенных, бесправных классов страны. Через долгие годы проволок турецкие власти были вынуждены еще в июне 1936 г. внести в меджлис законопроект о труде (№ 3008), об антирабочем характере которого говорят многие положения этого закона⁵⁵. Так, закон о труде запрещал рабочим создавать свои организации, совместно действовать, пользоваться правом на забастовку. Закон косвенно признавал право работодателей увольнять рабочих с работы⁵⁶. Формально говорилось о восьмичасовом рабочем дне. Следует также добавить, что закон о труде распространялся только на рабочих крупных предприятий, т. е. за рамками закона оказалась большая армия транспортных, сельскохозяйственных рабочих, рабочих ремесленных мастерских и т. д.

Вслед за этим в 1938 г. меджлисом был принят закон об обществах. Этим законом запрещалось организовывать общества, основывавшиеся на семейных, общинных, национальных, классовых и т. п. принципах. Чтобы основать общество, необходимо было получить разрешение от правительства. Как отмечает турецкий автор Асыл Чечен, «после принятия этого закона права по созданию организаций рабочего класса полностью были ограничены»⁵⁷.

Положение рабочего класса еще больше ухудшилось в годы второй мировой войны. «Положение рабочего класса и трудящегося крестьянства,—пишет Р. П. Кюндакчян,—усугублялось и тем, что законы военного времени и военное положение, объявленное в шести вилайетах, строго запрещали организацию индивидуального или коллективного протеста против гнета помещиков и буржуазии»⁵⁸. По подсчетам Ю. Н. Розалиева, средняя заработная сумма турецких рабочих колебалась в пределах 60—100 лир в месяц⁵⁹. Мизерность заработной платы по сравнению с ценовой обусловила низкий жизненный уровень турецкого рабочего.

Национальная буржуазия широко использовала выгодную для себя военную конъюнктуру для обогащения. 18 января 1940 г. был принят закон о национальной защите, что еще более ухудшило и без того тяжелое положение рабочего класса: трудовой день был удлинен на 3 часа, день отдыха был отменен, запрещались прогулы и т. д.⁶⁰ Как отмечает Сертель, в силу этого закона трудовой день составлял 11—12 часов, официально разрешалось использовать в рудниках труд женщин и детей⁶¹. В шахтах Чайдемир рабочий день длился до 16 часов, а на ряде предприятий—до 18 часов⁶². Характерно, что при обсуждении рабочего вопроса в меджлисе никто из

депутатов не выступил в защиту рабочих, а один из них даже воскликнул: «Только на три часа?»⁶³.

Экономическая политика, проводимая турецкими властями в годы второй мировой войны, приводила к ухудшению социального положения трудящихся. Об этом говорит и тот факт, что они не имели средств снимать квартиры, и поэтому широко прибегали к строительству «генджеконду», т. е. в одну ночь строили из случайно добываемых строительных материалов домики и селились в них. «Генджеконду» представляли собой трущобы, лишённые элементарных удобств для нормальной жизни. Особенно трудно было там жить зимой—без отопления, электричества, питьевой воды и т. д. В 1950 г. в Турции было примерно 15—20 тыс. «генджеконду»⁶⁴.

Естественно, бедственное положение рабочего класса принуждало его вести борьбу за свои права. И турецкие власти вынуждены были под влиянием растущего рабочего движения в июне 1945 г. учредить министерство труда,—для рассмотрения вопросов рынка труда, выполнения посреднических функций в трудовых спорах между рабочими и работодателями, применения форм социального страхования и т. п.

После второй мировой войны реакционный, антидемократический «закон об обществах» подвергся изменениям, были отменены запрет на организацию обществ и необходимость получения разрешения от властей на организацию общества⁶⁵. В период подготовки этих мер лидер НРП и президент страны Исмет Иненю в своем выступлении от 10 мая 1946 г. отметил, что Народно-республиканская партия изменила свои взгляды относительно организации профсоюзов. «Программа нашей партии,—отметил Исмет Иненю,—запрещает организовывать общества на классовой основе, однако мы намерены отменить эту статью. Наша программа не признает классовую борьбу, и мы ищем согласия между классовыми интересами. Мы не должны препятствовать тем, кто хочет создавать общества и партии на классовом принципе, но будем запрещать деятельность тех обществ и партий, которыми руководят за пределами нашей страны»⁶⁶. Таким образом, создание профсоюзов провозглашалось свободным; фактически же они должны были находиться под строгим контролем властей, которые имели право закрывать профсоюзы и запрещать их деятельность, прежде всего тех, которые преследовали прогрессивные цели и имели связи с международными демократическими организациями.

К классовому миру призывал рабочих и министр труда Сади Ирмак, который в одном своем выступлении отметил, что «огромное число патриотов—рабочих выражают стремление сотрудничать с государством и обратились к министерству труда с просьбой руководить ими»⁶⁷. Власти стремились сразу же взять рабочее движение под свой контроль. С этой целью правительство Турции

приняло 20 февраля 1947 г. «Закон о профсоюзах и профсоюзных объединениях рабочих и работодателей», который, хотя и признавал право рабочих организовать профсоюзы, но одновременно устанавливал, что, поскольку профсоюзы являются национальными организациями, они не имеют права действовать вопреки якобы национальным интересам. Профсоюзы по-прежнему не должны были иметь право на забастовку и заниматься политикой. Закон признавал в то же время право создания синдикатов работодателей. «Закон,— пишет Р. П. Корниенко,— преследовал явную цель— превратить рабочие союзы в филиалы националистических организаций турецкой буржуазии, контролируемые правительственными органами»⁶⁸.

В условиях, когда правительство активно вмешивалось во внутренние дела профсоюзов, рабочие не спешили вступать в союзы, опасаясь преследований. Любые действия прогрессивных профсоюзов могли считаться противоречащими национальным интересам, власти имели право сразу арестовывать лидеров профсоюзов, а профсоюз—закрывать. Например, за 1946 год по обвинению в распространении коммунистической пропаганды было арестовано более 400 человек⁶⁹.

Чтобы ускорить процесс формирования подконтрольных турецкому правительству профсоюзов, правительством было создано профсоюзное бюро, финансируемое правительством. Организованное в Стамбуле объединение профсоюзов, которое призвано было руководить всеми профсоюзами Турции, также находилось под контролем властей. Например, в июле 1947 г.—январе 1948 г. оно получило от министерства труда 3 тыс. лир. Помимо этого, министерство труда с марта 1947 г. по ноябрь 1949 г. профсоюзам, находившимся под его влиянием, и рабочим спортивных клубов «подарило» 19600 лир⁷⁰. С целью привлечения рабочих подконтрольные правительству профсоюзы стали оказывать рабочим материальную помощь в кредит. Однако, как отмечает Аныл Чечен, предпринимаемые властями меры не дали желаемых результатов, так как жизненные условия рабочих оставались тяжелыми, а социальная помощь была недостаточна⁷¹.

Национальная буржуазия Турции лавировала, прибегала ко всяким уловкам, чтобы лишить рабочее движение прогрессивного руководства. Путем предоставления доходных, престижных должностей и оказания финансовой поддержки лидерам профсоюзов, рабочей аристократии она стремилась поставить профсоюзы под свой контроль. Алпаслан Ышыклы писал, что в упомянутые годы «профсоюзы из-за финансовых затруднений и неопытности кадров в основном находились под влиянием правительства»⁷².

С февраля 1947 г. до конца 1948 г. в Турции действовали 73

профсоюзы, с 52 тыс. членами, а в 1950 г. число профсоюзов достигло 88 с 78 тыс. членами⁷⁵.

В 40-е годы в Турции шла упорная борьба профсоюзов за право организации забастовок. Между двумя крупными турецкими буржуазными партиями НРП и ДП шла борьба за привлечение на свою сторону профсоюзов. С этой целью обе партии пытались иметь своих сторонников в руководстве профсоюзных организаций, подкупали профсоюзных лидеров деньгами и обещаниями высоких постов⁷⁶. Из выступления представителей национальной буржуазии и компетентных государственных деятелей явствовало, что они не намерены были предоставить рабочим права на забастовки, а требовавших его называли коммунистами. Министр труда в правительстве Сараджоглу Сади Ирмак по этому поводу писал, что «использование забастовок в качестве политических возбуждающих средств даст возможность иностранным державам вмешиваться в трудовые дела страны»⁷⁸. Другой министр труда Решед Шемседдин Сирер, при премьер-министре Гюналтае также был против предоставления рабочим прав на забастовки, демагогически заявляя, что забастовки наносят ущерб самим рабочим⁷⁸. По словам советника министра труда Фуада Эрджняша, те, кто требует права на забастовку, не являются турками. А другой политический деятель, доктор Фахри Куртулуш, выступая в меджлисе, заявил, что забастовка является оружием коммунистической партии, и что в Турции нет никакого социального слоя, который требовал бы права на забастовку⁷⁷.

Ряд профсоюзов, находясь под влиянием властей, выступали против предоставления рабочим права на забастовку. Эти профсоюзы в январе 1950 г. на своем собрании заявили, что они не требуют права на забастовку⁷⁸. Несомненно, что это было сделано по диктовке правительства. Представители рабочих государственных предприятий были избраны и направлены на конференцию в Анкару по распоряжению и при финансовой поддержке министра труда Р. Ш. Сирера. Выступая в Анкаре от имени всего турецкого трудящегося народа, эти «делегаты» высказались против предоставления права на забастовку. Затем они были приглашены на обед, где присутствовали лидеры и «активисты» этих профсоюзов, руководящие деятели НРП, депутаты меджлиса и т. д.⁷⁸

Другие профсоюзы Турции резко осудили подобные махинации властей. Министру труда Сиреру была отправлена телеграмма следующего содержания: «В нашем конгрессе 20 января 1950 г. мы отделились от профсоюза текстильщиков и организовали Свободный профсоюз рабочих текстильной промышленности города Стамбула. Ваше заявление в меджлисе о том, что турецкий рабочий не требует забастовок, не является мнением ни рабочих, ни профсоюзов. Профсоюз текстильных рабочих не является вырази-

телем взглядов всех турецких рабочих. В качестве Свободного профсоюза рабочих текстильной промышленности мы требуем признать право на забастовку⁸⁰. Однако турецкие власти не только проигнорировали требование рабочих, но и передали дело этого профсоюза в суд за то, что он якобы занимался политикой⁸¹.

С требованием о предоставлении рабочим права на забастовку выступили на своем чрезвычайном конгрессе также члены профсоюза рабочих текстильной промышленности района Чукуровы, с центром в г. Адана. Председатель конгресса Ш. Эреджан отправил министру труда телеграмму, где были изложены взгляды участников конгресса по этому вопросу⁸².

Чтобы заручиться на парламентских выборах поддержкой рабочих, недавно созданная ДП заигрывала с ними, делала демагогические заявления в отношении прав рабочих. Лидер ДП Ды. Боир, выступая в 1946 г. в Измире, подчеркнул, что «благополучие рабочих будет обеспечено лишь с помощью профсоюзов»⁸³. А когда в 1947 г. в меджлисе проводились дискуссии по случаю принятия закона о профсоюзах, все выступавшие из оппозиционной ДП защищали право рабочих создавать свои профсоюзы и иметь право на забастовку. Один из основателей ДП Фуад Кёприюлю заявил: «...Если не будет принято право рабочих на забастовку, то не будет достигнута цель создания профсоюзов и свободы в Турции на демократической основе»⁸⁴. Демократы признавали право рабочих создавать профсоюзы и иметь право на забастовки, с оговоркой, что они не преследуют политических целей⁸⁵. Кемал Сюлкер подчеркивает, что некоторая часть рабочих перешла на сторону ДП и стала поддерживать ее за то, что она выступала за право на забастовку⁸⁶.

Многие прогрессивные деятели страны, правильно оценив лицемерные действия ДП, разъясняли рабочим ложную суть ее поведения и стремились убедить рабочих, что им ничего хорошего нельзя ждать ни от НРП, ни от ДП.

Вопреки усилиям эксплуататорских классов и властей, стачечное движение в Турции в первые послевоенные годы росло. Так, за 1945—1946 гг. бастовали табачники и грузчики Стамбула, железнодорожники на юге, портовые рабочие в Измире, рабочие Зонгулдакского угольного бассейна. Они требовали повысить заработную плату, сократить рабочий день, отменить штрафы, улучшить бытовые условия⁸⁷.

Тем не менее, рабочее движение в Турции в 40-х годах было еще слабо и отдельные выступления турецких рабочих не нашли широкого резонанса. В этом сказалась растყленность рабочего класса Турции по мелким предприятиям, что оказывало отрицательное воздействие на процесс формирования и сплочения рабочего класса страны.

Проведение национальной буржуазией Турции политики открытых дверей в отношении иностранного капитала затрагивало в первую очередь интересы рабочих. В результате ее западногерманские, английские и особенно американские монополии стали наводнять турецкий рынок своими товарами. Многие турецкие предприниматели, не имевшие возможности противостоять засилью иностранного капитала, обанкротились, а тысячи рабочих были брошены на произвол судьбы.

О растущем числе обанкротившихся предпринимателей говорит тот факт, что только за 1949 г. было закрыто свыше 100 предприятий⁶⁰. В 1950 г. в Бурсе было закрыто 25 текстильных фабрик, в Измире—более 25 предприятий, закрывались десятки фабрик в Стамбуле и в других городах страны⁶¹. Вследствие этого резко повысилось число безработных. Например, если в 1946 г. их насчитывалось 25 тыс. человек, то в 1950 г.—более чем 54 тыс. человек⁶².

Национальную буржуазию Турции отнюдь не интересовали жизненные условия рабочего класса. В погоне за прибылями она постепенно увеличивала рабочий день, усиливала эксплуатацию трудящихся масс, заставляла работать на предприятиях, оснащенных старой техникой, что было причиной многочисленных несчастных случаев.

Между тем правительственные чиновники неоднократно заявляли о своих намерениях улучшить жизненные условия рабочих. Но все их обещания оставались невыполненными. В своей правительственной программе от 12 августа 1946 г. премьер-министр страны Реджеп Пекер отметил, что правительство намерено обеспечить рабочие центры медицинскими учреждениями⁶³. Однако в 1950 г. на всю Турцию приходилось всего 200 больниц и поликлиник, ежегодно только от туберкулеза умирало 40—50 тыс. человек⁶⁴.

Текучесть кадров приняла угрожающие размеры. Исследования, проводившиеся на одном из предприятий, имевшем в 1943 г. 402 рабочих, показали, что из общего числа рабочих только 116 человек работали 30 дней. По мнению Куртхана Фишеку, причиной этого явления были болезни и недостаточное питание⁶⁵. В такой текучесть был заинтересован и предприниматель—она избавляла его от необходимости выделять средства на страхование, уменьшала опасность профсоюзной деятельности на предприятии.

Система страхования в Турции также не отвечала интересам трудящихся масс. Как отмечает Ю. Н. Розалиев, «страхование по несчастным случаям на производстве и профессиональным заболеваниям, а также по старости и материнству крайне недостаточно для улучшения положения трудящихся. В результате чего десятки тысяч искалеченных рабочих были брошены на произвол судьбы, сотни и тысячи семей рабочих, погибших на капиталистических предприятиях, обречены на голод и нищету»⁶⁶.

Как выше было сказано, турецкие правящие круги запрещали любые выступления трудящихся за свои элементарные права. С целью разрешения конфликтов, возникавших между рабочими и работодателями, властями были учреждены арбитражные суды. В случае, если местные и вилайетские арбитражные суды были не в состоянии разрешить спор, то дело слушалось Высшей арбитражной комиссией. Однако на всех стадиях судебного разбирательства, как пишет Ю. Н. Розалиев, участвуют лица, которые защищают только интересы буржуазии, а рабочие и их представители даже не допускаются к слушанию дела. Все определяют правительственные чиновники, которые выносят решения, как правило, в пользу капиталистов⁶⁶. Так, например, в октябре 1947 г. возник крупный конфликт в Адане между рабочими и владельцами текстильной фабрики, где большинство рабочих получали 20—30 лир в месяц. Рабочие требовали повысить зарплату на 80 %, но владельцы фабрики согласились на 40 %, и Высшая арбитражная комиссия удовлетворила желание работодателей. Так же поступила эта комиссия в ноябре 1948 г. с рабочими борацитовых рудников в Султанчайыре (Балыкесирский вилайет), где рабочие требовали повысить зарплату на 30—40 %, но получили прибавку всего в размере 2 %⁶⁶.

После второй мировой войны рабочий класс страны стал активнее выступать за свои права. Но преобладание мелких предприятий с небольшим числом рабочих мешало им организоваться. Развитию рабочего движения в свою очередь препятствовали низкий уровень грамотности рабочих, а также наличие значительного отряда сезонных рабочих. Как отмечал Б. Г. Гафуров, «опутанность афро-азиатского пролетариата традиционными связями (религиозными, земляческими, регионалистскими), его молодость и незрелость, преобладание в его составе нефабричных групп и временно занятых, текучесть кадров—все это мешает рабочему классу в развивающихся странах Востока осознать свое положение и свои собственные интересы»⁶⁷. Эта характеристика полностью относится и к рабочему классу Турции изучаемого периода.

Национальная буржуазия Турции не намерена была заниматься разрешением рабочего вопроса, а наоборот, исходя из своих узкоклассовых интересов, еще более усиливала эксплуатацию рабочих. Пользуясь неграмотностью и полуграмотностью части рабочих, буржуазия пыталась отвлечь их внимание от борьбы за свои права пропагандой шовинизма, национализма, доводя используя в этих целях и религию. Даже закон о труде 1936 г., который обещал рабочим весьма скромные права, фактически не действовал. Об этом свидетельствует тот факт, что после второй мировой войны тысячи турецких рабочих в своих выступлениях выдвигают и такие требования, обязательность выполнения которых предусматривалась вышеуказанным законом.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

I. РОЛЬ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ЖИЗНИ ТУРЦИИ

В одну из влиятельных группировок в Турции превратилась в 40-е годы бюрократическая буржуазия. Процесс ее формирования значительно ускорился после национально-освободительного движения, после национализации правительством иностранных предприятий. В результате в государственном аппарате все чаще стали появляться руководители и специалисты промышленных предприятий, банков, транспорта и т. д. Этот аппарат значительно расширился с созданием крупных государственных экономических организаций (ГЭО). Правительство, осуществляя политику госкапитализма, национализировало ряд частных предприятий, управление ими также перешло в руки государственных директоров и служащих. Так, число служащих, содержание которых финансировалось из «генерального» и «присоединенного» бюджетов, в 1938 г. составляло 88,5 тыс., в 1941 г.—86,6 тыс. и в 1946 г.—151,7 тыс. человек¹, т. е. менее чем за 10 лет число служащих увеличилось по сравнению с 1938 г. почти в два раза.

По другим статистическим данным число всех служащих Турции, т. е. тех, которые финансировались не только из «генерального» и «присоединенного» бюджетов, но и муниципального, местного бюджетов и бюджета государственных экономических организаций, составляло 222,2 тыс. человек².

Разумеется, к бюрократической буржуазии не следует причислять всех государственных служащих. Для того, чтобы бюрократия стала еще и буржуазной, справедливо отмечает Н. А. Симония, необходимо наличие, по крайней мере, двух важных условий: во-первых, возможности систематического и широкого злоупотребления своим положением в госаппарате и, во-вторых, материализации плодов этих злоупотреблений не только в сфере личного потребления, но и в форме частной предпринимательской деятельности³.

Поэтому в состав бюрократической буржуазии Турции, на наш взгляд, входят в основном высшие служащие, профессиональные политики, директора, главные инженеры государственных предприятий, депутаты Великого национального собрания Турции и т. д. В условиях эксплуататорского общества большая часть высших и средних государственных служащих злоупотребляет своим служебным положением, вовлекается в коррупцию, взяточничество, расхищение государственных средств в целях самообогащения. В. И. Ленин подчеркивает, что чиновничество, бюрократия—это

особый слой лиц, специализировавшихся на управлении и поставленных в привилегированное положение перед народом⁴. С другой стороны, рост государственного аппарата в Турции отрицательно сказался на жизненном уровне служащих. В 40-х годах в условиях дороговизны, спекуляций и нехватки товаров заработка мелких служащих были такими мизерными, что в этом признался даже премьер-министр страны Шюкрю Сараджоглу в своей правительственной программе от 15 марта 1943 г. Он обещал служащим, получающим зарплату более 140 лир, дарить один комплект костюмной ткани, а тем, кто получал меньше, было обещано по две пары костюмной ткани⁵. Для этой подачки в 1944 финансовом году в качестве добавления к бюджету были сделаны дополнительные ассигнования в размере 15 млн. лир⁶.

Что касается высших слоев служащих, то они получали высокую зарплату и имели возможность вести обеспеченную жизнь. Ежемесячный оклад депутата меджлиса в 1948 г., без налоговых удержаний, составлял 1150 лир. Вместе с тем депутат ежегодно получал 3 тыс. лир на дорожные расходы. Премьер-министр и председатель меджлиса, помимо депутатского оклада и дорожных расходов, ежемесячно получали 772 лиры без налоговых удержаний, а министры—450 лир⁷. Если сравнить ежемесячные доходы премьер-министра, председателя меджлиса и министров со средней заработной платой рабочих и мелких служащих (ее размер в эти годы колебался в пределах 50—100 лир), то выясняется, что оклад первых превышал заработную плату рабочих примерно в 20—35 раз. Этот пример—одно из свидетельств глубокого социального неравенства между верхушкой и низшими слоями турецких служащих, связанными более с трудовыми массами.

Следует добавить, что при назначении на служебные посты в Турции значительную роль играют знакомства, состоятельность, родственные и партийные связи. О роли партийных связей говорит, например, такой факт: после выборов 1950 г. из правлений государственных компаний было выведено 743 республиканца и на их «хорошо оплачиваемые должности» были назначены члены Демократической партии⁸.

Американский социолог А. Т. З. Мэтьюз в 1954 г. провел в Турции исследование среди студентов. Мэтьюзом были отобраны две группы. Первая включала 92 служащих в возрасте до 34 лет, которые в течение 5—15 лет находились на государственной службе и которые в данный момент проходили учебу в Институте по подготовке административных кадров Турции и Среднего Востока. Вторая группа была составлена из 240 студентов факультета политических наук и 50 студентов юридического факультета Анкарского университета. Результаты анкетирования показали, что в обеих группах 31—34 % отцов студентов и молодых специалистов были

государственными служащими, 13—14 % — заняты в торговле⁹.

Эти итоги свидетельствуют, что родственные и классовые связи, богатство играют важную роль при назначении на служебные посты. Такая практика приводила к тому, что на ответственных государственных постах, на предприятиях нередко оказывались люди некомпетентные, слабо представляющие свои обязанности, мало интересовавшиеся перспективами развития своих предприятий, их проблемами.

Результаты обследований Метьюза показали также, что в Турции самыми престижными должностями являлись: губернатор, депутат, инженер, доктор, генерал, судья, дипломат, профессор, крупный предприниматель, генеральный директор¹⁰. Высокая престижность, например, генерала, объясняется тем, что значительная часть отставного офицерства вообще получала высокооплачиваемые должности, занимала высокие посты в государственном аппарате и в промышленности. В этом убеждаешься, знакомясь с карьерой военной верхушки Турции. Так, Думлу Нафиз учился в военной школе, стал военным служащим, а затем — председателем муниципалитета Эрзурума. Эрем Али Рыза, окончив военную академию, получил пост генерального директора государственных железных дорог, Гюрели Реджан стал губернатором Балыкесира, Караджан Шарафетдин — генеральным директором Управления почты, телеграфа и телефона (П. Т. Т.), Селер Фанк — председателем вилаетского управления Кайсери и т. д.¹¹ Все указанные военнослужащие стали депутатами меджлиса 8-го созыва. По нашим подсчетам, число военных среди депутатов турецкого меджлиса данного созыва составляло 12,6 %¹².

Одним из основных условий получения высоких должностей являлось высшее образование. Например, состав турецкого меджлиса 8-го созыва показывает, что депутаты, имевшие высшее образование, составляли 71,7 % всех депутатов, а служащие — 78 %¹³. Высшее образование турецкие служащие получали на факультетах права и экономики Стамбульского университета, в высших торговых школах Стамбула и Измира, на факультетах политических наук и юридическом Анкарского университета и др. Отметим, что в 1946—1947 гг. среди турецких служащих высшее образование имели лишь 9,1 % служащих¹⁴.

Верхушка турецкой бюрократии, отделенная от низших слоев глубокой социальной пропастью, хотя и не занималась предпринимательской деятельностью, однако входила в элиту общества. В ней были представлены также гражданские служащие и военные.

Государственные служащие, контролируя распределение подрядов, лицензий, государственных займов и т. д. имели широкие возможности злоупотреблять своим служебным положением, брать взятки от частных предпринимателей. Турецкий автор К. Боратан,

например, пишет что в Турции, как правило, в начале любой деловой операции подрядчики давали взятки банкам, высокопоставленным техническим и административным служащим¹⁵.

Крупные предприниматели, распространяя свое влияние на государственный аппарат, используя знакомства, контакты с высокопоставленными служащими, подчас имели возможность переманивать последних в частный сектор, предлагая им высокооплачиваемые должности. Эти лица, как правило, имели экономическое и техническое образование, накапливали в течение многих лет работы в государственно-экономических организациях значительный трудовой опыт и навыки¹⁶. Например, высокопоставленный служащий, специалист госаппарата Исмаил Хюльки Алисбах, перешедший в частный сектор, и по образованию, и по практической работе был типичный специалист высшей квалификации, карьера которого протекала в самый разгар статистических мероприятий. Начав в 20-е годы со специалиста по финансовым расчетам, он достиг в 40-е высших ступеней государственно-хозяйственного аппарата, был директором ГЭО сначала Сумербанка, а затем Иллербанка. В конце 40-х годов Х. Алисбах оставил государственный сектор и в качестве менеджера связал свою судьбу с деятельностью мультимиллионера Вехби Коча¹⁷.

Говоря о причинах взяточничества, коррупции и т. п., надо отметить, что они не кроются лишь в низких зарплатах мелких служащих. Благодаря своим высоким постам, этими махинациями в основном могли заниматься наиболее обеспеченные слои служащих. Примером может служить деятельность Атыфа Инана, депутата НРП от Измира, министра торговли Турции при правительстве Реджепа Пекера¹⁸. 7 сентября 1946 г. правительство Турции произвело девальвацию турецкой лиры, в результате чего курс доллара повысился от 100 до 280 курушей. А. Инан использовал возникшую ситуацию в своих корыстных целях, заблаговременно уведомив о предстоящей девальвации близких ему торговцев. В результате некоторые импортные товары исчезли с рынка, после же объявления нового курса лиры торговцы стали продавать заранее закупленные ими товары уже по более высоким ценам. Эта спекуляция дала им возможность получить огромные прибыли. Как отмечает Исмаил Джем, «в некоторых местах эти товары обеспечили прибыль в размере 180 %»¹⁹. Другой турецкий автор отмечает, что благодаря мероприятиям, осуществленным 7 сентября, некоторые члены НРП (правящей партии) сразу же стали миллионерами²⁰.

Подобных источников обогащения в системе управления хозяйственной деятельностью было много. Тот же министр Атыф Инан разбогател при списании на государственных складах испорченной пшеницы. Злоупотребляя своим служебным положением,

министр на каждую тонну гнилой пшеницы списывал 9 тонн годной. Перед очевидцами сбрасывалась в море гнилая пшеница, а остальное списанное количество пшеницы А. Инан продавал турецким экспортерам пшеницы²¹. При расследовании в 1948 г. махинаций А. Инана выяснилось, что в ней замешаны и некоторые другие министры. Примечательно, что в результате парламентского расследования дела Атыфа Инана меджлис в конце концов признал его невиновным²².

Злоупотреблениями занимался губернатор Стамбула Л. Кырдар. Он разрешил повысить цену на мясо на 160—180 курушей, получив затем взятку в 20 тыс. лир от поставщиков мяса. Он же отменил твердую цену на уголь, получив от торговцев углем взятку в размере 50 тыс. лир. Тот же Кырдар в период взимания налога на имущество дал муниципалитету указание скупить за 7 млн. лир земельные участки налогоплательщиков в Мачке (один из районов Стамбула), рыночная стоимость которых составляла 950 тыс. лир. Несомненно, такая разница ему обеспечила большие выгоды. В Куручешме Л. Кырдар приобрел у налогоплательщика земельный участок за 20 тыс. лир. Половину этого участка он затем продал муниципалитету за 100 тыс. лир²³. Л. Кырдар впоследствии стал министром здравоохранения в правительстве Адмана Мендереса²⁴.

В годы второй мировой войны в Турции значительно обогатилась та часть государственных служащих, которые занимали высокие посты в учреждениях, контролировавших экспортные и импортные операции страны. В эти годы министерство торговли, контролируя цены вывозимых товаров, изымало ввозную пошлину в размере 10 %. Импорт же контролировался союзами импортеров. Торговец должен был получить разрешение на сделку от этих союзов. Это, как отмечает Й. Сертель, давало возможность государственным служащим, которые контролировали экспортно-импортные операции, брать взятки и создавать привилегированные условия для некоторых торговцев. Такими злоупотреблениями, подчеркивает Й. Сертель, в основном занимались лица, связанные с правящей НРП и стоявшие близко к президенту страны Исмету Иненю²⁵. Многие высокопоставленные чиновники государственного аппарата нажили миллионные состояния или стали владельцами обширных поместий: министр финансов, Ф. Агралы, депутат меджлиса С. Омер, председатель меджлиса Абд. Ренда²⁶.

Турецкие государственные служащие, после оставления службы, как правило, не стремились вкладывать накопленные путем разных махинаций крупные средства в промышленность, а приобретали на них земельные участки, строили и продавали затем дома, покупали акции действующих предприятий, занимались торговыми операциями и т. д. «Легче осуществляется процесс пе-

перождения капиталистов-бюрократов в торгово-посредническую буржуазию,—писал Б. Г. Гафуров,—нежели предпринимательскую»²⁷. Эта оценка полностью применима и к турецким капиталистам-бюрократам.

Турецкая бюрократия стремилась скрывать источники таких доходов. Зачастую они переводили свои капиталы в зарубежные банки. Например, как отмечает Е. Ф. Лудшувейт, различные высокопоставленные турки, нажившие баснословные капиталы на спекулятивных операциях, хищениях в государственном хозяйстве, взяточничестве и т. д., размещают свои «сбережения» в заграничных банках, главным образом американских и швейцарских. Такого рода вложения в 1947 г. возросли до 58 млн. долларов против 1 млн. долларов в 1939 г., турецкие капиталисты перевели из швейцарских банков в банки США 154 млн. долларов; таким образом, сумма сбережений составляла более 200 млн. долларов²⁸. Газета «Джумхурист» 2 февраля 1948 г. писала, что сумма капиталов турецких граждан в иностранных банках составляла от 150 до 250 млн. долларов.

Таким образом, значительная часть средств была переведена в зарубежные банки, что отрицательно сказалось на состоянии финансовой системы страны. Некоторая часть накопленного бюрократией капитала вкладывалась в предпринимательское дело, способствовало развитию капиталистических отношений в Турции, формированию и дальнейшему развитию национальной буржуазии.—«Бюрократическая буржуазия,—пишет К. Н. Брутенц.—это едва ли не самый паразитический социальный слой, соединяющий в себе пороки, уходящие корнями в феодальные, капиталистические и колониальные отношения: алчность и жажду обогащения, но без предпринимательской жилки и склонность к показной роскоши, раболепие и властолюбие, безудержную социальную демагогию и склонность к политическому насилию, жонглирование националистическими лозунгами и готовность пойти на сделку с империализмом, авторитарность и антидемократизм и т. д.»²⁹. Эта оценка относится к освободившимся странам 70-х годов, однако совершенно справедлива и для турецкой бюрократической буржуазии 40-х годов; поскольку многое из того, что происходило тогда в Турции, имеет свои аналоги в некоторых странах, ставших недавно на путь политической самостоятельности.

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И ГОРОДСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ

Городская мелкая буржуазия Турции—одна из самых многочисленных социальных групп страны. В ее состав входят ремесленники и другие мелкие товаропроизводители, торговцы, в основ-

ном лавочники, владельцы небольших заведений сферы обслуживания и т. д. Вместе с некоторыми другими категориями горожан (служащие, государственные чиновники и т. д.) они представляют средние слои населения.

Весьма трудно точно определить границы мелкой буржуазии. К. Маркс отмечает, что «если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом»³⁰. Следовательно, в полном смысле слова к средним слоям, или мелкой буржуазии, нельзя отнести те зажиточные слои, которые в своем производстве используют наемный труд рабочих. «Мелкокапиталистический уклад, — подчеркивает А. И. Левковский, — начинается с того рубежа, на котором прибавочная стоимость становится основным источником дохода собственника заведения»³¹.

Городская мелкая буржуазия, или средние слои городов, Турции по своему составу и материальному положению неоднородны. Их можно разделить на три группы. Первые две, действуя в сфере обращения и услуг, в промышленности и т. д., редко прибегали к помощи наемных рабочих и довольствовались весьма скромными доходами. К третьей группе относятся владельцы мелких промышленных заведений, разных предприятий в сфере обслуживания, в торговле и других отраслях. Как правило, они используют наемный труд — до двух-трех рабочих и тем самым примыкают к нижним слоям национальной буржуазии.

Относительно мелкого производителя К. Маркс писал: «Его прибыль состоит: 1) из процентов на его небольшой капитал; 2) из его заработной платы; 3) из той части прибавочного времени, в течение которого обладание капиталом дает ему возможность работать не на других, а на самого себя, — той части, которая не выражена уже в проценте. А если он держит рабочих, то сюда входит и их прибавочное время»³². При всей емкости и пестроте понятия «мелкая буржуазия», или городские средние слои, главное заключается в том, что они являются мелкими собственниками, не эксплуатирующими чужой труд или применяют его в столь незначительной степени, что это не освобождает их от необходимости работать самим³³.

По турецким статистическим данным, в 1950 г. в населенных пунктах страны с числом жителей свыше 2 тыс. человек, в обрабатывающей промышленности насчитывалось 72,2 тыс. мелких «предприятий», в которых было занято около 187 тыс. человек³⁴, т. е. на одно такое «предприятие» приходилось примерно от одного до трех человек. Турецкий экономист Халик Джиллов отмечает, что в материальном положении таких мелких производителей и рабочих не было большой разницы, так как во многих случаях заработная плата фабричного рабочего была выше, чем владельца

мелкого производства³⁵. В. И. Ленин в отношении мелкого капитала писал, что «величина этого капитала определяет форму личного участия хозяина в предприятии: является ли он и сам рабочим, если его капитал еще мелок, или отказывается от личного труда и специализируется на коммерческо-предпринимательских функциях»³⁶.

В населенных пунктах с числом жителей от 501 до 2 тыс. человек, согласно этой же переписи, в мелкой промышленности насчитывалось свыше 17 тыс. рабочих мест, в которых было занято более 38 тыс. человек, из коих примерно 21 тыс. человек являлись рабочими, в 18 тыс.—владельцами и членами их семей³⁷.

Согласно данным турецкого экономиста Эльдема Ведата, во время второй мировой войны в мелком производстве работало более 380 тыс. человек³⁸. А по другим сведениям, «общее число мелких товаропроизводителей и рабочих-надомников в 1950 г. составляло около 200 тыс. человек»³⁹.

Определить точное число мелких производителей в промышленности Турции трудно из-за отсутствия необходимых данных.

В 40-х годах мелкая промышленность еще занимала значительное положение в стране. Так, в 1939 г. стоимость мелкотоварной продукции производства составляла 40 % всей промышленной продукции страны, в 1945 г.—32,8 %⁴⁰, а в 1950 г.—27,6 %⁴¹. Несмотря на снижение доли мелкого производства, оно сохранило значительное место в турецкой экономике. Например, в металлообрабатывающей промышленности на мелких предприятиях было занято 80 % всех рабочих отрасли, в машиностроительной—83 в кожевенной—88, в мебельной—92 % и т. д.⁴² Ремесленные мастерские были распространены по всей Турции. В городах западной Анатолии, в Стамбуле имелись пошивочные, деревообрабатывающие, ткацкие мастерские; в Бурсе—шелкоткацкие; в вилайетах Испарта, Бурдур, Кютахья и Ушак было распространено ковроделие, в Денизли—производство хлопчатобумажных тканей, в Измире—мебели, в вилайетах Ушак, Кютахья, Болу и др.—производство кожи, керамики, гончарное дело и т. д. В центральной Анатолии были распространены мастерские по ковроткачеству, камнеобработке, производству шерсти; в южной и юго-восточной Анатолии, в городах Газантеп, Адана, Диярбакыр, Мардын и Элязыг—изготавливались ткани, серебряные изделия и т. д.; в восточной части Анатолии—производство тканей, сырья и т. д., в северной—производство тканей, мебели и т. д. В восточной Фракии преобладало производство молочных продуктов, сыра, вина, и т. д.⁴³

Мелких производителей обеспечивало сырьем сельское хозяйство. Наряду с городскими средними слоями Турции мы видим солидный слой мелкой буржуазии и в деревнях. Помимо крестьянства в ней представлены: столяры, гончары, сапожники, парик-

махеры, ткачи, портные, мелкие торговцы и т. п. По данным турецкого экономиста О. Туна, в Стамбуле к 1950 г. насчитывалось 150 тыс. ремесленников, в руках которых были сосредоточены такие отрасли промышленности, как кожевенная, обувная, швейная и т. д.⁴⁴

Значительную часть мелкой буржуазии составляли торговцы и лавочники. По промышленной переписи 1950 г. в розничной торговле Турции имелось около 91 тыс. точек, где владельцы и компаньоны составляли примерно 95 тыс., работающие по найму и не по найму соответственно—21,3 и 16 тыс. человек⁴⁵. Как следует из этих данных, на одно такое рабочее место розничной торговли приходилось менее двух человек. Владельцев и соавладельцев этих рабочих мест также надо отнести к числу мелкой буржуазии. Таким образом, согласно данным промышленной переписи Турции 1950 года, учтенная численность мелкой буржуазии во внутренней торговле Турции составляла примерно 95 тыс. человек. В обслуживающем секторе Турции преобладали мелкие пошивочные, сапожные мастерские, парикмахерские, предприятия общественного питания и т. д. Согласно этой же переписи в обслуживающем секторе насчитывалось почти 50 тыс. рабочих мест, где было занято более 121 тыс. человек, из коих 53 тыс. человек составляли владельцы и компаньоны, 34,2 тыс.—работающие по найму и 34,2 тыс. работающие не по найму⁴⁶. Следовательно, если аналогичным способом к числу мелкой буржуазии отнести владельцев и компаньонов этих предприятий, получится, что учтенная численность мелкой буржуазии, занятой в обслуживающем секторе, составляла в 1950 г. примерно 53 тыс. человек. Приведенные данные свидетельствуют о том, что на такое одно предприятие приходится примерно от двух до трех человек. Следовательно, владельцы этих рабочих мест редко прибегали к помощи наемных рабочих.

Таким образом, определенно можно сказать, что городская мелкая буржуазия, или городские средние слои, в рассматриваемый период играла значительную роль в экономике и в социальной жизни Турции. Это было обусловлено, во-первых, тем, что средняя и крупная промышленность не была настолько развита, чтобы полностью удовлетворить все потребности населения, особенно в условиях продолжавшейся в стране дороговизны. Во-вторых, мелкую буржуазию меньше беспокоила проблема значительных капиталов, расходы электроэнергии или транспортных перевозок и т. д.

Национальная буржуазия Турции, исходя из своих интересов, поддерживала меры правительства, поощрявшего деятельность мелкой буржуазии. Например, мелкие предприятия в Турции освобождались от налога на торговые сделки. Этот налог распространялся на тех, кто использовал рабочую силу более пяти человек

и двигатель мощностью в 2 л. с. Предприятия, использовавшие труд десяти человек и более, облагались налогом социального обеспечения в размере от 13—15 % заработной платы наемных рабочих. Этот закон также не касался мелких предприятий⁴⁷. Кроме того, принятый 8 июня 1936 г. закон о труде, который поставил перед крупными предпринимателями ряд обязанностей, не распространялся на мелкие предприятия с числом рабочих менее четырех человек⁴⁸.

Как видно, политика национальной буржуазии в отношении мелкой буржуазии носила двойной характер. Если, с одной стороны, она в некотором смысле способствовала развитию мелкой буржуазии, с другой—принуждала мелких производителей не расширять производство, угрожая им дополнительным налогово-обложением.

В 1943 г. мелкой буржуазии разрешалось создавать палаты предпринимателей, подобно промышленным и торговым палатам, которые должны были подчиняться и выполнять указания министерства торговли. А в 1949 г. законом «Об обществах и союзах мелких предпринимателей» последние были разделены на три группы: 1) работающие в одиночку ремесленники (оседлые и бродячие); 2) владельцы ремесленных мастерских и мелких промышленных предприятий, имеющие механический двигатель и использующие труд не более трех рабочих или не имеющие механического двигателя и использующие труд не более восьми рабочих; 3) владельцы мелких предприятий по обслуживанию населения (предприятия общественного питания, сапожные и пошивочные мастерские, парикмахерские и некоторые другие) независимо от числа рабочих (подмастерьев). Создававшиеся общества должны были удовлетворять их «профессиональные, экономические и социальные потребности»⁴⁹. Это свидетельствует о том, что национальная буржуазия Турции в какой-то мере была заинтересована в сохранении и развитии городских средних слоев, обслуживающих производство и обмен.

Еще в 1938 г. в Турции был учрежден Народный банк, с помощью которого буржуазия намерена была удовлетворять потребности мелких производителей в кредитах и держать под своим контролем их деятельность. Однако, как указывает Н. Г. Киресев, в изучаемый нами период его помощь мелким производителям была мизерной и случайной⁵⁰.

Огромное значение для существования и развития мелкой буржуазии имело вытеснение и национальной буржуазии с внутреннего рынка страны. Выше было отмечено, что правительство национальной буржуазии и либеральных помещиков Турции в ноябре 1942 г. опубликовало закон о налоге на имущество, который был направлен не только против крупной и средней ико-

национальной буржуазии, но и против мелкой. В результате тысячи ремесленников, мелких торговцев и производителей нетурецкого происхождения были вытеснены из экономики страны, тем самым открывались благоприятные условия для развития местных турецких средних слоев.

Обычно отношения между крупной и мелкой буржуазией обостряются только тогда, когда национальная буржуазия выступает конкурентом мелкой буржуазии. Городские средние слои не были в состоянии конкурировать с местным крупным и иностранным капиталом. Вот почему мелкая буржуазия была заинтересована в усилении экономической роли государства, расширении государственного сектора, ограничении крупного частного капитала. Однако она поддерживала рост государственного сектора и вмешательство государства в экономику страны лишь в той мере, в какой оно не затрагивало ее интересы.

Правящие круги Турции, не будучи в силах разрешить проблему трудоустройства и ликвидировать безработицу, вынуждены были активно поддерживать деятельность мелкой буржуазии. В этом отношении интересы мелкой буржуазии и турецких властей стечастии совпадали.

Отдельные группы городских средних слоев сумели стать на путь капиталистического предпринимательства, внедрили в производство современную технику, что привело к разорению значительной части представителей ручного производства. Тем самым производители были втянуты в процесс, о котором писал В. И. Ленин: «Рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств»⁵¹.

Например, мелкое ткацкое хлопчатобумажное производство в городе Сенвиркенте в 1941—1947 гг. развивалось быстрыми темпами, одновременно был сокращен импорт текстильных товаров. После 1947 г. из-за конкуренции местных крупных и иностранных предприятий выработка тканей ручным способом была резко сокращена. Так, если в 1947 г. ручных стаяков было 1585, то в 1952 г. — всего 200 единиц⁵². Из-за импорта искусственного шелка тысячи шелководов разорились. Если в 1948 г. шелководством занимались 79470 семей, то в 1952 г. их число сократилось до 73053 семей⁵³. В 1950 г. лишь в трех городах Турции — Мараше, Бурдуре и Антебе — разорилось 16 тыс. кустарей-ткачей⁵⁴.

Надо отметить, что не всегда интересы мелкой и национальной буржуазии противоречат друг другу, порой они взаимодействуют. В этом случае происходит процесс подчинения традиционного мелкого производства капиталистическому. Например, как отмечает Ю. Н. Розалнев, «ковровое производство Ушака — фактически придаток фабричной промышленности Стамбула, откуда

в этот город поступает основное количество необходимого сырья, красок и вспомогательных материалов. Ручное ткачество Денизли длительное время осуществлялось на базе привозимой из Назилли и Измира пряжи»⁶⁶.

С целью объединения предприятий некоторых отраслей еще в 30-х годах власти стали создавать в различных районах страны кооперативы мелких производителей, рассчитывая путем обеспечения сырьем и улучшения условий сбыта продукции поставить их под государственный контроль.

И если, по некоторым данным, в Турции в 1939 г. существовало 10 таких кооперативов с числом пайщиков 11,5 тыс. человек, то в 1947 г. их было уже 166 с 53,3 тыс. пайщиков⁶⁶.

Однако принятые турецкими властями меры только в некоторой степени помогли мелким товаропроизводителям поддерживать производство, процесс их разорения продолжался быстрыми темпами. «Лишь ничтожно малый процент мелкой буржуазии,— пишет Г. Ф. Ким,— вливается в национальную буржуазию»⁶⁷. Именно к этим людям относится следующее высказывание В. И. Ленина: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁶⁸. Например, такие известные деловые люди Турции, как Вехби Коч, Хаджи Омер, Сабанджи, Нежат Эджзаджибашы и ряд других лиц в начале своей деловой карьеры являлись представителями мелкой буржуазии.

Из-за нехватки у мелкого производителя капитала и кредитов, в организации ручного мелкого производства Турции в 40-е годы значительную роль играли купцы и ростовщики. Здесь особенно ярко выступают связи мелкого производства и торгового капитала. Представители последнего ссужали ремесленников, мелких производителей кредитом, скупали готовые изделия по дешевым ценам, а за предоставленное сырье брали высокие цены. Ю. Н. Розалиев, говоря о появлении купцов-скупщиков, которые постепенно захватывали в свои руки весь сбыт мелких товаропроизводителей, пишет: «Последние попадают в зависимость от купцов: сначала они «иногда» берут в кредит пряжу (но свободны продавать свою продукцию на рынке); потом они уже выполняют заказ, а сырье (пряжу) берут у купца постоянно, однако сохраняют возможность сбывать товар самостоятельно; наконец, они уже оказываются обязанными брать у купца пряжу и отдавать ему свою продукцию»⁶⁹. В результате торговый и ростовщический капитал превращаются в промышленный капитал. Таким образом, и мелкое производство создает широкие возможности для развития торгового и ростовщического капитала, что и рождает капитализм и буржуазию.

Как известно, с 1946 г. в политической жизни Турции начинается новый этап—перехода от однопартийной системы к многопартийной. Основные буржуазные партии Турции—Народно-республиканская, Демократическая и Национальная—понимали важную роль и социальную силу мелкобуржуазного слоя, стремились привлечь этот многочисленный отряд непролетарских масс трудящихся на свою сторону, при этом не уступали друг другу в различных демагогических заявлениях. Все эти партии выступали, как правило, в роли «защитников» мелких производителей, обещая предоставить им широкие возможности развития. Например, в своей партийной программе Народно-республиканская партия именovala ремесленников и мелких производителей одним из основных элементов экономической структуры турецкого общества⁶². Демократическая партия, со своей стороны, обещала, что в случае ее прихода к власти она будет покровительствовать мелким производителям⁶¹. Национальная же партия в своей программе констатировала, что она покровительствует мелким производителям и особенно поощряет использование ручных станков⁶³.

Особенно стремилась заигрывать с городскими средними слоями Демократическая партия: на предстоящих парламентских выборах она рассчитывала получить их поддержку. «Существенная роль мелкой буржуазии в классовой и политической борьбе африванских стран,—писал Б. Г. Гафуров,—обуславливается не только тем, что мелкобуржуазные элементы составляют значительную часть в политических партиях, в государственном аппарате, профсоюзных организациях, но и тем, что мелкобуржуазная масса в целом образует в развивающихся государствах ту социальную базу, без поддержки которой не может обойтись ни один правящий режим. Это же обстоятельство объясняет и мелкобуржуазную направленность, мелкобуржуазные тенденции в деятельности тех или иных национальных правительств»⁶⁴.

Таким образом, можно отметить, что городские средние слои Турции в 40-х годах играли заметную роль в экономической и особенно в социально-политической жизни страны. Национальная буржуазия страны поддерживала рост и развитие мелкой буржуазии, однако эта поддержка была противоречива и недостаточна. Городская мелкая буржуазия нуждалась в кредитах, она была не в состоянии конкурировать с крупным национальным и иностранным предпринимательством. Финансовые затруднения принуждали ремесленников, мелких производителей прибегать к помощи ростовщического, торгового капитала. В результате многие представители городских средних слоев разорялись и превращались в наемных рабочих, и лишь часть их сумела выйти в ряды капиталистов.

3. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ И РОСТ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Как уже было отмечено, военная конъюнктура создала благоприятные условия для оживления и роста торгового капитала. Нехватка товаров, рост цен, спекуляция и т. д. отвечали его интересам. О высоких прибылях, получаемых турецкими торговцами в годы второй мировой войны, свидетельствует бюллетень Стамбульской торгово-промышленной палаты. По его данным торговцы в эти годы получали прибыль от 300 до 500 и даже до 1000 %⁴⁴.

Турецкое законодательство способствовало росту торгового капитала. Так, в марте 1944 г. был принят закон «Об упорядочении торговли и борьбе со спекуляцией», в котором признавалось право промышленников и торговцев получать прибыли в размере 10—20 % от себестоимости товара. В результате, «когда товар доходил до покупателя, его цена «на законном основании» увеличивалась не менее чем на 50 %»⁴⁵.

Турецкая статистика скрывает размеры обогащения буржуазии в период второй мировой войны, поэтому приходится обращаться к косвенным данным. Историк Х. Баюр, выступая в меджлисе в 1945 г., отмечал, что в Турции 30—40 тыс. лиц нажились на войне. Некоторые из них, как отмечает он, еще не миллионеры, однако владеют капиталом не менее 100 тыс. лир каждый⁴⁶. Свидетельством обогащения буржуазии можно считать также увеличение банковских вложений частных лиц. По турецким данным, частные вклады в 1948 г., по сравнению с 1938 г., выросли примерно в четыре раза, с 227 до 813 млн. лир⁴⁷. При этом не учитываются те вклады, которые вложены турецкой буржуазией в иностранные банки. Свидетельством роста банковских операций можно считать рост числа самих банков и отделений, которые в 1948 г. достигли 32, против 19 в 1924 г.⁴⁸

Определенным показателем достаточного влияния турецкой торговой буржуазии в различных районах страны в эти годы может служить состав муниципальных советов. Так, из 25 членов муниципального совета в Афьон-Карахисаре 9 были торговцами, в Кыршехире из 24 членов—21 торговец, в Чорухе из 13 членов—7 торговцев, в Диярбакыре из 28 членов—12 торговцев, в Коджаели из 26 членов—11 торговцы, в Сейхане из 35 членов—12 торговцев, в Стамбуле из 68 членов—12 торговцев⁴⁹.

В 1947 г. было основано общество стамбульских торговцев, целью которого были оживление экономической жизни и защита интересов торговцев.

В рассматриваемый период в Турции все более активную роль стали играть акционерные общества. Сам факт развития акционерных обществ говорит о том, что капиталистические отношения

в Турции достигли известного уровня, поскольку акционерные общества, как правило, возникают на стадии крупного капиталистического производства. Если в 1943 г. в Турции насчитывалось всего 421 акционерное общество с общей суммой установленного капитала 244,9 млн. лир, то в 1950 г. в стране действовало уже 782 акционерных общества с суммой установленного капитала 874,7 млн. лир⁷⁰.

О росте влияния крупной торговой буржуазии говорит и деятельность торговых палат в стране. Они должны были способствовать развитию торговли; собирать и обрабатывать торговую информацию; представлять необходимые данные в официальные инстанции по вопросам, относящимся к данному району; готовить статистические материалы; следить за рыночными ценами основных товаров; утверждать торговые документы; выступать перед министерствами и местными властями с предложениями и заявлениями по торгово-промышленным вопросам; разрешать деловые конфликты по вопросам торговли; открывать в своем районе выставки, ярмарки, склады, кредитные учреждения⁷¹. Торговыми палатами, как правило, руководили крупные торговцы, подчас миллионеры. Например, руководство палатами Стамбула, Измира, Анкары находилось в руках таких влиятельных деловых людей Турции, как Караманджи, Фиалибейли, В. Коч и др.

Торговые палаты существовали в Турции еще с 1870-х годов, на началах добровольного членства. Однако в 1925 г. турецкие власти отменили существующий принцип их деятельности и обязали всех коммерсантов, имевших капитал свыше 5 тыс. лир, стать членами вновь создаваемых торговых палат, контролируемых министерством торговли⁷². Естественно, что торговцы не мирились с ограничением своих прав, выступали против вмешательства государства в их дела и за создание свободных от государственного контроля торговых палат. В. Коч, который с 1928 г. по 1951 г. руководил торговой палатой Анкары, пишет, что торговые палаты Анкары, Стамбула и Измира периодически организовывали совещания с последующим представлением их итогов и требований правительству⁷³.

Определенное представление о росте влияния крупного торгового капитала и усилении его позиций дают сведения о деятельности некоторых крупных предпринимателей и фирм. Так коммерсант в промышленности Омер Сабанджи в начале своей предпринимательской деятельности занимался торговлей хлопком, а с 1938 г. — переработкой хлопка и текстильным производством. Он основал ряд крупных промышленных предприятий, в том числе хлопкоочистительный комбинат в Адане (1938 г.), акционерные общества «Тюрк небаты яглар фабрикасы» А. Ш. (1939 г.) и «Торослар» Т. А. Ш. (1942—1943 гг.). После второй мировой вой-

ны Сабанджы основал Акбанк (1947 г.), создал в Анкаре строительное общество «Музаффар Будаг III» и т. д. Впоследствии его компании были объединены в «Хаджи Омер—Холдинг»⁷⁴. Другой крупный предприниматель Нежат Эджзаджыбашы, получив образование в Германии и США, вернулся в конце 30-х годов в Турцию с дипломом доктора медицины. Он основал несколько лабораторий по изготовлению медикаментов. Как отмечает Ю. Н. Розалиев, медикаменты в условиях военного времени сбывались по баснословно высоким ценам. Это позволило в 1941—1943 гг. расширить сферу предпринимательской деятельности, построить керамический завод, ряд новых фармацевтических предприятий, и вскоре Нежат Эджзаджыбашы стал одним из самых богатых людей в стране⁷⁵. Мультимиллионер Вехби Коч начинал свою деловую карьеру в торговой лавке отца, затем занимался продажей резиновых галош, подошвенной кожи, обуви, железного лома, вкладывал накапливаемые капиталы в подрядные работы, а спустя некоторое время, в 1938 г., организовал торговое акционерное общество «Коч тиджарет Т. А. III» с капиталом в 30 тыс. лир⁷⁶. После второй мировой войны В. Коч стал тесно сотрудничать с американскими фирмами, вкладывая капитал и в промышленность. Другой крупный предприниматель Узеир Авундук родился в семье торговца. Во время первой мировой войны он основал в Стамбуле компанию «Авундук-заде бирадерлер», которая торговала текстильными товарами, установила связи с компаниями Англии и Италии. Авундук избирался председателем торговой палаты Стамбула, членом правления Банка национального кредита и компании «Сейри-Сефаян III». В 1930 г. фирма перебазировалась в Анкару и стала представительницей многих иностранных фирм. После прихода к власти Демократической партии он стал председателем торгово-промышленной палаты Анкары⁷⁷.

Одной из старых торговых фирм в Турции является фирма «Бурла бирадерлер», принадлежащая семье Бурла. По происхождению Бурла—евреи, принявшие мусульманство, т. е. дёнме. О масштабах торгово-промышленной деятельности семьи Бурла мало сведений, однако тот факт, что их фирма находилась в числе обложенных налогом на имущество на миллион лир, косвенно свидетельствует о состоянии этой фирмы. Несмотря на тяжелый ущерб, нанесенный налогом на имущество, фирма Бурла и после второй мировой войны была крупнейшей в стране, занимаясь в основном импортом и вкладывая капиталы в промышленность.

В 1948 г. была создана фирма «Трансюрк», занимавшаяся импортом и экспортом. Основателями фирмы стали Тахсин Пяэле, Ф. Сурен и Н. Бараз. Тахсин Пяэле был главой макаронной фирмы страны «Макташ»⁷⁸.

Рост крупного торгового капитала особенно ускорился в начале 1950-х годов. Как свидетельствуют турецкие данные за 1950—1953 гг., в стране в эти годы была создана 101 торговая организация с капиталом в 136 млн. лир. В эти же годы значительно увеличилось число акционерных обществ. Было основано 152 акционерных общества с капиталом 365 млн. лир. Кроме этого, было создано 430 лимитедных обществ с капиталом более 63 млн. лир, занимавшихся торговыми операциями⁷⁹.

Таким образом, во время второй мировой войны, и особенно в послевоенный период, шел процесс концентрации крупного капитала.

Первые же послевоенные годы характеризовались заметным оживлением дискуссий в различных политических и экономических кругах правящего класса страны о направлениях экономической политики властей, о путях развития государственного и частного секторов. В этих спорах все отчетливее просматривалось усиление позиций крупной турецкой буржуазии, особенно торговой, ее стремление приступить к очередному пересмотру политики этатизма применительно к новой ситуации, сложившейся в эти годы как в самой Турции, так и на международной арене.

Имея уже немалые средства, накопив с помощью государственного сектора знания, технический и управленческий опыт, национальная буржуазия, возглавляемая теперь преимущественно крупной буржуазией, поставила перед собой задачу овладеть теми отраслями хозяйства, которые были в руках государственного сектора и которые благодаря значительному развитию внутреннего рынка становились прибыльными.

Борьба мнений о судьбах государственного капитализма нашла свое отражение и в выступлениях и политической деятельности представителей правящих кругов страны. Одним из таких представителей был Джеялял Баяр, занимавший с 1932 по 1937 гг. пост министра экономики Турции, а в 1937—1939 гг. — премьер-министра. Баяр никогда не был ярым этатистом, однако в 30-е годы он, понимая жизненную необходимость экономических преобразований на базе госсектора, не стремился к ограничению экономической деятельности государства, как, впрочем, и частного сектора.

Теперь же Дж. Баяр заявил о несогласии с этатистской политикой НРП. В 1945 г. он выходит из партии и предпринимает шаги к созданию оппозиционной Демократической партии (ДП).

Демократическая партия была организована 7 января 1946 г. Джеялялем Байром, Аднаном Мендересом, Фуадом Кёпрюлю и Рефиком Коралтаном, которые были исключены из правящей НРП. В состав партии вошли крупные банкиры, торговцы, промышленники, помещики. «Руководство Демократической партии,—пишет

Иылдыз Сертель,—более всего находилось в руках таких крупных помещиков, как Аднан Мендерес, Джавид Орал. Крупные помещики, которые, проживая в городе, вкладывали накопленные в сельском хозяйстве капиталы в торговлю и промышленность, составляли влиятельное крыло ДП. В южной и восточной Анатолии ага, владеющие 30—40 деревнями, полностью взяли в свои руки местные организации ДП. Крупные торговцы и промышленники также находились в первых рядах Демократической партии. В руководство ДП входили также руководители банков, верхушка государственных служащих, связанных с крупными предпринимателями»⁸⁰.

В 1946 г., когда ДП уже была создана и начала действовать, Дж. Баяр, выражая интересы крупной турецкой буржуазии, заявил, например, что «впредь государство должно поставить частный капитал в равное положение с государственным. Государственный капитал должен вкладываться в такие сферы, как транспорт, оборонная промышленность, почта и т. п., а также там, где для частного предпринимательства не обеспечиваются прибыли. Некоторые государственные предприятия должны продаваться частным лицам»⁸¹.

По мнению Баяра, государство не должно непосредственно вмешиваться во все области экономики путем вложения капитала, создания предприятий, не должно конкурировать с частными фирмами. Функция государства—сделать «гармоничным» и «упорядочить действия экономических сил». Баяр подчеркивал, что он не против этатизма в целом, он против крайностей этатизма в форме государственного капитала. По его мнению, самой плохой формой этатизма является накопление капитала путем тяжелых налогов—это понижает жизненный и культурный уровень, порождает результаты, противоречащие социальной цели этатизма⁸². Из-за ошибочной экономической политики государства, считал Баяр, миллионные средства остаются в банках, не вкладываются в предпринимательские сферы⁸³.

Дж. Баяр призывал турецкие власти поступать так, как поступал в свое время Фридрих Великий, который строил фабрики и передавал их в руки частных лиц⁸⁴. По мнению Баяра, эта система, сыгравшая огромную роль в индустриализации Германии, может дать аналогичные результаты и в Турции.

Эти высказывания в духе «либерального этатизма», появившиеся после войны, следует объяснить не только тем, что национальная буржуазия, разбогатевшая в годы войны, хотела освободиться от контроля государства. Страна, особенно интеллигенция Турции, требовала буржуазных свобод, деловые круги же стремились использовать эти требования в своих интересах—как свободу частного предпринимательства в области экономики. Как ви-

дям, демократические лозунги объединили в это время многих, хотя смысл вкладывался различный. Это во многом объясняет, почему в то время в ДП вошли некоторые представители левых кругов.

Следует отметить, что сами власти в годы войны давали немало поводов обвинять их в бюрократизме в области экономики. Наиболее ярким примером такой чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности частного сектора был вышеуказанный закон о национальной защите. Один из идеологов частного предпринимательства, в прошлом государственный чиновник, Ахмед Хамди Башар утверждал: «Свободу не следует понимать только в политическом смысле. Задача состоит в том, чтобы быстро развить страну, обеспечить в обществе экономическую свободу личности. НРП не смогла согласовать этатизм со свободой, этатизм все же доминировал. Задачей ДП должны быть реорганизация этатизма, доставшегося нам от Высокой Порты, создание государства, которое явилось бы достоянием народа; партия должна стать средством, способным сблизить государство с нацией»⁵⁵. А. Х. Башар призвал прекратить вмешательство государства в экономику. Он считал, что руководство национальной экономикой следует передать особому органу, который не был бы зависим от правительства, а стоял выше него. Такой орган смог бы, по его мнению, препятствовать любой партии и любому правительству вмешиваться в экономическую жизнь⁵⁶. Однако сторонники либерального этатизма, хотя и требовали свободы в экономике, вместе с тем понимали, что без государственной помощи частному капиталу развиваться будет трудно. Заявление того же Дж. Баяра свидетельствует, что речь шла об ограниченном, «либеральном» этатизме, а не о полной либерализации экономики. «В сельском хозяйстве и промышленности вместо экономического либерализма нужно применить умеренную систему протекционизма. Лишь такое государство, в руках которого уже накоплены достаточные капиталы и рабочая сила, может вести политику экономического либерализма. Однако в Турции накопление капиталов еще ограничено. В связи с этим Турция не примет либеральную экономическую систему»⁵⁷.

Руководители НРП, пытаясь скрыть эксплуататорскую сущность этатизма, приписывали несвойственные ему в условиях господства национальной буржуазии социальные функции. Министр торговли Турции Эсад Текели, говоря, например, о вмешательстве государства в торговлю, утверждал, что эта мера проводится с целью недопущения эксплуатации производителей, поддержки производителей против посредников; она отражает необходимость осуществления высоких экономических интересов страны, защиты прав потребителей⁵⁸. Такую же мысль выражал министр Сади

Ирмак в газете «Улус»: «Основная характерная черта нашего этатизма—это его национальный смысл. Другими словами, мы не можем оставить народные массы на произвол судьбы, оставаться безразличными к эксплуатации. Государство должно обеспечивать равноправие между имущими и неимущими»⁸⁹.

Однако представители национальной буржуазии Турции были не в силах скрывать под прикрытием «всенародной» НРП эксплуататорскую сущность госкапитализма в Турции. Вскрывая эту суть, В. И. Ленин писал: «В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии против пролетариата»⁹⁰. Эта ленинская характеристика целиком относится и к турецкому государственному капитализму.

Таким образом, крупная буржуазия хотела сохранить этатизм и использовать его в своих интересах. Требования крупного торгово-промышленного капитала были отражены в программе ДП, принятой 7 января 1946 г. и получившей свой окончательный вид на первом конгрессе партии в 1947 г.⁹¹.

Своей целью партия считала осуществление «в полном смысле слова демократии» в Турецкой республике (ст. 1). В экономической области, касаясь вопроса об этатизме, программа гласила: «Мы понимаем этатизм, как функцию государства или непосредственно заниматься экономической деятельностью, или как упорядочение, поощрение и помощь, обеспечивающие быстрее развитие частного предпринимательства и капитала, с тем, чтобы как можно скорее восполнить пробел, с давних пор существовавший в области экономики; расширение же объема деловой активности поднимет жизненный уровень и благосостояние граждан. Упорядочение государством деятельности частного предпринимательства и капитала вызвано необходимостью согласовывать частные интересы с общими и защищать их. Наш этатизм—путь, обусловленный нашими экономическими условиями и нуждами» (ст. 17).

В 43-й статье говорилось: «Деятельность частного предпринимательства и капитала является основой экономической жизни. Следовательно, нужно обеспечивать условия и новые сферы деятельности для свободного и безопасного действия частного предпринимательства и капитала». Отражая интересы крупной и средней буржуазии, программа требовала, с целью ограничения вмешательства государства в экономические дела страны, наметить даже некий план действий в этом направлении: «В целях стабильной и безопасной деятельности частного предпринимательства и капитала необходимо решительно определить границы экономической деятельности государства. Для этого считаем необходимым заранее определить долгосрочным общим планом те дела, выполнение которых государство берет на себя, а также—глав-

ные направления политики государства в области экономики, таможен, монополий и валюты» (ст. 44).

Статья 45 определяла сферу деятельности государства таким образом: «Государство непосредственно должно действовать: а) в сферах, в которых частное предпринимательство и частный капитал не могут действовать или из-за нехватки капиталов, или если за короткое время невозможно получать прибыли, однако если эти сферы нужны для экономического развития и укрепления обороны страны, особенно в сферах тяжелой промышленности, в строительстве и эксплуатации крупных электростанций, железных дорог, портов, ирригационных сооружений и крупных транспортных средств; б) в строительстве крупных горнорудных предприятий и лесных хозяйств, нахождение которых в руках государства более выгодно с точки зрения постоянных выгод; в) необходимо, чтобы государственные и частные предприятия находились в равных условиях».

Программа требовала также передать ряд государственных предприятий в руки частных предпринимателей: «Те предприятия, которые созданы государством, но в частных руках могли бы работать рентабельнее, должны быть переданы частным предпринимателям на выгодных условиях» (ст. 48).

Касаясь условий торговли, программа требовала: «На рынках должна быть обеспечена безопасность и стабильность. Если нет крайней необходимости, не следует вмешиваться в рыночные отношения. Самая важная обязанность государства в этой области—препятствовать упразднению или ограничению конкуренции» (ст. 53).

Несомненно, правящая тогда НРП учитывала требования различных слоев крупной буржуазии, представители которых были и ее членами (как, например, Вехби Коч). НРП вынуждена была внести значительные изменения в свою платформу, что нашло отражение в новой программе партии⁶⁹, принятой на 7-м съезде партии, состоявшемся в период с 17 ноября по 6 декабря 1947 г.

«Наш этатизм,—говорилось в программе НРП,—возник с целью быстрее развивать нашу экономику в качестве единого целого, довести жизненные условия нашей нации до уровня, отвечающего потребностям сегодняшнего мира, и превзойти их.

Считается необходимым, оснащая каждую отрасль национальной экономики передовой техникой..., увеличивать производительность труда и обеспечивать действия национального капитала в пригодных для него сферах экономики страны» (ст. 7).

Статья 8 устанавливала, в каких сферах экономики должно действовать государство: «Государство с целью обеспечения общественных нужд должно заниматься такими делами, как строительство крупных горнорудных предприятий и крупных энергетических

ческих станций, тяжелая промышленность, общественные работы, транспорт...».

В новой программе определялись и сферы действия частного предпринимательства: «Наша партия считает, что в различных экономических сферах, не упомянутых в 8-й статье, может занимать частное предпринимательство, а государство должно поощрять, поддерживать его, оказывать необходимую помощь.

В статье 10 специально подчеркивалось, что «частные и государственные предприятия должны действовать в равных условиях...».

В новой программе НРП значительное место было уделено сельскому хозяйству. Демагогически подчеркивалось, что «крестьяне и земледельцы—основной элемент нашей нации», поэтому в экономической политике партия будет уделять внимание «повышению производительности сельскохозяйственного производства и социальному развитию крестьян и земледельцев» (ст. 41). В программе содержалось также обещание наделить землями безземельных и малоземельных крестьян, оснащать их сельскохозяйственными средствами и удовлетворять их потребности в кредитах, пересмотреть вопросы, касавшиеся гарантий собственности, максимального количества оставляемых за хозяевами земель и стоимости отчужденных (ст. 41—43).

Интересы торговой буржуазии были отражены в ст. 56; «Торговлю считаем необходимым элементом национальной экономики, а свободную конкуренцию—главным условием для развития национальной торговли. Мы должны поощрять торговлю так, чтобы производители и потребители обеспечивали себе выгоду. С этой целью считаем необходимым упорядочить и контролировать торговлю специальными организациями и государством».

Как следует из программ двух крупных партий, в которых была представлена национальная буржуазия Турции, между ними нет принципиальных различий во взглядах. Если и были какие-то различия в их программах, то они касались оценки этатизма. ДП требовала и последовательно добивалась признания более широких прав в развитии частного предпринимательства и иностранного капитала. НРП выглядела более «этатистской», хотя и в ее рядах была крупная буржуазия и помещики.

Разумеется, не следует считать, что крупная буржуазия получила возможность влиять на политику государства лишь с возникновением и укреплением ДП, с принятием новой программы НРП. Требования крупной турецкой буржуазии находили свое отражение и ранее, в программах правительств НРП. Например, в программе правительства Реджепа Пекера (август 1946 г.) говорилось: «Наша экономическая деятельность будет исходить из интересов частных предпринимателей и частного капитала: не сле-

дует проводить грань между частным предпринимательством и государственным сектором. Мы будем... обеспечивать взаимодействие между государственными предприятиями и частным капиталом, препятствовать созданию государственных предприятий в таких областях, где успешно может действовать частное предпринимательство». Правительство Хасана Саки (сентябрь 1947—январь 1949 г.) в своей правительственной программе заявило: «Мы обратим внимание на то, чтобы государство не было конкурентом частному предпринимательству». А в программе правительства Ш. Гюналтая (январь 1949 г.), последнего правительства НРП перед приходом к власти ДП, относительно частного капитала говорилось: «Главным принципом правительства должно быть поощрение и облегчение деятельности частного капитала в экономических областях»²³.

В начале 1950 г., перед выборами в меджлис девятого созыва, отношения между двумя партиями обострились. Обе партии не скупались на демагогические обещания, представляя себя «поборниками» демократии и свобод, развития частного и иностранного капитала и т. п. Например, в предвыборном заявлении НРП говорилось: «Мы хотим, чтобы частный капитал и частное предпринимательство постепенно играли все большую роль в развитии нашей экономики: мы будем поощрять новые сферы деятельности для капиталистов и предпринимателей; необходимо дать возможность частному предпринимательству пользоваться и теми кредитами, которыми пользовались только государственные экономические организации; мы должны держать открытыми наши двери для иностранного капитала, который хочет действовать в Турции и который будет действовать согласно международным условиям, принятым цивилизованными странами. Закон, который мы приняли в этом году, подготовил прочную основу для поощрения частного капитала; наша партия придает первостепенное значение тому, что частный капитал и частное предпринимательство должны действовать на равных условиях. Мы намерены пересмотреть существующие условия в этой области, и если будут положения, которые противостоят равенству, мы их упраздим»²⁴.

А премьер-министр Ш. Гюналтай, стремясь привлечь на сторону НРП крупных помещиков, испугавшихся земельного закона 1945 г., говорил, что меджлисом подготовлены меры, которые позволят, «сохраняя целостность средних хозяйств, наделять безземельных крестьян землями в достаточном количестве»²⁵. Крестьянам же НРП обещала в случае победы на предстоящих выборах ускорить процесс начального обучения в деревнях, обеспечить безземельных и малоземельных крестьян землями, необходимыми сельскохозяйственными орудиями труда, семенами, кредитами и т. д.²⁶

В свою очередь представители ДП в своих предвыборных выступлениях выражали взгляды, которые характеризуют их как главных защитников интересов крупного частного капитала. Так, по мнению лидеров партии, экономическая политика государства должна была состоять в том, чтобы она, опираясь на частную собственность, защищала экономические свободы личности, а частное предпринимательство считала основой экономики страны; государство должно заниматься предоставлением коммунальных услуг и делами, которые вне сферы деятельности частного предпринимательства, и т. д.⁹⁷ «Демократы» считали, что «в такой стране, где гарантии для действий национального капитала и частного предпринимательства недостаточны и их возможности развития ограничены, ждаль прихода иностранного капитала в страну является иллюзией. А между тем мы сильно нуждаемся в иностранном предпринимательстве, иностранном капитале и передовой технике. Мы намерены обеспечить возможность использовать в больших масштабах иностранное предпринимательство, капитал и иностранную технологию»⁹⁸. «Если власть окажется в наших руках, мы за шесть месяцев превратим страну в рай», — заявляли демократы, и такие заявления, — пишет Н. Нади, — распространялись до самых отдаленных уголков страны и в сознании населения оставляли глубокие следы»⁹⁹. Представители ДП в своих выступлениях выдавали себя за основоположников демократии в Турции, а действия ДП — освободительным движением¹⁰⁰. Лидер ДП Джеялял Баяр, выступая в мае 1950 г. в городе Самсуне, заявил: «Мы не обещаем выполнять невозможные дела. Те же, которые обещаем, несомненно, выполним. Турция находится в бедственном экономическом положении... Народ испытывает неслыханные трудности. Мы освободим наш народ из этого бедственного положения. Мы обеспечим страну дорогами, питьевой водой, фабриками. Все это будет делать Демократическая партия»¹⁰¹.

14 мая 1950 г. состоялись выборы в меджлис. Они закончились победой ДП, получившей 54,91% голосов избирателей; НРП получила 41,05% голосов¹⁰². В результате мажоритарной системы ДП обеспечила себе 408 депутатских мест в меджлисе, а НРП — 69¹⁰³.

Таким образом, НРП, созданная основоположником Турецкой республики Кемалем Ататюрком и правившая страной в течение 27 лет, потерпела поражение. Причины поражения НРП и победы ДП различные авторы объясняют по-разному. Но их взгляды едины в том, что НРП почти за 30 лет не смогла разрешить важнейшие социально-экономические, политические задачи, стоящие перед ней, завела страну в тупик. Все основные слои населения были недовольны ее политикой, поэтому неслучайно, что ДП за

столь короткое время своего существования сумела взять верх над правящей партией.

Среди недовольных политикой НРП основное место занимали различные группы национальной буржуазии. Разбогатевшие в годы второй мировой войны, они выступили против этатистских мер правительства, требуя широкого простора для своих действий, ограничения этатизма и поощрения местного частного и иностранного предпринимательства. Были среди недовольных и те группы национальной буржуазии, которые вплоть до 1942 г. пользовались льготами «Закона о поощрении промышленности», а затем были лишены их. Среди недовольных были и предприниматели, связанные с местным рынком и иностранным капиталом. Первые требовали ограничить импорт, чтобы иметь возможность реализовать свои товары быстро и выгодно на местном рынке; в противовес этому предприниматели-посредники, связанные с иностранным капиталом, требовали увеличить импорт и т. д.

Помещики также были недовольны политикой НРП, поскольку она намеревалась проводить пусть кудую, но все же затрагивающую их интересы аграрную реформу 1945 г. Они резко выступали и против применения этой реформы и против политики НРП вообще.

Крестьянские массы также были обмануты в своих ожиданиях, так как НРП не разрешила аграрную проблему. Тысячи крестьянских семей не располагали землей, а реформа 1945 г. не внесла серьезных изменений в турецкую деревню.

В тяжелом положении находился рабочий класс, который был лишен самых элементарных прав, и поэтому в первое время часть его легко поверила демагогическим обещаниям демократов и поддержала их.

Иностранная буржуазия испытывала неприязнь и недоверие к НРП в связи с введением в 1942 г. налога на имущество. Следует отметить, что местная буржуазия еще долго помнила этот шаг правительства, направленный против частной собственности, и не доверяла правительству.

Среди недовольных политикой НРП была и городская мелкая буржуазия, кредитные нужды которой не удовлетворялись государством.

В числе недовольных политикой НРП была и значительная часть духовенства. «Не случайно что, после победы ДП в главной мечети Анкары,—пишет польский автор К. Познаньска,—публично вознеслась благодарность аллаху за освобождение Турции от «безбожных» правительства»¹⁰⁴.

Ко всему этому следует добавить, что в стране царил голод, спекуляция, злоупотребления государственных чиновников, репрессии властей и т. д. С учетом всего этого причины провала НРП

никого не удивляли. Самые широкие слои населения были недовольны ее политикой и поэтому отдали голоса за ДП.

Надо оговориться, что не все влиятельные помещики, представители крупной буржуазии перешли на сторону ДП. До поражения НРП на выборах 1950 г. их число в этой партии было значительным. Так, крупный землевладелец Касым Гюлек, депутат из Сейхана, с сентября 1947 г. по июнь 1948 г. занимал пост министра благоустройства, а затем почти полгода — пост министра транспорта в правительстве НРП. Другой землевладелец — Джавид Орал — с июля 1948 г. по май 1950 г. занимал пост министра сельского хозяйства¹⁰⁵. Один из крупных деловых людей страны, мультимиллионер Вехби Коч также находился в рядах НРП, из-за чего в период правления ДП «испытывал трудности во всех своих делах»¹⁰⁶. Определенную роль в том, что не все крупные помещики или представители буржуазии покинули НРП, сыграли родственные связи, знакомства, высокие и доходные посты и т. д. До того, как политика властей не затрагивала их интересы, они оставались верными НРП. Например, в Турции были распространены слухи о том, что Вехби Коч на выборах 1950 г. передал НРП 3 млн. лир.¹⁰⁷ Вряд ли он был в состоянии пожертвовать такую большую сумму денег, однако, принимая во внимание его успешную деятельность в период правления НРП, его теснейшие связи с государственным сектором и т. д., можно предположить, что Коч все же оказал значительную финансовую поддержку этой партии.

Следует отметить, что в победе Демократической партии решающую роль сыграли также голоса крестьянских масс, хотя в программе ДП и не было упоминания о земельной реформе 1945 г. Дело обстояло в том, что крупные помещики имели в этот период значительное влияние на крестьян и заставляли их голосовать за кандидатов демократов.

НРП, будучи не в силах вывести страну из тяжелого положения, с целью разрядки внутренней взрывоопасной обстановки, допустила создание в стране Демократической и ряда других партий. Этот шаг свидетельствовал также о том, что турецкая буржуазия, особенно крупная, настолько окрепла, что уже нуждалась в собственной партии, способной защищать ее интересы. И крупная буржуазия морально и материально поддержала ДП. Согласно турецким данным, крупные торговцы оказали финансовую поддержку этой партии. Так, например, только измирские торговцы передали ДП в качестве помощи 100 тыс. лир¹⁰⁸.

Несомненно, в победе Демократической партии свою роль сыграли США, которым была больше по душе ее партийная программа, обещающая ограничить государственное вмешательство

и дать широкий простор для развития местного и иностранного частного капитала.

Переход власти к ДП А. М. Шамсутдинов считает банкротством внешней и внутренней политики НРП. Он отмечает, что «Демократическая партия при помощи широкой демагогии, шантажа и обмана масс, при поддержке американских империалистов захватила государственную власть в свои руки»¹⁰⁹.

Однако переход власти к ДП не привел к улучшению положения широких масс Турции. Победа ее лишь означала, что турецкая буржуазия переместила власть из одной руки в другую. «Многопартийная демократия,—пишет Т. Атаев,—насаждавшаяся в Турции, была не более чем игрой, которая велась в интересах буржуазии»¹¹⁰. К. Маркс, говоря о таких явлениях, писал, что «олигархия увековечивает себя не только при помощи постоянного сохранения власти в одних руках, но также и тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»¹¹¹. В. И. Ленин, в свою очередь, говоря о двухпартийной системе США, отмечал, что правящие круги этой страны «обманывали народ, отвлекали его от насущных интересов посредством эффективных и бессодержательных дузлей двух буржуазных партий»¹¹².

Турецкая действительность подтверждает жизненность высказываний классиков марксизма. Испугавшись народного недовольства и с целью сохранить власть в своих руках, буржуазия страны добилась создания многопартийной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа национальной войны в Турции передала власть в руки турецкой буржуазии, в тот период экономически и политически еще слабой. Такова была особенность развития капиталистических отношений на Востоке, и в том числе в Турции, в отличие от европейских стран, где национальная буржуазия в период захвата власти, как правило, имела прочные экономические, а иногда и политические позиции.

Окончательное формирование и дальнейшее развитие национальной буржуазии Турции, естественно, было результатом развития социально-экономических условий. Академик Е. Жуков правильно указывает, что «...ход общественного развития определяют общие закономерности, проявляясь через конкретный исторический процесс в отдельных странах, через «особенное», которое, однако, не играет главной роли»¹. В специальном исследовании о формировании буржуазии Османской империи О. Г. Инджикян отмечает, что «развитие капиталистических отношений, образование слоя буржуазии из землевладельцев-помещиков, связанных с

рынком, расслоение крестьянства, выделение кулачества, обезземливание крестьян и другие явления нужно считать результатом главным образом внутренних процессов и особенностей, которыми и было обусловлено состояние сельского хозяйства страны»².

Наиболее значительной и влиятельной частью национальной буржуазии Турции являлась в 40-е годы торговая буржуазия. Однако разбогатевшие в годы второй мировой войны крупные торговцы стали вкладывать капиталы и в промышленность, что привело к некоторому росту промышленной буржуазии. Наряду с этим наблюдалось и иное. Крупные торговцы скупали земельные участки, вкладывали капиталы в сельское хозяйство, подрядные работы, банковские операции. В свою очередь, крупные землевладельцы занимались торговлей или вкладывали капиталы в промышленность. В результате растущего взаимодействия имущих классов быстрее стали развиваться капиталистические отношения, ускорился процесс концентрации капитала. Численно вырос класс буржуазии, который в 1950 г. составлял (включая небольшое число крупных эксплуататоров помещичьего типа) примерно 400 тыс. человек (3,6% экономически активного населения)³.

Одной из особенностей развития капиталистических отношений в Турции является тот факт, что до второй мировой войны национальная буржуазия страны имела определенные связи с инонациональной (греческой, армянской и еврейской) буржуазией. С целью предоставления более широкого поля деятельности национальной буржуазии турецкие власти продолжали политику вытеснения инонациональной буржуазии из экономики страны.

При сравнении процесса развития капиталистических отношений в Турции с экономически развитыми странами бросается в глаза и другая его особенность. В этих странах, как правило, промышленное развитие прошло три этапа эволюции—мелкого товаропроизводства, мануфактуры и крупного предпринимательства. В Турции же преобладающая часть крупных предпринимателей формировалась из среды феодалов-землевладельцев и коммерсантов, накопивших солидные капиталы и вложивших их в промышленность.

Национальная буржуазия, имея до 40-х годов серьезное влияние на политическую жизнь, была еще слаба в экономике. Она не могла осуществлять широкие капиталовложения, создавать крупные предприятия, ограничивать действие иностранного капитала, поэтому была заинтересована в государственном вмешательстве в экономику, в укреплении позиций государственного сектора—до того предела, пока это не затрагивало ее узкоклассовые интересы.

В отношении иностранного капитала национальная буржуазия вела двойную политику. До второй мировой войны, не будучи в силах конкурировать с иностранным капиталом, она выступа-

да против его широкого привлечения. Но после войны, став значительно сильнее политически, турецкая буржуазия потребовала смягчить ограничения в отношении иностранного капитала. Были установлены равные условия для действия местного и иностранного капиталов. Лояльное отношение властей привело к некоторому притоку иностранного капитала в страну, в первую очередь американского, в результате чего усилилась экономическая и политическая зависимость Турции от США. Об аналогичном явлении упоминает В. И. Ленин: «...когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»⁴.

Неразрывно связаны с национальной буржуазией Турции верхние слои городской мелкой буржуазии, которые в рассматриваемый период играли значительную роль в экономике и, в частности, удовлетворении спроса внутреннего рынка. Но в условиях быстрого развития капиталистических отношений городская мелкая буржуазия не была в состоянии выдержать конкуренцию ни местного крупного, ни иностранного капитала, вследствие чего процесс ее разорения был ускорен. Это вело к обострению противоречий городской буржуазии с национальной—первая все больше была заинтересована в государственном вмешательстве в экономику.

Постепенное укрепление позиций госсектора сопровождалось увеличением числа государственных служащих. Часть их, злоупотребляя своим должностным положением, использовала прерогативы государственной власти для самообогащения. Взятки, коррупция и различные махинации обеспечивали приток денег.

Накопленные турецкой бюрократией суммы вкладывались в предпринимательское дело, переводились в иностранные банки. Таким образом, в развитии капиталистических отношений и накопления капитала в Турции определенную роль играл также бюрократический капитал.

Национальная буржуазия была заинтересована в экономическом развитии, преодолении феодальных пережитков и индустриализации страны. Однако в деле промышленного развития страны она не проводила последовательной политики. Испытывая давление в первую очередь американского монополистического капитала, она проводила курс на такое индустриальное развитие страны, при котором предпочтение отдавалось развитию отраслей легкой промышленности и сельского хозяйства. Осуществление даже этого курса в значительной степени было поставлено в зависимость от иностранных кредитов.

В 40-е годы не произошло серьезных изменений и в положении рабочего класса Турции. Буржуазия не приняла никаких мер для введения рабочего законодательства, отвечающего интересам

рабочего класса. Закон о труде 1936 г. так и остался на бумаге, не предоставив рабочим никаких прав, в том числе и права на забастовку. Единственно, в чем была заинтересована турецкая буржуазия—это поставить рабочее движение и их профсоюзы под свой полный контроль.

Одной из главных проблем, беспокоящих национальную буржуазию, была аграрная проблема, жизненно важная для такой сельскохозяйственной страны, как Турция. Значительную долю составляли безземельные и малоземельные крестьяне. Быстрыми темпами шел процесс обезземеливания крестьянских масс, и тысячи тружеников села, потеряв земельные участки, пополняли ряды безработных. После второй мировой войны правительство национальной буржуазии было вынуждено пойти на определенные аграрные преобразования в деревне. Однако аграрный закон 1945 г. не дал положительных результатов, поскольку национальная буржуазия, будучи сама связана с землевладением и с помещичьим классом, не шла на серьезные преобразования, которые могли ущемить интересы крупных землевладельцев. Турецкие власти ограничились предоставлением безземельным и малоземельным крестьянам земли за счет бесхозных и малопригодных земельных фондов. Даже против этого половинчатого закона выступали недовольные аграрной политикой властей крупные землевладельцы. В результате некоторые важные пункты закона, затрагивающие интересы землевладельцев, были впоследствии отменены. «Всякая реформа,—указывал В. И. Ленин,—лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, «этап» к лучшему. Но всякая реформа в капиталистическом обществе имеет двойственный характер. Реформа есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затупить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»⁸. Так произошло и в Турции.

После второй мировой войны крупная турецкая буржуазия стала настойчиво выступать против последовательных эгалитаристских мер правительства, требуя более широкого поля деятельности для частного предпринимательства и возможности привлечения в страну иностранного капитала. Эти стремления крупной турецкой буржуазии нашли свое отражение в партийных документах ДП, полностью отвечающих интересам крупной буржуазии.

В результате проводимой верхами политики, в 1945—1950 гг. Турция оказалась в тяжелом экономическом положении. Промышленность страны развивалась слабыми темпами, не удовлетворявшими потребности населения. В стране царил голод, дороговизна, спекуляция. Обострение социально-экономических про-

тиворечий привело к затяжным формам кризиса правительственных верхов. Широкие слои населения были недовольны политикой правящих кругов Турции. Этим и воспользовалась ДП, которая, выдавая себя защитницей демократических прав народа, критиковала внутреннюю и внешнюю политику правящей НРП. Демагогические обещания ДП нашли широкий отклик среди населения страны, что и обеспечило ей победу на выборах в меджлис 1950 г. После прихода к власти Демократической партии национальная буржуазия стала активно влиять на экономическую жизнь страны, играя решающую роль во внутренней и внешней политике республиканской Турции.

Մ. Վ. ՆԵՄԿԻՆ

**ՔՈՒՐՔԻԱՆՑԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԲՈՒՐՃՈՒԱԶԻԱՆ ԵՐԿՐԻ
ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ ՍՈՑԻԱԼ-ԲԱՆԱԲԱԿԱՆ ԿՑԱՆՔՈՒՄ
(1945—1950 թթ.)**

Ա մ ֆ ռ ֆ ու մ

Քուրքիայում ազգային պատերազմի հաղթանակից հետո (1919—1922 թթ.) իշխանությունն անցավ ազգային բուրժուազիայի ձեռքը: Ի տարբերություն եվրոպական երկրների, որտեղ իշխանության գլուխ անցնելու ժամանակ ազգային բուրժուազիան հիմնականում ուներ ամուր տնտեսական և երբեմն էլ քաղաքական հիմքեր, Քուրքիայի ազգային բուրժուազիան իշխանության գլուխ գալու պահին թե՛ տնտեսապես և թե՛ քաղաքականապես դեռևս թույլ էր, որը պայմանավորված էր երկրի կերպին սոցիալ-տնտեսական զարգացման օրինաչափություններով:

Թեև Քուրքիան անմիջական մասնակցություն չէր ունեցել երկրորդ համաշխարհային պատերազմին, սակայն այն լուրջ հետևանքներ էր թողել Նրա տնտեսության վրա: Երկրի կառավարող շրջանների առջև ծառայել էին սոցիալ-տնտեսական քնույթի խրթին խնդիրներ, որոնց լուծման փորձերը ուղեկցվում էին դասակարգային հակամարտությունների սրմամբ: Այսպիսի պայմաններում մեծ աշխուժություն էր ցուցաբերում Քուրքական հասարակության հիմնական դասերից մեկը՝ ազգային բուրժուազիան:

Քուրքիայի տնտեսության զարգացման թույլ մակարդակը ստիպում էր ազգային բուրժուազիային լրջորեն խորհել երկրի ինդուստրացման

հարցերի շուրջը Այդ նպատակով կարելի էր ազտագործել կապիտալի կուստակման այնպիսի կարևոր ազդուորներ, ինչպիսիք էին հարկերը, պետական սեկտորի ձեռնարկություններից ստացվող եկամուտը, հողային ունեւան և այլն: Սակայն Թուրքական բուրժուազիան զրկված էր այդ ազդուորները երկրի ինդուստրացմանը ծառայեցնելու հնարավորություններից: Այդ եկամուտների զգալի մասը տրամադրվում էր ռազմական նպատակների, իսկ արդյունարերություն մեջ ներդրվում էր միայն շնչին մասը: Բացի այդ, անտեսության զարգացման պլանների մշակման գործում առաջնությունը տրվում էր մասնավոր սեկտորի զարգացմանը, մեծ հույսեր էր կապվում արտասահմանյան վարկերի հետ, և հիմնական ուշադրությունը հատկացվում էր գյուղատնտեսության զարգացմանը: Տնտեսական այդպիսի քաղաքականություն հետևանքով տեղական արդյունաբերությունը միայն մասամբ էր կարողանում բավարարել երկրի ներքին պահանջները:

Երկրի տնտեսության հիմնական բնագավառը՝ գյուղատնտեսությունը մնացել էր զարգացման ցածր մակարդակի վրա: Քուրք գյուղացիության հողագրկման ընթացքը մեծ շափեր էր ընդունել, որին զուգահեռ տեղի էր ունենում հողի կենտրոնացումը կալվածատերերի, կուլակների ձեռքում, աճում էր խոշոր հողատիրության տեսակարար կշիռը: Քեև ազգային բուրժուազիան երկրի տնտեսության զարգացումը անհնար էր համարում առանց տեխնիկա-տնտեսական հետամնացության հաղթահարման, առանց գյուղի արմատական պարտալին վերափոխումների, սակայն կապված լինելով ֆեոդալական վերնախավի հետ, շահերի ընդհանրություն ունենալով առևտրի, արդյունաբերության մեջ կապիտալ ներդրումներ կատարող խոշոր կալվածատերերի հետ, երբեք գյուղում խոր, արմատական բարեփոխումներ անցկացնելու նպատակներ չունեցր և չէր կարող ունենալ: Նա ձգտում էր գյուղացիության պահանջները բավարարել երկրորդական բնույթի միջոցառումներով: Ահա թե ինչու 1945 թ. ազրարային բարեփոխումը էական փոփոխություններ չմտցրեց Քուրքիայում:

Արդյունաբերության զարգացման ցածր մակարդակի պատճառով երկրի արդյունաբերական պրոլեարիատը բազմամարդ չէր, բանվորական շարժումը երկար ժամանակ չունեցր առաջագիմ արձմիրութենական ղեկավարություն: Եա՛ուրթարեր պաշտոններ տրամադրելու, ֆինանսական օգնության ցույց տալու միջոցով բուրժուազիան սիրաշահում, իր կողմն էր գրավում արձմիրութենական գործիչներին և ձգտում էր արձմիրությունները ծառայեցնել իր շահերին: Անգամ 1936 թ. ընդունված

աշխատանքային օրենքը, որը շատ համեստ իրավունքներ էր խոստանում բանվորներին, փաստորեն մնացել էր քղթի վրա:

40-ական թթ. երկրի բուրժուազիայի ազդեցիկ խմբավորումներից մեկը բուրժուազիական բուրժուազիան էր: Վերջինիս կուսակաժ կապիտալի մի մասը ներգրվում էր արդյունաբերության մեջ կամ ձեռնարկատիրական զանազան ոլորտներում, որը նպաստում էր երկրում կապիտալիստական հարաբերությունների հետագա զարգացմանը:

Կապիտալիստական մրցակցության պայմաններում մանր բուրժուազիայի մեծ մասը քայքայվում, վերածվում էր վարձու բանվորների և միայն մի շնչին մասին էր հաշուվում անցնել կապիտալիստների շարքը: Պատերազմի տարիներին հարստացած թուրքական խոշոր բուրժուազիան սկսեց համառորեն հանգնս զալ կառավարության վարած պետական կապիտալիզմի քաղաքականության դեմ, էլ ավելի լայն հնարավորություններ պահանջել մասնավոր կապիտալի զարգացման համար:

1946 թ. հունվարին հիմնադրվեց Դեմոկրատական կուսակցությունը, որն իր ծրագրերում հիմնականում արահայտելով խոշոր բուրժուազիայի ու կալվածատերերի շահերը, խոստանում էր սահմանափակել պետության միջամտությունը երկրի տնտեսական կյանքին և լայն հնարավորություններ ապահովել մասնավոր խոշոր կապիտալի զարգացման համար: Այս իրադրություն մեջ իշխանության համար անգիշում պայքար ծավալվեց կառավարող Ժողովրդա-հանրապետական և նորաստեղծ Դեմոկրատական կուսակցության միջև:

1950 թ. մայիսի 14-ի ընտրություններում հաղթանակ տարավ և իշխանության գլուխ անցավ Դեմոկրատական կուսակցությունը: Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցությունը կառավարման 27 տարիների ընթացքում լիարողանալով լուծել իր առջև ծառայած սոցիալ-տնտեսական ու քաղաքական կարևոր խնդիրները, երկիրը կանգնեցրել էր փակուղու առջև՝ առաջ բերելով ժողովրդի դժգոհությունը: Այս իսկ պատճառով, Դեմոկրատական կուսակցությունը կարողացավ հեշտությամբ հաղթանակ տանել կառավարող Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության նկատմամբ:

Իշխանության անցումը Դեմոկրատական կուսակցությանը զգալի փոփոխություններ չբերեց Թուրքիայի ժողովրդական զանգվածների կյանքում: Այդ կուսակցության հաղթանակով Թուրքական բուրժուազիան ըստ էության իշխանությունը իր մի ձեռքից փոխադրեց մյուսը: Նա հասավ իշխանությունը իր ձեռքում պահելու բուրժուական երկրներում բազմիցս փորձված, ճկուն բազմակուսակցական համակարգի հաստատման:

- 1 Улюк, 18. III, 1943.
- 2 Ахоян Г. Турция в тесных империалистической реакции.—Большевик, 1948, № 7, с. 48.
- 3 Моисеев П. П. Финансы Турции и положение трудящихся в годы второй мировой войны.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1969, вып. 17, с. 184.
- 4 Ökte F. Varlık vergisi faciası, İstanbul, 1963, s. 23.
- 5 В рассматриваемый период финансовый год в Турции начинался 1 июля, а с 1946 г.—1 января.
- 6 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1960, 59—60.
- 7 Моисеев П. П. Закон о национальной защите 1940 г. в Турции.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1956, т. 14, с. 222—246.
Timur T. Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 228—237.
- 8 Кондакчиев Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978, с. 83.
- 9 Моисеев П. П. Закон о надэквальной защите 1940 г. в Турции, с. 237.
- 10 Там же.
- 11 Кондакчиев Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 84.
- 12 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 236.
- 13 Nadir N. Perde aralığından. İstanbul, 1955, s. 109.
- 14 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 236.
- 15 Aydemir Ş. S. İktisadi adam, s. 2. İstanbul, 1975, s. 225.
- 16 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 61.
- 17 İstatistik yıllığı, с. 17. Ankara, 1949, s. 217.
- 18 İstatistik yıllığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 279.
- 19 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, с. 1—4. İstanbul, 1974, s. 474.
- 20 Там же.
- 21 İstatistik yıllığı, с. 14. Ankara, 1944, s. 353.
- 22 Имеются в виду фабрики, насчитывающие 10 и более наемных рабочих и именуемые турецкой статистикой «крупными».
- 23 Vedat E. Le revenu national de la Turquie.—Revue de la Faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul, 1948, № 1—2, p. 90—91.
- 24 İstatistik yıllığı, с. 21, s. 284.
- 25 İstatistik yıllığı 1964—65. Ankara, 1965, s. 448.
- 26 Лудышевский Е. Ф. Турция (экономико-географический очерк), М., 1955, с. 74.
- 27 Моисеев П. П. Рост налогов в Турции в годы второй мировой войны.—Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, 1956, вып. 19, с. 55.

- 28 *Demirhan U.* Cumhuriyetin ilk elli yılında vergisel yapımız. Ankara, 1973, s. 133.
- 29 Там же, с. 48—49, 58.
- 30 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, s. 679.
- 31 İstatistik yillığı, с. 21, s. 287.
- 32 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, s. 104, 130, 799.
- 33 Подсчитано по данным: İstatistik yillığı 1964—65, s. 267.
- 34 *Лрдымевдг Е. Ф.* Турция, с. 396—397.
- 35 Karma ekonomisi. İstanbul, 1967, s. 19.
- 36 *Коç V.* Hayat hikâyesi. İstanbul, 1974, s. 53.
- 37 *Авоглю D.* Türkiye'nin düzeni (dün-bugün-yarın), с. 1—2. İstanbul, 1976, s. 738.
- 38 Там же, с. 681.
- 39 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 160.
- 40 *Serik N.* Türkiye'nin sanayileşmesi. Ankara, 1963, s. 231.
- 41 *Кареев Н. Г.* Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982, с. 243.
- 42 Ulus, 14. III. 1950.
- 43 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 204.
- 44 *Neşioğlu O.* Türkiye'de kırmızı kırmızıdır. İstanbul, 1961—63, s. 597.
- 45 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции, с. 194.
- 46 Там же, с. 201.
- 47 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 108.
- 48 Cumhuriyet, 17. III. 1950.
- 49 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции, с. 278.
- 50 Kalkınan Türkiye. Ankara, 1954, s. 15.
- 51 *Новичков А. Д.* Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1969, с. 168, 245.
- 52 *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 76.
- 53 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 54.
- 54 *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции, с. 84.
- 55 Там же.
- 56 Cumhuriyet, 27.VI.1946.
- 57 Türkiye İktisat Mecmuası, 1948, № XII, s. 39.
- 58 Cumhuriyet, 27. VII. 1948.
- 59 İktisadî yürüyüş, 1948, № 213—216, s. 33.
- 60 Там же, с. 2.
- 61 *Карпат К.* Türk demokrasi tarihi, s. 253—254.
- 62 Ulus, 3. XII. 1948.
- 63 İktisadî yürüyüş, 31.XII.1948, № 213—216, s. 25.
- 64 Там же.
- 65 *Кареев Н. Г.* Наднациональный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968, с. 75.
- 66 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 58, 64.

- 67 Полное описание и применение этого закона дано в книге: *Ökte F. Varlık vergisi faciası*. İstanbul, 1953.
- 68 Н. Садак впоследствии (с 10.IX. 1947 по 22.V. 1950 г.) возглавлял министерство иностранных дел Турции.
- 69 *Sertel S. Roman gibi (Anıtlar) 1919—1950*. Sofya, 1969 а. 232.
- 70 *Ökte F. Varlık vergisi faciası*, а. 86—87.
- 71 *Lewis B. The emergence of modern Turkey*. London, 1962, p. 292.
- 72 *Гаспротан М. А. О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе.—Проблемы современной Турции*. М., 1963, с. 138.
- 73 *Ökte F. Varlık vergisi faciası*, а. 96, 185.
- 74 *Koç V. Hayat hikâyesi*, а. 69.
- 75 *Ökte F. Varlık vergisi faciası*, а. 183—184.
- 76 Т. С. Resmi gazete, 17.III.1944.
- 77 Cumhuriyet, 21.X.1946.
- 78 *Giritlioğlu F. Türk siyasi tarihinde CHP'sinin mevkî*, с. 2, Ankara, 1965, а. 366.
- 79 *Köksal B. A., İkkin A. R. Türkiye'de iktisadî politikaların gelişimi (1923—1973)*. İstanbul, 1973, а. 135.
- 80 *Herashlog Z. Y. Turkey, the challenge of growth*. Leiden, Brill, 1963, p. 150.
- 81 *Arıoğlu D. Türkiye'nin düzeni*, а. 557.
- 82 Там же.
- 83 *Thornburg M. W. Türkiye'nin bugünkü ekonomik durumunun tenkidî*. Ankara, 1950. а. 94, 137.
- 84 Там же, с. 122, 96.
- 85 Türkiye ekonomisi. Milletlerarası İmar ve Kalkınma bankasının Türkiye hükümetine bilâstirak finanse ettiği heyetin raporu. Ankara, 1951, а. 66, 127.
- 86 Там же, с. 188, 269, 455.
- 87 *Köksal B. A., İkkin A. R. Türkiye'de iktisadî politikaların gelişimi*. а. 136.
- 88 Новейшая история Турции. М., 1968, с. 247.
- 89 *Koç V. Hayat hikâyesi*, а. 73, 74, 76.
- 90 *Karma ekonomisi*, а. 25.
- 91 *Роздольск Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции*, с. 277.
- 92 *Östül N. Türkiye'deki Amerika*. İstanbul, 1969, а. 55.
- 93 *Устюж Н. Америка и американцы в Турции*. М., 1971, с. 20.
- 94 *Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля*. М., 1966, с. 16.
- 95 Там же, с. 5.
- 96 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, а. 104, 130.
- 97 *Қондасьян Р. П. Вторжение западногерманских монополий в Турцию*. Ереван, 1963, с. 36 (на арм. яз.).
- 98 Там же, с. 39, 65—66.
- 99 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, а. 638, 799.
- 100 Зарубежный Восток и современность, т. I. М., 1980, с. 151.

- 1 Джиллов Х. Э. Экономика Турции. М., 1971, с. 159.
- 2 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları. İstanbul, 1968, s. 250.
- 3 Aydemir Ş. S. İkinci adam, c. 2, İstanbul, 1975, s. 398.
- 4 Tekeli I., İkin S. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye iktisadi kalkınma planı. Ankara, 1974, s. 2.
- 5 Mirza S. Sermaye piyasası. Türkiyede durumu ve muhtemel gelişmesi. İstanbul, 1965, s. 72.
- 6 Джиллов Х. Э. Экономика Турции, с. 161, 164, 166.
- 7 Tunaya F. Z. Türkiyede siyasi partiler (1859—1932). İstanbul, 1962, s. 590.
- 8 Tayanc T. Sanayileşme sürecinde 50 yıl. Ankara, 1973, s. 116.
- 9 Tekeli I., İkin S. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye iktisadi kalkınma planı, s. 7.
- 10 Там же, с. 9.
- 11 Там же, с. 11.
- 12 Там же, с. 22.
- 13 Там же, с. 21, 22.
- 14 Там же, с. 19.
- 15 Там же, с. 20.
- 16 Там же, с. 20, 21.
- 17 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 331
- 18 Там же, с. 340—341.
- 19 15.III. 1943 г. — 12.VIII. 1946 — III. Сераджоглу; 12.VIII. 1946 г. — 9.IX. 1947 — Р. Пекер; 10.IX. 1947 г. — 8.VI. 1948 — X. Сака; 8.VI. 1948 г. — 15.I. 1949 — X. Сака; 16.I. 1949 г. — 22.V. 1960 — III. Гюналтай. См. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 263, 281, 313, 325, 335.
- 20 Şerif N. Türkiyenin sanayileşmesi. Ankara, 1963, s. 164.
- 21 İstatistik yılığı 1964—65. Ankara, 1965, s. 448.
- 22 Алубков Н. В. Государственный капитализм в Турции. М., 1966, с. 124
- 23 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 191—192.
- 24 Türkiyede işçi ücretleri ve enflasyon, № 5. Ankara, 1975, s. 41.
- 25 Новейшая история Турции. М., 1968, с. 244.
- 26 Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1966, с. 9.
- 27 1955 genel müfessatı sayımı. Ankara, 1956, s. 16.
- 28 İktisat fakültesi mecmuası. Ankara, 1960, с. 20, № 1—4, s. 118.
- 29 Türkiyede toplumsal ve ekonomik gelişmenin 50 yılı. Ankara, 1973, s. 316.
- 30 Tarım İstatistik özeti 1944—1955. Ankara, 1966, s. 5.
- 31 I ra razen 10 денюмам.
- 32 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, s. 344.
- 33 Arık K. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. Ankara, 1962, s. 101.
- 34 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, s. 324, 325.

- 35 Devlet yılığı, 1944—1945, Ankara, s. 230.
- 36 *Türk I. Türk toplumunda sosyal sınıflar*, İstanbul, 1970, s. 112.
- 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 135.
- 38 Подробно об этом вопросе см. Т. С. Resmi gazete, 15-VI. 1945; Агик К. Ф. Мукъуесели торрак реформу, с. 2. Ankara, 1962; Моусеев П. П. Аграрные отношения в современной Турции. М., 1960; Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959.
- 39 Данциг Б. М. Турция. М., 1949, с. 151.
- 40 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 155.
- 41 Моусеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 125.
- 42 Cumhuriyet, 12.XI.1976.
- 43 Данциг Б. М. Турция, с. 152.
- 44 Уган Н. Hâtıralarım. Ankara, 1959, s. 442.
- 45 Cumhuriyet, 11. XI. 1976.
- 46 Там же.
- 47 Новакел А. Д. Крестьянство Турции в новейшее время, с. 214.
- 48 Окан Х. Развитие на капитализма в Турции. София, 1961, с. 73 (на болг. яз.).
- 49 Агик К. Ф. Мукъуесели торрак реформу, с. 2, s. 101.
- 50 Джиллов Х. З. Экономика Турции. М., 1971, с. 111—112.
- 51 Авелоглим Д. Türkiye'nin düzeni (dün-bugün-yarın) с. 1—2, İstanbul, 1976, s. 620.
- 52 İstatistik yılığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 218.
- 53 Price M. Ph. A history of Turkey from Empire to Republic. London 1961, p. 175.
- 54 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 97.
- 55 На рус. яз. о законе см.: Корчменко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963. М., 1965, с. 93.
- 56 Şeşen A. Türkiye'de sendikacılık. Ankara, 1973, s. 16.
- 57 Там же, с. 17.
- 58 Корчменко Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 122.
- 59 Розалмел Ю. Н. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., 1966, с. 90.
- 60 Гимар Т. Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 229
- 61 Sertel Y. Türkiye'de ticaretci akımlar ve kalkınma davamız, s. 60.
- 62 Аюпан Г. Турция в тисках империалистической реакции.—Большевик, 1948, № 7, с. 51.
- 63 Гимар Т. Türk devrimi ve sonrası, s. 233.
- 64 Розалмел Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 298.
- 65 Şeşen A. Türkiye'de sendikacılık, s. 18.
- 66 İzzet A. Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomist içindeki yeri. Ankara 1967, s. 74.
- 67 Там же, с. 75.
- 68 Корчменко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963, с. 110.

- 69 *Şişmanof D.* Türkiye'de işçi ve sosyalist hareketi. Sofya, 1965, s. 115.
 70 *Salkır K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri. İstanbul, 1973, s. 61.
 71 *Çeçen A.* Türkiye'de sendikacılık, s. 25.
 72 *İşikli A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 77.
 73 İktisadi kalkınmanın sosyal meseleleri. İstanbul, 1964, s. 364.
 74 *Şişmanof D.* Türkiye'de işçi ve sosyalist hareketi, s. 113.
 75 *Salkır K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri, s. 174.
 76 Там же.
 77 Там же, с. 176.
 78 Там же.
 79 Там же.
 80 *Salkır K.* Türkiye'de sendikacılık. İstanbul, 1955, s. 103.
 81 *İşikli A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 77.
 82 *Salkır K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri, s. 61.
 83 *İşikli A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 76.
 84 Там же.
 85 *Salkır K.* Türkiye'de sendikacılık, s. 36.
 86 Там же, с. 38.
 87 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны.—Ученые записки ЛГУ, сер. востоковед. наук, 1954, вып. 4, № 179, с. 108.
 88 Там же, с. 101.
 89 *Саркисов Е. К.* Положение трудящихся масс в современной Турции. Ереван, 1955, с. 78.
 90 İstatistik yılığı, с. 20. Ankara, 1952, s. 229.
 91 *Öztürk K.* Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 307.
 92 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны, с. 106—107.
 93 *Pişek K.* Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969, s. 79.
 94 *Розанов Ю. Н.* Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны, с. 165.
 95 Там же, с. 170.
 96 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны, с. 109—110.
 97 *Гафуров Б. Г.* Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976, с. 104.

Глава III

- 1 Küçük İstatistik yılığı, № 290. Ankara, 1948, s. 500.
 2 *Demiray T.* Türkiye yılığı 1948. İstanbul, 1948, s. 112.
 3 Народы Азии и Африки, 1979, № 5, с. 201.
 4 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 455.
 5 *Öztürk K.* Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları. İstanbul, 1968, s. 267.
 6 *Timar T.* Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 271.
 7 *Demiray T.* Türkiye yılığı 1948, s. 24.

- 8 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 234.
- 9 Matthews A. T. Z. Yetişen türk idareciler. Ankara, 1955, s. 14, 15.
- 10 Там же, с. 21.
- 11 Demiray T. Türkiye yıllığı 1947. İstanbul, s. 37, 39, 41, 42, 46.
- 12 Там же, с. 52.
- 13 Там же.
- 14 Подсчитано по данным: Demiray T. Türkiye yıllığı 1947, s. 83.
- 15 Boratao K. 100 soruda gelir dağılımı. İstanbul, 1969, s. 179.
- 16 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni (dün-bugün-yarın), с. 2. İstanbul, 1976, s. 817.
- 17 Nebioğlu O. Türkiye'de kim kimdir. İstanbul, 1961—1962, s. 50—51.
- 18 Прозантьевстао Р. Пекера узрааллао страной с 12.VIII. 1946 до 9.IX. 1947. См. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 281.
- 19 Cem İ. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. İstanbul, 1973, s. 391.
- 20 Erer T. Türkiye'de parti kavgaları. İstanbul, 1963, s. 168.
- 21 Там же, с. 233.
- 22 Там же.
- 23 Л. Кырдар в годы войны совершил политические преступления. См.: Мәрмәр, 9.X. 1960. (на арм. яз.).
- 24 Koşu R. E. Dârlâceze (1893—1974). İstanbul, 1974, s. 186.
- 25 Saritel Y. Türkiye'de ilericî akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1969, s. 56.
- 26 Ковалевца Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 112.
- 27 Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976, с. 62.
- 28 Лудшвейг Е. Ф. Турция, экономико-географический очерк. М., 1955, с. 195—196.
- 29 Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 74.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 776.
- 31 Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран (проблема многоукладного, переходного общества). М., 1978, с. 96.
- 32 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 531—532.
- 33 Зарубежный Восток и современность, т. I, М., 1980, с. 311.
- 34 İstatistik yıllığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 283.
- 35 Джиллов Х. З. Экономика Турции, М., 1971, с. 170.
- 36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 366.
- 37 Дамлаов В. Н. Средние слои в политической жизни современной Турции. М., 1968, с. 7.
- 38 Розалиев Ю. Н. Низшие формы капитализма в промышленности Турции. — Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык. М., 1968, с. 88.
- 39 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 78.
- 40 Vadat E. Le revenu national de la Turquie. — Revue de la Faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul, 1948, № 1—2, p. 90—91.
- 41 İstatistik yıllığı, с. 21, s. 284.

- 42 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 168.
- 43 Türkiye ansiklopedisi, с. 5, Ankara, 1957, с. 65—66.
- 44 Давидов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции, с. 8, 11.
- 45 Там же, с. 8.
- 46 Там же.
- 47 Türkiye ekonomisi. Milletlerarası İmar ve kalkınma bankasının Türkiye hükümetine bildiştirak finanse ettiği beyetin raporu. Ankara, 1951, с. 243—244.
- 48 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 169.
- 49 Давидов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции, с. 182.
- 50 Кареев Н. Г. Некоторые тенденции развития мелкого производства в обрабатывающей промышленности Турции, в сб.: Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974, с. 158.
- 51 Лемин В. Н. Полн. собр. соч., т. I, с. 498.
- 52 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 80.
- 53 Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 39.
- 54 Там же, с. 94.
- 55 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 90.
- 56 Там же, с. 76.
- 57 Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М., 1982, с. 66.
- 58 Лемин В. Н. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
- 59 Розалиев Ю. Н. Новые формы капитализма в промышленности Турции, с. 98.
- 60 Талауа Т. Z. Türkiye'de siyasal partiler (1859—1952). İstanbul, 1952, с. 591.
- 61 Там же, с. 668.
- 62 Там же, с. 731.
- 63 Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения, с. 113.
- 64 Моисеев П. П. Физансы Турции и положение трудящихся в годы второй мировой войны.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1953, вып. 17, с. 198.
- 65 Розалиев Ю. Н. Экономическая история Турецкой республики. М., 1983, с. 164.
- 66 Karpat K. Türk demokrasi tarihi. İstanbul, 1908, с. 85.
- 67 Там же.
- 68 Ulus, 14.III.1950
- 69 Подсчитано по данным: Demirey T. Türkiye yıllığı, 1948, с. 82—110.
- 70 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 192.
- 71 Кареев Н. Г. Национальный и иностраный капитал во внешней торговле Турции. М., 1955, с. 63.
- 72 Türkiye ekonomisi, с. 185.
- 73 Koç V. Hayat hikâyesi. İstanbul, 1974, с. 108.
- 74 Nebioğlu O. Türkiye'de kim kimdir, с. 525.
- 75 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 213.

- 76 Коç V. Hayat hikâyesi, s. 53.
 77 Розалия Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 227.
 78 Карев Н. Г. Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции, с. 53.
 79 Kalkınan Türkiye. Ankara, 1954, s. 5. 213.
 80 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 65—66.
 81 Там же, с. 66.
 82 Vatan, 7.IV.1947.
 83 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 67.
 84 Cumhuriyet, 12.I.1948.
 85 Başar A. H. Demokrasi buhranları. İstanbul, 1956, s. 11.
 86 Başar A. H. Yaşadığımızın devrin içyüzü. Ankara, 1960, s. 44.
 87 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 70.
 88 Ulus, 28.VIII.1948.
 89 Ulus, 26.XI.1948.
 90 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 48.
 91 Tanrıya T. Z. Türkiye'de siyasi partiler, s. 662—673.
 92 Там же, с. 585—592.
 93 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 294, 319, 341.
 94 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 525.
 95 Там же, с. 524.
 96 Giritlioğlu F. Türk siyasi tarihinde CHP'nin mevkî, c. 1. Ankara, 1965, s. 240—241.
 97 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 525.
 98 Там же.
 99 Nadir N. Perde aralığından. İstanbul, 1965, s. 249—250.
 100 Aydemir Ş. S. İkinci adam, c. 2. İstanbul, 1975, 483.
 101 Там же, с. 487.
 102 Там же, с. 492.
 103 Aydemir Ş. S. İhtilâlin mantığı. İstanbul, 1976, s. 166.
 104 Познаньска К. Старая и новая Турция. М., 1974, с. 65.
 105 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 313, 325—335.
 106 Коç V. Hayat hikâyesi, s. 137.
 107 Там же.
 108 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 531.
 109 Шахмурдякова А. М. Турецкая республика (Краткий очерк истории 1923—1961). М., 1962, с. 60.
 110 Атаба Т. США, НАТО и Турция. М., 1973, с. 199.
 111 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. II, с. 372.
 112 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

Заклучение

- 1 Коммунист, 1. I. 1971.
 2 Инджикан О. Г. Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 83.
 3 Народы Азии и Африки, 1982, № 4, с. 97.
 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 10.
 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 107.

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ТУРКОЛОГИИ

Е. К. САРКИСЯН

ИЗ ИСТОРИИ ТУРКОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ*

После установления советской власти в Армении такие известные ученые, как академики Я. Мзандян, И. Орбели, Г. Ачарян, Г. Капанцян, профессор Лео (Аракел Бабаханян) своими капитальными трудами внесли весомый вклад в отечественное востоковедение, в том числе и в туркологию.

До 50-х годов в Армении не было туркологического центра. Лишь в 1954 г. в Институте истории АН республики была создана группа востоковедения. В 1958 г. на базе ее был организован самостоятельный сектор востоковедения, реорганизованный в 1971 г. в Институт востоковедения АН Армянской ССР. При этом отдел Турции, созданный в секторе востоковедения, был значительно расширен и стал ведущим в институте.

Источниковедческой базой для туркологов Советской Армении являются ценнейшие рукописи Матенадарана, многочисленные труды армянских историографов, путешественников, торговцев, в которых содержится богатый фактический материал о странах Востока, в том числе и об Османской империи. Ценный источник представляет собой и богатейшая армянская периодика—газеты и журналы, издававшиеся в Константинополе и Западной Армении, на территории России, в зарубежных армянских общинах. Многочисленные комплекты этой периодики, собранные в книгохранилищах республики, содержат богатую информацию об Османской империи и о республиканской Турции.

Туркологи Советской Армении занимаются разработкой таких проблем, как внутренняя и внешняя политика Османской империи и республиканской Турции, положение нетурецких народов в Османской империи и их национально-освободительная борьба,

* Историю армянской туркологии до советского периода см.: «Страны и народы Восточного и Среднего Востока, X, Турция», Ереван, 1979, с. 217—329.

положение национальных меньшинств в республиканской Турции, аграрный вопрос и аграрные отношения в Османской империи, экспансионистская политика младотурецкого правительства в отношении Закавказья, политика Османского правительства в Западной Армении, особенности формирования буржуазии в Османской империи, изучение турецкой историографии, издание на армянском языке турецких источников об армянах Турции и Закавказья и др.

По этим проблемам армянские туркологи опубликовали в 50—70-х годах ряд ценных монографий, а также несколько сборников и множество статей в научной периодике. Работы наших туркологов вышли в свет на английском, немецком и армянском языках в США, ГДР и Ливане. Они также нашли положительную оценку в прогрессивной армянской периодической печати за рубежом.

В своих исследованиях по истории Западной Армении специалисты из Ереванского государственного университета, Института истории АН Армянской ССР, Матенадарана освещают также отдельные вопросы истории Османской империи, поскольку история Западной Армении тесно переплетена с историей Турции. Авторы этих работ не являются туркологами, однако мы считаем целесообразным вкратце остановиться на результатах их исследований.

В работах проф. Лео, Б. Боряна, акад. Ашота Иоаннисяна уделено много места Западной Армении и, естественно, затронуты также отдельные проблемы истории Османской империи. Профессор Лео в своих монографиях и в многотомной «Истории Армении» освещает нашествие сельджуков и тюркско-огузских племен из Средней Азии в Малую Азию, образование сельджукского государства, возникновение Османского бейлика, позднее—Османской империи. Лео подробно говорит об административном устройстве Османской империи, об аграрных отношениях, о налоговой системе, о райя и девширме. Специальную главу он посвящает турецко-иранским войнам XVI—XVII вв., приведшим к разделу Закавказья между двумя военно-феодальными деспотическими монархиями. Османское владычество привело к еще большему усилению позиций курдов в Армении. А это, подчеркивает Лео, означало укрепление курдских крепостнических право порядков в Армении. Значит, вместе с османским господством армянский народ должен был выносить и курдские крепостные отношения². Многие страницы трудов Лео посвящены бесправному положению западных армян, политике великих держав в восточном и армянском вопросах, революционной идеологии западных армян, позиции армянских политических партий и организаций в младотурецком движении. Много места уделяет Лео и положению Османской империи накануне и в годы первой мировой войны, геноциду ар-

мян в 1915—1916 гг. Лео касается также национальной войны Турции в 1918—1922 гг. Он особо останавливается на политике кемалистов в отношении Западной и Восточной Армении, ничем не отличавшейся от политики султана Абдул-Хамида и младотурок.

В своей двухтомной монографии «Армения, международная дипломатия и СССР» (ч. I, М.—Л., 1928; ч. II, М.—Л., 1929) Б. А. Борьян на основе архивных документов и большого фактического материала освещает важнейшие для истории армянского народа вопросы: политику турецких султанов по отношению к армянам, национально-освободительное движение и политику великих держав, Зейтунское восстание 1862 г. и политику Наполеона III, конференцию послов великих держав в 1876 г. в Константинополе по восточному вопросу, итоги Берлинского конгресса 1878 г. и др. Специальную главу Борьян посвятил погромам 1894—1896 гг. и политике великих держав в армянском вопросе. Говорится в книге и о младотурецкой революции, о методах и средствах младотурок при «разрешении» армянского вопроса. Автор останавливается и на доктринах младотурецкой партии «Единение и прогресс» и политике панисламизма и пантюркизма, приведших к краху Османской империи в первой мировой войне. Изложение первой части монографии Борьян доводит до 1919 г. Не на все перечисленные выше вопросы автор дал правильные ответы. Так, он без всякого основания утверждает, будто бы в Турции среди армян до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. не было национально-сепаратистского движения (ч. I, стр. 51—52). Он фактически отрицал невыносимое, унижительное положение подпавших под военно-феодалное деспотическое иго Османской империи христианских народов. Однако приведенные Борьяном документы о тяжелом, бесправном положении армян Западной Армении опровергают его же точку зрения.

Академик А. Иоаннисян в своем капитальном двухтомном труде, посвященном Налбандяну, и его времени⁶, на широком историческом фоне исследовал многие проблемы Восточной и Западной Армении. Проблемы Западной Армении рассмотрены в тесной связи с проблемами Османской империи. Туркологи, занимающиеся историей социально-экономического и политического положения Османской империи, найдут в монографии А. Иоаннисяна весьма ценный материал. Много места автор уделит освещению той роли, которую сыграли армяне в экономической, политической и культурной жизни Османской империи. Анализируя тауизматские реформы, А. Иоаннисян, в частности, отмечает, что в области аграрных отношений эти реформы привели к упразднению военной системы землевладения, но не затронули основ феодализма. Основные задачи реформы заключались не в ликвидации фео-

дальной земельной собственности как таковой, а в разгроме ленников-сизаги, выросших в значительную силу и угрожавших существованию центрального правительства. Реформы охватили всю страну, однако в некоторых провинциях старые ленные землевладельцы, покупавшие у государственных чиновников земли, превратились в феодальных собственников. В целом же реформа не коснулась феодальной земельной собственности.

Говоря о налоговой системе в Османской империи, А. Иоаннисян отмечает, что существенную роль в упадке экономики играли многочисленные налоги и подати, часто произвольно установленные государством, турецкими ага, курдскими беками, а также ограбление крестьян и тяжелая барщина. Одну из основных причин отставания Османской империи автор видит в проникновении в Турцию европейского капитала. «Турецкая местная торговля и промышленность,—пишет А. Иоаннисян,—в начале XIX в. находилась в относительно стабильном положении, однако в середине века, в связи с господством европейского капитала, начинается период упадка»⁷.

Одной из основных проблем, изучаемых армянскими туркологами и историками, была и остается проблема национально-освободительной борьбы нетурецких народов, подпавших под османское феодально-деспотическое иго. И дореволюционные армянские историки, и советские ученые обращали пристальное внимание на освободительную борьбу западных армян, принявшую во второй половине XIX в. общенациональный характер. Этой проблеме посвящено, в частности, исследование академика АН Армянской ССР М. Г. Нерсисяна «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг.», Ереван, 1955 (на арм. яз.)⁸. На основе архивных и других материалов автор с позиций марксистско-ленинской историографии освещает экономическое положение Западной Армении в 1850—1870-х гг., национально-освободительную борьбу армянских народных масс против султанского владычества. В исследовании показаны невыносимо тяжелое положение народов, находившихся под кровавым турецким игом, их политическое и экономическое бесправие, неслыханные страдания, перенесенные ими, а также проводимая султанским правительством политика физического уничтожения нетурецких народов. Автор приводит убедительные факты значительного усиления социально-экономического гнета. Это опровергает утверждения англо-американских и турецких историков о том, что танзиматские реформы—хатт-и шериф 1839 г. и хатт-и хумаюн 1856 г. якобы улучшили положение нетурецких народов Османской империи. Подробно останавливаясь на восстаниях в Зейтуне и Ване в 1862 г., в Муше в 1863 г. и в Чарсанджаке в 1865 г., исследователь подчеркивает, что национально-освободи-

тельное движение западных армян было вызвано социально-экономическим и политическим гнетом, а не подстрекательством извне, что эта борьба явилась следствием политики правящих кругов Османской империи. Автор обстоятельно анализирует позицию великих держав в отношении освободительной борьбы народов, находившихся под турецким игом. Каждая из великих держав пыталась усилить свои позиции в Османской империи и поэтому отстаивала пресловутую позицию status quo, которая, по словам Маркса и Энгельса, «для христианских подданных Высокой Порты может означать только увековечивание их преследований со стороны Турции»⁹. В монографии М. Г. Нерсисяна четко выявлена русская ориентация национально-освободительного движения западных армян.

Национально-освободительное движение в Западной Армении в 70—80-х гг. XIX в. подробно исследуется Р. П. Оганесяном¹⁰. В объемистой монографии академика АН Армянской ССР Ц. П. Агаяна «Из истории освободительной борьбы армянского народа», Ереван, 1976 (на арм. яз.) подробно говорится о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., об армянском вопросе, о дипломатии великих держав, о самоотверженной борьбе армян Сасуна, о героической деятельности национального героя Андраника Озаниана и др.

Освободительной борьбе армян в средние века посвящено исследование А. С. Анасяна «Освободительные движения в Западной Армении в XVII в.», Ереван, 1961 (на арм. яз.)¹¹. Автор, опираясь на материалы армянских и иноязычных источников, подробно разбирает ряд вопросов, связанных с историей Западной Армении в указанный период, а также дипломатические связи западных стран с Османской империей. Анасян отмечает, что все политические, экономические и социальные условия, породившие освободительные устремления западных армян, связаны с турецким игом. Автор красной нитью проводит мысль о том, что западные армяне, не мирясь с чужеземным господством, вели героическую борьбу за свое освобождение. Это опровергает утверждения турецких фальсификаторов истории, будто до второй половины XIX в. армяне были преданы Турции, а для национально-освободительного движения не было никакой почвы, ибо армяне в Турции якобы имели широкие права и пользовались многими привилегиями. Приведенные Анасяном факты показывают крайнюю отсталость Османской империи, ее реакционный военно-феодальный политический строй, тормозивший экономическое и культурное развитие входивших в нее народов. Подробно говоря о Кандийской войне (1645—1669) между Османской империей и Венецианской республикой, автор подчеркивает, что война явилась крупнейшим политическим событием своего времени и имела международное значение в самом широком смысле этого слова. В

этой войне турки стремились достичь превосходства в бассейне Средиземного моря и Европе в целом, что, естественно, тревожило ряд европейских государств. «По всей Европе,—пишет автор,—говорили о новом крестовом походе на Восток, что волновало и возбуждало изнывавшие под турецким игом народы, и без того стремившиеся к освобождению» (стр. 335).

В монографии обстоятельно излагается проект совместного армяно-греческого восстания, который основывался на двух факторах: внутреннем—восстании армян и греков и внешнем—совместном походе европейских стран. Вооруженное восстание и поход европейских государств рассматривались как объединенное, единое движение, которое должно было разгромить Османскую империю и восстановить на ее руинах Византию. «Одна из характерных особенностей армяно-греческого проекта состояла в том, что надежды на победу освободительного движения в Армении и Греции связывались с походами западных стран при участии России. О необходимости участия России в походе против Турции говорил на парижских переговорах с Людовиком XIV делегат армян—Шахмурад, указавший, что они стремятся «привести в движение и москвитян» (стр. 337).

В гораздо меньшей степени изучена средневековая история Османской империи. Этот пробел отчасти восполняют работы проф. М. К. Зулаляна: «Движение джалалиев и положение армянского народа в Османской империи, XVI—XVII вв.», Ереван, 1966 (на арм. яз.); «Армения в первой половине XVI в.», М., 1971; «Западная Армения» в XVII—XVIII вв.», Ереван, 1980, (на арм. яз.)¹². В последней монографии ученый обстоятельно и подробно осветил вопросы, поднятые им уже в первых двух работах. В своих исследованиях Зулалян использовал средневековые османские первоисточники, труды турецких историков, памятные записи армянских рукописей, работы армянских и европейских авторов XVI—XVIII вв., сочинения европейских путешественников и др. Особый интерес представляет оценка движения джалалиев в Османской империи. Оно рассматривается на основе социально-экономической и политической истории Турции конца XVI и начала XVII вв. Зулалян анализирует внутреннее положение Османской империи, разбирает главные предпосылки восстания джалалиев, социальный состав движения и задачи восставших и приходит к заключению, что движение джалалиев можно разделить на три этапа, на каждом из которых оно имело специфические черты, выражало интересы различных социальных слоев, в первую очередь интересы мелких феодалов.

Движение джалалиев, подчеркивает Зулалян, было на всех своих этапах результатом острых социальных противоречий. Основными участниками движения фактически были крестьяне,

разоренные тяжелыми налогами, поборами и всяческими притеснениями. Ссылаясь на первоисточники, автор показывает, что многие крестьяне уже в 60—70-х гг. XVI в. превратились в деклассированные элементы. Объединившись в банды, они стали оружием в руках феодалов, стремившихся защитить свои права от посягательства султанского правительства. Эти банды приносили неслыханные бедствия населению, особенно христианскому.

Заслуживает внимания общий вывод Зулаляна о специфике движения джалалиев, значительно отличавшегося от крестьянских восстаний в других странах. Почти всегда во главе восстания стояли мелкие феодалы, находившиеся на военной службе у султана и боровшиеся в основном за восстановление своих феодальных прав и владений. Следовательно, им были чужды интересы основных участников движения—крестьян, которых они использовали для своих узкоклассовых целей. Говоря о причинах поражения джалалиев, автор отмечает: «Они были предопределены самой сущностью восстания. Различный социальный состав участников и, следовательно, различные цели, преследуемые ими, должны были неизбежно привести к непримиримым внутренним противоречиям и в конечном счете к гибели движения» (стр. 257).

Большой интерес представляет последний раздел монографии Зулаляна, посвященный социально-экономическим проблемам Османской империи, в том числе и Западной Армении, XVI—XVIII вв. Опираясь на данные первоисточников, автор показывает важную роль армян в экономической жизни империи. Несмотря на препятствия, чинимые турецкими властями, армянские купцы добились значительных успехов и в развитии внутренней и внешней торговли.

Автор касается и таких вопросов, как аграрные отношения, формы землевладения и землепользования, положение крестьян и т. д. правильно, на наш взгляд, отмечая, что феодал в Османской империи, в отличие от западноевропейских феодалов, не имел правовой власти над крестьянином, потому что не был «саладельцем земли», которая находилась у него во временном пользовании. Автор подробно анализирует причины, приведшие к разложению военнопленной системы и упадку Османской империи. Вопреки существующему в туркологической литературе мнению, согласно которому упадок Османской империи связан был с внешними факторами, Зулалян объясняет его внутренними процессами. «Главная причина падения империи,—пишет он,—это существенные изменения, происшедшие в ее военно-феодальной системе, начавшиеся еще в первой половине XVI в.». Заслуга автора заключается в том, что он на широком историческом фоне представил социально-экономическую и политическую историю Западной Армении XVI—XVIII вв.

Хронологическим продолжением истории Западной Армении можно считать монографию проф. Г. М. Казаряна «Социально-экономическое положение западных армян в 1800—1870 гг.», Ереван, 1967 (на арм. яз.)¹³, основные положения которой автор в 1979 г. издал на русском языке — «Армянские общественно-политическое движение в 50—60-х гг. XIX в. и Россия»¹⁴. Исследования в монографии вопросы можно разделить на три группы: а) социально-экономическое положение западных армян в первой половине XIX в. и последствия танзиматских реформ; б) национально-освободительное движение армянского народа в 40—60-х гг. XIX в.; в) борьба различных общественно-политических течений армянской интеллигенции.

Г. Казарян рассматривает историю западных армян на широком фоне, связывая ее с важнейшими событиями, происходившими в Османской империи, с армяно-турецкими и армяно-курдскими отношениями. Представляют интерес разделы книги, посвященные аграрным отношениям, формам землевладения и землепользования. Автор отмечает, что существовавшие в Османской империи, в том числе в Западной Армении и Киликии, различные формы землевладения объясняются различием исторических условий и путей социально-исторического развития в многонациональной империи, где преобладали феодальный способ производства, феодальная форма землевладения и феодальная эксплуатация крестьян. В работе говорится и о налоговой политике турецких султанов. Налоги, их размеры и форма взимания свидетельствуют о тяжелом положении завоеванных турками христианских народов. В книге освещена также история уничтожения курдских деревейств. Автор правильно отмечает, что их безраздельное господство в Западной Армении и постоянные межфеодальные и межплеменные усобицы подрывали ее экономику, опустошали целые районы. Затрагивая вопрос о крепостничестве, Казарян не указывает четко, существовало ли оно в Османской империи и Западной Армении. По этому вопросу нет единого мнения, и автору следовало бы определить свою точку зрения.

Одной из сложных и малоизученных проблем Османской империи и Западной Армении была и остается проблема аграрных отношений. Ее разработке посвящена монография проф. Е. К. Саркисяна «Аграрная политика Османского правительства во второй половине XIX в.», Ереван, 1957¹⁵, в которой показано, что хотя султанские власти и осуществили кое-какие реформы, связанные с общими реформами танзимата, однако они не внесли и не могли внести сколько-нибудь значительных перемен в жизнь деревни, ибо эти реформы имели своей целью укрепление феодальных порядков в империи и упрочение султанской власти. Анализируется налоговая политика властей, особенно в отношении подвластных

Турции христианских народов, в том числе и западных армян, описана налоговая система Османской империи, виды налогов и податей—как феодально-помещичьих, так и государственных. В книге подчеркивается, что массовое обезземеливание армянских крестьян во второй половине XIX в. и в начале XX в. было связано с аграрной политикой султанского правительства, которое, пытаясь, разоряя армян, усилить мусульманское население Западной Армении и добивалось в конечном счете изгнания армян с их родины. В своей антиармянской политике султанские власти использовали реакционных курдских беев, а также постоянно прибегали к излюбленному методу—разжиганию национальной вражды между населением восточных окраин империи (армянами, курдами, черкесами, турками).

Аграрному вопросу посвящена и монография проф. А. С. Амбаряна «Аграрные отношения в Западной Армении (1856—1914)», Ереван, 1965, (на арм. яз.)¹⁶. В работе исследуются аграрная политика турецкого правительства, социальные слои в Западной Армении, категории крестьян, феодальные налоги и рента, государственные налоги и подати, состояние промышленности и сельского хозяйства, расширение помещичьего землевладения, превращение крестьян в полукрепостных и крепостных, аграрные отношения в Западной Армении после младотурецкого переворота и др.

В другой своей монографии—«Национальная и земельная политика младотурок и освободительное движение в Западной Армении 1908—1914», Ереван, 1979 (на арм. яз.)¹⁷ А. Амбарян анализирует национальную и земельную политику младотурок в Западной Армении, положение крестьян, национально-освободительную борьбу западных армян против кровавого султанского ига.

Политика правящих кругов Османской империи в отношении нетурецких народов исследуется в монографии Е. К. Саркисяна «Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв.», Ереван, 1972¹⁸. В книге показана сущность административной, экономической и национальной политики Османского правительства в Западной Армении, вскрыты причины национально-освободительной борьбы западных армян как прямого следствия национального и социального гнета. В монографии вскрыта также сущность политики великих держав, использовавших борьбу угнетенных народов, в том числе и армянского, в своих корыстных целях. Обстоятельно освещена позиция России в армянском вопросе, показаны характерные особенности борьбы нетурецких народов Османской империи в первом десятилетии XX в., которые заключались в том, что эта борьба слилась с общим, усиливавшимся под влиянием первой

русской революции, антиабсолютистским движением. Усиление национально-освободительной борьбы народов Османской империи диктовало буржуазно-национальным партиям и организациям турок, армян, македонцев необходимость поисков общих усилий в борьбе против абдулгамидовского режима. Этим и были вызваны конгрессы османских оппозиционных партий и организаций, состоявшиеся в 1902 и 1907 гг. в Париже. В принятой вторым парижским конгрессом «Декларации османских оппозиционных партий» говорилось: «Сегодня совместные выступления христиан и мусульман во многих местах показывают, что народы Турции устали от мучений и нищеты, поняли, что султан ведет их к пропасти».

В монографии дана оценка политике турецкой буржуазно-помещичьей партии «Единение и прогресс». Воспользовавшись освободительной борьбой народов империи и встав в 1909 г. у кормила власти, она отказалась от обещаний, данных накануне младотурецкого военного переворота. В работе критикуется антинациональная, шовинистическая политика младотурок, подчеркивается, что пантюркизм становился новой формой безудержного турецкого шовинизма, одним из главных идеологических орудий ассимиляторской и экспансионистской политики младотурок.

Подвергнуты критике те турецкие историки и государственные деятели, в работах которых грубо фальсифицирована история многих событий, связанных с государственной политикой Османской империи в завоеванных странах. Разоблачены коварные происки великих держав, стремившихся использовать в своих интересах борьбу угнетенных народов Османской империи.

В числе других сложных проблем туркологии—изучение процесса формирования и развития буржуазии в Османской империи. Этой проблеме посвящена монография О. Г. Инджикяна «Буржуазия Османской империи» (Ереван, 1977)¹⁹, где дана общая картина социально-экономического развития Османской империи и конкретные условия формирования различных национальных групп буржуазии, освещена роль этих отрядов буржуазии в экономической жизни страны. По словам академика Н. Тодорова, необходимо «привлечь внимание специалистов к этой ценной работе, в которой можно найти и достаточно материала для раздумий и обсуждений» («Etudes Balkaniques», № 3, 1977). В ней показан затяжной и болезненный характер развития капиталистических отношений в империи, которое происходило преимущественно под воздействием внутренних факторов, а влияние внешнего рынка, вопреки утверждению ряда авторов, имело ограниченное значение. В монографии прослеживаются пути развития собственно турецкой национальной буржуазии и характеризуются ее специфические черты, ее тесная связь с феодальной земельной

собственностью и «феодалное» происхождение многих ее представителей.

Анализируя генезис и развитие капитализма в Османской империи, автор выделяет четыре основных этапа. Первый из них—это период генезиса капитализма в недрах еще сугубо феодального общества, проходивший без непосредственного участия турецких и других мусульманских элементов. На втором этапе, в эпоху танзимата, начинается формирование турецкой и укрепление позиций инонациональной буржуазии. На третьем этапе, начавшемся в 80-х годах XIX в. и продолжавшемся до младотурецкой революции, турецкая буржуазия благодаря укреплению своего экономического положения с помощью политических мер османского правительства добилась усиления своих позиций и несколько оттеснила инонациональную буржуазию. На четвертом этапе, в десятилетие господства младотурок, инонациональная буржуазия вначале укрепила свои позиции, в то время как турецкая буржуазия компенсировала свою экономическую слабость усилением влияния в сфере политики. В дальнейшем турецкая буржуазия, используя государственную власть, осуществила преступную политику геноцида в отношении армян и других христианских народов и вытеснила, а затем и устранила своего соперника—инонациональную буржуазию, в лице греческой и армянской. В результате многие наиболее активные и деятельные капиталистические элементы были физически уничтожены либо изолированы.

Исследование О. Г. Инджикяна дает ответ на сложный вопрос о социальном и экономическом развитии Османской империи во второй половине XIX в. и в начале XX в.

Армянские советские историки серьезно изучают дипломатическую историю восточного и армянского вопросов. Последние обстоятельно освещаются в двух книгах проф. Дж. С. Киракосяна—«Буржуазная дипломатия в Армении. 70-е годы XIX в., Ереван, 1978 (на арм. яз.)²⁰; Ереван, 1981 (на рус. яз.)²¹ и «Буржуазная дипломатия и Армения. 80-е годы XIX в., Ереван, 1980 (на арм. яз.)²².

В первой работе представлены назревание восточного кризиса, связанные с Западной Арменией проблемы, русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Сан-Стефанский мир, дипломатическое соперничество в период от Сан-Стефанского мира до Берлинского конгресса, Берлинский конгресс и другие вопросы. В монографии исследуются история армянского вопроса, ставшего с 70-х годов прошлого столетия объектом международной дипломатии, позиция великих держав и политика правящих кругов Турции в отношении армян. В книге показаны последовательная борьба за русскую ориентацию, переговоры западноармянских деятелей

в России об освобождении Западной Армении от султанского ига. Вторая книга Дж. Киракосяна является органическим продолжением первой. В ней освещены экспансия западных держав в Османской империи, место армянского вопроса в дипломатической борьбе и идеология освободительного движения западных армян, резкое ухудшение положений в Турции в период политики «зулума» и др. Значительное место уделено разоблачению проинок и ухищрений дипломатии великих держав в отношении Западной Армении.

Разоблачению политики великих держав в армянском вопросе посвящен объемистый сборник «Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики», Ереван, 1972 (на арм. яз.)²³, составленный Дж. С. Киракосяном и Р. Г. Савкяном под ред. Дж. Киракосяна.

В центре внимания армянских советских туркологов находились также вопросы турецкой экспансии в Россию и Закавказье. Этой проблеме посвящена монография Е. К. Саркисяна «Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны», Ереван, 1962²⁴; Ереван, 1964 (на арм. яз.). В ней исследуется внутреннее положение Османской империи накануне первой мировой войны, деятельность младотурецкой агентуры в Закавказье, вступление Османской империи в войну, Кавказский фронт в 1914—1917 гг., внутреннее положение империи в годы войны и ее агрессия в Закавказье в 1918 г., борьба закавказских народов с младотурецкими захватчиками, сущность агрессивной войны кемалистов на Кавказе и др. Отмечается, в частности, что несмотря на полуколониальное положение Османской империи, сама она была своеобразной колониальной державой, жестоко угнетавшей подпавшие под ее иго народы. Несмотря на зависимость от империалистических стран, она проводила самостоятельную политику, ловко лавируя между ними. Пользуясь империалистическими противоречиями, она стремилась к захвату Кавказа и населенных мусульманами районов Российской империи. Правительство младотурок, официально провозгласившее пантюркизм государственной политикой, стремилось осуществить свои пантюркистские планы и вовлекло Турцию в мировую войну.

Этот вывод противопоставляется нашедшему место в литературе мнению о том, будто бы Германия, вопреки желанию Турции, принудила ее участвовать в войне на стороне германо-австрийского блока. На деле же младотурецкие правители, заключившие 2 августа 1914 г. тайный договор с Германией, направленный против России, руководствовались собственными агрессивными планами.

Освещая вопрос о германской военной миссии Лимана фон

Сандерса, автор приходит к заключению, что отправку германской военной миссии следует объяснить прежде всего политической млатотурок, которые полагали, что, опираясь на германский империализм, они легче добьются осуществления своих экспансионистских планов.

Автор, впервые показывая истоки политики геноцида, подчеркивает, что физическое истребление армян в 1915—1916 гг. было следствием не фанатизма мусульман, а плана, выработанного млатотурецкой кликой еще накануне первой мировой войны и непосредственно связанного с ее захватническими пантюркистскими устремлениями в отношении Кавказа, Поволжья, Крыма, Средней Азии. По мнению млатотурецких захватчиков, главной помехой в достижении этой агрессивной цели являлся армянский народ, «вклинившийся» в мусульманский мир, мешавший «объединению» с Османской империей мусульманского населения Закавказья и других районов России. По расчетам млатотурецких вожakov, истребление армянского населения Западной Армении и Киликии должно было устранить удобный предлог для вмешательства держав Антанты во внутренние дела Турции.

В исследовании подвергаются критике млатотурецкие государственные деятели и турецкие историки, которые в своих мемуарах и «научных» трудах фальсифицируют известные исторические события, пытаются скрыть от мировой общественности обстоятельства геноцида западных армян. В монографии также выявлены причины поражения Османской империи в войне. Ее крах рассматривается как прогрессивное явление для балканских и арабских народов, окончательно освободившихся от феодально-деспотического, ассимиляторского турецкого гнета. Именно в связи с уничтожением турецкого господства возникли благоприятные условия для создания суверенных арабских государств.

Внешнеполитическим отношениям Османской империи с соседними государствами посвящена монография проф. В. А. Байбуртия «Турецко-иранские отношения. 1900—1914», Ереван, 1974 (на арм. яз.) Исследователь вскрывает агрессивную сущность внешней политики млатотурецкой клики в годы, предшествовавшие мировой войне. Автор показывает, что, несмотря на полуколониальное положение Османской империи, она совместно с империалистическими державами стремилась принять участие в разделе Ирана и порабощении его народа, и прослеживает основные моменты военно-политической и дипломатической деятельности турецкой реакции в отношении Иранского Азербайджана, Курдистана и Закавказья, выявляет формы и методы проникновения Турции в Иран. В. Байбуртия показывает, что иранская революция была разгромлена не только совместными усилиями империалистической Англии и царской России и внутренней иран-

ской реакции, но и в результате осуществления турецкими правящими кругами военной интервенции—обстоятельство, которое игнорировалось как советской, так и зарубежной историографией. Другой важной задачей исследования стало освещение освободительного движения иранских народов против турецких захватчиков.

К периоду кануна первой мировой войны относится и монография А. С. Аветяна «Германский империализм на Ближнем Востоке», М., 1966 г. На основе преимущественно немецких источников автор показывает, как лихорадочно готовился германский империализм к схватке за передел мира. Одним из важных театров будущих военных сражений против Англии и России Германия считала Ближний Восток. В работе анализируется деятельность миссии Лимана фон Сандерса в Турции, борьба великих держав за господствующие позиции в Османской империи, рассматриваются различные аспекты ближневосточной политики кайзеровской Германии накануне войны.

В монографии проф. Дж. С. Киракосяна «Западная Армения в годы первой мировой войны», Ереван, 1965 (на арм. яз.)⁵⁶; Ереван, 1971 (на рус. яз.), показано бесправное положение нетурецких народов Османской империи, внешнеполитическое поражение Турции, подъем национально-освободительного движения, позиция армянских партий в условиях младотурецкого режима, политику отуречивания, как средство спасения Османской империи от краха. Освещаются балканский кризис 1912—1913 гг., обострение восточного вопроса, реформы в Западной Армении, экспансия германского империализма в Османской империи, германо-турецкий военный союз, вступление Турции в войну и др. Подробно останавливаясь на истории геноцида западных армян 1915 г., Дж. Киракосян разоблачает попытку турецких погромщиков, которые пытались скрыть от мировой общественности свою преступную программу. В исследовании особо отмечено соучастие мирового империализма в преступлениях турецких погромщиков.

Большим вкладом в раскрытие подлинной картины трагедии западных армян явилось издание сборника документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи», составленного М. Г. Нерсисяном и Р. Г. Саакяном под редакцией проф. М. Г. Нерсисяна, (Ереван, 1966; второе, дополненное издание—Ереван, 1982 г.). Сборник состоит из двух разделов—«Резня армян при султানে Абдул-Гамиде (1876—1908 гг.) и «Массовое уничтожение армян младотурками (1909—1918 гг.)». Приведенные в сборнике достоверные документы и материалы из разноязычных источников, правдиво изображают страшную картину истребления армян в Османской империи в конце XIX—начале XX вв. и, в частности, в годы первой мировой войны, когда в результате кровавых зло-

деяний младотурецких погромщиков погибло полтора миллиона армян и была опустошена вся Западная Армения.

Положение западных армян освещается в работах²⁶ А. М. Мнацаканяна, В. А. Парсамяна, А. А. Есяна, М. В. Арзуманяна, А. М. Погосяна, А. О. Арутюняна, С. М. Акопина, А. Г. Туршина, С. Степняна, Х. А. Бадаляна и др.

Туркологи Советской Армении изучали влияние Октябрьской революции на национальную войну Турции и установление советско-турецких дипломатических отношений. Этим вопросам посвящена, в частности, работа Е. К. Свиркяна «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1921», Ереван, 1958²⁷, в которой опровергается мнение о том, что началом национальной войны в Турции следует считать 19 мая 1919 года, т. е. день приезда Мустафы Кемали в Анатолию, в Самсун. В книге показывается, что после Октябрьской революции, задолго до начала деятельности Мустафы Кемали, разгорелась борьба народных масс против стран Антанты и местного феодального гнета. Изменявшаяся после Октябрьской революции международная обстановка имела особое значение для Турции. В работе вскрывается буржуазно-националистическая сущность кемалистов и их агрессивная политика в отношении Закавказья. В ней критикуются туркофильские концепции ряда ученых, идеализирующих кемалистское движение и самого Кемали.

В монографиях²⁸ академиков АН Армянской ССР Г. Б. Гарибджаняна, Г. А. Галояна и профессоров М. В. Арзуманяна и Л. А. Хуршудяна анализируются декрет правительства Советской России «О Турецкой Армении», кемалистская агрессия в Закавказье, турецко-армянская война осенью 1920 г. и Александропольский договор, советско-турецкие переговоры летом 1920 г. и в феврале-марте 1921 г., московский договор от 16 марта 1921 г. и др.

Наши исследователи разрабатывали также вопросы внешней политики кемалистской Турции. Этому вопросу посвящена монография Р. Г. Саакяна «Турецко-французские отношения и Киликия в 1919—1921 гг.», Ереван, 1970, (на арм. яз.²⁹, резюме на рус. и фр. яз). Автор раскрывает подлинную суть политики французских империалистов в отношении киликийских армян и политики кемалистов в начале национальной войны, рассматривает программы по армянскому вопросу, принятые на Эрзерумском и Сивасском конгрессах в июле-сентябре 1919 г. Показывая соперничество между Францией и Англией в турецком вопросе, Р. Саакян подчеркивает, что французская дипломатия предприняла ряд шагов с тем, чтобы проводить здесь самостоятельную линию. Уже в конце 1919 г. была сделана первая попытка тайне от Англии до-

говориться с кемалистами. Именно с этой целью ездил в Сивас верховный комиссар в Сирии и Киликии Ф. Жорж-Пико, ведший в качестве представителя французского правительства переговоры с Мустафой Кемалем. Пико и Кемаль составили проект соглашения, по которому Франция обязывалась вернуть Киликию Турции и гарантировала неделимость последней. «Миссия Жоржа-Пико,—заключает автор монографии,—явилась первым шагом на пути франко-кемалистского дипломатического зондажа, приведшего к заключению в 1921 г. Анкарского договора».

В книге детально разбирается Анкарский договор, раскрывается политика французских правящих кругов и кемалистского правительства в Киликии, анализируются причины, побудившие кемалистов начать национальную войну не на западном фронте—против греков, а в Киликии—против французов. Проанализировав национальный состав населения Киликии, автор вскрывает шовинистическую, погромную политику кемалистов, в результате которой в Мараше, Хаджине, Урфе, Айнтабе, Зейтуне было вырезано более 20 тысяч армян. Попытки отдельных туркологов умолчать об этих событиях или представить их в виде эпизода национально-освободительной борьбы лишены каких бы то ни было оснований. Разбой в Киликии выявил преимущество национальной политики младотурок и кемалистов, показал, что последние в новых условиях продолжают линию своих предшественников.

Большое внимание уделяется вопросам турецкой историографии.

Разоблачению турецких фальсификаторов истории был посвящен доклад акад. М. Г. Нерсисяна, прочитанный на объединенной сессии Академии наук СССР и Академий наук закавказских республик по общественным наукам в Баку в апреле 1954 г.²⁰ Турецкие фальсификаторы, отмечал М. Г. Нерсисян, уделяют немало времени вопросам этногенеза народов Закавказья. Особую активность проявляют бывший премьер-министр, профессор истории Шемседдин Гюналтай, бывший председатель партии Миллет проф. Хикмет Байюр, один из идеологов пантюркизма Зеки Велди Тоган и др. В своих исторических «исследованиях» они объявляют турками все народы Кавказа. Хикмет Байюр в многотомном труде «История турецкой революции» пишет, что армянский народ принадлежит к «турецкой расе... армяне, подобно альпийцам Европы, составляют одну из ветвей турецкой расы». Турецкие фальсификаторы объявляют турками все древнейшие народы Ближнего Востока и Закавказья. М. Г. Нерсисян отметил на сессии, что Шемседдин Гюналтай в работе «Ближний Восток» утверждает, будто хетты, субары, урартийцы и мидийцы были турецкими племенами. Этим сногшибательным «открытием» Гю-

налтай и его коллеги предрешают и вопрос этногенеза закавказских народов, ибо если хетты, субары, урартийцы и мидийцы, эти действительные предки народов Закавказья, являются турецкими племенами, то, следовательно, и грузинский, армянский и другие народы Закавказья также являются турецкими. М. Г. Нерсисян привел выдержку из газеты «Ван сеси», издаваемой в городе Ване, гласящую, что урартское государство было якобы турецким, а урарты были истинными турками. Далее докладчик разоблачил турецких фальсификаторов, заявляющих, будто турки создали китайскую, египетскую, древнегреческую, древнеперсидскую, европейскую и другие культуры. Почти все древние народы, согласно «Тариху», являются турецкими. В докладе М. Г. Нерсисяна говорилось и об идеализации турецкими фальсификаторами кровавого султанского господства над покоренными народами, якобы принесшего им «мир, счастье, и свободу».

Этой же проблеме посвящены и другие работы. В книге Е. К. Саркисяна и Р. Г. Саакяна «Фальсификация истории армянского народа нового времени в турецкой историографии», Ереван, 1963 (на арм. яз.³¹; в 1965 г. издана на английском языке в США)³² на основе критического анализа работ турецких авторов, опубликованных в Турции, а также в США, Англии, Франции и ФРГ, разоблачена тенденциозность турецких авторов в освещении истории армянского народа, подвергнуто критике пантюркистское направление в турецкой историографии, оправдывающее политику угнетения и порабощения народов. В работе показано, что буржуазная турецкая историография руководствуется махрово-шовинистической, пантюркистской концепцией, разработанной основателями «Общества турецкой истории» (Türk tarih kurumu). Реакционные турецкие историки в духе тюркизма (Türkçülük) издали множество работ, фальсифицирующих не только историю Турции, но и всемирную историю. В интерпретации турецких историков Шемсетдина Гюналтая, Хикмета Байюра, Узунчарчыла, Энвера Зия Карала, Зия Кара Мурсала, Сюгала Энвера, Данишменда Исмаила Гами, Эмина Октая, Эсада Урса и др. история Турции начинается не в XII в., как это было в действительности, а с незапамятных времен. Делается это для того, чтобы показать, будто турецкий народ—древнейший народ в мире, будто с него и начинается мировая цивилизация. С точки зрения турецких ученых, история всех известных тюрко-татарских народов должна войти в турецкую историю как составная ее часть. Фальсифицируя многовековую историю армянского народа и его борьбы с турецкими угнетателями, реакционные турецкие историки утверждают, что армяне якобы никогда не имели своей страны и государственности, а сведения о геноциде имеют мифический характер.

В работе разоблачается сфабрикованная турецкими историками статистика, показывающая численность армян в армянских вилайетах, и лживые утверждения, будто, начиная со времен султана Мехмеда II Завоевателя, армяне жили в Турции в наилучших социально-экономических условиях, имели широкие права, пользовались многими привилегиями и были преданы турецкому правительству. Цель этой фальсификации — показать, что до второй половины XIX в. армяне не боролись за свое освобождение, а следовательно, не было и армянского вопроса. Турецкие фальсификаторы отрицают резню 90-х гг. XIX в., унесшую жизнь 300 тысяч армян, и геноцид 1915—1916 гг., приведший к тому, что в Западной Армении не осталось коренного населения.

В книге Р. Г. Саакяна «Антинаучное освещение истории советско-турецких отношений в современной турецкой историографии», Ереван, 1964 (на арм. яз.) анализируются работы турецких историков, политических, государственных и военных деятелей, показано, что основные вопросы советско-турецких отношений освещаются в современной турецкой историографии тенденциозно, с антинаучных позиций. Турецкие фальсификаторы утверждают, будто в 1920—1922 гг. Советская Россия больше, чем Турция, нуждалась в установлении дружественных отношений, умаляют значение материальной и моральной помощи, которую оказывал советский народ Турции в критические дни ее национальной войны, затушевывают разницу между политикой царизма и политикой Советского государства.

В книге М. К. Зулаляна «Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии» (Ереван, 1970 г.)³⁹ подвергаются критическому анализу извращения и фальсификация истории армянского народа. Вопросы арменоведения, пишет автор, занимают современных турецких историков преимущественно в одном аспекте — они игнорируют исторические факты и представляют их в кривом зеркале пантюркизма. Эсат Урас, Ф. Кырзыоглу, З. Тоган, С. Кочаш и др. стремятся приписать туркам особую роль в мировой истории. Особые усилия они прилагают, чтобы фальсифицировать историю народов, некогда находившихся под владычеством Османской империи, — румын, болгар, греков, арабов и др. Искажая общеизвестные исторические факты, турецкие историки утверждают, будто «каждая нация проявляла желание приписать себе эту землю — Восточную Анатолию. Армяне также претендуют считаться аборигенами большей части Восточной Анатолии, чтобы получить право на политическую историю и культуру этой страны, а при случае и право заявлять, что ими были основаны царства и что они длительное время являлись господствующим элементом в местностях, называемых Арменией». Зулалян приводит следующую выдержку

из книги Кырзыоглу: «Этот мой труд является ответом на ту политическую пропаганду, которую ведет с 1945 г. большевистская Россия. Целью этой пропаганды было отнять у нас Карс и Ардаган». «Книга,—продолжает Кырзыоглу,—направлена против тех армянских и грузинских ученых, которые настаивают на каких-то своих «исторических правах» в отношении этого края». Цель турецкого фальсификатора-пантюриста—доказать, будто турки—aborигены Малой Азии и проживали здесь со времен палеолита. С помощью большого фактического материала М. К. Зулалян раскрывает полную несостоятельность «научных» утверждений реакционных турецких историков, следующих в фарватере пантюристской идеологии.

В научно-исследовательских планах армянских туркологов определенное место занимает проблема национальных меньшинств в Турции. Назовем в этой связи монографию С. С. Аванесова «Положение национальных меньшинств в Турции», Ереван, 1963 г. Современные турецкие историки не пишут о положении национальных меньшинств в своей стране, совершенно очевидно стремясь предать забвению этот вопрос. В работе проанализирована политика правящих кругов Турции в отношении национальных меньшинств с 1920 г. до свержения реакционной клики Баяра-Мендереса. Исследуется курдская проблема, подробно описывается положение армянского населения и погром греков и армян в Стамбуле 6—7 сентября 1955 г.

В работе Е. К. Саркисяна «Положение трудящихся масс в современной Турции», Ереван, 1955 г.³⁴, показано положение трудящихся после прихода к власти кемалистов, дана оценка национальной войны 1919—1923 гг., раскрыта политика кемалистского правительства в курдском вопросе, освещено обнищание трудящихся масс в связи с усилением экспансии американского империализма в Турции после второй мировой войны и их борьба за свои права, проанализированы сущность этатизма, состояние промышленности, сельского хозяйства, финансов, торговли.

Проблемам внешнеэкономических связей Турции посвящена работа Р. П. Кондакчяна «Вторжение западногерманских монополий в Турцию», Ереван, 1963 (на арм. яз.)³⁵. Автор рассматривает торговые, экономические и технические связи ФРГ и Турции, идеологическую экспансию западногерманских реваншистов в Турции, роль иностранного капитала в экономике Турции, выявляет отрицательные последствия экспансии западногерманских монополий для торговли, экономики и финансов.

Определенное место в исследованиях наших туркологов занимают вопросы внутренней политики Турции. В работах Р. П. Кондакчяна «Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны», Ереван, 1978³⁶, «Внутренняя политика Турции в

1950—1960 гг.»²⁷, на основе большого фактического материала, извлеченного из документов, монографий турецких и иностранных авторов и турецкой периодики, освещается экономическая политика турецких правящих классов, милитаризация формально «нейтральной» Турции и ее пагубные последствия на внутреннюю жизнь страны в годы войны, а также политика турецкого правительства в отношении национальных меньшинств. Поворот от относительной демократии к махровой реакции в годы войны автор показывает на примерах внутренней политики правящих кругов. Автор анализирует пропаганду идеологии пантюркизма и пантюркистское движение, идеологическое проникновение фашистской Германии в Турцию, пантюркистскую деятельность мусульманской белозмиграции, приводит материалы о государственно-капиталистических мероприятиях в годы войны, указывает причины «этицизации» ряда промышленных предприятий, освещает особенности развития государственного капитализма в тесном взаимодействии с частным предпринимательством.

В другой работе Р. П. Кондакчян обращается к внутренней политике правительства Демократической партии и отмечает, что причиной краха этой партии была ее антинародная и антинациональная внутренняя и внешняя политика, превратившая Турцию в военнополитический плацдарм американского империализма на Ближнем Востоке. Этот процесс сопровождался перерождением части турецкой национальной буржуазии в реакционную силу, препятствовавшую прогрессивному развитию Турции.

Перу Р. П. Кондакчяна принадлежит также монография «Турция: внутренняя политика и ислам» (Ереван, 1983), в которой освещены место и роль ислама и мусульманского духовенства в общественно-политическом устройстве Османской империи, положение христианских национальных меньшинств, политика зарождавшейся националистической турецкой буржуазии в вопросах ислама и духовенства в период национальной войны против держав Антанты, а также после провозглашения республики.

Исследованы причины усиления влияния идеологии ислама и позиций духовенства во внутриполитической жизни страны в послевоенные годы, злоупотребление влиянием последних в качестве средства политики религиозного антикоммунизма и в межпартийной борьбе.

В монографии рассмотрены также активизация деятельности различных орденов и сект, разжигание религиозного фанатизма.

Отдельно рассмотрен вопрос шиизма и шиитов в Турции, обострение религиозно-национальных противоречий между суннитами и шиитами.

Работа написана на богатейшем фактическом материале, с использованием специальной литературы на армянском, русском

и западноевропейских языках и турецкой печати. Она охватывает период до прихода к власти военно-политического руководства Турции в сентябре 1980 г.

Внешнеполитическим вопросам посвящена монография Р. С. Корхмазян «Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны» (Ереван, 1977)³⁶, в которой освещены турецко-германские отношения в 1941—1943 гг. и в этой связи проанализированы захватнические планы Турции в отношении Кавказа, Крыма, пантюркистская пропаганда в Турции, противоречия в захватнических планах Турции и Германии на Кавказе, лабиринты Турции между странами «оси» и союзниками по антигитлеровской коалиции. Автор устанавливает, что, вынашивая свои антисоветские планы, турецкое правительство всячески стремилось содействовать заключению сепаратного мира между владыками державами и фашистской Германией и в зависимости от ситуации склонялось к сближению то с одной, то с другой страной, преследуя свои собственные цели.

Туркологи Советской Армении исследуют и другие проблемы. В монографии Р. С. Даниелян «Просвещение в Турции в 1923—1960 гг.», Ереван, 1971 г. на основе турецких, западноевропейских и армянских источников рассмотрено состояние просвещения в республиканской Турции в связи с общественно-политическим развитием страны, показана классовая, антинародная сущность политики турецкой буржуазии в области просвещения и преемственность в ее проведении у сменявших друг друга буржуазно-помещичьих правительств.

Особое внимание армянские туркологи уделяют изучению турецких источников. Изданы «Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья» в четырех томах³⁷, составленных крупным туркологом А. Х. Сафрастяном. В эти сборники включены материалы, извлеченные ученым из трудов турецких хронистов, летописцев султанского двора, путешественников, историков XVI—первого десятилетия XX вв. Приведенные в сборниках источники содержат ценный материал, разоблачающий пантюркистскую фальсификацию истории Турции и Армении в работах современных турецких исследователей. В отличие от последних, которые не признают исторической Армении, средневековые турецкие историки и в их числе Кятыб Челеби, Джевет-паша и др. употребляют названия Великая Армения (Büyük Armenya) и Малая Армения (Küçük Armenya). Автор XVIII в. Джевет-паша писал: «До начала XIII в. Армения состояла из Великой Армении и Малой Армении. Сельджукские султаны захватывают Армению, уничтожают правителей и превращают их в райя. Позже Армению завоевывает Османское государство».

Приведенные средневековыми турецкими летописцами факты

опровергают ложные утверждения современных турецких историков, будто в Османской империи немусульмане всегда были «равноправны» с мусульманами и «пользовались полной свободой». Несостоятельность этих утверждений опровергает летописец XVIII в. Васыф, который в работе «Тарихи-Васыф» писал: «Проживающие в Стамбуле армяне, греки и евреи своей одеждой нарушали порядок». В связи с этим армянскому и греческому патриархам, а также главе еврейского духовенства сообщили падишахский ферман «о приведении в порядок одежды» и предупредили, что «нарушители будут строго наказаны». А Джемдет-паша, касаясь в своем многотомном труде событий 1818 г. в Ване и Диварбекире, приводит характерные факты, показывающие грязные, корыстные цели высокопоставленных должностных лиц в отношении коренного населения Западной Армении. Так, начальник крепости Вана Дервиш-паша подстрекал курдские племена разграбить местность Буланик в районе Муша; мутасарыф Муша, подстрекавший курдов разграбить волость Адильджеваз Ванского вилайета, был одним из тех, о ком Джемдет говорит: «Должностные лица превращают в развалины падишахскую страну».

В этих фактах, отмечает А. Х. Сафрастян, кроется начало тех провокаций против армянского народа, которые в XIX в. были возведены в ранг государственной политики, имевшей целью использовать курдов в «разрешении» армянского вопроса.

Для наших туркологов и историков Западной Армении важным источником являются «Османские законы в Западной Армении (свод законов XVI—XVII вв.)». Перевод, предисловие и комментарии А. Х. Сафрастяна и М. К. Зулаляна (Ереван, 1964, на арм. яз.). Среди этих законов есть два документа, относящихся к истории Азербайджана и Грузии. Приводимые в сборнике документы четко обрисовывают формы землевладений в армянских вилайетах, турецкую налоговую систему и содержат факты прикрепления крестьян к земле.

Важным источником по истории Армении являются труды известного турецкого географа и историка XVII в. Кятиба Челаби. Двум из них—«Джихан-нюма» и «Фезлеке»—посвящена работа А. А. Папазяна, изданная в 1973 г. в Ереване на русском языке⁶⁰. Из обширного творческого наследия Кятиба Челаби данные об Армении содержатся главным образом именно в них. Более половины книги занимает перевод соответствующих глав «Джихан-нюма» и «Фезлеке» с комментариями. Текст памятника предварен предисловием, содержащим подробный анализ и историю изучения. Историческую ценность представляют сведения о ходе военных действий, о политике османов в восточных землях Малой Азии и об отношении турок к народам, населявшим эти земли.

Отдел туркологии Института востоковедения АН Армянской

СССР издал два турецких сборника из серии «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока» (т. V в 1970 г., т. X—в 1979 г.). Помещенные в сборниках статьи посвящены актуальным вопросам новой и новейшей истории Османской империи и республиканской Турции, а также проблемам экономики и языкознания. Отличительной особенностью туркологических сборников является актуальность исследованных проблем. Немало места уделено выявлению основных направлений идеологии и политики национализма в Турции. Значительное место уделено важным проблемам истории Западной Армении. В сборниках нашла отражение и историко-географическая тематика, в частности «Очерки армянской туркологии». Рассмотрены вопросы национально-освободительного движения курдского народа, а также армяно-курдских отношений.

Ереванский госуниверситет совместно с институтом востоковедения АН Армении издали в 1982 г. сборник научных трудов «Вопросы востоковедения» (вып. 1—2).

Туркологические кадры республики сосредоточены в основном в Институте востоковедения АН республики и на факультете востоковедения Ереванского госуниверситета. По своей научной подготовке они в состоянии и в дальнейшем вести плодотворную исследовательскую работу на высоком научном уровне, отвечающем современным требованиям востоковедческой науки.

Таким образом, советские армянские туркологи и специалисты по истории Западной Армении опубликовали монографические исследования по важнейшим, актуальным проблемам истории Турции. Содержащиеся ценные данные по истории Османской империи и республиканской Турции становятся достоянием туркологов нашей страны.

Ե. Ղ. ՍԱՐԿՍՅԱՆ

ՍՈՎԵՏԱԸՆԵ ԹՈՒՐԵԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄԱՌԹՅՈՒՆԻՑ

Ա մ ֆ ո փ ո լ մ

Հայ թուրքագիտությունը նոր թափ է ստանում Հայաստանում սովետական կարգերի հաղթանակից հետո. նախ՝ Երևանի նորաստեղծ պետական համալսարանում, այնուհետև՝ Հայաստանի գիտությունների ակադեմիայի պատմության ինստիտուտում, իսկ 1958 թ. հետո ԳԱ Արևելագիտության սեկտորում: Թուրքագիտության զարգացման համար նոր խթան հանդիսացավ 1971 թ. արևելագիտության սեկտորի քաղաքի

վրա ստեղծված Արևելագիտության ինստիտուտը՝ իր կարևոր թուրքագիտությունների բաժնով:

Սովետահայ թուրքագետների հրատարակած աշխատությունները կոլեկտիվ են ինչպես Սամանյան կայսրության միջնադարի և նոր շրջանի պատմության, այնպես էլ հանրագետական թուրքիայի կարևոր խնդիրների լուսարանմանը: Հոգովածու մշակված աշխատությունները ցույց են առնում, որ սովետահայ թուրքագետների ուսումնասիրության տեսադաշտում են հատկապես այն պարբերությունները, որոնք հետազոտության չեն արժանացել: Սովետական Միության թուրքագիտական մյուս կենտրոնների կողմից: Մեր թուրքագետների կողմից առաջ քաշված մի շարք տեսակետներ ընդունելություն են գտել ՍՍՀՄ ԳԱ Արևելագիտության ինստիտուտի հրատարակած աշխատություններում:

Սովետահայ թուրքագետների ուսումնասիրություններում մի շարք բարդ և խճճված հարցեր, հակասակ թուրքագիտական գրականության մեջ տեղ գտած չհիմնավորված տեսակետների, ստացել են նոր, գիտականորեն ճիշտ լուսարանում: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում թուրքական պատմագրության հարցերին, պատմագրություն, որը կեղծում ու կենդանություն է ինչպես համաշխարհային պատմությունը, այնպես էլ թուրք-ուսական, հայ-թուրքական, սովետա-թուրքական հարաբերությունների պատմությունը: Հայ թուրքագետների պլաններում առանձնակի տեղ են գրավում թուրքական սկզբնաղբյուրները գիտական շրջանառության մեջ դնելը: Հրատարակվել են թուրքական աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին մատենաշարի 4 հատորներ: Հրատարակված է նաև սամանյան օրենքների ժողովածուն, որտեղ մեկնարանվում են Արևմտյան Հայաստանում կիրառվող օրենքները և տիրող սոցիալ-տնտեսական ու քաղաքական հարաբերությունները:

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лео, Из прошлого, Тифлис, 1925 (на арм. яз.); его же, Идеология революции турецких армян, т. I, Париж, 1934; т. II, 1935 (на арм. яз.); его же, История Армении, т. III, кн. I, Ереван, 1969 (на арм. яз.).
- 2 Лео, т. III, с. 176.
- 3 Б. А. Бороян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, М.-Л., 1928, с. 363.
- 4 Там же, с. 368.
- 5 Там же, с. 428—429.
- 6 А. Г. Нооннигян, Налбандян и его время, т. I, Ереван, 1955; т. II, 1956 (на арм. яз.).

- 7 Там же, т. I, с. 366.
- 8 См. рец.: *Е. К. Саркисян, В. Мелаксетян*, Труд по истории национально-освободительной борьбы армянского народа.—«Вопросы истории», 1955, № 11; «Партазкан кник», журн. ЦК КП Армении, 1955, № 10 (на арм. яз.).
- 9 *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, с. 393.
- 10 *Р. П. Оломосян*, Национально-освободительное движение западных армян и Каринская организация «Пашткан Айреник», Ереван, 1965 (на арм. яз.).
- 11 См. рец.: *А. Нозимисян, А. С. Аласян*, Освободительные движения в Западной Армении в XVII в.—«Историко-филологический журнал». (ИФЖ), 1963, № 1 (на арм. яз.).
- 12 См. рец.: *Е. К. Саркисян*, Весомый труд.—«Гракан терт», 23. VII—81, (на арм. яз.); *В. Маргаросян и А. Угуйжан, М. К. Зумалаян*, Западная Армения в XVI—XVII вв.—«Вестник общества наук» АН АрмССР, № 7, 1981 (на арм. яз.); *А. Асоярян*, Ценная монография.—«Гракан ашхар», 15.V.1981, (на арм. яз.); *В. А. Парсоян*, Ценная работа.—«Айреник дзайн», 25.IV.1981 г.).
- 13 См. рец.: *Е. К. Саркисян*, Монография о Западной Армении.—«Вестник архивов Армении», 1968, № 1; *Варданян*, Ценное исследование.—газ. «Советакан Айастан», 17.XI.1967 (на арм. яз.); *Дж. Киракосян*, Ценное исследование.—«Советакан граканутюн», № 4, 1968 (на арм. яз.).
- 14 См. рец.: *Е. К. Саркисян*, Серьезная, весомая работа.—«Гракан терт», 3.VII.1981, (на арм. яз.).
- 15 См. рец.: *А. Казарян*, Ценная монография.—«Ленинцы углов», теорет. и полит. журн. ЦК КП Армении, № 6, 1959 (на арм. яз.).
- 16 См. рец.: *Е. К. Саркисян, А. С. Алабян*, Аграрные отношения в Западной Армении.—ИФЖ, № 3, 1965 (на арм. яз.).
- 17 *Р. П. Комдакчян*, Новое исследование о Западной Армении.—«Вестник архивов Армении», № 2, 1981 (на арм. яз.).
- 18 См. рец.: *Л. Завалюва* *Е. К. Саркисян*, Политика османского правительства в Западной Армении и державы...— «Etudes balkaniques», № 1, 1974. *Académie Bulgare de science: Дж. Киракосян*, Удачные публикации.—«Ленинцы углов», № 6, 1979; *Р. Погосян*, Новая ценная монография.—«Голос родины», 23.V.1973 (на арм. яз.); *В. Парсоян*, Новый вклад в советское постановление.—«Мир кинг», 15.6.1973; *Г. Б. Гарибджанян*, Ценные работы по Западной Армении (журн. «Советакан граканутюн», № 4, 1974).
- 19 *В. А. Баббурган, О. Г. Инджикян*, Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977.—«Известия общества наук» АН АрмССР, № 6, 1977 (на арм. яз.); *Н. Салонян, Р. Кондакчян*, Народы Азии и Африки, № 2, 1978; *Р. С. Кондакчян, О. Г. Инджикян*, Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977.—ИФЖ, № 2, 1979; *Н. Тодоров*, Библиографические заметки.—«Etudes balkaniques», № 3, 1977; *Р. Кондакчян, О. Г. Инджикян*, Буржуазия Османской империи. «Советакан Айастан», 5. VIII, 1977 (на арм. яз.).
- 20 См. рец.: *Р. Кондакчян*, Ценная монография.—газ. «Коммунист», 13.VII—1979; *Ш. Татурян*, Ценная работа.—«Айреники дзайн», 21.II.1979); *В. Баббурган, Дж. Киракосян*, Буржуазия дипломатии и Армения.—«Известия общества наук» АН АрмССР, № 2, 1979.

21. В. Гавордан, Д. Кирикосян, Буржуазная дипломатия в Армении.—«Народы Азии и Африки», № 4, 1981.
- 22 Р. Кондобякян, Фундаментальное исследование.—газ. «Коммунист», 23.VIII—1980; С. Хамзабян, Уроки истории.—«Гражданский труд», 27.VI, 1981.
- 23 М. Г. Гавордан, Армения в документах и международной дипломатии и советской внешней политике.—«Новая и новейшая история», № 1, 1974.
- 24 См. рец.: Г. Б. Гарибджанян, Ценное научное исследование.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 3, 1963; Дж. Кирикосян, Важное исследование («Ленинские углы», № 2, 1963; Н. Гевикян (М. Г. Нерсисян), Е. К. Саркисян, Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны.—ИФЖ, № 2, 1963; О. Г. Инджиян, Главное достоинство—научность.—газ. «Коммунист», 23.3.1963; С. Варданян, Ценная монография.—газ. «Сибсталин Врестая», 21.5.1963; В. Меликсетян, Книга разоблачает.—газ. «Светотакан АЯстан», 9.4.1963; эта же рец. переиздана в газ. «Арадж», Вейрут, 2.VI.1963.
- 25 См. рец.: Е. К. Саркисян, Ценное исследование.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 7, 1965; В. Казимян Историческая судьба западных армян в свете новых научных исследований.—«Вестник архивов Армении», 1965, № 2; эта же книга вышла на русском языке в 1971 г. См. рец.: Р. Г. Саакян, А. Арутюнян.—«Народы Азии и Африки», № 2, 1975.
- 26 А. Н. Мамасханян, Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли, Ереван, 1965 (на арм. яз.); В. А. Парсисян, История армянского народа (1901—1917), Ереван, 1967 (на арм. яз.); А. А. Есаян, «Армянский вопрос» и международная дипломатия, Ереван, 1965 (на арм. яз.); М. В. Арутюнян, Армяне в 1914—1917, Ереван, 1969 (на арм. яз.); его же, От бедствия к возрождению, Ереван, 1973, (на арм. яз.); А. М. Погосян, История Зейтуна, 1409—1921, Ереван, 1969 (на арм. яз.); А. О. Арутюнян, Кавказский фронт, 1914—1917 гг., Ереван, 1971; С. М. Ахоян, Западная Армения в планах империалистических держав, Ереван, 1967; А. Г. Туршян, Героическое сражение под Сардарябатом, Ереван, 1969 (на арм. яз.); С. Степанян, Армяне в политике империалистической Германии, Ереван, 1975; Х. А. Бабалян, Турецко-германская экспансия в Закавказье, 1914—1918, Ереван, 1980; его же, Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. (документы и материалы), Ереван, 1979.
- 27 См. рец.: Р. Саакян, Интересное исследование.—газ. «Коммунист», 14.5.1969.
- 28 Г. Б. Гарибджанян, Ленин в Закавказье, т. III (1917—1924), Ереван, 1975 (на арм. яз.); Г. А. Галоян, Борьба за советскую власть в Армении, М., 1967; его же, Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии, М., 1960; М. В. Арутюнян, От бедствия к возрождению, Ереван, 1973, (на арм. яз.); Л. А. Хуршудян, Советская Россия и армянский вопрос, Ереван, 1977 (на арм. яз.).
- 29 См. рец.: Дж. Кирикосян, Факты истории.—«Ленинские углы», № 10, 1971; Р. Кондобякян.—«Архивники дзайн», 25.5.1971.
- 30 М. Г. Нерсисян, Фальсификация истории народов Закавказья в современной

американско-английской и турецкой ревизионной историографии.—«Труды объедин. научн. сессии по обществ. наукам, Баку, 1957.

- 31 См. рец.: С. Багдасарян, Цинкая работа.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 7, 1963 (на арм. яз.); *ого же*, Турецкие историки похваливают пантюркизм.—«Граван терт», 12.VII.1963 (на арм. яз.); В. Мелисетян, Фальсификаторы истории.—«Ереван», 13. VII.1963, (на арм. яз.); Г. Тертедян, Когда турки фальсифицируют историю.—«Ярадж граван» Бейрут, IX.1963 (на арм. яз.); Фальсификация новой истории армянского народа в турецкой историографии—ред. статья «Зартонк», Бейрут, 6.10.1973, (на арм. яз.); *Воник*, Турецкие фальсификаторы истории армянского народа.—«Арарат», 11.X.1963, Бейрут (на арм. яз.); См. также: газ. Ашхар, Париж, № 165, 166, 1963, (на арм. яз.).
Е. К. Sarkisian, P. G. Sahakian, Vital Issues in Modern Armenian History, Watertown, 1965. См. рец. Iwv Ternon, Les Arméniens, Histoire d'un genocide, Paris, 1977, p. 222.
- 33 См. рец.: газ. «Севан» Вуэнос-Айрес, 18.IX.1964.
- 34 См. рец.: В. Авакян, Книга о положении трудящихся масс в Турции.—«Граван терт», 16.IX.1955; Р. Кондачян, Положение трудящихся масс в современной Турции.—газ. «Коммунист», 28.8.1955.
- 35 См. рец.: А. С. Авакян,—«Народы Азии и Африки», № 3, 1964.
- 36 См. рец.: Ю. Н. Розалин, Р. Кондачян, Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны.—«Народы Азии и Африки», № 5, 1979; М. Ованнисян, рец. на кн. Кондачяна.—«Вестник ЕГУ», № 3, 1978; Дж. Кирикосам, Удачные публикации.—«Ленинские утнов», № 6, 1979.
- 37 См. «Страны и народы Ближнего Востока», т. V, Ереван, 1970, с. 5—140. (на рус. яз.).
- 38 См. рец.: Дж. Кирикосам, Научные публикации.—«Ленинские утнов», № 6, 1979.
- 39 «Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья: Ереван, т. I, 1961; т. II, 1964; т. III, 1967; т. IV, 1972. Приведенные в четырех томах тексты переведены с турецких оригиналов А. Х. Сафрастяном—с предисловием, комментариями, терминологическим словарем. Часть переводов четвертого тома сделал Г. О. Сантураджян.
- 40 См. рец.: Г. Г. Аласамид, А. А. Пачилян, «Джихан-иям» и «Фезлек» Кятиби Челеби как источник по истории Армении («Известия» АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и искусства, Тбилиси, № 3, 1975); Р. Кондачян, «Джихан-иям» и «Фезлек» Кятиби Челеби как источник по истории Армении XVII в.—«Айренки дзайн», 13.3.1975.

Ի Ո Վ Ա Ն Գ Ա Կ Ո Ւ Թ Յ Ո Ւ Ն

Հ ա ղ Վ ա ճ Ե ր

Թ. Գ. Ստեփանյան — Չքանտիստիկ և Քուրքիան լուսանում (զինվածագրասական պատմություն շուրջ)	5
Ս. Ս. Դանիելյան — Կրտսի տեղը Քուրքիայի կառավարող շրջանների քաղաքականությունում լուսագրություն ընդգրկումով (1923—1925 թթ.)	24
Մ. Յ. Բաղդյան — Քանգիմաթյան բարեփոխությունների լուսարևանումը Քուրքիան պատմագրություն մեջ	39

Հ ա զ ո ս ղ ա լ մ Ե ր

Հ. Հ. Գալստյան — Արևմտյան Հայաստանի ընկալություն ազգային կազմը ըստ վիսուսի թիկի վիճակագրություն	29
Ա. Հ. Փափաղյան — Քուրքիան պետական ու քաղաքական գործիչները արևմտահայության մասին	59
Մ. Քաղչյան (Ստամբուլ) — Հայկական տպագրությունը Օսմանյան կայսրությունում և Հայերու նպաստը Քուրքիան տպագրական արվեստին	98
Հերման Պոլց (ՄԻՀ), Հ. Ս. Ասիմաղյան — Դոկտոր Բոհաններ և կոմիտեի նյանքի էջերից	116
Խ. Պ. Ամիրյան — Հայերենից փոխառյալ բաները Քուրքերենում	143

Մեկագրական ստամբուլություններ

Ս. Վ. Սեփանյան — Քուրքիայի տպագրական գործունեության ներքին սեփական և արտաքին-քաղաքական կյանքում (1945—1950 թթ.)	183
---	-----

Հայ քառագրությունների պատմությունից

Խ. Ղ. Մարգարյան — Սովետահայ Քուրքագրությունների պատմությունից	248
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Р. Г. Савран—Франция и Турция в Лозанне (и дипломатической истории)	5
Р. Х. Даммелям—Место религии в политике правящих кругов Турции в области просвещения (1923—1965 гг.)	24
М. Т. Боджоян—Реформы танзимата в освещении турецкой историографии	39

Сообщения

А. А. Галстян—Национальный состав населения Западной Армении по статистике В. Кыло	59
А. А. Пашаян—Турецкие государственные и политические документы о западных армянах	96
М. Туделойджян (Стамбул)—Армянское книгопечатание в Османской империи и запад армян в развитии турецкой печати	116
Герман Голоц (ГДР), Р. С. Кормалян—Доктор Иоганнес Лепсиус. Страницы жизни	143
Х. П. Ажарян—Армянские взаимоотношения в современном турецком языке	165

Монографические исследования

С. В. Гвелян—Национальная буржуазия Турции в экономической и социально-политической жизни страны (1945—1950 гг.)	248

Из истории армянской туркологии

Е. К. Саркисян—Из истории туркологии в Советской Армении.	248

ԿԻՐԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ ԱՐԽԻՎԵԼՔԻ ԵՐԿՐՆԵՐ ՈՒ ԺՈՂՈՎՈՒՐՆԵՐ

XII, ՔՈՒՐՔԻԱ

Հրատ. խմբագրիչներ Ռ. Ա. ՔԱՂԳՅԱՆՔԱՆ, Ա. Հ. ԳՅՎՈՐԳՅԱՆ
Գեղ. խմբագրիչ Գ. Ն. ԳՈՐԾԱԿԱՆՔԱՆ
Տեխ. խմբագրիչ Հ. Մ. ՄԱՆՈՒՉԱՆՔԱՆ
Սրբագրիչներ Ա. Ա. ՄՈՎՍԻՍՅԱՆ, Է. Գ. ՎԱՍԻՋԱՆ

ИБ № 766

Հանձնված է շտաբային 25.05.1984թ.։ Ստորագրված է ապրիլ. 22.04.1985թ.։ ՎՅ 05150
Գաֆը 60x84¹/₂ թուղթ № 1: Յառախանյանի էրթի ուղարկման արտի ապագրություն:
Պայմ. 16.05 Համ., ապրիլ. 17,25 Համույ: Ներք. Համույ 16.05: Հրատ. հարձակով 17,16
Համույ: Տպարանի 2000: Հրատ. № 2187: Փառագիր № 524: Գրեչ 2 ս. 95 փուլ.:
Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24г.
ՀՍՍՀ ԳԱ Հրատարակչության ապարան, 378310, ք. Էջմիածին,
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

Вопросы описи рукописей
1881 г.

Вопросы описи

